

Книга природы

Предисловие

Время, говорят, разум даёт, но что с того, когда оно за нами и перед нами, а при нас его, вроде бы, и нет. Летит время незаметно: утро перетекает в день, день – в вечер, а вечер – в ночь. Чему суждено быть – того не миновать. Придёт ли когда-то твоё время?!

Время... Бесконечное протяжение действительности в каждый последующий момент, во всех направлениях, нескончаемое в своём ежесекундном рождении. Человек так же ежесекундно переживает его в своём сердце, не в силах это время измерить.

Непрерывно возникая из чего-то уже давно существующего, но не подлежащее описанию, оно одновременно исчезает и появляется, пребывает в себе всегда, оказываясь, на деле, только настоящим, и им, наверное, и является в своём кратковременном перевоплощении. Его невозможно охватить и постигнуть, обладая лишь незначительными способностями от природы, и в этой необъятности времени, может быть, заключена его чудодейственная суть и непостижимая глубина, в которой переживается нескончаемое движение, и не ощутить его – невозможно! Время – это замечательная космическая предопределённость, когда каждый миг переживаешь как неповторимый, и, замерев сердцем, летишь сквозь него в восхищённом забытии, воспринимая мир единым всеохватывающим потоком, безгранично расширяющим сознание.

Всё дело в том, что мы сами творим время, когда имеем нестигаемое терпение, отвагу и волю, как это происходит с временами года: каждое, имея своё лицо, в уготованное ему природой время уступает место другому, и так – суровую зиму сменяет красная весна, весну – отрадное лето, а лето – осень-душа. Всякому времени – своё заслуженное пространство и черёд, человек его не ищет, и должен принимать таким, какое оно есть.

Бывает так, что душа ожидает снегопадов, а как только они зачастили, она уже грустит о первых каплях, и это выказывает в человеке неудовлетворённость его собственной жизнью, непонимание того, что всему в жизни – своё время, и его необходимо принимать достойно и с радостью, как это происходит с нашими временами года. Но что поражает во все времена года больше всего, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

При этом каждому времени года присущи свои черты... Зима, например, имеет ровный, уверенный почерк. Ей не страшна никакая оттепель, пытающаяся опередить время.

Весна – самая доброжелательная пора, в ней – высшая откровенность природы, когда всё раздаётся, поёт и ширится, раскрывая её необозримую глубину.

Лето до предела насыщено жизнью, которая создаёт общее настроение удивительной радости и покоя, оно с наслаждением вторит каждому шороху

под ногами, птичьему возгласу, копошащимся вокруг запахам. Всё существующее в нём создано для того, чтобы подчеркнуть, выявить любую мелочь в отдельности во имя общего жизнетворчества, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается.

Осень же приносит ясность дальнего видения, что не отрывает от земли, а только приземляет и делает её более родной.

Уверенный в себе и открытый, очищенный и просветлённый устремляешься невольно ещё к какой-то неизведанной стороне этой удивительной жизни, что, может быть, вознесёт к такому чудесному времени, в котором всё ранее пережитое покажется лишь полузабытым отголоском бесконечно утраченного, но дорогого вселенского детства.

Как это обычно происходит весной, когда ты становишься восторженным апрелем, что прилетает на землю неведомым и прекрасным юношей, готовым всех обнять и осчастливить. Каждого касается он своим невидимым крылом, и каждый чувствует его проникновенное присутствие, становясь моложе.

Только один месяц продолжается это чудесное перевоплощение, но его вполне достаточно, чтобы летом ты в полную силу насладился роскошным июлем, а осенью с радостью ощутил себя умудрённым октябрём.

Пронизанный искрящимся морозным светом, своевольный январь тогда отзовётся в твоей душе сладостным предчувствием долгожданной, хотя и повторяющейся юности мира.

Времена года проходят сквозь нас, и каждое оставляет в душе или искристый налёт инея, вязко хрустящий от мороза, и приятно осеняющий её зимними ясными картинками, или вкрадчивый шорох опадающей листвы, навевающий тихую неизъяснимую грусть, либо роскошный жар середины лета с еле угадываемым в нём ароматом васильков и ромашек. Все времена года созданы для того, чтобы, научив человека хранить память об этой чудесной жизни, помочь ему ощутить на земле истинную свободу.

Люди не зря привыкли вкладывать в состояние природы собственные настроения и, сами того не замечая, наделяют неодушевлённые предметы и явления присущими себе свойствами. По нашему разумению, ветер должен быть щекаст, и он непременно дует, солнце не иначе, как ласкает своими лучами, резвый ручеек бежит меж камней, а дождь идёт. Человек, не утруждая себя необходимыми догадками, желает, чтобы всё было так, как он хочет. Разве это не пример, как природа помогает нам оставаться самими собой, как она дорога своим неповторимым обаянием и простотой!

Весенний день, словно молодой породистый рысак, полон огромных сил, способный одолеть всех, с кем только можно потягаться; лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет; осень склоняется над тобой повидавшей виды умудрённой женщиной, нащёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь её слушать; зима вдруг наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь, и погружаешься в сковывающий сладкий сон...

Все времена года – живые, они играют с тобой, преодолевают сомнениями и делятся знаниями, обогащают, в чём-то ты даже чувствуешь себя с ними обездоленным, но продолжительность этого чуткого существования не прекращается: последовательно осень сменяет лето, а весна – зиму, и сила этого неизбывного времени окрыляет. Так и хочется вместе с ним развиваться, становиться сильнее, и ты расправляешь крылья и летишь: весь ты переполнен насыщенной жизнью, когда хочется жить так, как душа твоя божественная велит. Живое время, время радостных приключений и открытий!

Мало того, каждое время года имеет свой запах! Обычно не вызывает никаких сомнений зима, что, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме ёлки и мандаринов, да ещё, пожалуй, яблок. И действительно, иногда и снег, и воздух источают аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает? Что на самом деле составляет её головокружительную или, быть может, убаюкивающую и сладкую суть?!

Одно я знаю точно: запах зимы – свежий и душистый, как только благоухают щёки молодых девушек с мороза, а ещё – хвойные ветки, принесённые из леса в натопленный дом, и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нащёптывают. Ночью отчётливо слышится их ласковый шорох, и вместе с ним – чья-то таинственная поступь, что постепенно обволакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные дали. Зима очаровывает, скорее, звуками, чем запахами, и более всего – своей загадочно переливающейся глубинной мелодией, будто это звенят сказочные колокольчики.

Но вот пришла весна, самый её разгар, и сразу запахло талой корой. Остальные запахи лишь дополняют этот дурманный аромат, что течёт над открывающейся прелой землёй, пронизывает всё вокруг и опьяняет. И снеговая вода, и сладостный перезвон сосулек, и завораживающие дуновения упругого ветерка, и даже вскрикивания воронья с непрекращающимся щебетом воробьёв пахнут зарождающейся жизнью, то есть – волглой корой. Под ней начинает струиться тот самый живительный сок, что вскоре всех напоит и от всего излечит.

Лето – это, наверное, свежее сено, липовый цвет и земляника. Целый сонм будоражащих запахов и оттенков, что просто околдовывают, повисая над деревней. Но как различить тот единственный и верный, без которого лето – не лето? Самый приятный, одинаково убаюкающий и в дождь, и в ведро, незабываемый и тёплый, необыкновенно солнечный... Запах короткого уральского лета, что почему-то особенно дорог.

Чистый золотой мёд! Вот в чём нельзя ошибиться, говоря и думая о лете. И свежее душистое сено, и аромат земляники, и цвет шиповника, кипрея и липы: все цветы и самые сладостные летние дуновения стекаются в мёде, именно мёд, как ничто другое, заключает в себе силу и красоту лета.

Когда окажешься на деревенской пасеке, возле медогонки, где по стенам висят розовато-кремовые, будто светящиеся рамки, сладко пахнет воском и пчёлы ненадоедливо, но настырно бьются в заляпанное мухами стекло, пытаюсь пробиться к желанному июльскому жару, сразу почувствуешь, что суть лета, его запах, находится где-то здесь, рядом. Он немыслим без этого золотистого солнечного раздолья, им пронизано всё вокруг, и хочется бесконечно вдыхать этот густой, напоённый ароматами лета медовый дух, отчего на душе становится радостно и сытно: с мёдом и лапоть проглотишь!

Ну, а к осени, в пору пышного увядания, все запахи сводятся к пряной горечи палого листа, в нём ещё угадывается сытный аромат рыжиков и сыроежек. Так и хочется наломать этих красивых грибков, присесть где-нибудь на пенёк, и, посыпав солью, да сдобрив свою нехитрую лесную снедь куском ржаного хлеба, с аппетитом уплетать их, впитывая с ними чудесный дух уходящей осенней поры.

Чудные слова переполняют меня и летом, и осенью, и зимой, а ещё более – ранней весной, отчего пишется легко, и на душе всё это время – покой и радость от осознания того, что она невозможна без нашей русской природы.

Зима ещё тужится январскими морозами, а душа уже желает ослепительного марта, когда же в лесу теплеет, и во всём уже чувствуется весна, в ней незаметно совершается счастливый поворот на лето.

Но вот на дворе стоит батюшка-июль, а ты не знаешь – наступит ли когда-нибудь в твоей душе дождливый сентябрь, даже не помышляя о лучезарно-жемчужном декабре, и всё пьёшь и пьёшь благословенное чудо природы, и никак не напьёшься, с каждым временем года воскресая в себе каким-то новым, неизвестным тебе человеком. Вся жизнь на земле, с неизменно происходящей сменой времён года, для того, наверное, и существует, чтобы человек догадался, наконец, о своём бессмертии и, не уставая, рос.

Весной мы вообще совершенно забываем о времени, и эта удивительная пора года, как никакая другая, приучает нас к мысли о бесконечности этой удивительной жизни. Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли свои обиды и стали все хороши!

Мы любим и лето, и осень, и зиму, но не зря весь год мечтаем о своей весне. Происходит это, наверное, оттого, что только весна может всё объяснить человеку.

А вот осень, например, полнее и глубже других времён года по причине того, что последние сроки всегда до предела насыщены чувственной мыслью: в ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полёта. Из всех уходящих времён года жалеешь почему-то только золотую осень.

Русские люди, может быть, тем и сильны, что в полной мере и, наверное, более заслуженно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все наши чудесные времена года

Времена года – это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная, череда природных событий, а непрекращающийся пример жизни для всех живых существ.

Случится в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по дороге жизни, и по крупицам находишь радость и в лете, и в осени, и, конечно, в зиме. В зиме, как ни в каком другом времени года, отображено благородство её здоровых помыслов, верность данному ею крепкому слову и необъятность волшебной силы, перед которой всякий неверующий прекрестится.

Но вскоре весенний ветер развеет сладкое зимнее сновидение, взбудоражит сердце, и душа уже не находит себе места: она рвётся на волю, потому как молода.

Летом душа становится слегка самодовольной, ей нравится состояние достигнутой благодати, она переполнена им.

Успокоиться душе суждено под осень, когда её накопленное богатство подёрнуто прелестной печалью. Душа уже узнала пределы жизни, поняла её суть, и от неё требуется только вдумчивая проницательность, что присуща зрелости.

Зима может стать для души временем большого отдыха, но это и пора созидания будущих возможностей на пути её движения к лучшему, может быть даже – к чему-то непознаваемому.

Живёт душа своими потаёнными заветами, будто зная: и зима, и весна, и лето с осенью ей сердечную весть подают. Не прожить человеку без дорогих его сердцу времён года, все они имеют свой смысл и отраду, и каждое нужно услышать и почувствовать, после чего непременно доберёшься в себе до своего счастья, возле которого уже никогда не заскучаешь. Оно пронизывает своей всепоглощающей мечтой все времена года, незаметно приближая тебя к Богу, и ты уже не знаешь – что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого божественного мира.

Зима

Зима... Наибольшая мера всего прекрасного, что суждено передать ей людям, это – быть собой, тем, что она в себе несёт, конечно, облагораживая нашу жизнь. Зима – божественна, если воспринимать её такой, какая она есть, имея, хоть какое-то воображение, и как подумаешь, сколько зима приносит радости, никогда не представишь себе весну или лето. Зима – особенное время года, и именно поэтому она отдаёт всю себя без остатка.

Вы спросите: кому, и отчего? В первую очередь, зима радуется самой себе, так ей суждено Господом чтить свою удалую снежную душу. Ну и, конечно, зима строго соблюдает внутренний распорядок своего замечательного истечения жизни, когда она – хозяйка всего сущего! И разве не может она, с присущей ей сердобольностью, так же восхитительно радовать и всю землю, в том числе – человека?!

Зима, весь её образ, это - корзина волшебных подарков: со смолистым еловым духом, морозными ясными утрами, подпоясанными алыми зорями, сиреневыми загадочными вечерами и ослепительно белыми холстами раскинувшихся повсюду сугробов. Зима – краса, и она никогда не оставит человека без внимания, если тот не позабудет про свою душу, тоже полную самых чудесных надежд и мечтаний, готовую воплотить их в реальность именно зимой. Зима сказана русскому человеку!

Х Х Х

Если человеку приведётся побывать зимою в глухом хвойном лесу, то ему обязательно откроется какая-нибудь чудесная тайна.

Х Х Х

Сумрачно, но с загаданною тайною глядится в человека зимою могучий хвойный лес, где самая высокая ёлка, чаще всего растущая посреди дремучей чащи, похожа на зелёную таинственную колокольню, что своим бесшумным звоном собирает вокруг себя все деревья и не даёт им потеряться.

Х Х Х

Даже немотствующие, занесённые к концу января снегом овраги, кажется, живут полной, неспешной жизнью, что представляется глубокой, содержательной и очень таинственной.

Х Х Х

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души одного гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

От холодных северных ветров ели опускают свои нижние разлапистые ветви к самой земле, и так образуется еловый шалаш - уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

X X X

Бывает, в январе над лесом повисает такая беспросветная холодная тьма, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко, и всё же твоя душа, не задумываясь, зачем-то отправляется туда, в скрытую ото всех чащу, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на помощь.

X X X

Когда научишься принимать жестокую декабрьскую метель, как твёрдое устремление собственной души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся такое же твёрдое намерение быть любимым и любить, и оно обязательно сбывается.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь: как бы быстрее пережить зиму и обрадоваться весне? Но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от незаслуженных приобретений, обратив её к истинному осознанию самого себя.

X X X

Всю зиму держишь в уме и зайцев, и волков, и лосей, и куниц с лисицами, и медведей, не представляя без них жизни, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, что полнится светом, водой и цветами.

X X X

Торчащие из сугробов кустики полыни и репейника не радуют глаз идущего по зимней дороге человека, пока не выглянет из-за туч солнце, и от их стебельков не упадут на снег синенькие радостные тени.

X X X

Снег опускается бесшумно, отрешённо припадая к замершей земле, но если прислушаться – в нём угадывается шёпот снежинок, будто неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес...

X X X

В последние дни рассудительной и серьёзной зимы, завалившей все дорожки непроходимыми сугробами, ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от её дремотных пут, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Мороз сердито куёт, а тоненький месяц радостно светит ему и чему-то улыбается.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ожидал я того момента, когда положу на ладошку ещё не проснувшуюся до конца бабочку,дохну на неё, а она встрепенётся, взмахнёт крылышками, и в миг улетит.

X X X

Зимой самая обыкновенная деревенская жизнь становится волшебной!

X X X

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растёт понимание жизни и её красота.

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются между собой, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Кажется, никогда не уловить тот момент, когда и как, ещё в утробе января, зарождается весна, но я каждый год каким-то чудом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, если весна выходит тебе навстречу.

X X X

И декабрь, и январь, и февраль старательно расстилают свои самобраные скатерти, но только мартовский морозец знает - как крепка и раздольна накрахмаленная им белизна!

X X X

Приятно открывать движение нашей планеты по яркому зёрнышку Венеры, сияющей на зимнем небосводе, когда она перемещается ночной порой со стороны востока так стремительно, что пока мысленно ставишь для неё небесные вехи, загадочная планета к предрассветному часу оказывается уже на западе.

X X X

По хмурой февральской заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной теще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся.

X X X

Жестокость мороза и нескончаемо свирепые метели - это та неотъемлемая от жизни всемогущая сила, что заслуженно приближает нас к весне.

X X X

Сколько незабываемого и прекрасного несёт в себе молодая весна, но порой в ней замораживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой старуха-зима.

X X X

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели, снег на молодых ёлочках подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнажённые, даже чуточку растерянные, как будто и не зима, если смотреть только вверх. Но ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежной пудрой, а наутро опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

X X X

Люблю, когда вечерние тени в лесу, на снегу, не сливаются одна с другой, будто каждая живёт своей потаённой жизнью, чего-то ещё ожидая от неё с приходом ночи. А ночь подступает крадучись, неспешно, чтобы ты так же, потихоньку, проникся своими самыми сокровенными за день переживаниями, и незаметно перенёс их в вещий зимний сон.

X X X

Клесты любят зимой присаживаться целыми гроздьями на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются и еле слышно перебирают крючковатыми клювиками свои замысловатые переливчатые коленца...

Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек в поисках семян, и птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытии своё природное предназначение – радоваться и петь.

X X X

Всю зиму снег гнетёт верхушку молоденького деревца, пригибает его к земле, и, обессилев, деревце, наконец, сдаётся, поникает. К весне оно становится совсем не приметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании.

И вот, в апреле, когда снег уже быстро сходит, случайно тронешь лыжей такую не приметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже весело вздрогнет и обрадуется.

X X X

Когда последний солнечный луч зимой скользнёт по верхушкам самых высоких сосен – снег на них вспыхивает яркими рождественскими огоньками только для старого седого ворона, гордо восседающего на одной из них.

X X X

Всего-то и увидишь за зимний день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной.

X X X

Даже в самом благородном устремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от пронизывающей морозной тьмы, что порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

Месяц морозной ночью наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и голубенькие камни, а душа переполнилась счастьем и весело заиграла.

X X X

Когда зимой над вершинами тёмных дремучих елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда переживаешь в душе ощущение чего-то радостного, но ещё несбывшегося, что, веришь, рано или поздно обязательно придёт и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Случится в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по дороге жизни, и по крупцам находишь радость и в лете, и в осени, и, конечно, в зиме.

X X X

Всё в природе уже разыграло, справил весну света, и только зимнее заснеженное поле будто затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

Только один маленький ручеёк проснётся в февральскую оттепель под снегом – и всё вокруг сразу оживает.

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес вдаль стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо.

И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неутомонно переговариваются и совершенно изменяют собой унылый зимний вид.

X X X

Снегири - это трепетные птички сердца, у которых, кажется, даже в самую суровую зиму отсутствует перед ней всякая боязнь, и они уверены в своём робком обаянии.

X X X

Глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью добрую сказку из детства.

X X X

Зимнее поле не одноцветно, и поблёкший, казалось бы, занесённый снегом мир на самом деле только готовится к своему новому рождению.

X X X

В декабре и поле, и лес, и небо – всё уже ослепительно белоснежное... Но, присмотревшись, вдруг обнаруживаешь, что слагают эту белизну изумрудные, синие, оранжево-перламутровые, жёлтые и вишнёвые тени.

X X X

С появлением первых заморозков и радостного зимнего солнца повышается видимость и слышимость всего на свете, так что даже суета вездесущих сорок представляется особенной.

X X X

Выпадет первый снег – и весь мир изменяется, так что, кажется, будто и жить надо как-то по-другому, лучше и чище.

X X X

Смотришь зимней морозной ночью на сияющие в бархатной черноте далёкие звёзды – и не боишься их потерять.

X X X

В зимние и без того короткие дни солнце, бывает, ещё не успевает закатиться, а луна уж давно выключнулась, засветилась неполным белым диском,

будто никуда не исчезала, и у тебя замирает сердце от её нетерпеливой оголённости, с которой она пытается опередить время.

X X X

Только у волка зимою мерцает в глазах луна...

X X X

Предзимняя морозная чистота так проясняет воздух, что долго её выносить невозможно.

X X X

Иногда, в феврале, вдруг налетает какой-то ужасающе-несгибаемый, вселенский ветер, но от этого становится хорошо, а не страшно.

X X X

Всю зиму, либо перед восходом Солнца, либо перед закатом, ярко сияет на небе одинокая Венера, но никогда не назовёшь её волчьей звездой.

X X X

После ночного снегопада деревья в лесу светятся, как на солнце!

X X X

Тёмный-претёмный лес в звёздную зимнюю ночь ещё более затаивается в себе, устрашает, а в глухую метель, как ни странно, открывает душу низким снеговым облакам и ничуть не пугает.

X X X

С детства помню, как краснели зимой ладошки от холода сосулек, но маленькие ручки не выпускали студёные стволы, сжимали крепко и наслаждались их прозрачной ребристостью... С особым удовольствием сосульки пробовались на вкус!

X X X

Холодной январской ночью взвояет где-то волк, а на душе становится тепло и покойно.

X X X

Перламутрово-розоватый снег слетает с небес в декабре, в январе валит тёмно-вишнёвый, а в феврале залепляет глаза фиолетовый, с непонятно тревожащими радужными отсветами.

X X X

Стылый северо-восточный ветер пронизывает до костей, стоит только за чем-нибудь ненадолго выскочить из дому, а взъерошенные воробьи без умолку щебечут, усевшись друг напротив друга, и не обращают на ветер ни малейшего внимания.

X X X

Первая пороша не искрится, не ослепляет, а светится как бы ненароком, с лукавой улыбкой.

X X X

Звёздная рождественская ночь - это какой-то торжественный зимний сон, который с самого детства празднично сияет в твоём воображении и, кажется, никогда не погаснет.

X X X

Удивительно точен русский язык, нет в нём ничего лишнего. Вот, казалось бы, что тут мудрёного: пурга пуржит, выюга выюжит, метель метёт, всё одно и то же – снег да сильный ветер. Но метель, как метла, метёт понизу, выюга над землёй крутит и вьёт, а пурга, знай, снежной пылью курится, урчит и высоченные сувои к небу вздымает.

X X X

Совсем не хочется объяснять людям, что зимний день в лесу может быть красный, синий, даже перламутрово-зелёный, но уж никак не белый.

X X X

Когда вокруг ни души, и над утопающим в снегах лесом одиноко блуждает холодная луна, ещё сильнее хочется быть человеком.

X X X

Ни одному русскому не придёт на ум снимать с прелестной ножки весны мерку, потому что каждый ещё загодя, может быть - даже со Сретенья, ясно обрисовал её форму в своей душе.

X X X

В самом начале зимы, с весёлыми ядрёными морозцами, в воздухе носится нечто неуловимое, но такое по-хорошему предрешённое, исконно русское, что сердце приятно обмирает от ощущения будущих жестоких холодов и непрекращающихся забот о домашнем уюте.

X X X

Как только затихает вдали протяжный гудок электрички, и ты остаёшься один на маленьком полустанке, немного погодя из тьмы заснеженного леса выступает его душа, и как-то незаметно перевоплощается в твой собственный дух, готовый слиться с любым деревом, шорохом или зверем.

X X X

Когда сижу зимой напротив жарко пышущей печки или потрескивающего костра, и смотрю, не отрываясь, на огонь, как будто заглядываю в какую-то нескончаемую природную даль, и постепенно обретаю там самого себя.

X X X

Более всего, почему-то, соблазняют зимой звёзды именно Большой Медведицы. У каждой из них, оказывается, есть имя, узнав которое, хочется, неспешно произнося его, молиться: Дуббе, Фёкла, Алиот, Бенеташ, Мизар...

X X X

Самый молодой, только что выпавший снег не сочетается ни с ельничком на взгорке, ни с завалившимся огородом, ни с самой деревней, он только восторженно кричит!

X X X

В особо лютые зимы волки даже могут выгнать медведя из берлоги, и загрызть.

X X X

В декабре, когда всё, наконец, укрывается снегом, и взгляду, кажется, не на чем остановиться, начинаешь замечать огромное небо, в котором незаметно утопаешь, как в пуховой перине, и вскоре уже не помышляешь о возвращении на землю, хотя вокруг только голые облака, призрачный свет и бесконечные серые дали.

X X X

До чего же хороши наши вороны, что даже снегопад могут приветствовать карканьем!

X X X

Многие птицы, которые прилетают к нам на зиму, при виде кормёжки тотчас рассыпаются - кто куда, но вот чечётки всегда держатся сплочённо, кормятся на одном дереве, и даже на придорожную траву или сугробы опускаются все вместе.

X X X

Красиво, как древние письмена, вычерчиваются по первому снегу отпечатки лап сорок и ворон, и обыкновенные, порядком надоевшие всем за лето птицы сразу начинают представляться неизведанными.

X X X

Вынужденная отыскивать корм даже в жестокую стужу, ворона неуклюже припрыгивает на одной лапе, спрятав в перья другую, время от времени меняет их, а чтобы не потерять равновесие, подпирается полуопущенным крылом.

X X X

Суровое лесное слово «нодья» означает зимний охотничий костёр из цельных брёвен, а можно в жестокий мороз перезимовать и у «нодьюшки».

X X X

Тетерев-косач - это сплав удивительной быстроты, мощи и завидной умиротворённости. Взорвавшись с ночной лёжки из-под снега и, порядком, напугав, он напоминает тугой футбольный мяч, с силой выбитый в поле и улетевший бог весть куда.

Усевшись же для кормёжки на заснеженную берёзу, тетерев становится похож на чёрную грушу и вызывает в душе покой и неожиданное умиротворение.

Х Х Х

Ходишь всю зиму в лес в надежде вытоптать зайчика, спозаранку встаёшь и за полночь ложишься, словом, нет такой силы, чтобы обуздала твои охотничьи желания, и всё же не встретишь ни одного косого.

Но вот где-нибудь в апреле выбегут из кустов прямо тебе под ноги два зайца, о чём-то переговариваются между собой, играют, как дети, а в тебе уже никакого азарта!

Х Х Х

В декабре звёзды колючие и недостижимые, как на рисунках милых и непредсказуемых малышей, а в мае – доступные и мягкие, наподобие новогодних катышей из ваты, что обычно изображают пушистый снег, в который никто не верит.

Х Х Х

Идя однажды рождественским вечером по упругой деревенской дорожке к колодцу, я вдруг почувствовал нерасторжимую связь зимы с летом, их восхитительную слитность, и тотчас представил себе летнюю тропинку, которая так же легко, как и в светлый зимний праздник, приподнимает тебя над землёй.

Х Х Х

Услышишь русское - «колотьё», и сразу представляется смёрзшаяся, в ледяных култышках земля, тугие от зазимка колеи с хрустящим ледком, и как гулко ударяются в них подкованные подошвы сапог, сами, ровно эти подстывшие колдобины, сжавшиеся и тугие. Ледок, будто морщинки в уголках глаз, пронизан по краям длинными белыми иголочками, вода промёрзла до земли, и всё вокруг, вместе с полёгшей бурой травой, стылой землёй и скорчившимися у обочины кустиками, сжалось так крепко, что, кажется, не оттаяет уже никогда.

Прокалён морозом и воздух, им трудно дышать, воздух обжигает рот, нос, щёки, забирается в рукава, за шиворот, так что через некоторое время тебя начинает колотить озноб. Только колкие удары сердца сохраняют в теле тепло, но заморозок и не думает отступать, к рассвету ещё более цепенеет, сковывая ледяным дыханием... А всего лишь одно слово – «колотьё».

Х Х Х

После полудня сосульки в феврале сваливаются с крыши и бесшумно утопают в снегу, ещё какое-то время растапливая его накопленным в себе солнечным светом, отчего тоже захочется дарить кому-нибудь сбережённое в себе за зиму тепло.

X X X

Странно, но на снегу никогда не бывает чёрных теней, а только синие, сиреневые, голубые и лазоревые...

X X X

Первый снег покрывает землю лёгким кисейным покрывалом, первый лёд скуёт озёра и реки изысканным хрусталём, а первый зазимок так выяснит небо лазоревыми изразцами, что родной для тебя лес ещё более преобразится и станет совсем неузнаваемым.

X X X

В марте можно послушать заячью ночь, когда зайцы без усталости бормочут по всей округе до самого утра. В августе - волчью, с проникновенным и вдумчивым завыванием загадочных животных. А зимой упоительно угадывать тетеревиную, что укутана пушистыми снегами, переливающимися под звёздами драгоценными камнями!

X X X

Всем к лицу первое снежное утро, и даже старый лис, кажется, позабывший себя, и тот хорошеет...

X X X

Даже в самый сильный мороз ворон не топорщит перо, как грач или ворона, не прячется от ветра, а с ещё большим достоинством восседает на голом суку, сохраняя свою родовую древнюю выправку.

X X X

Нет для человека более величественного зрелища, чем звёздное небо, особенно - морозной зимней ночью, когда находишься в каком-нибудь маленьком зимовье, посреди глухого заснеженного леса. Однако порой проходит целая жизнь, а он на него так и не взглянет.

X X X

Свет от луны в ночном зимнем лесу никогда не бывает жёлтым, а всегда таинственно бледным, даже белёсым, и лишь изредка – мёртвенно-серебристым.

X X X

Каждый год тысячи жаворонков, трясогузок, малиновок, коньков и пеночек спешат на север, но никто из них не знает зимы.

X X X

Вспомнишь, как красивы опушившиеся к зиме иссиня-чёрные тетерева, представишь, как они ночуют в морозном лесу, под снегом, и сразу повеет необыкновенно уютным и сказочным теплом!

X X X

Ещё стоит на дворе сухой, крепкий октябрь, и до конца не опал лист, а заячий мех уже насквозь пронизан нежной зимней голубизной.

X X X

Уже в конце января ворон начинает носить в клюве пёрышки и ветошь для утепления гнезда, и только в июле точно такую же работу по обустройству своих гнёзд завершают ласточка и коноплянка.

X X X

Иногда, словно боясь не успеть, ты опережаешь время, и уже зимой отправляешься в весенний путь: так он притягателен!

X X X

Звон апрельской капли ещё более пронзителен, чем в марте, но разве может он сравниться с трогательной размеренностью полузабытой всеми февральской оттепели, которая незаметно так обнажает воздух, что, кажется, он вот-вот разорвётся на множество невидимых хрустальных колокольчиков.

X X X

Вся жизнь на земле с неизменно происходящей сменой времён года для того и существует, чтобы человек догадался, наконец, о своём бессмертии и, не уставая, рос.

X X X

В самом своём начале зима бросается замечать пути-дороги чуть ли не сломя голову, и оттого в ней кажется больше тревожного, необъяснимого, чем к концу, когда всё уже давно предрешиено, покойно, хотя и недосказано.

X X X

В сказочном заснеженном лесу, если ты однажды туда вошёл, для тебя уже нет обратной дороги, а только вперёд, к нескончаемым открытиям.

X X X

Природа так правдива, что, очищаясь перед долгим зимним сном, сбрасывает с себя последнее платье из пожухлых листьев, совершенно оголяя себя.

X X X

Ночное январское небо – словно добротная крыша, склёпанная морозом, а звёздочки в ней - яркие, золотые гвоздики, ловко выточенные каким-то неведомым художником в недостижимой небесной мастерской.

X X X

Белые поля в декабре лежат мёртво, покойно, будто нескончаемый сон, и сколько бы ни ехал по ним - никак не насмотришься!

X X X

Как бы ни чаяли в народе приход зимы, а она подступает всегда будто нечаянно, распуская свои белёсые космы в самый зверский мороз, когда даже не греют костры, а визг шагов разрывает всё слуховое пространство!

Но сказана русскому люду наша зима, и на ноги она встаёт с преподобной Матрёны, что тотчас сулит осматривать амбары, проверять зимнюю одежду и заваривать высушенные травы. Этого только и ждали на Руси, чтобы окунуться в зимние заботы, а зима людей за собой твёрдою рукою ведёт: закладывай, мужик, санки!

X X X

В морозные солнечные дни, зимой, когда солнце словно тыкается в окна своими ослепительными пятками, а в доме так сладостно от натопленного жара, как никогда открывается смысл существования, удивительная простота и прелесть всего земного.

X X X

В трудное для всех птиц зимнее время ворона тащит со свалки какой-нибудь съедобный кусок, а галка - обрывочек блестящей фольги.

X X X

Морозные узоры на окнах не случайно напоминают травинки, листья, ветви и целые лесные заросли. Так, наверное, вода вспоминает суровой зимой о чудесном лете.

X X X

Мыши, бывает, забираются зимой в берлогу к спящему медведю, и выстригают с его шкуры шерсть для своих гнёзд, а он ничего не чувствует.

X X X

В безоблачную, пронизанную звёздным светом зимнюю ночь и мысли становятся ясными, а душа полнится поэзией рождающихся чудесных откровений.

X X X

Белоснежный... Молочно-кисейный... Жемчужный... Сливочно-перламутровый... При каждом оттенке белого цвета, даже при малом его отсвете в природе, всегда представляется нечто чистое, тёплое и родное, как молоко матери, без чего человеку ни за что в жизни не обойтись.

X X X

Одинокий ворон удивительно оживляет пустынный зимний пейзаж, одним росчерком крыла стирая границу между белой землёй и выплывшим небом.

X X X

Так часто, в мельчайших подробностях, рисовал я в воображении ночную поездку на санях, по морозу, со всхрапывающей невпопад лошадкой и нескончаемо сладостной зимней дорогой, что она начала представляться давно совершившейся чудесной реальностью, которую всегда было приятно вспоминать и каждый раз с ещё большим удовольствием.

X X X

В первое снежное утро хорошеют облетевшие кусты и деревья, неутомное вороньё и даже раздосадованный чем-либо человек.

X X X

Румяный снегирь хоть и держится под нашими окнами всю лютую зиму, а не назовёшь его молодцеватым или задорным, наподобие воробья. Больше он, как девица красная: тихий, немножко печальный, да пригожий.

X X X

Золотисто-розоватое робкое солнце быстро сгорает за короткий декабрьский день, но мир не тускнеет, и подступающие предновогодние сумерки незамедлительно расцветчивают его зажигающимися звёздами, ослепительной луной и таинственными снегами.

X X X

Долгая декабрьская выюга - это радость, счастье и светлая надежда на такую же затяжную и замечательную зиму, которую, наконец-то, можно будет достойно оценить, неспешно обдумывая всю предыдущую жизнь и накапливая силы на будущую.

X X X

Глядя на звёздное небо в ночном зимнем лесу, невозможно чувствовать себя одиноко, и тем более – быть застигнутым врасплох.

X X X

И передать невозможно, сколько радости слышится в проникновенном посвистывании рябчиков поутру, когда декабрьский мороз переваливает за двадцать, берёзки натужно пощёлкивают, и солнце раздавленной клюквой медленно растекается по выстуженному небосводу! Рябки только что проснулись, выпорхнули из-под снега и расселись по веткам, подставив свои пепельные грудки первым, ещё прохладным солнечным лучам, но от всего этого почему-то пахнуло весной, а не первозимьем.

X X X

Чёрная шапочка гаички переходит в серую спинку так же неуловимо плавно, как февральская темнота переливается в трогательные весенние сумерки.

X X X

Белый холст заснеженного поля, чёрные ивняки у занесённой реки, рыжеватые копны сена... Всё, вроде бы, пустынно и немножко диковато, но удивительно поэтично.

X X X

Из белых снежных вихрей возникает мрак зимы.

X X X

Холодное зимнее небо так отрешённо, что ворон, кажется, застывает на лету.

X X X

Вступая зимней ночью в полосу лунного света, вдруг вмиг ощутишь, как в нём безжизненно, но не пусто.

X X X

Вешки по краям занесённой снегом дороги по реке, в пургу, хороши только из еловых лапок, которые лучше всего скрашивают её, более заметны и почему-то успокаивают.

X X X

Деревья в ночном лесу, зимой, всегда еле слышно шумят, будто нашёптывая друг другу: «Здесь ничуть не страшно, верь нам». И у тебя, действительно, на сердце становится покойно, так что всякая жуть куда-то пропадает. Век бы, кажется, бродил ночной чащей, и никого не боялся, наслаждаясь зимним лесом и его тишиной.

X X X

Ни сентябрь, ни октябрь, ни даже ноябрь, несмотря на постоянно сеющий снег, всё-таки не припадают к земле, а устремляются зачем-то обратно, в безжизненно-стеклянную высь, и только декабрь с наслаждением и очень долго примеривается, как бы удобнее ему это сделать, наконец укладывается и безмятежно засыпает, сосредоточив всю свою силу под собой.

X X X

Всё в зимнем лесу, при лунном свете, кажется каким-то безжалостным и никчёмным, будто оно однажды умерло, но вот вдруг воскресло и не в силах постичь: во имя чего?!

X X X

В зимний мороз, если ты без варежек, никогда не станешь согревать руки дыханием, а засунешь их куда-нибудь за пазуху, под мышки, либо в глубокие карманы. Весенним же утренником бежишь на лыжах, дышишь на покрасневшие ледяные кисти, но всё-таки не прячешь их, по-детски радуясь возможности ещё до восхода солнца побывать там, где скоро запоют твои любимые глухари...

X X X

Первый снег, говорят, на сонных нападает, потому что приходит всегда ночью, когда все спят, и, кажется, залегает вокруг тысячами притаившихся зайцев, чья белизна так проникновенна, что совершенно обезоруживает и усыпляет.

X X X

Из всех деревьев нашего леса только сосны зимой умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

Снег в морозные зимние ночи словно прислушивается к звёздам, и впитывает их свет.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной – голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: какими бы красками ещё разгореться напоследок, перед тем, как угаснуть, и, кажется, даже не замечают, что переполнены разноцветной жизнью, готовой незаметно перетечь в незапятнанную ничем снежную белизну.

X X X

Линии сугробов никогда не выглядят замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадывается и рояль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махонькая дудочка-жалейка.

X X X

Даже в жестокую январскую заметь, снегири не перестают изливать свои нежные трели, отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно угадаешь и тоже про себя улыбнёшься.

X X X

Зимний рассвет льёт зеленовато-перламутровый отблеск на укатанную дорогу, под ноги, и начинает казаться, будто ты поднимаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Как красная тетеревиная бровь горит над лесом узкая декабрьская зорька, а сами тетерева ещё не просыпались.

X X X

Вечерние звёзды в зимнюю пору зазывают в гости, утренние – провожают в добрый путь.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, и не восклицают, а только прислушиваются друг к другу, думают и ждут всеобщего пробуждения.

Но иногда, где-нибудь в глубине января, на лес налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и долго ещё будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому на то, что потревожили их величественный покой. А потом опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание... Как хорошо!

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Белое зимнее солнце, то и дело, ныряет в серых облаках, и, кажется, совсем не светит, но если не упустишь случая понаблюдать за ним - вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

От света январской зари шишки на ёлках приобретают малиновый сказочный вид и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки.

X X X

Ночные снежинки падают на землю как будто из ниоткуда, радостно переливаются, играют, и, отражаясь от излучаемого собой волшебного света, кажется, так же волшебны и просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто посмотришь какое-то время на бесконечное пространство занесённых снегами русских лесов и полей, а вернёшься к себе уже с новым, углублённым на жизнь взглядом.

X X X

Ночная пороша ложится легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимется вдруг целой тучей метущихся звёздочек, и ну всех жечь, да колоть без разбору!

X X X

От задорного предвесеннего солнца, поблескивающего под ним наста и чуткого ветерка - молодой березняк как будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-сиреневым, вздрагивающим облачком.

X X X

Зимней буре порой, кажется, не будет конца, до того она случается безудержной и жестокой, но и она неохотно утихает в дебрях нескончаемой таёжной чащи...

X X X

Бывает, пройдётся зимой по уснувшему лесу крепкий ветер, разворошит его, и лес, на мгновение, проснувшись, взглянет так пронзительно чисто, что как будто бы и не спал.

X X X

Выпал первый снег - и будто побелели серые вороны, галки и сороки.

X X X

Сказать, что зимний вид великолепен, значит, просто неумело оговориться. Он сплётён из невероятного числа чудесных и еле ощутимых жизненных построений, что проявляются в природе именно к зиме. И все они, как ни странно, слагаются из снега, что и отражает их, и скрывает, но всегда чутко сопереживает всему, что происходит вокруг.

X X X

Как просто и радостно сознавать, что можно в зимнюю пору держать Большую Медведицу над левым или правым плечом, соизмеряя с ней свой ночной путь!

X X X

В зиму люди по деревням часто вынуждены скрывать друг от друга желание к общению, когда уже, кажется, не по разу посетил всех соседей, больше, вроде бы, некуда и не к кому пойти, и душу остро одолевает чувство одиночества... Но в этом хочется видеть не злую обыденность надолго затянувшейся суровой поры, а её доброе участие, располагающее к заботе о своих соседях.

X X X

Обыденное слово «постель» сразу предполагает в себе лёгкую и белую, похожую именно на снег прохладу, что стелется белоснежной скатертью, готовой всех обнять и принять за своим самобытным уютом и чистотой.

X X X

Морозные узоры на окнах так изящны и хороши, что часто на них никто не обращает внимания.

X X X

Все мыши чиркают хвостиком по снегу, оставляя на нём изящные росписи-завитки, а малютка несёт свой хвост столбиком, как белка, потому что, наверное, ещё не научилась писать.

X X X

Заяц на лёжке всегда основательно утаптывает под собой снег, чтобы первый прыжок, в случае тревоги, получился длинным и стремительным.

X X X

На дворе мечется лютая февральская вьюга, завывает диким зверьём, но за окнами с синими узорами всё происходящее представляется таинственным и интересным.

X X X

Во всём есть великий и замечательный смысл: в текущей между крутых берегов дикой реке, в умиротворённо замерших под снеговым покрывалом полях и в удивительных красках осени, какие никогда не используют люди. А ещё – в моей восьмидесятилетней соседке-бабушке, когда она тихонько сидит зимой у окна...

В избе мирно тикают настенные часы, кошка сонно урчит на печке, и вдруг бабушка, после долгого молчания, промолвит: «А снегу-то сколько на крышах!»

X X X

Выпал первый снег, и деревья облегчённо поникли под его тяжестью.

X X X

Порой выдаётся такой богатый на рябину год, что ягоды алеют аппетитными гроздьями всю зиму и даже остаются нетронутыми до самой весны, но снегири не обращают на них внимания, а усиленно обклёвывают засохшие семена сирени.

X X X

К концу зимы лисы справляют свои свадьбы по оврагам, волки – в давно затянувшихся вырубках, и только зайцы – на открытых солнцу полянах!

X X X

Бывает, засмотришься зимою на аккуратного, будто кем-то ухоженного снегиря, на его атласную чёрную шапочку, пунцовую грудку и чутко вздрагивающее нежное горлышко, и вдруг понимаешь, что в таком маленьком красивом тельце должна жить тонкая и трепетная душа!

Х Х Х

Однообразным кажется медленно падающий снег, но если присмотреться, то каждая снежинка опускается не просто так, а с оглядкой, будто выбирая себе место.

Х Х Х

Пурга, застав в дороге, не голосит, как метель, надсадно в спину: «О-о-ой-й, возврати-ись!», а налетает мгновенно и, ослепив, просто забирает с собой.

Х Х Х

После своенравной зимы, не желающей сдавать своих позиций, весна представляется такой же строптивой, то опережая саму себя, то отставая, и только лето всё выравнивает и успокоит, отчего и на душе, наконец, воцаряется благодное умиротворение.

Х Х Х

В июне дни ложатся, удобнее укладываются,
в июле – растекаются,
в августе – приподнимаются к небесам,
в сентябре – они готовы куда-то лететь,
в октябре – тихо растворяются повсюду, они везде и нигде,
в ноябре – чего-то ждут, затаившись,
в декабре – начинают робко показывать себя,
в январе – уже подбочившись, чуть ли не пляшут,
в феврале – мятущиеся, не находят себе места,
в марте – пронизывают собой,
в апреле – обмякают, много и не по делу плачут,
в мае – вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой...

Х Х Х

Жестокая тишина морозных январских ночей, в преддверии радужного февраля, нисколько не угнетает, а уж если представишь себе ослепительный март,

то и вовсе воспримешь её за сказочно крепкий утренник, который хоть и обжигает так, что дух захватывает, но, всё же, несказанно веселит!

X X X

До самых крутых морозов сохраняет сирень изумрудные листья и, если бы не долгая зима, кажется, зацвела бы под Новый год!

X X X

Зимняя луна и падающий снег умиротворяют лучше любого человеческого слова.

X X X

Манит зверя зимняя спячка, притупляет в нём звериное начало, и постепенно обнажает милое дитя, которому бы только уютнее уткнуться носом в собственный бок, причмокнуть губами и сладко заснуть.

X X X

Весной через растворённое окно в комнату с шумом врываются разные запахи и звуки, а из дома, наоборот, неслышно выскальзывают перезимовавшие в нём невидимые существа...

X X X

В лучах скупого декабрьского солнца качаются на розовеющих шишках бордовые клесты, и оживают еловые верхушки, сдержанно вспыхивая изумрудным огнём.

X X X

И в зимнем безмолвии угадаешь волнение трепетного лесного сердца.

X X X

С начала ноября до середины апреля порой спит медведь в берлоге, шуба его подмокает, но он всё равно не встаёт, и уж только когда приходит крайняя нужда - с великой неохотой выбирается наружу.

X X X

Только на миг появилась у опушки заснеженного леса огненная лисица, чуть повела носом – и сразу тебя охватила неопишуемая радость!

X X X

Иной раз пурга так разгуляется, неудержимо задувает навстречу, пронизывая насквозь, что можно наклониться на неё, почти лечь, и не упадёшь.

X X X

Когда молодой Шопен создавал свои неподражаемые ноктюрны, за окном у него, наверное, бушевала не весна, а безудержная декабрьская метель.

X X X

В зимнюю студёную пору, кажется, что волчий вой и разбойничий свист бури родились в единой утробе.

X X X

После первого выпавшего снега деревья предстают в двойном изображении – белом и чёрном, и этого достаточно, чтобы всё вокруг ожило.

X X X

Поздней осенью лес нахмушивается со всей присущей ему мрачной неприступностью, но уже в декабре, в редкие солнечные утра, неожиданно оживает и многозначительно улыбается.

X X X

Еле слышно шуршит от лёгкой позёмки заснеженная мёртвая трава, и становится так хорошо от ощущения предзимнего безвременья, что она навеивает... Так же неспешно идёшь по обочине подмёрзшей дороги, предвкушая скорое печное тепло, с удовольствием всматриваешься в окружающую природу и ни о чём не сожалеешь.

X X X

С последним листопадом шествие золотой осени прекращается, но начинается праздник пронзительно-вдумчивой предзимней тишины.

X X X

Перенова - какое замечательное лесное слово! Оно означает только что выпавший прочный снег, случающийся обычно по первозимью, когда душа приноравливается уютнее обустроить свою судьбу, а свежий снег ей в этом незаметно и ладно помогает.

X X X

Из всех певчих птиц русского леса у клестов самка откладывает яйца и выводит птенцов зимою. Во время кладки яиц и высиживания птенцов она не слетает со своего глубокого гнезда, сидит терпеливо в январскую и февральскую стужу, стараясь сохранить тепло. А самец заботливо кормит её, сидящую в гнезде, и, чтобы как-то облегчить её самоотверженную материнскую заботу, усаживается на вершине дерева, на котором свито гнездо, и улаживает подругу бодрой красивой песенкой.

X X X

Выросшие за ночь на пнях бравые папахи придают им притягательную неукротимость минувшего снежного бурана и, обретя красоту и силу, пни стоят, лихо подбоченившись, пристально вслушиваясь в потаённые шорохи замершего леса.

X X X

Буровато-малиновые клесты усаживаются исключительно на верхушки елей и поют свои незамысловатые для зимы песни неожиданно нежно и переливчато: «уйть-трюиу-трюиу, уить-трюиу-трюиу, уиить...»

Птицы преображают свои пронзительные голоса скрещенными между собой половинками клювов, так устроенными природой для более удобного шелушения крепких еловых шишек, и это искусное пение выходит у них всегда с радостью, и никогда не надоедает.

X X X

Зимняя ночь выдалась большая и грозная, как могучий медведь, но с ней, почему-то, не хотелось расставаться...

X X X

Всеобъемлющая зимняя тишина в лесу - одно из его чудес. Её несказанно чарующий свет покоится в низких небесах, глубоких сугробах и уснувших

деревьях. Свет этой волшебной тишины окрашивает их в белый цвет, подчиняя и растворяя в себе утомившуюся и пресыщенную жизнью зелень и желтизну.

X X X

Зимой всегда много восхода и заката... Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь. Кругом царство бирюзы, порфира и нежного агата, а жемчужное небо можно вбирать в себя без конца и края.

X X X

Когда зажигается в морозном небе первая звезда, люди и не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в свой нелёгкий ночной путь.

X X X

Зимой наиболее приятно вести записи... Успевая запечатлеть на бумаге как можно больше, с жадностью стараешься выговориться до наступления масляно-сонной весны.

X X X

Сколько зимой не броди в округе, а не сыскать столько лисиних следов, как вблизи деревни... Так привлекает рыжую кумушку дух куриного и гусиного жилья, что она пренебрегает главной опасностью – человеком!

X X X

Волчьим оком светит в сумерках, вдали, обездоленная луна, зыбко видится за полем присмиривший лес... Всё сильнее замечают и кружат в нём злые метели, заносят неуверенные санные пути.

По деревням дрожат, словно оледенелые зрачки, окна изб. Идёт по земле зима, и покажется вдруг, что всякий в ней, как старый ворон, одинок...

X X X

Беззащитен заяц, чаще всего пуглив и осторожен, а всегда рад зимнему солнышку, сиянию синих снегов и сладкой осиновой корке.

X X X

Тонет лиса по уши в рыхлом декабрьском сугробе, а никуда не деться – это её лесная обитель: холод, голод и куриная лавочка.

X X X

Бывает так, что душа ожидает снегопадов, а как только они зачастили, она уже грустит о первых каплях, и это выказывает в человеке неудовлетворённость его собственной жизнью, непонимание того, что всему в жизни – своё время, и его необходимо принимать с радостью и достойно.

X X X

Ни в небесной лазури апреля, а в непроходимых сугробах января постигаешь потаённую суть лесной жизни.

X X X

Злые метели звериному чуткому сну не помеха.

X X X

Дивному снегу все чудеса доступны.

X X X

Как сонно и сладко длится зимою жизнь, как до жути замечательно и просто берегут её покой волки.

X X X

Ворона зимой всегда сидит головой к ветру, потому, что это для неё самое выгодное положение: ветер скользит по её плотному перу и птица не зябнет так, как если бы повернулась к нему боком или задом.

X X X

Только месяц холодными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

X X X

Господь Бог вырастил леса на пользу человеку, и потому каждое дерево, зверь или птица в нём – Божьи, их надо оберегать. Зима помогает человеку в этом, заботливо укрывая лесных обитателей своим теплом от ненужных волнений и тревог.

X X X

За всю зиму множество созвездий может ссыпаться в ладони страждущего человека драгоценным подарком, но осторожно, с трепетом снимаешь с неба лишь одну бриллиантовую подвесочку, а то и вовсе, не прикасаясь к этому небесному сокровищу, любишься какой-нибудь еле приметной звёздочкой, и ощущаешь себя самым богатым.

X X X

В начале декабря трудно представить, что обычный белый снег может сверкать всеми цветами радуги, которые он незаметно копит в течение долгой зимы, и так же непринуждённо дарит нам к началу весны.

X X X

Как старая медведица вытаскивает за собой из берлоги молодого лончака, так и Большая Медведица в морозной вышине вытягивает за хвост Малую, указывая ей на небе её звёздное место.

X X X

Светило яркое январское солнце... Вдали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют, и вот-вот прекратят свою жестокую забаву. Но, всё же, волки добрали косоного, как это обычно происходит у зверей: просто, с хрустнувшими позвонками, брызнувшей на снег кровью...

И навалилась вдруг на сердце тягостная безысходность, спеленала его так, что трудно было жить весь тот день, и ещё всю ночь, и даже под утро забывался я в рваном полусне, не в силах преодолеть в сердце, что никак не могло успокоиться, необъяснимую и дикую тоску.

X X X

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

Полночной зимней порой ловишь себя на мысли: такая странная проникновенная освещённость исходит от луны, что её околдовывающая гармония, перетекая в душу, незаметно усыпляет все чувства.

X X X

Когда научишься принимать безудержную декабрьскую метель как устремление собственной души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся твёрдое желание быть любимым и любить, и ты веришь, что желание твоё обязательно сбудется.

X X X

Снежные сугробы за зиму так уходят в себя, что их спокойствие не возмущают даже стремительные апрельские ручьи!

X X X

Выдастся в конце февраля оттепельный день с размытой неопределённостью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в самом себе.

X X X

Жалко до слёз поваленную под Новый год красивую зелёную ёлку...

X X X

Белый снег, кажется, так устремлён охватить в свои объятия всё жизненное пространство, что никто не в силах разделить его с ним, и он пускает холодные белые стрелы в воздух, будто силясь добиться чьего-либо расположения, но ничего у него не выходит.

Обессиленный, отрешённо кружит он, не находя приюта, покорно ложится на землю и замирает, в мечтах, наверное, уносясь к равнодушному небу, что однажды обрекло его на неразделённость необъятной печали, и тотчас о нём позабыло.

X X X

С первой порошей прибавляется белого чистого света, вроде бы, раньше зажигается робкое розоватое солнце, и ещё ярче искрится на лёгком морозце прозрачный воздух. Даже вездесущие чечётки, снегири и синицы, и без того, кажется, никогда не унывающие, прибодряются и без усталости перепархивают с дерева на дерево. Но более всего в эту пору оживляет лес залиvistый лай гончих

собак, что целыми днями разносится по округе, наполняя лес необыкновенным весельем!

X X X

Всегда меня настораживало строгое и какое-то неуютное название беличьего дома – гайно... Оно как будто не подходило всему, что было связано с обаятельным и милым зверьком.

Но вот однажды услышал, что в народе его переименовали по-своему – «гайнушко», где белочке не дуется, и где ей тепло и уютно пересидеть жестокие холода, и сразу всем сердцем принял.

X X X

Каждый зверь хоть как-то устроен в суровую зимнюю пору, и только волчья дорожка тянется через всю зиму от беды к беде.

X X X

Долгую зиму копишь сокровенные желания и духовное здоровье, знания и усталость, а пришла весна – и забыл про всё!

X X X

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится ещё крепче.

X X X

Зимой не хочется говорить много и громко возможно оттого, что она продолжительна: всё успеешь обсудить в ней, научившись быть внимательным и немногословным.

X X X

Яркая зимняя луна скучна в окне нелюбознательного человека.

X X X

В особо лютые зимы в гайно собираются по две-три белки.

X X X

В январские оттепели, первые предвестники весны, души людей так неожиданно обнажаются, что не ведают, куда себя деть.

X X X

Свист рябчика морозным зимним утром - будто неожиданно пробившийся из-под гнёта зимы ласковый ручеёк.

X X X

Из всех времён года старинный геральдический герб применим, наверное, только к зиме, где может быть отображено благородство её здоровых помыслов, верность данному ей крепкому слову и необъятность волшебной силы, перед которой всякий неверующий перекрестится.

X X X

Увидишь безудержно токующего в февральскую оттепель косача, но и не подумаешь усмехнуться, а заглядишься на него и тоже непроизвольно вовлечёшь себя в этот радостный и, может быть, немножко глупый предвесенний обман.

X X X

Переживание весны во мне так глубоко, что я начинаю воспринимать её задолго до февральских оттепелей, в глухих отрогах января, когда ещё сияют в морозном небе рождественские звёзды, но к весне не исстрачиваю себя, а наоборот, благодаря долгой зиме становлюсь более определённым в своих душевных устремлениях.

X X X

Чудные слова переполняют меня и летом, и осенью, и зимой, а ещё более - раннею весной, отчего пишется легко, и на душе всё это время - покой и радость от осознания того, что она невозможна без нашей русской природы.

X X X

В морозный зимний день гаркнет старый ворон - и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких хрусталиков...

X X X

Потаённую суть лесной жизни постигаешь и в непроходимых сугробах января, и в небесной лазури апреля.

X X X

Когда в глухом зимнем лесу отсутствует солнце, и ты немного запутался в его потаённых дорожках, лес, кажется, замыкается в себе, охваченный глубоким равнодушным сном. Человек невольно поддается этому сумрачному настроению, не замечает времени, которое тянется удивительно медленно, и начинает спешить, а, следовательно, ещё более блуждать, идя наобум.

Лучше всего не поддаваться подобному состоянию и противопоставить ему спокойную волю, когда вся окружающая обстановка должна восприниматься как неотъемлемая часть твоей жизни. Нужно помнить, что у тебя всегда имеется неистощимый запас энергии и знаний, позволяющий жить в мудром согласии с лесом, каким бы отчуждённым он ни представлялся. Меньше паники, больше доверия и любви к лесу – и ты непременно достигнешь с ним гармонии, и выйдешь к людям.

X X X

В доме тепло, уютно, а берёзовые дрова так весело потрескивают в печи, что морозная зимняя ночь за окном кажется маленькой мышкой, которая острым коготком осторожно царапает застывшее стекло, и время от времени в растерянности затихает.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной нежно голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: каким бы цветом ещё разгореться напоследок, при этом даже не замечая, что, переполненные жизнью, незаметно гаснут.

X X X

С восходом солнца зимой в лесной чаще загораются бесчисленные алмазы, яхонты и рубины - вся тайга вспыхивает яркими драгоценными блёстками, восторженно переливается, сверкает... А это - всего лишь с вечера замёрзшие на веточках капельки влаги, их на короткое время оживили первые лучи солнца, они растаяли и весело заиграли!

X X X

В морозный солнечный день снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе, а потом в один миг отдала.

X X X

Зимой всё время кажется, будто она тихонько стоит за твоей спиной и не дышит... Не то, что весной, когда во весь дух бежишь за ней, хочешь коснуться, а догнать не можешь.

X X X

В морозные зимние ночи снег словно прислушивается к шороху, который издают на небе звёзды, и чутко впитывает их свет.

X X X

Что меня поражает во всех временах года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

X X X

Из всех деревьев только сосны зимою умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать: сало его за долгие зимние месяцы остаётся почти не израсходованным, а на период весенней бескормицы. Когда зверь поднимается из берлоги голодный, он может отыскать в пустом лесу лишь малую толику личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае - горсть кедровых орешков в разорённой им норке бурундука.

X X X

Бесшумен снегопад, и с ним всё в мире становится ещё тише...

X X X

Когда случается в зиму злое ненастье - круто гнутся ели и надрывно завывает ветер, приятно думать, что можно всё это увидеть и, несмотря ни на что, отправиться в лес, не дожидаясь хорошей погоды.

X X X

После долгой, надоевшей всем ноябрьской непогоды особенно радостно бывает увидеть на небе свежие декабрьские звёзды, по-хозяйски раскинувшуюся бархатную ночь, и, наконец, ошеломляющее движение молодого месяца. Месяц взбегает наверх с такой удалью, будто готов светить там, не уставая, всю зиму, весну и лето, пока опять не подступит в природе самое беспросветное время, когда никто почему-то не противится однообразию промозглых дней и безысходной скуке.

X X X

В волчьем вое, порой доносящемся из лесного мрака зимы, слышится и бессильное отчаяние, и жалоба, и необыкновенная сила.

X X X

Всю зиму бушует в лесах ветер, от натуги горбятся спины старых сосен, скрипят стволы берёз и елей, а на душе у тебя всё равно хорошо и покойно.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что более внимательно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

X X X

По-особому уютно бывает в зимнем лесу, когда от непогоды стонут деревья, и ветер завывает в старых дуплах.

X X X

В гнетущее предзимнее время солнце оборачивается полумёртвым совиным глазом, подёрнутым плёнкой, что изредка вспыхивает над безликим горизонтом и быстро потухает, но, между тем, зорко следит, как бы кто-нибудь раньше времени не восстал против суровой грядущей поры, а в почтении ей поклонился.

X X X

Уже к концу января солнце пробует светить по-весеннему, но получается это у него ещё не в полную силу, а с лёгкой задумкой на яркое будущее, отчего непременно улыбнёшься в душе тому, что оно такое трогательное, живое, и тоже не в силах сдержать свою радость.

X X X

Крепко спят зимой старые ели, а только прошумит лёгкий ветерок, они тотчас просыпаются и тихонько шушукаются.

X X X

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов - это румяные яблоки, кем-то щедро высыпанные на белую скатерть зимы.

X X X

Когда неожиданно застигает в лесу ночь, нужно улечься спать, где бы ни пришлось: в еловом шалаше, в стогу, у горячего костра или даже под снеговым надувом.

X X X

Пока матушка-зима не доскажет всё человеку - ни за что его не оставит.

X X X

Зимнее солнце, кажется, не приносит в природу ничего живого: лишь изредка холодно посверкивает из-за туч и тотчас исчезает, но его острые искорки, всё же, вонзаются в сердце, и оно, перевернувшись, как зверь в берлоге, вдруг тоже вспыхивает как солнце, и уже до самой весны не угасает.

X X X

Многие думают, что берёза плачет, сгибаясь под тяжестью снега, а она просто безропотно принимает на свои плечи лесную ношу.

X X X

Издали зимний лес представляется сплошь чёрным, немного приблизишься – он голубовато-синий, ещё ближе – почему-то становится серым, с бура, вот уж рукой подать – густая тёмная зелень, а прикоснёшься рукой к хвойной ветке – чистый изумруд!

Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем превозмочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаиваться. Мало того, важно не растеряться при прямом столкновении с вековой чащей, не потеряв чуткости видения и интереса - возгореться ещё большим желанием овладения её тайной, и уж потом осторожно подойти к ней вплотную.

X X X

Метель может быть жестокой, всегда испытывающей тебя на крепость, и даже порой - неодолимой, но никогда - страшной.

X X X

Из последних сил светит в морозной вышине месяц, находящийся на ущербе, подобно боевому быку загибает кверху источенные рога, но получается это у него не угрожающе, а изящно, будто он только играет: вот-вот смирённо опустит голову и, ударив о небесную твердь копытом, выбьет мириады ослепительных созвездий.

X X X

Развевая зимние сновидения, ветер к весне становится густым, отягощённым длительными холодами, отчего сердце тревожно, словно вслепую, начинает тукаться в груди и, не давая одуматься, заставляет куда-то спешить. Душе уже нелегко чувствовать себя стеснённой нескончаемыми зимними ночами, она не находит себе места и рвётся наружу...

Успокоиться ей суждено только под осень, когда от неё потребуются вдумчивая проницательность. Весной же, после долгой зимы, все помыслы души чуть ли не распяты, и она возносится к ослепительно синим, волнующим небесам, но не в силах куда-либо лететь.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, а только прислушиваются друг к другу, и ждут всеобщего пробуждения.

Но иногда, где-нибудь в глубине января, налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутя, недовольно застонут, и ещё долго будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому, что потревожили их величественный покой. А потом – опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого и прекрасного мира.

X X X

Так ярко, зазывно играют звёзды всю зиму, что к концу весны постепенно старятся, бледнеют и вскоре становятся совсем немощными.

X X X

Иногда, в январе, над лесом повисает такая беспросветная холодная ночь, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко. И всё же душа твоя, не задумываясь, отправляется туда, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на встречу.

X X X

Белое зимнее солнце, то и дело, ныряет в серых облаках и, кажется, совсем не светит, но если не упускать возможности понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

Ночные снежинки падают на землю словно бы из ничего, радостно переливаются, играют и, отражаясь от собственного волшебного света, устилающего землю, так же просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто смотришь на бесконечное пространство покрытых снегами русских лесов и полей, а к себе возвращаешься уже с новым, углублённым взглядом.

X X X

Звёзды зимой сверкают на небе как будто из одной плоскости, но на самом деле - из разных точек бесконечности. Ночная земля в эту пору - самое удобное место для созерцания их зримой недостижимости и прекрасной беспредельности.

X X X

Добродушным недотёпой представляется лесной боярин-топтыга, пока проводит целую зиму в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потёмках апрельской тишины скрипнул под кем-то крепкий наст, поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун...

X X X

Ночная пороша лежит легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимается вдруг целой тучей мятущихся звёздочек, и ну всех жечь да колоть без разбору!

X X X

От солнца, ветра и поблескивающего наста молодой березняк в конце зимы, вроде бы, отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розоватым вздрагивающим облачком.

X X X

При видимом однообразии зимней повести – никогда не устаёшь листать её заснеженные страницы.

X X X

Зима ещё тужится январскими морозами, а душа уже желает ослепительного марта, когда же в лесу теплеет, и во всём уже чувствуется весна, в ней незаметно совершается счастливый поворот на лето.

Теперь на дворе стоит батюшка июль, и я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый сентябрь, даже не помышляя о лучезарно-жемчужном декабре, и всё пью и пью благословенное чудо природы, и никак не напьюсь, с каждым временем года воскресая в себе каким-то новым, неизвестным мне человеком.

X X X

Морозной январской ночью стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями, и никак не могут расцепиться.

X X X

Словно забавляясь, беззлобно тешат весной людские души бесплотные, но сильно ощущаемые лесные существа, аж дух захватывает. С укоренением лета в лесах начинает дурить леший, обходя незадачливого путника или грибника. «Чёрт ногу сломит», - можно сказать про осень. Но ни в какую другую пору, кроме как зимой, нечистая сила не действует на человека с такой одурманивающей тайной и мраком, отчего становится ещё слаще жить, втайне загадывая у жизни о самом сокровенном.

X X X

Хотя берёзы и осинки с началом зимы одеваются в воздушные пелерины и балетные пачки, а ёлочки торжественно расправляют на себе накрахмаленные кружева и воротнички, они не спорят и не хвастаются друг перед другом нарядною белизной.

X X X

Бывает, в одну ночь всё вокруг застиляет белое остолбенение пришедшей зимы, и именно тогда возвращается всем известная, но забытая новизна радостного отношения к жизни.

X X X

Рад старый глухарь чуткой лесной тишине, на склоне зимы, когда его никто не беспокоит. Бродит между заснеженных деревьев в ожидании скорого тока, неспешно щиплет опавшую сосновую иглу, и не ведает, как он таинственно красив.

X X X

В предрассветном зимнем сумраке волки после ночной охоты спешат на лёжку в мрачные крепи. Человеку трудно вообразить, что звери с удовольствием укладываются там прямо на мёрзлый снег, и сладко дремлют в лучах еле пробивающегося сквозь частые ветви скупого морозного солнца.

X X X

Полная луна легко скользит в чуть замутнённом морозном небе. Всё в природе околдовано её пустынным светом, а вокруг совершенно безлюдно. Сверкающие сугробы подчёркивают залёгшие между ними таинственные тени. Ни единого звука не доносится с укромно замерших поблизости деревень...

Стоит чудесная зимняя тишина, и синие, рассыпающиеся морозной пылью колеи дорог убегают в неведомую глубь заснеженной России.

X X X

Как завораживающе потягивает весной острой сыростью из тёмных оврагов, представляющихся бездонными! Их ледяная прохлада и сковывает, и манит, и не позволяет чего-то до конца постигнуть. Она насквозь пронизывает ускользящим дыханием зимы, что ещё многое хочет сказать, но уже не может.

X X X

В морозное январское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Пунцовое перо трогательного снегиря, прилетевшего к нам в начале зимы, как раз подходит под цвет декабрьской зари, что ещё отличает необыкновенная нежность до наступления суровых январских холодов.

X X X

Зимней ночью свет луны отражается от сугробов, и густой мрачный лес становится от этого просторным и уютным.

X X X

Ранней зимой, когда снежный покров ещё не установился, оголившиеся деревья в отрешённом отдохновении застывают от чёрствого морозца, который упрям и въедлив. Всюду проникает он своими невидимыми прикосновениями, так что и у человека с затаенным удовольствием замирает сердце, благодаря чему удаётся почувствовать неслышно ускользящее время, означающее приход зимнего всепоглощающего сна.

X X X

Зимой деревья выглядят так, будто это и не они вовсе, а лишь их робкое подобие, в образе деревьев затаившееся в лесу. Но у каждого дерева и зимой есть своя жизнь, душа и сновидения, которые они тщательно скрывают.

Именно в зимнюю пору вдруг открываешь, что деревья в лесу всё видят, понимают и ненавязчиво, но пристально наблюдают за каждым твоим шагом и даже ... мыслями.

X X X

Кажется, будто крупные зимние звёзды непременно чего-то обещают, так они призывно переливаются в морозном небе, играют, но на деле, обычно, влекут за собой долгий мучительный рассвет...

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются в нужном порядке, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Если первый снег налетает неудержимо, с метелью, то и зима вступает в свои права сразу, по-настоящему.

X X X

В начале зимы на деревне обычно слышится звонкий лай собак, пока они ободрены недавней сменой времени года – приходом новой, более весёлой поры, и первые морозы ещё не вызывают в них озабоченность будущей суровой жизнью. Пришла зима, и принесла пока только пляшущие морозцы, что одним своим появлением бодрят, отчего всем живым существам становится радостно!

X X X

Свет в конце зимы становится наиболее насыщенным в зависимости от яркости солнца, снега, всего состояния природы в этот самый миг, и ещё каких-то важных перемен в твоей душе.

X X X

Первый заморозок прихватывает так крепко, что шибче солнца пронизывает воздух, и лист, с треском, начинает валиться с деревьев, в последний раз оживляя замкнувшийся в себе лес.

X X X

Посреди белого дня, зимой, вспугнёшь сову, и она, не видящая ничего, полетит куда-то, неуклюже взмахивая крыльями, безуспешно тыкается то вверх по отвесной линии, то по сторонам, и тебе вдруг станет жаль, что такая сильная птица никак не может найти нужного для себя пути.

X X X

В феврале рождается младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остаётся к нему равнодушным, нисколько его не замечая. Но он, задавленный этим невниманием, всё же, пытается всех радовать.

X X X

Скребётся в углу маленькой лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а вверху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда...

Кажется, ничего особого не происходит, но от всего этого ты переживаешь в себе невероятную приподнятость и силу, исходящую от объявшей зимовьё долгой морозной ночи.

X X X

Как хрупкий рисунок нежнейших снежинок, в конце концов, образует тяжёлый несокрушимый лёд, так, незаметно сменяя друг друга, короткие дни слагают собой необозримо величественную зиму. Происходит что-то равносильно тому, когда снег, способный околдовать своим ледяным дыханием, в тоже время, укрывает людей, птиц и зверей от крайнего холода. Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

Вспугнутые с берёзы тетерева, пролетая над другими птицами, мирно кормящимися в значительном отдалении, увлекают за собой и их тоже, пусть даже тетеревов разделяла не одна сотня метров. По-видимому, решительная устремлённость птиц, призванных природой, скорее, к состоянию постоянного благостного покоя, когда они неспешно кормятся тихим морозным днём берёзовыми почками, выражает в подобном случае тревогу, и её не могут не почувствовать их собратья, даже если они и не находились в зоне опасности.

X X X

С высоты самого родного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить предшествующую ему глухую зиму!

X X X

Радостны зимой деревенские дворы, где дорожки расчищены, и оттаявшие окна улыбаются теплом и светом. В них, несмотря на суровую пору, угадывается здоровая народная сила, которую веками сосредотачивала в себе Россия!

Но как тяжёл для сердца вид занесённых снегом ворот, у которых теряется даже собачий след...

X X X

Очень мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов: они воздушны, легки, и дышат таким желанным покоем, что хочется улечься на них, переживая сладкое забытие.

Х Х Х

Чего можно ожидать от встречи с волками в заснеженном поле или дремучем лесу, когда звери голодны и терять им нечего? Загнать зайца, даже – росомаху, в особо гиблые зимы – поднять с берлоги медведя и загрызть его, серым разбойникам ничего не стоит. Звери могут даже расправиться со свадебным поездом, следующим с сочетающимися браком и гостями из церкви в деревню, не оставив ни единого человека в живых. Случалось в жизни и такое.

Но не зло застилает глаза животным, а необходимость продолжения рода и жизни. Многого звери не возьмут, если на то нет серьёзных причин. Когда же человек истребляет в лесу кажущееся ему зло, то так называемое добро погибает вместе с ним.

Х Х Х

На первый взгляд, кажется, что все звери для человека на один лад: среди медведей навряд ли отличишь одного от другого, волки – одинаково серые, неустойчивые и кровожадные, а лисицы – огненно-рыжие пройдохи, охваченные единственным желанием без усталости рыскать в поисках мышей. Но на самом деле животные разные.

Вот, к примеру, белки... Есть среди них очень хитрые: они ходят по кругу, и по их следам охотнику гайно никак не найти. Другие зверьки предусмотрительно прыгают по деревьям далеко от гайно, а потом на снег спускаются, путик протаптывают. Третьи – следы оставляют прямо от дерева, незамысловато прокладывая одну длинную тропу. У четвёртых же тропы от гнезда во все стороны идут – по какой ни пойдёшь, обязательно к гайно придёшь.

Х Х Х

Вкус к жизни копится долго, зарождаюсь ещё с редких январских оттепелей, а завершается в один майский день, расходясь повсюду и тотчас улетучиваясь в нежно-салатном благоухании молодой листвы.

Х Х Х

Установился декабрь и, вроде бы, всех лесных птиц уравнивал и объединил в зимних неприхотливых правах. Но тетерева облюбовали белоснежные берёзы, глухари прячутся в густых кронах сосен, на ёлках красуются краснощёрые клесты, неустойчиво шелуша шишки, а рябчики днюют на кормёжках в ольховниках по берегам овражных ручьёв.

X X X

Последние клочки снега в поле – будто зайцы, что залёгли в меже... Долго смотришь, и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое невыгодное для себя место и не убегают?

X X X

К зиме белка делает припасов в несколько раз больше, чем могла бы съесть сама, и это при отменной памяти, когда обнаруживает их под снегом с поразительной точностью.

Но даже если белка зароет поздней осенью горстку орешков, забудет за зиму про спрятанный запас или оборвётся её жизнь в зубах ненасытной куницы, то на том месте вырастет потом пышный куст лещины.

X X X

Мужественно перезимовавший на ветке листочек весной всё равно обрывается и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким букварём, всматриваясь в который все деревья будто заново постигают азбуку жизненных красок.

X X X

Необыкновенно хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы... Редко увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, и весело искрится на фоне нежного голубого неба.

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теревить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Изредка тетерева бросят клевать, вытянут шеи и настороженно вглядываются в морозную даль. Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погружившийся в сон лес. Но нет, всё тихо, и птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: тщательно набивают зоб, чтобы ничто не мешало их сладкой дреме под снегом, куда они скоро всем скопом дружно попадают.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами выгодно дополняют унылый предзимний пейзаж, и природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись ими.

X X X

Свист снегиря зимой – её тонкая снежная печаль.

Х Х Х

Пришла зима и убелила снегом леса и землю... Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял всё живое.

Чистый и ещё не тронутый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем оцепенении, снег принёс долгожданный покой, необходимый всякому лесному обитателю. За три предшествующих времени года звери и птицы порядком потрудились, и теперь, наконец, для них наступило время отдыха до чудесной весенней поры, а зима помогла им в этом.

Х Х Х

Люблю распутывать следы зверей в природе, что они оставляют за собой на снегу, и в устремлении во что бы то ни стало раскрыть их тайны, они незаметно уводят тебя от чего-то непутёвого в себе - к поистине главному и дорожному.

Х Х Х

По-настоящему глубоко память может затянуть тебя в свои сердечные размышления только зимою, неотвратимо увлекая сначала в осень – неминуемый и с удовольствием переживаемый на этом пути рубеж. Затем – в лето, когда через зелень самой роскошной поры постигаешь радость жизни и нескончаемость бытия. И, наконец, в весну, что неотступно пронизывает своей всепоглощающей мечтой все времена года, снова незаметно приближая тебя к сладостным зимним воспоминаниям...

Х Х Х

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне...

Х Х Х

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

Х Х Х

Тихо падает снег, и с неба снисходит благодать.

X X X

Редко, когда деревья простоят в богатом убранстве и неем весь день... Рано или поздно они его сбрасывают, после чего становятся какими-то оголёнными и задумчивыми, будто сожалея об утраченной красе.

X X X

Волка, конечно, не сравнить с медведем или лосем, но вот отпечаток волчьей лапы в снегу порой поражает воображение своей загадочной величиной.

X X X

Представляя, как привычно укладывается на всю зиму в своём укромном гайно наша чудесница-белка, тоже подбираешься в себе с наступлением холодов в уютный комок и ... застываешь от мысли, что никогда не сможешь, хотя бы на короткое время, остановить, как и она, своё разгорячённое сердце, оставаясь при этом живым...

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

Хорошо любоваться в зимний день на солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе торжественные и восторженные!

X X X

Какая-то страшная, необъяснимая сила охватывает нас зимой, в северном лесу... Наверное, её слагают прожитые им века, что до сих пор властвуют над человеком, отдаваясь в его душе полузабытым дремучим эхом.

X X X

В глуби зимы, ещё задолго до наступления весенних радостных сумерек, вдруг внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой своей открывшейся глубинной силе станет необыкновенно ясна вся последующая жизнь.

X X X

Приведётся тебе однажды столкнуться в зимнем лесу с ранним малиновым восходом — и ты словно причастишься к чему-то таинственному, к тому, что неосознанно переживаешь, силишься постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого прошлого.

X X X

Возродившись в душе долгожданной и бурной весной, пропев наполненную восхитительными событиями жизнь летом, совсем не хочется угасать душой в благодатную осень, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры...

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни...

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все свои мучительные достижения на пути к нему, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны!

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё зимними ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Густой весенний туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое зимнее время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает, на что с ними решиться.

X X X

Всю зиму изумрудными хоромами высятся сосновые боры, не дают угаснуть потаённому лесному духу. Вторят им пушистые ели с пихтами, и тоже создают лесную сказку. Все остальные деревья стоят голые, и, кажется, не содержат в себе никакой тайны, да только и в них живёт еле угадываемое, хоть ещё и не высказанное обаяние вековой зимней чащи.

Вот прилетел на старую осину большой чёрный дятел-желна, удобнее упёрся о ствол хвостом, и затеял монотонную барабанную дробь. И дерево ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным лесом голосом, и сразу стало загадочным и красивым.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка - красноватой. Но вот случится вдруг увидеть её однажды в зиму зелёной, свет от неё беспрепятственно проникнет в душу, и нащупает там неведомые ранее чувства и мысли.

X X X

Зимняя поляна иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить весь её свет, что проникает в тебя, заполняя чистотой, и дальше уже идёшь совершенно распахнутый от того, что вобрала в себя душа. Белый снег ей к лицу!

X X X

Незаметно сменяют друг друга короткие дни, слагая необозримую зиму. Это незримое истечение умиротворённой жизни равносильно тому, когда снег, способный околдовать ледяным дыханием, в то же время укрывает и спасает всех своим теплом. Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

За всю зиму хоть раз, да захочется протаять пальцем дырочку в замёрзшем стекле окна и увидеть там удивительный весенний мир.

X X X

Если зимой проходить мимо медвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не встанет.

X X X

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звёзды, невольно спрашивая у них совета.

X X X

Как же мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов! Они воздушны, легки, и в то же время уверенно дышат желанным и умиротворённым покоем.

X X X

Никогда не задумаешься о том, что посреди морозного января, где-то в таёжном северном лесу, медведицы рожают своих ещё непутёвых малышей. Лежат с ними под глубокими сугробами в мирном полусне, подоткнув их под мышки, и совсем не помышляют о навалившейся на них зимушке-зиме, что так же уютно и заботливо, как это выходит у медведицы, обнимает собой весь живой мир.

X X X

Весной трудно написать о зиме, как это можно сделать осенью. Должно родиться нетерпеливое и твёрдое намерение ощутить зиму вновь. Только тогда она раскроет всю потаённость немеркнущих сумерек, бодрящую лёгкость морозца или пронзительную белизну плотно укутанных снегом полей.

X X X

Устав от людей, бывает, укроешься где-нибудь в лесном зимовище, с затаенной мыслью только о красавице-луне или прекрасных звёздах, желая оказаться вместе с ними там, в сказочной вышине, а они глядятся в тебя из неведомых небесных далей, и становятся всё краше и краше.

X X X

Только однажды, в рождественскую ночь, кто-то будто возьмёт тебя за руку и подведёт к самым звёздам, и ты на всю жизнь запомнишь и благословишь чьё-то незримое присутствие, которое ненавязчиво указало в тебе чистого человека.

X X X

Несравненен зимний уют внутри жилья! Комната будто оживает, открывая неведомую ранее жизнь людей и предметов. Солнце заглядывает через оголённые окна, каждому напоминая или подсказывая что-то сокровенное, своё. И каждый про себя, непроизвольно и с удовольствием, пересматривает собственную жизнь, и борется с воображаемыми слезами умиления.

X X X

Когда после долгой осенней неустроенности приходит чистый и успокоенный декабрь, появляется до жути непреодолимое желание заглянуть в будущее - в предстоящую зиму, чтобы поскорее увидеть волшебные узоры на окнах, ощутить божественную темноту звёздной рождественской ночи и перехватывающий дух крещенский мороз. Кажется, декабрь думает только о прекрасном, поддерживая в сердцах людей надежду на переживание одной радости.

X X X

Проснувшись посреди ночи, зимой, всегда почему-то почувствуешь: пасмурно на небе либо сияют звёзды. И если небо звёздное – тотчас, неизвестно чему, обрадуешься, и опять окунёшься в сладкие сновидения. А если пасмурно – долго ворочаешься, всё о чём-то думаешь, и, так ни к чему не придя, тяжело забываешься только под утро.

X X X

Оказавшись на краю заснеженного поля, среди притаившейся тишины и длинных синих теней от уснувших берёз всегда мечтается о том, чтобы появилась огненная лисица, быть может, пего-коричневый смиренный лось, или, на худой конец, резвый зайчишка. Тишина бы вздрогнула в этот миг, закачалась на плечах леса, и всё вокруг ожило, заиграло радостным предвесенним светом. А ты бы стоял, не шелохнувшись, бесконечно долгое время, и любовался зверями, запоминая каждое их движение, взгляд и чуткое изменение настроения.

Налюбовавшись, тебе всегда почему-то захочется как-то проявить себя, чтобы зверь обязательно отреагировал на твоё присутствие, и ты слегка присвистнешь, после чего зверь насторожится, длинными неторопливыми прыжками пересечёт поляну прямо перед тобой, и исчезнет. Лес будет стоять тихо, и если бы ни следы, подумается, что всё чудесным образом тебе привиделось.

Наверное, можно многое узнать о звере вот так, один на один с ним, и почувствовать себя счастливым человеком. Ради этой возможности тебе не в тягость пройти десяток километров, и сколько угодно времени простоять, не двигаясь, на морозе.

Ожидание подобной встречи всегда томительно. Гадаешь, кто попадётся навстречу, и как это произойдёт? Но лес откроет новое, совсем неожиданное, потому как никогда не повторяется в своём откровении.

X X X

Многим хороша зима, но главное её достоинство - глубокие снежные покровы, которыми она устилает землю. Благодаря её чистым снегам можно без труда прочесть все подробности в книге жизни лесных обитателей. Ни в какое другое время года это невозможно, а зимой все тонкости поведения животных, как на ладони!

Некуда им скрыться от снежной напасти, и звери с нетерпением ждут весну, когда зазвонят ручьи, ярко засветит солнце и растопит глубокие сугробы. Тогда смело можно будет бегать по лесу, щипать траву и ягоды, выискивать мышей и червячков.

Но не для всех лесных обитателей снежный покров в тягость. Для некоторых он служит домом – надёжным и тёплым укрытием. Мыши-полёвки лишь изредка чертят по снегу еле приметную вязь следков, всю зиму проводя жизнь в надёжно замаскированных норках. Ласки и горностаи – белые, как сахар, отличимые от снежной белизны лишь бусинками глаз и чёрным кончиком хвоста, так же проводят всю зиму под снегом. Не тронутая сверху белизна скрывает их многочисленные переходы.

На свет зверьки выбирают только за тем, чтобы оправиться, понаблюдать за всем происходящим наверху, да подышать свежим воздухом. Их неожиданно возникшие посередине поляны ямки, как правило, с испражнениями, свидетельствуют о проявляемом интересе к окружающей жизни, потребности время от времени следить за собственной безопасностью. Не ровен час, налетит, откуда ни возмись, ушастый филин или подберётся неслышной поступью кумушка-лиса!

Выбравшись на поверхность, горностаи замирают белыми столбиками, с любопытством осматриваясь вокруг. Мало горностаю иметь защитную шкурку, как зайцу: он норовит глубже под снег забраться, где ему и укрытие, и пропитание. Только непонятно, как такому вёрткому и пронырливому зверьку не надоедает всю зиму под снегом сидеть: ни порезвиться тебе, ни побегать привольно. Видно, хорошо горностаю под снегом живётся, и нет у него никакого желания что-либо в своей жизни менять.

Х Х Х

Иной раз захочется обойти всю зиму по глубокому непролазному снегу, но постепенно выдыхаешься, волей-неволей умеряешь шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах.

Х Х Х

Даже для изощрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за десятки пройденных по лесу километров однажды зимой выскользнет на лесную дорожку яркий колонок, усядется прямо перед тобой, и

начнёт что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах.

X X X

Вошёл я как-то в февральский лес и, кажется, не заметил в нём никаких изменений в сравнении с январём. Всё так же вокруг тихо, сонно, бездыханно. Только восход солнца чуть дольше разгорается за лесом: чем-то он безотчётно привлекает, неотступно манит, так что сразу хочется его перенести на холст.

Горит за чёрным еловым лесом розоватая утренняя заря, и отблески её мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились синие тени. И вдруг, неожиданно для этой неживой и еле приметной новизны, слышится голос рябчика, затем ещё и ещё...

Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается, как ни в чём не бывало. Весь снег здесь испещрён аккуратными следами, что тянутся вдоль друг друга: рябчики начинают разбиваться на пары. Скоро им предстоит начать в себе новую жизнь, и рябчики ожили, огласив ещё не проснувшийся февральский лес призывным свистом: «тюк-тюк, терерюк-к!»

X X X

Птицы, улетая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься и никак не можешь понять – чего тебе на самом деле не доставало? Только к весне постигаешь, как не хватало возможности взлететь над собственным незнанием и усталостью, а помогало тебе всю зиму, оказывается, ощущение щедрости, с которым ты позволил птицам забрать осенью часть своей души.

X X X

Хуже всего в зимнем лесу приходится дуплистому дереву, с пустотой, когда оно живёт, наверное, без чувств и мыслей.

X X X

И осень, и зима достаточно величественны, но кто из них более царственен – ни за что не разобрать!

X X X

Переход от осени к зиме так мучителен, что даже радость в это время печальна.

X X X

Несмотря на свою неприступность, зимняя мгла, снег и чёрный лес порой оказываются ближе, чем самые родные люди.

X X X

Зимняя тишина, обволакивая, глушит и холодит, а шелест снежинок успокаивает.

X X X

Однажды поздним январским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком холодный ветер льнёт ни к земле, и ни к лесу, а к человеку. Именно со мной он почему-то ищет желанной и дорогой встречи.

X X X

В глухие зимние ночи, когда снег начисто заметает пути-дороги, а луна тревожным бельмом вздрагивает на неясном небосводе, в удалённом от людей лесном зимовище сердце твоё согревает только робкий фитилёк поржавевшей от времени керосиновой лампы.

X X X

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя зимой у тёплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая непогода?!

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

В зимний день хорошо любоваться на торжественно сияющие, солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе восторженные!

X X X

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу неожиданно остро волнуют сердце... Хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого черноглазого зайца или ослепительно огненную кумушку-лису, и ни о чём другом не думать.

X X X

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с конца января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе, издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-н-н!».

До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё далёкой радостной поры!

X X X

Выйдешь в январскую ночь под звёзды - и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни весной, ни летом, ни осенью.

X X X

В зимнем лесу всё необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам!

X X X

В свете скупой декабрьской зари изредка вспыхивают золотистым огнём лишь макушки вековых сосен, но зато морозный воздух благоухает свежестью надкушенного яблока, а шишки на ёлках представляются новогодними игрушками!

X X X

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

X X X

Зарождению во мне любви к природе я обязан своей прабабушке – Ольге Филипповне: с маленьким женским ружьём она пыталась охотиться на зайцев, но ничего у неё не получалось...

X X X

Когда я гляжу зимой в застывшие волчьи глаза, они открывают мне тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть потолок безукоризненно отточенных им природных инстинктов.

X X X

Клочки сена по краям заснеженной дороги, обронённые с саней, вызывают в памяти далёкое лето, что, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть.

X X X

Следы у куницы такие лёгкие, мягкие и округлые, что, кажется, будто она ступает по снегу в пуховых башмачках.

X X X

Декабрь, пожалуй, самый обаятельный зимний месяц, и хорош он ожиданием новогоднего праздника, после которого начинается иная, кажется, менее интересная жизнь. Ещё у декабря есть молодой снег, не обременённый собственной, надоевшей ему самому тяжестью, и его радостный блеск, и удивительный перламутровый цвет, и сказочный покой.

X X X

Всего-то и увидишь за день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной зимы.

X X X

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты.

X X X

Когда задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет добраться до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою мятущуюся душу, и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

X X X

Даже в самом благородном стремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодящей зимней тьмы, которая порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

К весне потеряешься душой, отрешённо бродишь в лесу, вдыхая его елово-берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы, а в сердце проснётся, наконец, что-то самое долгожданное, бесконечно близкое и родное, сравнимое с возвращением на родину дорогих сердцу журавлей, когда душа с Богом беседует!

X X X

Какие сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости зимней ночи, когда он коротает их в глухой таёжной сторожке, а наоборот, переживать от всего происходящего радостную удовлетворённость и покой!

X X X

Месяц от мороза наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и красные камни, и душа переполнилась счастьем, и тоже весело заиграла!

X X X

Пространство и свет заснеженного поля перед стеной чернеющего леса всегда вызывают по-особенному затаенное неизбывное чувство, что почему-то не даёт спокойно жить.

X X X

В глубине зимы, задолго до наступления весенних радостных сумерек, бывает, внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой произошедшей с тобой перемене станет необыкновенно ясна и понятна вся последующая жизнь.

X X X

Когда зимою над вершинами тёмных елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда посещает ощущение чего-то радостного, ещё не сбывшегося, но ты

веришь - рано или поздно оно обязательно утвердится в тебе, и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Случается в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по жизненной дороге, и по крупицам находишь радость в лете, осени и, конечно, зиме.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розоватый отсвет на сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и чистое, что даже не верится: как может оно ещё больше обновиться в марте!

X X X

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: вот-вот наступит весна! Но что послужило основанием для такой убеждённости?

Может быть, синица раньше времени восторженно заиграла под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё, совсем не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же ... весна!

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо.

И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника, оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неутомомно переговариваются, и совершенно изменяют своим присутствием унылый зимний вид.

X X X

Только народившийся ломтик месяца тоненький, изящный, а между тем – царит на зимнем небе!

X X X

Снегири – трепетные птички сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь перед безудержными метелями и жестоким морозом, и они всегда уверены в своей вечной молодости.

X X X

Больше юга люблю север: взбунтовавшиеся дикие силы природы и стонущую тайгу, неистовые порывы студёного ветра и долгий изматывающий путь в пургу, потому как только в них и растёт душа.

X X X

В народных поговорках и сказаниях лисица рисуется животным хитрым и вероломным, ещё более хищным, чем волк, но издавна знакомо людям и такое качество лисы, как осмотрительность... Лиса завсегда с оглядкой живёт, и ходит только своим пятником, чтобы не оставлять за собой лишних следов.

Прежде, чем перейти, скажем, через замёрзшую реку где-нибудь в начале зимы, лиса долго прислушивается, как подо льдом вода течёт, и по этому звуку судит, достаточно ли он прочен. Если лиса через лёд пройдёт, тогда через него можно и пушки возить, до того он крепок, замечали в народе, а уж в феврале, после Сретения, по тем же народным наблюдениям, она вообще на лёд не ступает – боится... Сторожка лиса так, что семерых волков проведёт!

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло своим ослепительным теплом, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни...

X X X

Весенний день, словно молодой породистый рысак, он полон сил и способен одолеть всех, с кем только можно потягаться. Лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет. Осень склоняется над тобой повидавшей виды женщиной, нащёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь слушать. Зима наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон...

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все мучительные ожидания, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны.

Х Х Х

У меня всегда бывает так: глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью трогательную детскую память о неподражаемо чудесном сказочном мире.

Х Х Х

В начале декабря, когда сильные морозы ещё не укоренились и воздух мягко пронизан розоватыми лучами, особенно ослепительно искрятся и играют в солнечных лучах молодые сугробы.

Х Х Х

После первых бурных снегопадов, когда снег ещё не улежался, и в лесу ни пройти - ни проехать, то ли дело для зверей открытое поле! Именно сюда первой устремляется коротконогая кумушка-лисичка. Мышкуя, лисица словно плывёт по снежному полю, утопая лапами в снегу, а почуяв грызуна под снеговой толщей, зарывается в неё с головой, так что на поверхности вздрагивает один огненный хвост.

Пискнула мышь в зубах хищника - и султан распушённого хвоста лисы застыл свечой, будто одинокий кустик. Но в следующее мгновение, словно в танце, уже опять выгибается над снегом её ярко-рыжая спина!

Лиса ловко отталкивается передними лапами и приподнимается на задние, замерев так огненным изваянием на фоне ослепительного снега... А затем, изогнувшись в воздухе, стремительно опускается на передние, задрав задние кверху.

Движения лисы при этом грациозны, пластичны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней поре, чистому, только что выпавшему снегу, розоватому солнцу, и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

Х Х Х

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё зимними ночами в напряженном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Собираясь накануне в зимний лес, всё думаешь: надо бы завтра, натолкнувшись на свежий след рыси или лисицы, обязательно пройти по нему в пяту, ни на что не отвлекаясь и до самого конца.

Но как только окажешься поутру за околицей, на мгновение замрёшь в ознобе восторга от увиденного и - будь здоров, позабыв обо всём, куда глаза глядят... Так увлекательны и благословенны бесчисленные лесные дорожки зимой!

X X X

Бывает, станет так хорошо зимой в морозной лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть ли не дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь от неё светлой и чистой сказки

X X X

Увидел однажды в заснеженном поле лису и сразу подумал: зачем у неё такой пушистый и как будто совсем ненужный хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы замечать: если кому понадобится, он их и без того разберёт. Да и с красотой не всё так просто обстоит, что в лесу как раз не резон в глаза бросаться.

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя, подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком, так что на снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой, и понял: хвост позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы. Когда лиса, оборачиваясь им, утыкает в него нос, холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться. Не хвост, а носогрейка!

К тому же, лиса-Патрикеевна, при всей своей изворотливости не имея в природе явных врагов, призвана заявить о своей красе во всеуслышание! Посмотрите, какая я пригожая, и собой красива, и по уму мне молвят славу: чего же мне бояться?

У волка хвост – полено, замечали в народе, у медведя – куцык, у бобра – лопата, а у лисы – труба, им она на весь белый свет и трубит о том, как хороша. Он у неё – что след огненной кометы, озаряющей собой и без того дивный лес.

Лиса хвостом виляет, но зубы скалит, и если зайца ноги носят, волка зубы кормят, то лису хвост бережёт. С ним она от любой беды отыграется, оттого сытей волка и живёт!

X X X

Первый снег - будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит, ложится на остывшую землю и замирает в ожидании внимания.

Х Х Х

Иной раз захочется обойти всю зиму по глубоким снегам, но постепенно задыхаешься, волей-неволей умеряешь свой шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах.

Х Х Х

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с конца января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-дон-н!»

До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё не проснувшейся радостной поры!

Х Х Х

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: скоро весна! Но что послужило основанием такой убеждённости? Может быть, синица, раньше времени, восторженно запиныкала под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе тучные облака или что-то ещё необычное, совсем уже не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же ... весна!

Х Х Х

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства – синички, сильно разнятся между собой: большая, длиннохвостая, гаичка, хохлатая, усатая, лазоревка... Но все они предназначены делать одно дело – тоненько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег.

А ещё быть беззаботными в любую непогоду и никогда не унывать, в то же время, ни на миг, не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости и в лесу, и в городе. Не для того ли, чтобы смягчить наше

ожесточившееся за зиму сердце, и, не повторяясь, радовать его, делая богаче?
Мала синичка, да ноготок остёр!

Х Х Х

Морозной зимней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, и ломтик сочной дыни, дольку лимона, озорную улыбку прекрасной лунной девушки или уголок небесной монетки. Архангелы, наверное, потёрли её, чтобы им лучше было наблюдать за тем, что происходит на земле.

Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, и, конечно, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия ещё не просыпавшихся на землю драгоценных подарков для всех людей.

Уже засыпая, и находясь в сладостном полузабытьи, когда лунные образы незаметно сменяют друг друга, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло в довольной улыбке. И всё это - зимние проделки ясного месяца!

Х Х Х

В тихий зимний день вдруг прилетит из леса большой пёстрый дятел, и что-то встрепет в твоей душе. Взмахнув крыльями, он усаживается на старой сосне, у самого дома, и, упруго упершись хвостом о ствол, тотчас затевает свою гулкую барабанную трель.

Мелкой пылью осыпается источенная шелуха, между ветвей испуганно замирает тишина, а дятел, равнодушный ко всему, неустанно бьёт увесистым носом. И зима ему вроде бы не зима, и насторожившейся тишины он не замечает: озабоченность до предела.

Глядя на неугомонную птицу - и тебе захочется, не откладывая, стать неутомимым. Упруго взмахивая крыльями, стучаться в злую людскую разобщённость, негаданно врываться в чью-либо печаль... И ещё жить так же неудержимо, чтобы всё вокруг замирало от излучаемой тобой силы, наполняющей сердца людей светом восхищённой зимней тишины.

Х Х Х

Не припомню, чтобы попав в самую гибельную пургу, я был охвачен безудержной яростью или тоской, а всегда меня переполнял только пьянящий восторг, какое-то необыкновенно приподнятое, до счастливого безумия, настроение!

Х Х Х

Редко, когда что-либо значительное в природе, особенно – в зимнюю пору, олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь «волчьим солнышком». Луна зимою и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детёнышей, и они вырастают с присущей только им непостижимой лунной мастью, готовые преодолевать и стужу, и голод, и не пугающую зверей безысходность их неприкаянной судьбы.

Х Х Х

Утренние и вечерние сумерки в зимней природе, казалось бы, абсолютно схожие. Однако, о первых в народе говорят возвышенно и проникновенно – сиреневые, а о последних – с налётом необъяснимой грусти – тёмно-синие.

Виной тому – день, обременённый множеством дел и событий. Утром наше восприятие отдохнуло, и оно переполнено радостью; к вечеру же, уставшие, мы не ждём ничего, кроме успокаивающей темноты, располагающей ко сну.

Х Х Х

Вспомнишь, как красивы опушившиеся к зиме иссиня-чёрные тетерева, представишь себе – как они ночуют в морозном лесу, под снегом, и сразу повеет необыкновенно уютным и сказочным теплом!

Х Х Х

Однажды всю зимнюю ночь преследовал меня одинокий волк. Волк ничего не грыз, не рвал, никуда, вроде бы, не стремился, а если и делал что-то, то так, что его можно было неторопливо рассмотреть. Словно всё, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить, двигаться, смотреть по-волчьи равнодушно и как бы недобро.

Волк оставался открытым взгляду и воображению целую ночь. Похоже, что он словно проживал вместе со мной мои мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо, полагая их для себя безопасными.

Волк всё время находился в поле моего пристального внимания. Стоя на заснеженной утоптанной опушке, он изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от вынужденного безделья, даже некоторой настороженности. Медленно поворачивал лобастую голову, косил мимо застывшим от постоянного напряжения собственной жизни взглядом.

Мерно вздрагивающий в раскрытой пасти язык почему-то не обжигал жаром страха: он вызывал в душе, скорее, какое-то неустройство. Когда же язык показывался наружу, волк на мгновение казался и вовсе добродушным зверем, как собака.

К телу подступала приятная скованность, когда волк начинал двигаться. В такие минуты я не страдал, и меня не одолевали какие-либо разрушающие сомнения, а просто охватывала обыкновенная тихая жуть, которую почему-то также приятно было преодолевать.

Кружа по полю и приседая на задние лапы, волк изредка схватывал губами хрупкий снег, низко прижимая голову, озирался. Ему не составляло труда контролировать местность, тишину застывшего леса и приглушённые зимой запахи, не проявляя ни к чему окружающему своего пристального интереса. Озирался он как будто в поисках чего-то утерянного, но не снисходил при этом до открытого недоумения или растерянности.

Порой волк отрешённо замирал, и непонятно было: вслушивается ли он в холодное завывание ветра в верхушках деревьев, шуршание сухой позёмки по мёрзлому насту или его изошрённое чутьё скользит где-то рядом, ни на чём конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, сердце начинало учащённо биться, и кровь немела в жилах от его безутешного воя, одиноко плывущего над лесом. Проникая в душу, вой оседал в ней неясной одурманивающей опасностью, а на лес навевал состояние безмолвия и пустынности.

Время от времени зверь видоизменялся, слабо пульсируя то в одном, то в другом обличье. Но в любом случае было очевидно, что это волк, и о нём я, оказывается, думал ... во сне. Видение это не было чем-то пугающим, сон приятно тревожил и обескураживал, словно мне самому предстояло вот так же скитаться, самозабвенно что-то искать и отупело выть на мерцающую в облаках зимнюю луну, может быть, к кому-нибудь проситься на ночлег?

Я, конечно, знал, что волк никогда не вымаливает у судьбы подаяния, что он необыкновенно горд дарованной ему волей, и презирает человеческую ограниченность, хотя и пришёл ко мне по доброй воле. Вернее, я вызвал его из какого-то древнего забытья, извлёк своей памятью из таинственного глухого леса, потому что он был мне нужен.

Волк, наверное, уже давно был моей лесной судьбой, что не принимала слепого смирения даже перед божьей милостью, а желала только одного:

неутомимого поиска, и я был благодарен зверю за то, что он поверил мне и отозвался.

X X X

Следы на снегу - это не только лесная примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет своё имя.

Заячий – малик, лисий – нарыск, волчий – сакма, медвежий – переступы, след такого мелкого зверька, как горноста́й или ласка, - побежка, а чуть приметные кресты на снегу, уводящие в таинственную хвойную глушь, принадлежат глухарям, это - наброды. Торный же след выдры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовётся лазом.

Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память, и всю зиму безуспешно от неё убегают.

X X X

Несмотря на то, что летом хватает тайны – и в ранних восторженно-проникновенных восходах, и в неописуемо очаровательных розоватых закатах, которые не хочется упускать, и в слепых солнечных дождях, осеняющих землю ещё более золотистым живительным светом, только зимой она по-настоящему необъяснима и сказочно обворожительна. Зима – самое таинственное время года, и тайна в ней так загадочно тиха, что кажется, будто она постоянно находится рядом.

Чудится, что эта тайна всё о тебе и всех знает, но не спешит себя проявлять, будто предоставляя возможность самому постигнуть её завораживающую глубину, и тогда всё неведомое, что скрывает в себе зима, действительно хочется разгадать, втайне будто причащаясь к сокровенному божественному замыслу.

X X X

Иной раз заслышишь в зимнем лесу дробную трель, и тотчас несколько разочарованно подумаешь: опять дятел, встреча с которым ничего нового уже не принесёт, поскольку за свой лесной век понасмотрелся ты на этих птиц вдоволь, всё, кажется, про них узнал и ничем тебя не удивишь!

Остановившись от дятла чуть поодаль, решишь немножко передохнуть и, опершись на лыжную палку, станешь без всякого интереса наблюдать, как он небрежно и в тоже время размеренно взмахивает головой, отбрасывает в сторону щепку и вновь ударяет: «Тук-тук, тук-тук, тук-тук!» Стоишь,

смотришь и постепенно вдруг начинаешь замечать, что дятел прикладывается к стволу не как придётся, а аккуратно, будто его ... целует.

X X X

Выдался однажды такой год, что только в первых числах декабря случился уже почти неожиданный снегопад. Снег валил два дня и две ночи, пригнул маленькие кустики и деревца к самой земле, а стылый северный ветер не прекращался. В эту непогоду все птицы бросились утеплять свои гнёзда. Но где найти подсобный материал?

И вот вороны, сороки и воробьи с синицами нацелились на мои окна: особо не церемонясь, присаживались наверх наличников, и сразу принимались вытягивать паклю, так что по всему дому стояла жуткая возня. Одни только сорвутся к гнезду, другие уже тут как тут – и опять шум, шорох, озабоченное копошение. Даже очередь установили: первыми, как водится, кто посильнее, ну а мелкота – последней. Не успевают друг друга сменять, того и гляди сцепятся.

А я сижу, слушая завывания холодного ветра, изредка поглядываю на птиц и работаю над новой книгой. Мне не жаль ни одной пушинки, которые они тащат прямо из-под моего носа, и очень хочется, чтобы птицы не замёрзли, а успели утеплить свои гнёзда. Я смотрю в окно на подступающую зиму, улыбаюсь птицам и пишу про весну.

X X X

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся зверь в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. А по человеческому волеизъявлению – всё всегда как бы, да авось, то ли этак, то ли так, и в любое время года, как ни крути, человеку вечно чего-то не хватает.

Лето на дворе, вокруг сплошная благодать и радостное убранство, да вот только жар его шибко томит. С осенью наступают долгожданное умиротворение и прохлада, вроде бы, живи не хочу, но смущает опасение, что вот-вот зарядят нескончаемые дожди, а то ещё - задует пронизывающий северо-западный ветер.

Пришла зима – и все страсти утихомирились, в сердцах людей воцарились полное довольствие и покой, но и в эту пору отчего-то начинают мучить сомнения, белый свет становится не мил, и человека неумолимо клонит ко сну. И, наконец, прилетает на животворящих крыльях чудесница-весна: ни цветами её не измерить, ни голубизной небесной не объять, только проникновенный свет и великая радость, нескончаемый восторг и сладкая боль. А где-то в самой глубине души уже закрадывается подозрение: исполнится ли на сей раз сокровенное желание, не обманет ли опять многообещающая, но непостоянная пора?!

Вот когда позавидуешь медведю, и пожелаешь обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы и долгая зима была не в тягость, и лето не ложилось на плечи нелёгким бременем, и не наскучила однажды непогодливая осень, а весна принесла бы всё, о чём мечтает душа.

X X X

Ястребиная сова... Вроде бы, звучит грозно, даже устрашающе, но ничего хищного в её облике нет.

Может быть, только слегка загнутый клюв напоминает страшную для всех птицу, да ещё то, что остальные совы отдыхают зимою в дуплах, забиваясь в самую чащобу, а эта, как нарочно, устраивается на виду.

Так и сидит целый день, подобно ястребу, высматривающему таким образом добычу, но не нападает, потому, как ничего не видит. Пристроится на самой высокой вершинке какого-нибудь дерева и спит, изредка поворачивая за скупым декабрьским солнцем свой грозный ястребиный профиль, на который никто не обращает внимания.

X X X

К концу зимы снегири пересвистываются как-то по-особенному тоненько и изящно, будто серебряные ниточки между деревьями натягивают, так что если приглядеться, кажется, воочию начинаешь различать эти трогательные прозрачные струны.

X X X

Всю зиму завывали в лесу злые метели и вьюги, стонали верхушки деревьев, трещали от лютого мороза скованные льдом озёра и реки. Все лесные обитатели попрятались кто куда, будто умерли, кроме вездесущих синиц и дятлов.

Но вот зароился нагретый мартовский воздух, на южном склоне лога, под ёлками, зашевелился муравейник, и оказалось, что пережили зиму зайцы, глухари, тетерева и рябчики, выдры и лоси, волки и рыси, бобры, куницы и норки, поползни, белки, и все вместе возликовали от солнечного тепла и жизненной силы!

X X X

Декабрьская метель, словно заблудившаяся в своих беспрестанных метаниях ведьма, тыкается в стены и окна домов, наговаривает то там, то

здесь страшные напасти, пророчит беду, а вырвавшись на широкую улицу, будто обо всём забывает, с безудержными причитаниями разыгрывая из себя святу. Но как ей далеко до обезумевшей вековухи-стужи, что только леденит до смерти, не ведая каких-нибудь перевоплощений!

Не верится, что скоро Рождество, с душистым еловым ароматом в комнате, печёными в сахаре жаворонками, румяными караваями на разноцветных полотенцах, и спокойной верою в далёкую и близкую звезду, которая пророчит вечную радость постижения в себе божественного.

X X X

Даже не помню: обвязывал ли я ниткой крепкие маленькие мандарины, чтобы подвешивать их на пушистые ёлочные ветви, и доставляло ли мне это в детстве какое-то удовольствие?

Но никогда не забуду лёгкого, сладко кружащего голову аромата, что поднимался откуда-то снизу, из-под привезённого из леса срубленного смолистого деревца, с появлением которого в комнате всегда воцарялся ни с чем несравнимый волшебный покой и неописуемая радость, что были присущи только чудесному зимнему празднику...

X X X

Бывает, ещё в конце января в воздухе вдруг запахнет весной, и ты недоумеваешь: откуда взялся этот запах? Ведь ещё вчера его не было, хотя так же веял тёплый ветер и с крыш срывались крупные капли, а вот сегодня запах возник и разбредил душу.

Выйдя на улицу, замрёшь и стараешься угадать, где его источник. Вот сейчас, думается тебе, стоит только сосредоточиться – и, наконец, всё узнаешь. Терпеливо вслушиваешься, всматриваешься и вдруг нечаянно обнаруживаешь, что запах весны исходит ... подтаивающий снег, который в оттепель всегда становится нежным, навевает добрые мысли и заставляет учащённо биться сердце.

Так я думал раньше, и верилось, что окончательно подошёл к отгадке на мучающий меня вопрос. Но вот однажды, в двадцатых числах января, я так же вышел поутру из дома и сразу почувствовал, как остро пахнет весной. И хотя оттепели не было, будоражащий сердце ветерок не веял и подтаявший снег с крыш не соскальзывал, ощущение от дыхания весны было непередаваемым. Казалось, на дворе уже давно стоит март, а январь с февралём затерялись где-то в далёком прошлом.

Долго я не мог понять, что задолго до наступления марта в самом январском воздухе происходит какой-то неминуемый и еле уловимый поворот к весне, точно также, как в начале мая – к лету. Если ты почувствовал его, странная тяжесть от бесконечных снегопадов раньше других спадает с твоей души, и в ней неминуемо начинает зреть ощущение

радостной новизны. Это уже не сладкий зимний сон, а ясная предвесенняя полудремота, готовая в любой миг прийти в себя от подступающей волнами пьянящей свежести, как это бывает только в марте.

X X X

В начале декабря, когда выпадает коренной снег, лес окончательно замыкается в себе и становится похож на заколоченный, пустой театр, в котором все представления давно окончились, труппа разъехалась на каникулы, и только стены его, вдалеке от движения и былой суеты, стали постепенно наполниться каким-то необыкновенно чистым, молодым светом.

X X X

Наша зима — это большой и ослепительно белый заяц, что весь год присутствует где-то открыто для всех, но, в тоже время, остаётся невидимым.

X X X

Чем пахнут времена года?

Обычно не вызывает никаких сомнений зима, которая, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме ёлки и мандаринов, да ещё, пожалуй, яблок. И действительно, иногда снег источает аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает? Что на самом деле составляет её головокружительную или, быть может, усыпляющую суть?!

Одно я знаю точно: запах зимы — свежий и душистый, как только благоухают щёки молодых девушек с мороза, а ещё хвойные ветки, принесённые из леса в натопленный дом и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нащёптывают. Ночью отчётливо слышится их ласковый шорох, и вместе с этим шёпотом слышится чья-то таинственная поступь, что постепенно обволакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные глубины. Зима очаровывает скорее звуками, чем запахами, и более всего — своей загадочно переливающейся, будто колокольчики, мелодией.

X X X

Иногда луна бывает совершенно безжизненной, равнодушной. В лунном свете зимнего леса лицо человека тогда превращается в застывшую маску, что кажется неестественным на фоне непередаваемой ночной красоты. Трудно не впустить в себя выхолащивающего лунного сияния, не испытать его безжизненной оголённости.

Но, отдав себя однажды на волю безучастного лунного света, знай: тебе уже не будет так, как если бы ты ещё не входил в ночной лес, и смотрел на него только со стороны. Соединившись с ним, ты остаёшься наедине с не знающей преград луной: дикой, неживой и властолюбивой.

Лишь на мгновение повеет она своим бесчувственным холодком – и раз и навсегда осадит все твои желания, растворит их в околдовывающем безразличии. Пусто станет тогда на душе, так что даже жаждущий добычи зверь равнодушно пройдёт мимо, не обратив на тебя внимания.

Прозрачные лесные призраки насторожатся, выступят из-за деревьев, и ночное забвение постарается навсегда прикрыть твои веки, остудить сердце и сомкнуть уста безжизненной улыбкой. Только неясные пятна, чёрные тени, и вечная безысходность лунной тьмы окутают собой всё вокруг.

Так коварно может вести себя зимней ночью равнодушная луна, что никуда не спешит и равномерно льёт на синие сугробы свой холодный, безучастный свет, а человек, если он неравнодушен ко всему, что его окружает, впитывает этот свет, незаметно полнится им, но не замерзает душой, становясь ещё более сильным.

X X X

В преддверии зимы, после отшумевшей листопадной метели октября, устанавливаются такие тихие и чуткие дни, что, кажется, даже воздух насторожен в ожидании грядущей непогоды, но её всё нет, и затаившаяся тишина до дрожи трепетно и оголено вторит малейшему звуку, а сердце сладко замирает от ощущения надвигающегося холода.

X X X

Красный цвет редок в природе, особенно среди зверей средней полосы, где выделяться им, особенно в зимнюю пору, не резон. И всё-таки лиса-огнёвка поражает нас своим ярко-оранжевым мехом, когда мы неожиданно застаём её мышкующей посреди заснеженного поля и, радуясь тому, что увидели, в тоже время мучаемся вопросом: отчего природа оказалась такой неосторожной?

Оставаясь мудрой и сильной, она, наверное, просто позволила себе эту маленькую прихоть, безбоязненно демонстрируя свою неповторимую красоту.

X X X

Иной раз, сквозь сон, чувствуешь, как тоскливо за окном вьюге... Уютнее свернувшись под одеялом, думаешь, как она одинока и беспомощна в бушующем море снегов. Даже не смотря на свою удаль.

Можно представлять себя ясным месяцем, изредка посверкивающей в холодном небе звездой или даже голодным волком, но - ни выюгой. Знаешь наверняка, что сердце не выдержит её безжалостно застывшего в своём отчаянном порыве ледяного крошева, и лопнет от невыразимой тоски, когда закружится, как и она, в безудержном танце зимы.

X X X

Бывают такие зимние сады, в которых с наслаждением бродишь по дорожкам, осыпаемых снежными хлопьями. Где-нибудь в старой части города или села, достаточно удалённые от шумного центра, чаще всего – неподалёку от леса, они удивительно располагают к уединению.

Под вечер окна ближайших уютных домиков, непременно с какими-либо непритязательно вырезанными, но загадочно украшающими их наличниками, зажигаются оранжевыми огоньками, и тёплые лучи от них ложатся поперёк заснеженных аллей. Всё окружающее пространство постепенно тонет в потемневшем воздухе, так что скоро уже нельзя различить опускающихся снежинок, и ты с приятными надеждами ступаешь по ровно устланной ими земле, представляя, что это – молоко земное.

А невидимое небо неустанно изливает свою сказочную густоту и благодать, питая ею живые души, и на сердце становится легко и привольно. В такие моменты, кажется, будто снег очищает, ненавязчиво подсказывая вероятность долгой счастливой жизни.

X X X

Зимою огонь в костре из сосновых чурок гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда смотришь на небо, то видишь искры, летящие, словно из трубы, вверх, они смешиваются там со звёздами. Не разберёшь: где на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких неизведанных миров...

Жгучие морозы грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли ключья промозглого тумана, предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу, но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и добрую печаль, не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще.

Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт неизвестным силам, что поддерживают в ночи живой огонь, и хочется лететь, окутанным его пламенем, к не умирающему звёздному свету, и не угасать душой.

X X X

Всегда памятна и очень радостна обычная деревенская картинка: зимний морозный день, и крыши домов укрыты богатыми снежными шапками, над которыми лисьими хвостами тянутся в небо сизые дымки... Под валенками скрипит смёрзшаяся узенькая тропка, ведущая к колодцу, а вода в ведре не колыхнется - стоит стылая, тягучая и такая чистая, что от одного её вида начинает приятно ломить в затылке...

Переминаясь с ноги на ногу, долго смотришь в эту прозрачно-выпуклую, переливающуюся на солнце чистоту, и думаешь про себя о чём-то простом и хорошем.

X X X

Поначалу кажется, будто слуховое пространство зимой сжимается: оно становится густым, вязким, и человек будто бы вовсе перестаёт слышать. Как глухой, когда вместо слухового органа он воспринимает совершаемые рядом сотрясения всем телом. Усвоение музыкальности, проистекающей в окружающей природе, вроде как, пропадает, и согласие всех существующих в ней звуков тоже нарушается.

Но стоит вороне морозным утром гаркнуть во всё своё воронье горло – вмиг лопается слуховая перепонка, и на тебя будто обрушивается звон из-под повизгивающих полозьев салазок, поскрипывающих валенок прохожего, переливающейся на солнце хрустальной воды у колодца, весёлого треска льда на реке, и особенно хорошо звучит в напрягшемся от удовольствия воздухе соседская пила, взявшаяся с самого утра перепиливать пузатые берёзовые чурбаки... А как поют в остановившемся, будто замершем от мороза воздухе обыкновенные дровни!

Нет, гудит зимнее пространство невообразимой гаммой самых расчудесных звуко сочетаний, отчего и тебе самому, как и вороне, захочется гаркнуть на весь белый свет: «И душа видит, и сердце слышит студёною зимой, какая радость!»

X X X

Зимняя ночь... Светит полная луна, мерцают звёзды, а в воздухе стоит морозный шорох. В такие ночи зайцы любят поиграть на гумне, затем дружно выбегают в поле и от души резвятся вокруг стога до самых утренних сумерек, пока небо не окрасит румяный восход. На снегу остаются только растрясённые пучки сена – излюбленное лакомство косых, которые с рассветом растворяются, как дымка, будто их и не было.

В общем-то, вполне простая и обычная для русской зимы картинка, но нужно невероятно много неутомимости и терпения, чтобы подглядеть её, восприняв для себя как чудесную и незабываемую сказку.

X X X

Зимою часто попадаются на глаза небольшие дырочки в снегу... Идёшь не спеша на лыжах, посматриваешь вокруг, а вдоль лыжни, то и дело, возникают неприметные отверстия.

Бывало, остановишься и, присев на корточки, разглядываешь внимательно: кому это отверстие может принадлежать? Ясно, что маленькому грызуну – мышке-полёвке или бурозубке, но вот зачем зверьку выбираться в мороз на поверхность, оставляя свои тёплые кладовые, заготовленные ещё с осени, не сразу разберёшь.

А оказывается, мышка время от времени выглядывает посмотреть: ночь наверху или день, и скоро ли зиме конец? Очередной снегопад завалит выходы, заметёт всё вокруг, а под утро глядишь – опять виднеются тут и там аккуратные углубления-оконца. Не сидится мышке под снеговой периной, хочется поскорее краешек света белого увидеть, что для неё - милая отрада!

X X X

Ходишь годами каким-то одним лесным местом и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимаешь только как заячье или глухариное. На худой конец оно славится богатым урожаем земляники или грибами. Но уж никак - ни волчье.

И вот однажды, каким-нибудь глухим декабрьским вечером или под хмурое утро, натолкнёшься в лесу на тропу, оставленную недавно прошедшей стаей, и тропа эта войдёт в тебя словно осиновый кол. Разбередит в душе всё, что ты знал об этих зверях, напугает, отчего вдруг мысленно перекинешься в такого же хитрого и кровожадного волка, ровно, как оборотень-ведун...

Вспомнишь тут, что в народе издавна сказ идёт, как в самую непроглядную ночную тьму выбирается такой ведун в лес, перекидывается через старый осиновый пенёк и превращается в волка. Всю ночь он своей неуязвимой наглостью потешается, безжалостно людям сердца, якобы, выедавая, а под утро оборачивается вновь в человека, и ведёт жизнь неприметную, праведную.

Ни за что бывает не разобрать его изворотливое обличье, коли только не решишься в полночь проследить за ним, да воткнуть в тот осиновый пенёк нож булатный. Оборотень тогда до окончания века своего останется зверем, рыскающим по лесу, но только не переходи ему дорогу, не искушай злую судьбу.

Это не тот волк, которого люди пророчили вместе с медведем и бабой, что идёт навстречу с полными вёдрами, как некое доброе известие. Не дай Бог помянешь его про себя, а он уже тут. Вот когда придётся выть тебе по-звериному за свой недогляд и простоту, хорошо понимая поговорку про то,

что нужно верить волчьим слезам!оборотню же доверять можно только убитому.

Недаром между людьми сани, что постоянно опрокидываются, телегу или какой кузов оборотнями звали. Своевольный декабрь вместе с народной молвой о зловещем волке-ведуне исподволь зиму поторапливали, скорого её разрешения желая.

Перед самым Новым годом за деревней костры жаркие растапливали, да снежных баб в огонь бросали, чтобы отступала зимняя темь от человеческого жилья, а жизнь на добрый лад поворачивала. Ведь декабрь, говорили в народе, старый год кончает, новому – дорожку с радостью и счастьем стелет, после чего тоже захочется пожелать и себе, и нашему чудесному декабрю, и всему русскому миру с его доброй молвой крепкого душевного здоровья!

X X X

Бывает, душевные мучения за лесных обитателей одолевают тебя больше, чем за окружающих людей. Боль не отпускает, даже когда ты покинул лес, и уехал от него за много километров в город: переживания тем острее жгут твоё сердце, чем дальше ты уходишь.

Так, однажды испытывал я муки за барсука, удушенного в петле охотниками. Не один год наблюдал я за ним, встречая в весеннем ночном лесу, на глухаринем току, и шёл по первым грязным отпечаткам его когтистых лап на сыром апрельском снегу... А ещё стоял прямо над норой, в седых глубинах заснеженного января, с трепетом ощущая дикий звериный сон.

Снег тогда крупными хлопьями неслышно валил с невидимых небес, мягко укутывая землю, и было мне так, будто барсук знает, что я нахожусь рядом с ним, почему-то доверяет мне, и оттого ему ещё слаще преодолевать в своих снах добрую зиму. А вот теперь я никак не могу взять в толк, что барсука нет, навечно нарушены нехитрые зимние сновидения милого зверька, и сердце моё никак не может успокоиться, преодолевая неизбывную боль.

X X X

Густо заросшей вырубкой неспешно проследовал куда-то гигант-сохатый... Развесистыми рогами он ненароком задел на ходу осинку, и обломившаяся на морозе хрупкая веточка отскочила с треском, воткнувшись в розовеющий на закате снег.

Выбежавший на жировку зайчишка напугался поначалу, встал столбиком, наострив длинные уши, но успокоившись, повёл усами и принялся с удовольствием обглаживать отломившуюся веточку...

Вкусна на морозе осинка! Спасибо за подарок великану-лосю!

X X X

Заяц – удивительно обаятельный зверёк. Даже добытый на охоте, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы. Кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит. И отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, своего рода привычка, как способность рыть в февральском, уже порядком уплотнившемся снегу глубокие норки.

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косой приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело, замирая и озираясь, смешно шевеля красным влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не заметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли ни ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступивших в природе крепких утренников, что откровенно оголяют и без того мало защищённую заячью жизнь. По привычке заяц живёт, и отвыкать от неё не намерен!

X X X

Перед наступлением сумерек белый снег незаметно окрашивается в розовато-малиновый, с заходом солнца – в сиреневый, в надвигающейся темноте – в фиолетовый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый. Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восхитительно белым, восторженным и немножко глупым.

X X X

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу так неожиданно остро волнуют сердце, что хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого толстоусого зайца или ослепительно огненную кумушку лису, и ни о чём другом не думать.

X X X

Трудно поверить, но однажды, в студёную декабрьскую ночь, мне почудилось, будто волчьи глаза, на мгновение вспыхнувшие аметистовыми огоньками где-то впереди, отражают в себе всё звёздное небо, темноту, лес, и

вместе с ними мою обыденную растерянность, а потом – убеждённость, что такой ночи уже никогда не будет.

X X X

Когда зимой задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет допроситься до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою истрадавшуюся душу и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

X X X

Первое предчувствие весны – это ещё не природные весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Толстого, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печки, когда чувство природы и её будущие ароматы заменяет запах слипшихся глянцевого страниц.

X X X

Кому хоть однажды довелось оказаться зимой, под Рождество, в омшанике, и послушать через резиновую трубочку, вставленную одним концом в лоток, как ведут себя в эту пору пчёлы, для того холодные звёзды в морозной вышине роятся по-особенному торжественно и празднично, а будущая жизнь представляется только счастливой.

X X X

Каждый день – удивительно трогательная и упорно не замечаемая нами драгоценность. Чтобы понять это, стоит хотя бы однажды, с самого утра, понаблюдать за происходящим в природе. Заниматься этим лучше в деревне.

Никуда не спеша, следить в окно за тем, как уютно утверждается над землёй свет, и как радостно начинают сиять снега. Как неуклюже и чинно вышагивает в валенках по своим неотложным делам деревенский народ. Без усталости «летают» в переулках собаки, завидев малейший для себя интерес. Как безропотно замерли в остановившемся морозном воздухе веточки тополей, рябины и сирени.

Розоватое солнце то меркнет за пухлыми облаками, то вновь озаряет умиротворённый крестьянский быт. Всё так трепетно, доступно, что, иной раз, кажется: вот-вот приоткроется тебе смысл этого удивительного природного порядка.

Но тщётно... Внимание ненароком проскальзывает мимо этого смысла, и на следующий день всё повторяется снова: и воздух, и спешащий по делам люд, и собаки, и солнце, и собственное умиление всем происходящим. И так, целый замечательный день: вспыхивая и затухая, незаметно и неизменно протекает он мимо не дающей покоя драгоценной тайны в этом сладостном зимнем времяпрепровождении.

И всё чудится, что обязательно поймаешь убегающую суть простого и прекрасного бытия. Но близится вечер, а ты по-прежнему охвачен неясной игрой, от которой так же, как и утром, получаешь скрытое наслаждение, и всё же, к концу дня, только лёгкая усталость опять начинает донимать твоё взбудораженное приятными размышлениями сердце. День иссяк, и тебе нестерпимо жаль его утекающие краски, запахи и звуки... Что-то принесёт завтрашний?!

X X X

Лунные ночи зимой тревожат сердце: они почему-то оказываются мучительными для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На чёрном, скованном звёздами ночном небе безмолвно светит, словно начищенная снегом, луна. Кажется, что мороз от её света становится ещё крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным. Он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли тепле. А тем временем, под холодной луной, выходит к своей потаённой жизни из глухих буераков зверьё. Лесные обитатели живут не по-нашему: обедают по ночам, днём же таятся.

Зверей не страшит блуждающий лунный свет. Он зачарованно манит их к себе и не даёт уснуть. Звери не умеют думать, и только стремятся утолить неотступно настигающее их под утро чувство голода. С робким зарождением дня жизнь в глубине леса уже почти не сопротивляется смерти...

X X X

Всякий год зима возникает в твоём окне, и всё, что происходит за ним, в который раз оказывается необычным. Так же неслышно идёт снег, и с косогора напротив дома скатываются на салазках деревенские ребятишки. Всё просто. Но воспринимаешь увиденное с неопишуемым восторгом. Зимняя красота так тиха, мудра и чиста, что вызывает в душе лишь сладостные мгновения долгожданного перерождения.

Короткий зимний день удручает только стариков, когда они, изредка взглядывая через плечо в окно, и отрешённо замирая в своей грусти, сидят неподвижно, прислонившись спиной к стене, и не произносят ни слова. Грусть их теперь схожа с бесшумно падающим снегом, или таким же неслышным белым сном, что однажды сокровенно приходит хрупким

розовеющим утром, и ненавязчиво обнимает дома, сады, замершую под льдом реку и лес.

Невозможно постигнуть, как из года в год, с неукоснительной неизбежностью подступая в одно и то же время, волшебница-зима всех очаровывает и оставляет без ответа: зачем она это делает?!

X X X

Белёсое, затянутое мутной плёнкой зимнее солнце как-то неловко выкатывается на хмурое небо и, прячась за рваные бесцветные тучи, начинает потихоньку светить. Делает оно это почти незаметно, но приглядевшись, от него трудно бывает оторваться. Чем-то неизъяснимым притягивает к себе солнце в этом занесённом метелями мире.

Солнце почему-то хочется запомнить и даже унести с собой, поэтому часто достаёшь фотоаппарат и снимаешь. Ждёшь, когда тучи минуют его кремовые, чётко очерченные бока, и нажимаешь на спуск. Теперь солнце в каждом своём неповторимом мгновении остаётся с тобой.

Но тебе всё мало, ты жаден до его непередаваемо загадочного и рассеянного света, и всё снимаешь и снимаешь, стараясь запечатлеть что-то важное для себя, не упустить его, а солнце, равнодушное к твоим попыткам обрести его тайну, неприметно перекачивается по зимнему небу, то исчезая, то вновь появляясь в туманных февральских просветах...

X X X

Бывало, забредёшь зимой в густой ольховник и неожиданно поднимешь зайца. Сначала послышится еле ощутимый хруст, потом мелькнёт между стволами размытый силуэт, и, выскочив через мгновение на открытое пространство, зверёк полетит живой пружиной: весь настороже, наострив уши.

При этом чёрный глаз его будет косить себе вслед, и заяц станет различим так отчётливо, что подумаешь: белее снега его шкурка. Причиной тому - чёрные маслины мятущихся глаз зайца, что от перепуга кажутся большими и заметными.

Но так ли труслив заяц, как ходит о нём молва? С трусливым умом не наделаешь таких смекалистых петель и скидок, которыми он норовит запутать охотников до зайчатинки. Неторопливо плетёт заяц на снегу замысловатые кружева - основательно, с усердием.

Негоже ему торопиться: что, если распутает след хитрая лисонька, и тогда не миновать беды! Заяц всегда готов предупредить её, он ни на минуту не забывает вслушиваться и всматриваться в окружающий мир, и даже когда уносит ноги, большие чёрные глаза его косят назад, словно присматриваются: как там обстоят делишки? Не зря заяц получил в народе своё самое известное прозвище – «косой»!

X X X

Забрался я как-то в морозную февральскую даль к глухарям, километров за пятнадцать от деревни, чтобы проверить численность птиц перед началом брачных игр. Птицы сидели очень скученно, в глухом сосняке, и, наверное, им было хорошо и покойно.

Я же подходил к каждой птице нетерпеливо, попеременно поднимая одну за другой, жадно вслушивался в шум их полёта и ликовал, что и на этот раз обнаружил. Глухари, конечно, все разлетелись, но я особо не переживал, поскольку знал: весной они опять соберутся здесь вместе.

И всё-таки по дороге домой меня не покидала неприятная мысль, что я потревожил птиц, помешал их сокровенному зимнему существованию. И тут вдруг ударила жестокая метель, прямо навстречу, наотмашь, взявшись как будто бы ниоткуда, словно мстя за нарушение умиротворённой жизни таинственных птиц.

Метель вымотала, пронзила насквозь, но я не пожалел ни о чём, и когда, наконец-то, выбрался на дорогу в сплошной снежной пелене, то тотчас услышал гул приближающейся машины, которая очень быстро подбросила меня до самого посёлка. А вскоре низкие тучи незаметно рассеялись, и на небе засияло умытое солнце.

X X X

В конце зимы возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга. Им, после свадебных боёв, остаётся матёрый волк. Каждый волк, в меру сил и возможностей, старается отстоять собственную волю и свободу выбора.

Волк понимает: только добившись победы, он доводит права победителя до логического конца. Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа, и когда он настанет, так же надёжно, не теряя выдержки и достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не теряют права быть свободными, сильными и независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободен. Свобода не даёт ему удовлетворения и покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он, отказываясь от неё, старается поскорее найти более лёгкий путь следования. При этом человек ещё посягает на свободу других людей, не имея на то никакого права.

Жизнь обитателей леса, особенно - зимою, более гармонична, нежели жизнь многих людей, потому как является самым обыденным проявлением подлинности всего сущего. В отсутствие извращённого разума, то есть разума с расчётом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надёжнее человека. А боль у них присутствует лишь в той мере, в какой её

не хватает для поддержания жизни, как это обычно происходит у зверей в зимнюю пору, что им за обычай. Не первую зиму волку зимовать!

Х Х Х

Люблю примечать прилёт зябликов, когда снег в лесу не тронулся, следить, как они перепархивают, насвистывая в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна. Но вот маленькие птички своим присутствием будто обогревают зябкую зимнюю пору, и всё вокруг вскоре приходит в радостное движение, и воздух словно начинает играть...

Не боятся зяблики февральских метелей и стужи, зябнут, но провозглашают скорую весну, оттого их в народе так и прозвали!

Х Х Х

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели, и в воздухе будто повеет весной. Снег на молодых еловых веточках быстро подтаивает, скатывается, и деревья стоят обнажённые, вроде бы, даже чуточку растерянные, словно и не зима вокруг, если смотреть только вверх.

Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежной пудрой, а на утро – опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

Стоит конец февраля, а птицы и звери уже начинают делиться на пары. Клесты в лесу единственные, кто выводит птенцов. Весь шум в лесу от них. Носятся стайками, неутомимо щебечут, обрывая шишки с верхушек высоких елей.

Дятлы, забираясь в осиновую гущину, с остервенелым вскрикиванием гоняются друг за другом, они в эту пору не похожи на себя. Белки, цокая и вереща, время от времени перебегают с дерева на дерево, возбуждённо играют. Все они сейчас задают тон в лесу.

А вроде бы, тихо протекает лесная жизнь, надёжно скрыта она от посторонних глаз, нелегко пробраться к ней через великие сугробы. Снег, не переставая, кружит и падает с небес, и наст никак не может установиться. То и дело посвистывают метели, морозы прижимают снежный покров плотнее к земле, а через несколько дней опять валит снег, и нет ему конца.

Тяжело стало передвигаться большим зверям: волку – скрадывать добычу, лосю – отыскивать более сочную кору. Только лёгкому на подъём

зайцу всё нипочём: в тёплые дни изредка можно услышать его предвесеннее бормотание.

Долго ещё лежать снегам, дуть колючим ветрам, далеко до прилёта птиц, но в февральские оттепели уже ощутимо пахнуло весной, новой пробуждающейся жизнью. День усиленно прибывает, переваливает через надоевшую зимнюю стужу и длинную ночь. Чем больше света, тем больше радости в лесу!

Весна

Окончилась зима, и кое-как засыпаешь ты в тоске неясного ожидания. Всю ночь тебе снится что-то необыкновенно волнительное, а под самое утро путаешься в сбивчивых ночных воспоминаниях – вещими ли были они?

Но с каждым днём всё более оседает на дворе снег, и прибывающая вода ищет себе дорогу. Побежали в воздухе белые, синие и голубые волны весны, растопили людские сердца, и они вышли из берегов.

В домах празднуют приход весны, но более всех старается вороньё. Им, наперебой, вторят опрятно настороженные сороки: до чего у них праздничный вид!

Дым от сжигаемых сучьев схватывается в вышине с неприкаянным туманом, и от непостижимого счастья слезятся глаза. А как по-хорошему печальна сизая дымка над оголёнными полями... Мочит их не согретую душу хмурый весенний дождь, незаметно для себя преобразаясь в благодушно размеренный ситничек...

Там, вдали, за его трогательной завесой, видится свет грядущей жизни.

Х

Х

Х

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что могу рассмеяться и заплакать одновременно.

Х

Х

Х

Когда молодая зелень ещё не закрыла собой прошлогодний мусор в лесу, и он неприятно цепляется и хрустит под ногами, всегда почему-то и в

себе обнаружишь ненужное, оставшееся после зимы, и даёшь себе слово как можно быстрее избавиться от него.

X X X

Сырой апрельский туман не рассеивается, обычно, до тех пор, пока не напитает душистой влагой деревья, кусты, землю и воздух, и только когда этим живительным ароматом проникнется и человеческая душа, возжелавшая света, из-за тяжёлых туч покажется, наконец-то, радостное солнце.

X X X

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете ни солнце, ни вода и ни ветер, а человек: какое он отношение изберёт к себе и ко всему живому, так и будет.

X X X

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух от этого наполнился самыми разнообразными звуками, и скоро стало очень тепло.

X X X

Весенней ночью берёзы изливают какой-то иной, сокрытый в дневную пору свет, и становятся от этого ещё ближе.

X X X

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает с себя сон, радостно перешёптывается между собой, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек ничего этого не замечает.

X X X

Всю зиму держишь в уме и зайцев, и волков, и лосей, и куниц с лисицами, и медведей, увлечённо разбирая их следы, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, что полнится светом, водой и цветами.

X X X

В последние дни рассудительной и серьёзной зимы, завалившей все дорожки непроходимыми сугробами, ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от всего наносного, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Безудержно играет глухарь в ночи, всё сильнее раздаётся его восторженная песня, и неожиданно затихает. Вытянув шею, птица долго прислушивается к чему-то, переминается на суку и изредка зобает горлом, наверное, предвкушая следующий миг от своего восхищения происходящим, а ты, не в силах постичь мотивов её поведения, вдруг с какой-то неизбывной горечью осознаёшь свою полную ненужность в этом удивительном лесном мире.

X X X

Странно, что осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-нибудь лесной колее, заполненной тихой водой, но никогда не додумаешься взглянуть в весеннюю восторженную лужицу.

X X X

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна, двигается, кричит, и наоборот, в мае, когда всё расцвело и жизни только прибавилось, на лес вдруг наваливается мертвецкая тишь, и кажется, уже не бывает рассвету.

X X X

Морозной мартовской ночью в лесу стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями и никак не могут расцепиться.

X X X

Даже если ошибёшься в своей любви – апрель всё исправит.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ожидал я того момента, когда положу на ладонку ещё не проснувшуюся до конца бабочку, дохну на неё, а она встрепенётся, взмахнёт крылышками, и в миг улетит.

X X X

Очень важно не расплескать себя за весну, и когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

X X X

На белой чаше кувшинки замерла голубая стрекоза, покойно отливает своей затаившейся глубинной чернотой лакированная поверхность воды, и воздух дышит разомлевшим жаром, но вглядываясь в эту красоту, перед глазами вдруг отчего-то встаёт промёрзшее до дна болото, застывшие пузырьки во льду и неприкаянно шелестящие над ним, порыжевшие стрелки иссохшей осоки... Всё в природе готово дарить человеку удивительное ощущение покоя, если он достиг это безмятежное состояние духа в себе.

X X X

Из надломленной ветки берёзы в ручей каплет мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в такие же мутновато-белые струйки, напоминая сказочную молочную реку с кисельными берегами.

X X X

Самыми обычными своими цветами – подснежниками, горицветом и медуницей весна лечит самые израненные души.

X X X

Майские холода – это уже совсем иная весна, далеко отличная от той, что только намечала рождение жизни, затаивающееся в глубине розовеющего мартовского утренника, но на то она и весна-красна, что всё покажет и скажет, всех удивит, а улетит – и не заметишь.

X X X

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Только когда пожертвуешь в написании книг своей душой – невыразимая тяжесть от многолетнего труда, в одиночестве, преобразуется в Учителя-друга, любимую женщину и непрекращающуюся весну!

X X X

Наблюдая весной за птицами, порой теряешься: чего же больше в их пении – труда или радости?

X X X

Весенний ветер несёт по небу лёгкие облака – и такими же вольными рождаются в тебе мысли; жажда невидимых устремлений гонит по стволам деревьев сок – и тело твоё наполняется уверенностью и силой.

X X X

В мартовские утренние морозцы, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают уже не жалобно, а удало!

X X X

Только с последней каплей берёзового сока молодые деревья одеваются в лёгкий зелёный дымок, робко преображая лесное пространство, старая же берёза, уже давно распутившись, не перестаёт осыпать землю своим ароматным дождём.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская метель.

X X X

Кажется, никогда не уловить тот момент, когда и как, ещё в утробе января, зарождается весна, но я каждый год каким-то чудом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, если весна выходит тебе навстречу.

X X X

Сказать невозможно: какой именно запах у весны, и с чем его можно сравнить? Запах связанных с ней чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений, всего, что она несёт в себе и открывает. Может быть, это предощущение томительной надежды, призванной всегда хранить чистоту?!

X X X

В феврале зарождается какой-то младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остаётся к нему равнодушен, но он, задавленный этим невниманием, всё же пытается всех радовать.

X X X

Весна долго примеривается – как ей лучше застелить потускневшую с прошлого года землю своими зелёными коврами, а когда приглядится, да раскинет – всё вокруг в один день станет уютно, чисто, и даже кукушка закукует по-особенному уверенно и звонко.

X X X

Из промозглого весеннего тумана вдруг посыпал мелкий тёплый дождик – и тревоги как не бывало!

X X X

Так просто и ясно воспринимается, что тучи весной могут греметь!

X X X

Птицы, деревья и звери в выражении своих весенних чувств неустанны, но человек, несмотря на зарождающуюся повсюду жизнь, всё же не в состоянии быть по-настоящему свободным, и черпает силы из природы.

X X X

В весеннем лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут быстрее облаков, по небу, вместе с неудержимым ветром.

X X X

Последние клочки снега в поле – будто зайцы, залёгшие в меже. Долго смотришь издали, и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое невыгодное для себя место и не убегают?!

X X X

Во всю бескрайнюю весну только один раз, как ни странно, приходит к тебе желанная минута, когда ты действительно вступаешь в цветущий мир, и ты должен дождаться её и не упустить.

X X X

Совершающийся в природе праздник весны – есть пример не отдыха и безудержного веселья, а напряжённой работы, потребность которой следует неустанно в себе воспитывать.

X X X

И декабрь, и январь, и февраль по-доброхотски старательно расстилают свои самобраные скатерти, но только мартовский морозец знает – как крепка и раздольна накрахмаленная им белизна!

X X X

Если страх и уродлив, то только не в весеннем ночном лесу, где он восхитителен своим околдовывающим волшебством, в котором постепенно растворяется и исчезает, делая тебя ещё сильнее.

X X X

С высоты самого родного и восторженного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить глухую зиму, что предшествовала ему.

X X X

Когда весной замечаешь, как одно деревце заглядывает через плечо другого – замираешь от счастья: это ведь оно угадывает твоё приподнятое настроение!

X X X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне.

X X X

Звери и птицы – неважные поэты, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладает забота о выведении и поддержании потомства, и только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устаёт прославлять весну света, воды и цветов.

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные, залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

X X X

Нежная белизна и свежесть мая так прекрасны, что даже не чувствуешь в себе недостаток собственной чистоты.

X X X

Густой туман по весне задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое зимнее время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает – на что с ними решиться?

X X X

В каком-то удивительном согласии выходят у меня отношения с яблонями, которые я каждый год сажаю у себя в огороде, ухаживаю за ними,

и всегда этому сопутствует какое-либо приятное знамение. Грянет первый раскатистый гром, завоются по лужам пучеглазые лягушки, скворцы вдруг запоют у самого дома так азартно, порывисто, что почувствуешь – как это важно.

А то за одну ночь вся южная сторона сада распустится ароматными крупными подснежниками, и ты уже не сомневаешься: этой весной тебе не обойтись невинным романом. Яблони же незаметно тянут свои ветви к небу, распускают нежные листики, и соперничают вместе с тобой возможности радоваться и любить.

X X X

Весной зайцы совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания, и это почему-то не удивляет, а только веселит.

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу и, кажется, никак не может напиться, чтобы потом, весной, отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Любой зверь или птица, обнаружив для себя тепло закатного весеннего солнца, хоть на короткий миг, а позабудут себя в нём и сделаются совершенно беззащитными.

X X X

Странно, что когда молодая листва только обозначается на деревьях, леса представляются более внушительными, большими, нежели в период зрелости. Так девственность, внушая доверие видимой лёгкостью своего неминуемого развития, одерживает победу над тяжестью умудрённой завершённости, и разве предпочтёшь последнюю первой?!

X X X

Лесная поляна в мартовский солнечный день иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить её всеобъемлющий свет, и дальше уже идёшь совершенно распахнутый оттого, что вобрала в себя душа.

X X X

По строгой весенней заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной тёще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся.

X X X

Отправляясь ранним весенним утром в лес – радостней всего сознавать, что он не скоро кончится, и будет длиться целый бескрайний день!

X X X

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли первый весенний гром – неизвестно.

Бывает, уже к середине мая, с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой. Затем стылый северный ветер нанесёт по дороге мёрзлой крупы, разбросает её повсюду, заохолдит. Но уже к полудню что-то неуловимое в воздухе повернёт на тепло, и к всеобщему удивлению из-за леса донесутся отдалённые раскаты грома.

А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыплется светлый радостный дождь, и всё вокруг оживёт. Тесно становится весне, и она совершает поворот у ворот на добрую жизнь!

X X X

Первое предчувствие весны – это ещё ни весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Мамина-Сибиряка, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печки, когда чувство природы и её будущие ароматы заменяет тебе запах слипшихся глянцевого страниц.

X X X

Случается такая весна, когда март ещё только миновал, не прилетели даже зяблики и овсянки, а на льду лесного болотца, поджав ногу, уже стоит одинокий селезень...

X X X

Осенью птицы летят молча, быстро и деловито, весной же — в нетерпеливом напряжении, возбуждающем своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

Ни с чем несравнимо это ощущение необыкновенной внутренней радости, что рождается только весной!

X X X

Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли свои обиды и стали все хороши!

X X X

За всю зиму хоть раз, а захочется протаять пальцем дырочку в замёрзшем окне, и увидеть там удивительный весенний мир...

X X X

Весной, на закате, с неба как будто обращаются ко всему живому что-то всё понимающие, прекрасные глаза...

X X X

Без ребёнка в душе не узнаешь самый чудесный весенний день своей жизни.

X X X

Только прилетевшая с юга трясогузка такая оживлённая и весёлая, что само собой, без лишних слов, выходит: на свете нет ничего прекрасней нашей русской весны!

X X X

Жестокая сила мороза — это только часть той неукротимой силы, что заслуженно и верно приближает нас к весне.

X X X

Женщина, как и весна, должна быть совершенно бескорыстной, и это больше всего покоряет в ней мужчин, которые от природы несут в себе дух творца, а женщина своей чистотой поддерживает его в них.

X X X

Надо хорошо знать пойменное весеннее море, чтобы почувствовать в эту пору, и в себе, до краёв наполненную радостью душу!

X X X

Весной, под ослепительной мартовской крышей, хочется остановиться и без цели, с улыбкой, водить глазами по деревенской улице, открывая всё новые и новые светлые лица.

X X X

Сколько незабываемого несёт в себе молодая весна, но порой в ней завораживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой старуха-зима.

X X X

Солнечным мартовским днём почувствуешь за спиной что-то, как будто тебя позвали, обернёшься, а это – шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны...

X X X

Пронизанные игрой весеннего солнца капли смолы не напоминают слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа, его густой и терпкий аромат.

X X X

В весеннем лесу следует и слышать, и видеть, но больше чувствовать, понимать и догадываться.

X X X

Вкусен и ароматен апрельский воздух, замешанный на пробуждающемся ощущении всеохватной любви, что не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках.

X X X

Нечаянная радость – выпавший в начале мая последний нежный снег...

X X X

Глядя весной на поющую птицу, успевающую, к тому же, выполнять огромную работу по выведению и выкармливанию птенцов, понимаешь необходимость самоограничения и умения правильно рассчитать своё время, чтобы быть по-настоящему свободным.

X X X

Случается осенью день, который не отличишь от весеннего – в нём так же пахнет землёй, снегом и листьями... И только по отсутствию в себе той, приподнятой радости, когда внутри тебя бродят ещё нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успокоилась, а душа, переболев свою золотую пору, тихонечко притаилась. Весна, говорят, своё скажет, осень же – как прикажет.

X X X

От свежего запаха коры, капли с розоватых веточек, копошащегося под еловыми лапами душистого тумана, и облако апрельское становится прозрачно-жемчужным, переливающимся от радости, ароматным...

X X X

Если прислушаться весной - о чём рассказывает каждая травинка, цветочек или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X X X

На весеннем перелёте утка валит, гусь идёт, а вот журавль с лебедем именно летят.

X X X

Чуть пробивающийся сквозь снега звук мартовского ручья сначала неслышим никому, живёт как бы украдкой, но именно он робко начинает первую песню воды, которая вскоре восторженно обнимет всю землю.

X X X

В весеннем лесу, после дождя, так приятно проясняется, что вспоминаешь только хорошее, а всё худое куда-то бесследно исчезает.

X X X

Пир мартовского восторга в природе, кажется, только начался, а солнце явилось на него уже упоённое счастьем, румяное и хмельное.

X X X

Даже самый маленький ветерок по весне не бывает случайным...

X X X

В последнюю, порой очень отчаянную апрельскую заметь у снежинок уже не хватает сил быть озлобленными, и они бросаются друг с другом играть.

X X X

Когда подкрадываешься в предрассветной темноте к токующему глухарю, по колено в снеговой каше, и тебя интересует только он, лесной красавец-исполин, то чем дальше продвигаешься в своём отрешённом устремлении, тем всё больше и больше сживаешься с поющей птицей. Подойдя же вплотную - и вовсе перестаёшь желать её смерти, и только наслаждаешься дорогим для себя соседством.

X X X

С восходом апрельское солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы, которые стремительно летят в разные стороны и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц.

Х Х Х

Далеко не сразу я разглядел, что дожди, как и месяца, бывают разноцветны... Первые, апрельские, обычно чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли – алмазным камешкам. В них сосредоточен весь весенний свет. Летние, с солнцем, - золотисты, с туманной дымкой – нежно-перламутровые. Осенью же, в октябре, из-под высоких небес летят и разбиваются о ветви холодные серо-коричневые капли...

Х Х Х

Клесты по весне любят присаживаться целыми гроздьями на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются и еле слышно перебирают замысловатыми крючкообразными клювиками переливчатые коленца... Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек в поисках семян, и птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытии своё природное предназначение – радоваться и петь.

Х Х Х

Когда снег уже почти сходит, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголённости – вся прелесть русской весны!

Х Х Х

Как только заговорили между собой по весне деревья – землю окутал головокружительный аромат...

Х Х Х

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего – множит весеннюю радость!

Х Х Х

Нигде, кроме как в весеннем лесу, у костра, не слыхивал я таких свободных душевных разговоров!

X X X

Голос воркующего в весеннем лесу голубя только поначалу кажется однообразным и робким, но прислушавшись внимательнее, обязательно различишь в нём свою страсть, силу и гордость.

X X X

Весенняя предутренняя тишина всегда будто напряжена ожиданием несбыточного, но глубоко желаемого.

X X X

Неодетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взрослеть, меняя такую грациозную невинность на обременительную, хотя и прекрасную зрелость.

X X X

Всегда поражало: как завораживающе просто звучит в весеннем лесу барабанная трель дятла! При этом думалось, что лес, конечно, необычайно гармоничен, если так мелодично несёт в себе однообразную дятлову стукотню, что он полон невероятных проявлений, которые слагают его насыщенное звуками живое пространство, а барабанная трель, может быть, самая выдающаяся вибрация, какую услышишь только в нём, настроишься благодаря ей на что-то очень важное, и будешь терпеливо ждать – что за диковинную дверцу откроет в твоей судьбе этот звуковой ключик?!

X X X

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неудержимый ручей, что уже лишён каких-либо чувств, но твёрдо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

X X X

Весенние ручьи только на первый взгляд кажутся невинными, а приглядишься – они с великим трудолюбием раскрывают ещё не

проснувшуюся до конца землю, что дарит всему живому безудержный простор!

X X X

В первые дни после прилёта кукушка почему-то не осмеливается куковать во всю силу, и голос её в лесу звучит робко и задумчиво.

X X X

Однажды я заметил, что, вроде бы, ничем не заполненное весной лесное пространство не пустоует, а имеет свои скрытые ритмы и упорядоченность.

X X X

Прежде, чем запеть брачным голосом, синица большую часть весны радостно превозносит её.

X X X

Первыми весной зеленеют края лесных ручьёв, и лишь затем склоны логов и лужайки.

X X X

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому, услышав его, не сразу догадаешься: воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки или, может быть, нежная горlinkа не в силах сдерживать нахлынувшего на неё страстного томления?

X X X

Серёжки в ушах весны, конечно, не золотые, как у осени, а совсем простенькие, недорогие, но, зато, сколько в них желания очаровывать!

X X X

Весной венок радости плетётся из самых красивых соцветий окружающего мира, но всегда в собственной душе.

X X X

Иная птаха в лесу так привязывает человека своей незатейливой весенней песенкой, что он боится сдвинуться с места.

X X X

Пока стоят мартовские дни с золотистой капелью и весёлыми ручьями – ждать прилёта долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый, туманный апрель с холодными дождями – птицы появляются...

X X X

Глухарина любовная песня, как только ты её расслышишь в предрассветных сумерках, так неясна, расплывчата, почти неосвязаема, что поначалу даже не верится – с какой радостью и силой, постепенно, она способна пробиться к твоему сердцу. Когда же сердце для неё всё-таки откроется – ему захочется подарить кому-нибудь и свою любовь.

X X X

В весенних сумерках берёзки белеют по-особенному светло и радостно.

X X X

Всю зиму снег гнетёт верхушку молоденького деревца, пригибает его к земле, и обессилив, деревце, наконец, сдаётся, поникает... К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании. И вот, в апреле, когда снег уже быстро сходит на нет, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже весело вздрогнет и обрадуется.

X X X

Лес так стар и мудр, что никогда, даже в минуты наивысшего откровения, не допустит в себе ребяческой улыбки. Но иногда, чаще это бывает весной, что-то детское, всё же, победит в нём замершее сердце древнего старца, и лес обрадовано рассмеётся.

X X X

Если весна выдаётся дружная, то зайцы не успевают сбросить зимнюю шерсть, и ложатся отдыхать днём на оставшихся сучьях снега.

X X X

Раз я как-то так уходился по солнечной апрельской дороге, с лыжами через плечо, с рюкзаком, и улёгся от усталости прямо у обочины, на наст. После бессонной ночи на глухаринном току, снежная постель показалась мне простой и удобной.

Небо над головой выгнулось необъятной синью, как шёлковое одеяло, и дышало теплом. У самых ног, в колее дороги, ласково журчал неугомонный ручей, так что мне тотчас захотелось спать, и я уснул. Но спал, не обрывая своего восприятия, всё чувствуя и замечая вокруг, так что время протекало мимо, и ... оставалось на месте.

X X X

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь переключку журавлей, они представляются разумными существами, способными и тебе рассказать о чём-то очень важном.

X X X

Только когда подтаёт на апрельских опушках последний ледяной черепок, и земля засверкает на солнце прозрачными перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

X X X

Весь свет, бывает, обойдёшь, а учёным не станешь: ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьёт твой час, что внесёт в жизнь недостающую весеннюю ясность!

X X X

Днём ли идти в лес или ночью – не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна.

X X X

Мартовская звёздная ночь словно мирится с людьми после безудержно хлопотливого дня, своим равномерным морозным дыханием успокаивает всех и, загадочно затаившись, усыпляет.

X X X

Иной раз уходишься по весеннему лесу до того, что совершенно лишаешься способности думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и дыша ещё более проникновенно.

X X X

Только весной понимаешь: чтобы познать прекрасное в природе, им нужно обладать внутри себя!

X X X

Даже весной в серых глазах стоит одна туманная дымка. В карих – открывающаяся от снега земля. Зелёные – это ещё не проснувшаяся лесная чаща, и только в голубых глазах отражаются лазоревые отсветы восхищённого поднебесья!

X X X

Любовь животных по весне бывает так неожиданно безумна и велика, что даже сосем, казалось бы, безобидный зверёк – заяц, в порыве страсти вырывает со спины зайчихи целые клочья шерсти, чем причиняет ей немало страданий.

X X X

Выйдешь в апрельскую ночь под звёзды – и сразу очутишься в совершенно живой, трепещущей тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью.

X X X

Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность. Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а весельем – к людям.

X X X

Переживания души по весне никогда не могут быть тяжки, потому что всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским дождём и ветром.

X X X

Апрельский день пасмурный, тяжёлый, а узкая полоска зари всё равно отливает нежно-розоватым пером лесного голубя, который ещё не прилетел, но вот-вот появится.

X X X

Обычная песенка лесного ручейка по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённая, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Когда весной задумаешься о том, что в каждом мельчайшем семечке заложено стремительное движение к будущему, и все силы природы работают на то, чтобы ему расцвести, сразу забудешь про собственное несовершенство, опустишься на колени и, положив семечко на ладонь, вдруг ощутишь, как трогательно оно добивается внимания к себе человека.

X X X

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдёт какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду, и только когда почувствую его – воспаряю и лечу.

X X X

Когда ветви деревьев ещё не одеты, и набухшие почки только напряжены, человеку остаётся короткий миг, чтобы успеть сбросить с себя последние тревоги, как ненужные устаревшие одежды, а проснуться поутру уже свежим и чистым в благоухании первой невинной листы.

X X X

Весной, непроизвольно, выводешь образ любимой женщины из окружающих тебя ароматов, зари и цветов, а она, на деле, ждёт только твои печальные глаза, которых ей всегда не хватает.

X X X

Даже в самом благородном устремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодающей таёжной тьмы, что порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

Х

Х

Х

Встречи с людьми в лесу всегда редки и интересны, потому как лесной человек необычен сам по себе. Он в лесу всегда не случаен. От него веет какой-то самобытностью, особым взглядом на жизнь и добродушной лукавинкой, с которой он не без удовольствия поведает о чём-нибудь очень простом и важном, о том, что непременно поразит даже самое избалованное воображение.

Такая встреча тем более любопытна весной, когда в лесу нет ни ягод, ни грибов, да и охота запрещена. Мой старичок собирал в апрельском лесу ... берёзовые почки.

По его словам, в последнюю неделю перед сходом снегов почки берёзы становятся клейкими, их можно обирать и затем сушить в полутёмном месте. Почки подсыхают, но не теряют своей клейкости. При больном горле они тщательно пережёвываются, а образовавшийся в результате этого сок время от времени, понемножку, необходимо сглатывать. Вкус горьковатый и не совсем приятный, но эффект поразительный: на следующий день воспаления как не бывало!

Х

Х

Х

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

Х

Х

Х

Самый сильный холод в весеннем лесу случается в конце утренника, когда заря только занимается и всё тепло сосредотачивается на верхушках елей... Именно туда, к пригревающему розоватому свету, поднимаются с наста тяжёлые мошники и, усевшись, величественно замирают, чтобы переждать прокрадывающийся понизу мороз.

Х

Х

Х

Бывает, находясь в весеннем лесу, неожиданно откроешь в себе долгожданную мечту, от радости всплеснёшь в душе ладошками, и сердцу

станет так тесно, что оглянешься: нет ли поблизости того, с кем можно было бы поделиться? А вокруг тихо, безлюдно, но не одиноко.

Х Х Х

Свист и шум крыльев множества прилетающих с юга птиц, присоединяясь к журчанию лесных ручьёв и порывам молодого весеннего ветра, незаметно рождают в уставшей за зиму душе добрые устремления, и так, постепенно, в ней сосредотачивается вся сила нашей родной природы.

Х Х Х

Однажды мне посчастливилось отыскать маленький глухариный точок неподалёку от деревни, и когда я подходил под песню к токующему глухарю, отчётливо было слышно тьяканье собак. Глухарь в такие моменты замолкал, забавно замирая на суку с приподнятой лапой, настороженно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, внимательно прислушиваясь к доносящимся звукам, и новую песню заводил уже не так азартно, а как-то нехотя, вполсилы...

Родившись и живя рядом с человеческим селением, и будучи, по-видимому, достаточно молодым, глухарь чем-то неуловимым становился похож на деревенского петуха, по сути, оставаясь всё же лесным.

Х Х Х

Приходит весна ... И в сердце твоём как будто распахнули окно!

Х Х Х

Скромная, почти неприметная подруга снегиря, наверное, никогда не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид: ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё.

Х Х Х

Когда страстно защёлкает в кустах черёмухи долгожданный соловей – весна, как ни странно, уже не приносит того ощущения беспокойства, что овладевало душой мартовским морозным утром, во время однообразного пиньканья синицы.

Х Х Х

В мартовские розовеющие утренники, когда наст отливает сахарной глазурью и ещё хорошо держит, глухарь любит побродить по нему,

осмотреться, а как только солнышко поднимется над горизонтом — он взлетает на самую высокую ёлку и вбирает грудью все его ласковые переливы, окуная её в сияющий перламутр, небесную синь и потаённую зелень.

X X X

Берёзы в апреле как будто плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств!

X X X

Однажды весной, на вечерней заре, я поднял двух журавлей, кормящихся у края укромной полянки. Развернувшись на фоне заходящего оранжевого солнца, птицы потянули, призывно курлыча, прямо на меня, и от взмахов их огромных крыльев так ощутимо повеяло древностью земли, что я вдруг почувствовал, будто человек ещё и не начинался.

X X X

Самая живая птичка весны — светло-серая, с чёрным бантиком на груди, трясогузка, что, только прилетев, уже куда-то зовёт за собой. Кокетливо помахивая длинным хвостиком, она, то и дело, перебегает дорожку и трогательно попискивает, будто приглашая в какие-то неизведанные края, в которые сама ни долететь ни добежать не в силах. Но почему-то не оставляет своих попыток, всё неустанно семенит лапками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь куда-то стремиться и увлекать.

X X X

Когда талая весенняя вода выгоняет всё живое из нор — хочется пожалеть бедных мышей и бурундуков, что беспомощно катаются по влажному льду, будто на коньках, мокнут и никак не могут обрести для себя спасение.

X X X

Бывает, душной весенней ночью жалобно заголосит где-то сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой всё в тебе неожиданно встрепет и просветлеет.

X X X

В конце апреля никем не тронутые метровые сугробы быстро оседают и растворяются, насыщая талой водой и без того влажную почву, а найденные за зиму невысокие уплотнённые тропинки белеют чуть ли не до мая, медленно истончаясь и превращаясь крепкими утренниками в хрупкий «черепок».

X X X

Осенний разноцветный вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой, и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом и долго припархивает, как будто не находит себе места.

X X X

Весна, как ни странно, постоянна и по-настоящему радостна в самом своём начале, когда к ней ещё достаточно не привыкаешь, всё же остальное время она дарит лишь счастливые мгновения.

X X X

После посещения весеннего леса готов писать обо всём, что ты там увидел, даже о том, о чём раньше вовсе и не хотелось.

X X X

Бывает, бредёшь во тьме на глухариный ток, отчего-то остановишься и вслушаешься в тишину, а там - будто разговаривают люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликается и ненадолго замирает... Это значит - весенняя ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

X X X

Утренняя бирюза в апреле так трогательна, что даже нежно-кремовое солнце, словно опасаясь её нарушить, взбирается на небо осторожно, как бы ненароком.

X X X

Содержательность каждого похода в лес определяется только поведением в нём самого человека.

X X X

За рекой, на болоте, затрубили журавли, и сразу представилось, как им там хорошо и уютно.

X X X

Случится в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по дороге жизни, и по крупицам находишь радость и в лете, и в осени, и, конечно, в зиме.

X X X

Бывает, в апреле, когда ещё не сошёл снег, засеется под вечер мелкий нудный дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, а на душе становится хорошо и покойно.

X X X

Вечером, в марте, когда неугомонное солнце всё же потухает, радость весны света не оставляет, а ещё более усиливается с зажигающимися на небе голубыми, зелёными и оранжевыми звёздами.

X X X

Потревоженная на гнезде самка чибиса редко когда подымается на крыло, а всё больше бежит впереди человека, то и дело останавливаясь, оглядываясь и жалобно постанывая, в надежде как можно дальше увести его от кладки яиц. Самец же сразу устремляется в воздух, летает тревожными кругами прямо над головой и пронзительно вскрикивает.

X X X

Сколько бы я не писал про лес, а героиней моего рассказа чаще всего оказывается весна...

X X X

Всё в природе уже разыграло, справило весну света, и только зимнее заснеженное поле будто затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

Оживлённое бормотание тетерева по весне похоже на журчание лесного, скрытого под снегом ручья, что пробивается как бы ниоткуда, а слышится везде.

X X X

Когда насытишься разудалой апрельской порой в лесу и она перельёт в тебе через край, хорошо помечтать о жизни больших, древних городов, о их солнечных набережных, площадях и людях, что и не помышляют о празднике русской весны.

X X X

Лес во тьме видит даже лучше, чем днём, и особенно радуется, когда встречается в ней весной с глазами любознательного человека.

X X X

Заглянув однажды в гнездо вороны, я был поражён увиденным... У обыкновенной, изрядно примелькавшейся и надоевшей всем серой птицы яички имели цвет голубовато-нежного, весеннего неба.

X X X

Радостно представлять себе безудержную весну, с широким лесным раздольем, где можно свернуть на любую неприметную тропинку и ... раствориться.

X X X

Ранняя весна хороша тем, что только начинает долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания...

X X X

И заря по весне, случается, показывается неприступной царицей – холодной, гордой, чужой... А на следующее утро – опять добрая княжна, что кланяется, улыбается, и только родившись, принимается всем служить.

X X X

Если весна опять бросает тебя в дорогу – лучше всего подчиниться её зову, пока она окончательно тебя не одолела, и взлететь к убегающему вдаль горизонту.

X X X

Отправляясь по весне в ночной лес, на глухариный ток, у меня и в мыслях нет поигрывать с опасностью, а только чувствовать его глубинную жизнь и быть слитным с ней.

X X X

Приходит весна – и небеса голубеют, леса становятся ослепительно зелёными, а сердца людей наполняются тем радостным светом, что они могли и сами, ещё раньше, в себе зажечь, но отчего-то не делали этого.

X X X

Если журавли плывут в весеннем небе высоко – погода всегда стоит ясная и они обязательно курлычут; в пасмурные, сырые дни птицы в молчаливом напряжении жмутся к земле, а голос подают лишь изредка, тревожно вскрикивая и тотчас замолкая, словно не возвращаются на родину, а покидают её.

X X X

В иной год весна так обуяет твою душу, что ничего уже не разумеешь от охватившего приволя, а только, знай, бормочешь, как тетерев: «бу, бу, бу, люблю-люблю, бу, бу, бу, люблю...»

X X X

Если хоть однажды увидел в ночном небе большие апрельские звёзды и остался с ними до утра: рано или поздно они укажут тебе твой путь.

X X X

Весна неподражаема тем, что разбив сердце – может в мгновение одарить великим восторгом!

X X X

Нежно, но настойчиво блеет барашком с вечера до утра в невидимой вышине маленький бекас, и кажется странным, что из всех прилетевших к нам птиц он один отвоевал для своей любви такое необъятное ночное пространство!

X X X

Всегда глядя на человека всем своим существом, по весне лес ещё вглядывается в него каждым отдельным деревом, цветком, зверем и птицей.

X X X

Только один маленький ручеёк проснётся под снегом – и всё вокруг сразу оживает.

X X X

Из-за обилия впечатлений в весеннем лесу часто случается, что мыслей в голове рождается сразу много, они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и улетают, так до конца и не оформившись, а надо выбрать только одну, заняться ею и тотчас все остальные останутся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

В мае звёзды теряют свою яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

X X X

Весенний солнечный луч, особенно под вечер, - словно произнесённое кем-то доброе слово.

X X X

В марте от растаявших к полудню луж будто разносится детский восторженный крик, что наполняет радостью весь воздух!

X X X

Люди никогда не ждут весеннего прилёта птиц, глядя вверх, то и дело, выискивая в небе журавлиные или гусиные косяки, а поднимают головы, лишь заслышав в вышине их торжествующе-волнительный крик.

X X X

С особым уважением смотрю я на тех людей, которым по душе сначала весна, и уже потом – лето и осень.

X X X

Мартовским ослепительным утром меня охватывает неописуемый восторг от всего происходящего в природе, а к вечеру я уже страдаю от невозможности удержать этот неповторимый и навсегда ускользающий день.

X X X

Когда токует глухарь - почему-то с восхищением не выделяешь его налившиеся брусничным соком брови, огромный пятнистый хвост, переливающуюся перламутровой зеленью грудь или вздрагивающую в такт песне мохнатую бороду... Пышные же брови чудесных красавцев-тетеревов сразу бросаются в глаза, оживляя ещё блёклые апрельские проталины неожиданно яркими, будто только распустившимися цветками.

X X X

В проникновенных вскрикиваниях прилетающих с юга журавлей – к людям опускаются с неба звуки родной земли.

X X X

Весенний радостный свет действует на человека как нежданно пришедшая свобода, которую никто и никогда не сможет у него отнять.

X X X

Как грациозны головы журавлей, когда они насторожены во время брачного танца, и как страшны при этом в своей безжизненности их глаза...

X X X

Редко увидишь, когда кукушка прилетает на голый лес, но если это происходит, то год, как и жизнь самой птицы, складывается как-то неустроенно и осиротело.

X X X

Трудно себе представить, что птица весной может устать в поисках корма для своих птенцов, и присядет вдали от них просто отдохнуть.

X X X

Всю майскую ночь, напролёт, слышно страстное посвистывание соловья в черёмухе, и становится вдруг так, будто бы повсюду рождается любовь.

X X X

Весной самое лучшее время – это утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, ещё не расплёскан по пустякам и встаёт перед человеком молодым, нетронутым и прекрасным.

X X X

Когда самец-вальдшнеп преследует на весенней тяге самку, он издаёт двойной звук – «хор-хор, цвиг-цвиг». Первая часть производится им как бы в себя, утробно, в предвкушении скорой встречи с желанной возлюбленной, а вторая – с неожиданным и лёгким выдохом, утончённо моля дождаться его и больше не покидать.

X X X

Ранний крик журавлей на болоте вызывает тот первый свет, когда узкая полоска зари только-только показывается из-под небесного одеяла, а человеку её ещё и не видно.

X X X

Пока весной не пахнёт от земли теплом – она всё как не родная.

X X X

Весной больше чем когда-либо хочется идти до той лесной стороны, где никто никогда не бывал, а когда дойдёшь – ни за что в этом себе не признаешься, и всё продолжаешь свой путь, не уставая.

X X X

Пение птиц по весне – это всегда, в первую очередь, радость возвращения.

X X X

Глядя в апреле на звёздное небо, похожее на огромное ночное поле цветов, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись, не вернуться.

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну боль, ни в чём не можешь ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха с сиренью, кажется, не источают для тебя свой аромат... И только когда приходит осень – неожиданно отмякаешь душой, забываешься и летишь.

X X X

Когда устанавливается весна цветов, кажется, что этому чудесному времени не будет конца.

X X X

От нежной апрельской зари и чистого небесного пространства, отражающихся в первых лужах, вскрывшиеся от снега лесные поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами.

X X X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X X X

Когда снег в апреле уже совершенно не держит, и нога с хлопаньем проваливается до самой земли, начинаешь ощущать, что ты тоже переполнен живительным весенним соком, и готов вот-вот броситься со всей накопленной в себе за зиму силой навстречу жизни!

X X X

Пока всё в природе не слилось в одном цвете – самое время сказать благодарное слово весне, если не хочешь её в себе расплескать.

X X X

Бывает, ясная солнечная погода в марте выстаивается так долго, что возбуждение от всеохватной радости света, кажется, уже невозможно выносить, но истосковавшаяся по весеннему теплу душа не отступает – всё дай сюда!

X X X

Случается весной, неизвестно от чего, поднимаешь голову к небу, и к неожиданной радости своей обнаружишь в нём торжественные косяки уток... Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь между собой в недостижимой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий такт полёта стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент жизни не допускает какие-либо вольности, которые бы птицы могли себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почувяв малейшие, одним им известные и неуловимые признаки, утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

X X X

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить человеку.

X X X

Апрельский лес всегда раскрывает свои объятия для мужчины, если тот обратил к нему своё сердце, и великодушно дарит для его женщины букетик бархатной медуницы.

X X X

Для полной встречи весны мне всегда не достаёт журавлиного крика, и как только услышу это восторженное – «курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла», так и успокоюсь.

X X X

Чиби́с или ворона, расхаживая по закраинам весенних полей, время от времени останавливаются и начинают притоптывать ногой, забавно встряхивая ею в воздухе... Так они, оказывается, имитируют приближение крота, сотрясая почву, и встревоженные черви тотчас выбираются на поверхность.

X X X

Живая ночь в весеннем лесу – это когда совершенно забываешь себя в ней, а она чувствует всё в тебе, и полностью доверяет.

X X X

Когда проходит последняя взволнованность весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

X X X

Журавлиное грудное курлыканье – тот самый жизнеутверждающий позыв, после которого уже точно знаешь, что весна в твоей душе свершилась, всё задуманное зимой следует непременно осуществить, и оно наилучшим образом случится. У тебя в этом нет никаких сомнений, и оттого, что на свете остаётся много неизвестного, о чём тебе очень хочется разузнать, становится ещё более интересно жить.

X X X

У каждого времени года в лесу – своя тишина, каждая имеет свой смысл и отраду, и каждую нужно попробовать услышать, после чего непременно доберёшься в самом себе до своей тишины, возле которой уже никогда не заскучаешь.

X X X

Нарядные шмели в мае поначалу кажутся вальяжными вельможами, которые очень заносчивы и никого вокруг не замечают. Но, присмотревшись получше, вдруг с удивлением открываешь в них милую обходительность, с какой они пристраиваются к медовым чашам.

X X X

Любая весна никогда до конца не наступит, пока в ней не осуществится последний поворот. Поворот этот всегда незаметен и происходит в считанные мгновения, как будто по мановению чьей-то волшебной палочки, после чего кругом воцаряется тепло, землю омывает первый солнечный дождь, а в небе весело перекатывается многообещающий гром.

X X X

Природа всегда манит и ублажает человека, глухарина же песня в весенней ночи призывает его дух к труду и возвышает.

X X X

Невозможно весной делать что-либо так себе, мимоходом, а наоборот – только с великим желанием, когда при одной мысли о пробуждающейся вокруг природе становишься чище и сильнее.

X X X

Весна – это всегда любовь, а любовь дарует возможность всем расцвести во всей красе, и тогда возникает гармония.

X X X

Еле заметный клюв у куличка-перевозчика – как приставленная дудочка: из неё он трогательно выдувает по весне чистые нотки своей трепетной любви.

X X X

Проклюнувшиеся зелёные листики полны не только жизнелюбией, но и любопытства.

X X X

Весенние бабочки – это будто проснувшиеся мысли леса, что перепархивают в воздухе легко и неумолимо.

X X X

Весна тем хороша, что всякому существу в ней надо выразить свою радость, и такое всеобщее торжество, присущее только этому времени года, просто ошеломляет!

X X X

Звон зари по весне бывает малиновым и красным, жёлто-оранжевым и розовым, но самый тонкий – перламутрово-зелёный...

X X X

Стоит только отправиться весною в лес – и в душе возникает предчувствие неминуемого открытия.

X X X

Кому довелось увидеть волчьи свадьбы, тот на заячьи игры по весне уже не засмотрится.

X X X

Золотистым барашкам ивы просто неоткуда взяться, как из самих её ветвей, однако выглядят они так, будто по какому-то природному волшебству привнесены извне.

X X X

В светлые майские ночи созвездия уже почти не угадываются, но в этой пришедшей прозрачности времени совсем не ощущается пустоты.

X X X

Розовые лепестки волчьего лыка источают по весне такой же сильный запах, как и волки во время течки. Неумолимый ветер порой доносит его волны до самой деревни, а ты и не замечаешь, что тоже становишься диким и неприкаянным.

X X X

Часто у тетеревов бывает так: большого весеннего сблища, которого обычно все от них ожидают, не происходит, но зато птицы яро токуют в одиночку, кто где придётся, и это никак не влияет на их радостное восприятие пробуждающейся природы.

X X X

Аккуратные головки мать-и-мачехи – как жёлтые граммофончики, что радуют нас весной своей неслышной музыкой.

X X X

В марте по полям и в лесу ещё лежат таинственные великие снега, но чувствуешь, как они полнятся вешней водой, еле сдерживая в себе ещё более неведомый, весенний пир.

X X X

Когда по весне начинает пригревать солнце, крохотные синички вдруг становятся необыкновенно драчливы, и даже милый поползень ищет повода для ссоры.

X X X

Крадётся над землёй весенняя ночь, и вместе с ней вливается в душу нечто свежее, чего не могли дать ни зима, ни осень, и даже лето. Эта весенняя свежесть, которую начинаешь постепенно угадывать и в себе, проистекает как ласка матери, из оттаивающей земли, обхватывает сердце лохматой добротою, и стирается из памяти всё, чего хотелось забыть, но оно не уходило, а с пробуждением весны – исчезло, как будто его и не было.

X X X

Пребывание на глухаринном току – это всегда будто свидание со своим далёким прошлым, с какой-то древней жизнью, которая зачем-то была, но почему-то до конца не забылась, и ты не можешь не следовать её зову,

отчего, наверное, и стремишься встретиться с тем, что неизменно манит своей тайной, с которой не хочется расставаться.

X X X

Обыкновенный звук от удара лыжи о лыжу в ночном весеннем лесу вдруг превращается в раскатистое эхо, отдаваясь в нём многократно и гулко, и, наверное, перегоняет по дальности распространения барабанную дробь дятла.

X X X

Во всю бескрайнюю весну только один раз приходит та желанная минута, когда по-настоящему вступаешь в цветущий мир, принимая его как божественный сад, и ты должен обязательно дождаться её и не пропустить.

X X X

До чего же хорошо вслушиваться в ночное пение сов и ветер, когда они будто переключаются между собой, вовлекая в свою игру и твоё смятённое весной сердце.

X X X

Находясь в лесу, на глухаринном току, можно всю ночь вслушиваться в неутомимые завывания ветра, но если под утро тебе нечего о нём рассказать, ветер тебе – не брат!

X X X

Переживание весны во мне так глубоко, что я начинаю воспринимать её задолго до февральских оттепелей, в глухих отрогах января, когда ещё всюсю сияют в восторженном небе рождественские звёзды, но к весне не исстрачиваю себя, а наоборот, становлюсь более определённым и ясным в своих душевных устремлениях.

X

X

X

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и пурге, но почему-то рождается в сердце добрая печаль при виде одинокого весеннего цветка, пусть и прекрасного, и хочется молча опуститься перед ним на колени, нежно дотронуться рукой, и улыбнуться...

X

X

X

Вот ведь что интересно: за полвека жизни у меня накопились достаточно глубокие знания о многих зверях, птицах и растениях, которые я постоянно пытаюсь как можно более точно выразить, стараясь максимально приблизиться к пониманию их глубинной сути. Но даже в этом утвердившемся знании природы, проверенном за годы неутомимых наблюдений, порой совершенно теряюсь оттого, что любой цветок, в пору своего весеннего расцветания, возбуждается, и температура его соцветия повышается по сравнению с температурой окружающего воздуха, что привлекает насекомых, которые в эту пору стремятся к теплу...

X

X

X

Когда замечаешь по весне, как одно молодое деревце заглядывает через плечо другого – замираешь от счастья: ведь это оно угадывает твоё приподнятое настроение!

X

X

X

Весна приходит – и сама по себе возникает радость.

X

X

X

Словно весенний ветер внезапно налетает на душу глухарина песня – и ровно прикоснётся к ней неизведанное счастье: взбудоражит нетерпеливым пробуждением, околдует роящимися в темноте тайнами и спутанными звуками, и оставит ни с чем.

X X X

С детства помню, как краснели ладошки от холода сосулек, но маленькие ручки не выпускали студёные стволы, сжимали крепко и наслаждались их прозрачной ребристостью... С особым удовольствием сосульки пробовались на вкус!

X X X

Написание книги можно сравнить с появлением весной первого стебелька, только-только проклюнувшегося из земли, с его постепенным ростом, возмужанием и, наконец, цветением, которое навсегда остаётся в душе примером жизнеутверждающей красоты. Цветок созревает, распускается во всей своей красе и радует собой мир.

Так и настоящая книга, задуманная, выношенная и написанная писателем, однажды приносит удовлетворение читателям от приобретаемых знаний, учит более совершенной жизни и никогда не увядает.

X X X

В лесу ещё не распустились на деревьях почки, а волчье лыко уже красуется розоватыми лепестками, что появляются на совершенно голых кустах даже раньше листьев.

X X X

Весной, задрав голову к небу, всегда пытаешься угадать: друзья ли тебе призывно вскрикивающие в вышине гуси или они сами по себе, без каких-либо привязанностей, и просто отрешённо стремятся на свою северную родину, ничего не замечая?

X X X

Отломишь льдинку от закраины ручейка, и смотришь сквозь неё на скособоченную у дороги ограду, а там – целый пейзаж, стягивающий в себя весь огромный весенний мир.

X X X

Весенний ветер так силен, неудержим и напорист, что и рад бы, наверное, где-нибудь передохнуть, да зацепиться не за что.

X X X

Весенний наряд тетерева-косача с лирообразно выгнутыми хвостовыми косичками, белоснежным подхвостьем и алыми бровями просто головокружигелен, самки же – практически выдержан в цветах лесной подстилки из прошлогодних листьев и увядшей травы.

X X X

Слушай весну – и ты услышишь самого себя.

X X X

Талая снеговая вода стоит между берёзами налитая, тягучая, и от неё веет такой душистой прохладой, что покажется вдруг, будто это берёзовый сок наполнил собой всё пространство в лесу, воздух стал необыкновенно свеж и сочен, и после ослепительного царства света в природе сразу наступила самая благодатная пора.

X X X

Обычно сухая и надоедливая стукотня дятла по весне, наконец-то, приобретает нежность звонкой капли.

X X X

Осенью все мысли медленно и неумолимо устремляются вниз, в корни, в какую-то неведомую, бесконечную глубину, и оттого душа начинает жить размеренно, с затаенной загадкой на неторопливую и длительную работу.

Весной же каждый день горит как последний, но, догорев, не угасает, а через какое-то время вновь разгорается с ещё большей силой, а ты даже не задумываешься об истоках своей радости, и только тянешься ввысь, к свету.

X X X

Ни одному русскому не придёт на ум снимать с прелестной ножки весны мерку, потому что каждый ещё загодя, может быть, даже со Сретенья, ясно обрисовал её форму в своей душе.

X X X

Поршки всех птиц, как и дети у людей, удивительно доступны в своей трогательной доверчивости, и совсем не хочется, чтобы они росли и крепили, всё более отдаляясь в знании жизни от любознательного человека в его желании открывать удивительный мир природы.

X X X

Весной сидеть в избе никак невозможно: птицы летят!

X X X

Ондатра – единственный зверь, кто в весеннее половодье умудряется изготовить маленький плотик из мусора, на котором и спасается, безопасно для себя переживая десять-двенадцать дней высокой воды.

X X X

Ранним весенним утром, задрав маленькие аккуратные головы, степенные журавли отрешённо и даже несколько устрашающе выступают навстречу друг другу, предвещая тем свои торжественные бои и свадьбы, а невидимые росинки весело скатываются по клацкающим клювам и, блеснув на миг, никем не замеченные исчезают среди перьев...

X X X

Приятный весенний ветерок обнимает мокрые плечи могучих елей, а их прохладные ветви заботливо прикасаются к твоим разгорячённым щекам и шее...

X X X

Весной воздух звенит от щебета птиц, летом их пение в нём утопает.

X X X

Я очень люблю лес, море, весенние цветы и землю, и думаю, что никогда ко всему этому не привыкну.

X X X

Драка тетеревов весной на току – это проявление жизненной энергии, бьющей через край, а не злобное стремление, во что бы то ни стало, победить возможного противника.

X X X

По мере того, как приближается момент появления птенцов, самка ястреба всё чаще наклоняется к яйцам, трогает их клювом и прислушивается, а иногда что-то тихо произносит.

X X X

В неустанном куковании кукушки в весеннем лесу слышится нескончаемая влюблённость.

X X X

Маленькие стаи пернатых шумливы, быстры и всегда норовят опередить весну.

X X X

Глухарю безразлично, что в своей восхитительной любовной страсти он никому, кроме глухарки, не видим, человек же безвестности не переносит, даже если умудрился сохранить в сердце цветы жизни.

X X X

Замершую весеннюю тишину может разбудить даже трепетное биение твоего собственного сердца.

X X X

Только весной понимаешь, что человеческая жажда полёта есть, на деле, слитность земли с простором неба.

X X X

Чарующие сине-голубые цвета – это и мартовское небо, и трепетные кустики вероники вдоль июньских дорожек, и нежные крылышки бабочки-

голубянки, порхающей всё лето над цветами, но невозможно выразить только через голубизну всю пронзительность влюблённой души.

X X X

Всё, что происходит вокруг скворца, по весне, составляет лишь музыкальное отступление, после которого и начинается его неподражаемая, зажигательная песня.

X X X

Только весенним светлым утром до тебя, наконец-то, доходит, как противоестественно держать наготове заряженное ружьё.

X X X

Ходишь всю зиму в лес в надежде вытродить зайчика, спозаранку встаёшь и за полночь ложишься, словом, нет такой силы, чтобы обуздала твои охотничьи желания, и всё же не встретишь ни одного косого. Но вот где-нибудь в апреле выбегут из кустов прямо тебе под ноги два зайца, о чём-то переговариваются между собой, играют, как дети, а в тебе уже никакого азарта!

X X X

В ноябре звёзды колючие и недостижимые, как на рисунках милых и непредсказуемых малышей, а в мае – доступные и мягкие, наподобие новогодних катышей из ваты, что обычно изображают пушистый снег, в который никто не верит.

X X X

Когда наблюдаешь весенним ветреным днём за ястребом, кажется, будто воздух сам несёт птицу, но на деле ястреб умело отдаёт себя ему, сберегая всю свою силу.

X X X

На первый взгляд кажется, будто лягушки, сидя по весне в своём болоте и утробно урча, всех передразнивают, на самом же деле они распевают, как птицы.

X X X

На кончике клюва, в невидимой розовой капле приносит весною рассвет
маленькая птичка зарянка и, элегантно обронив её на грудь, во всеуслышание
провозглашает!

X X X

После полудня сосульки сваливаются с крыш и бесшумно утопают в
снегу, ещё какое-то время растапливая его накопленным в себе солнечным
светом, отчего тоже захочется дарить кому-нибудь сбережённое в себе за
зиму тепло.

X X X

Когда трубят по весне журавли, всё валится у меня из рук, и тянет в лес,
на скрытое от глаз глухое болото за рекой, что птицы облюбовали для своих
свадеб. Там я постепенно успокаиваюсь, жадно вслушиваюсь в их
тревожащие душу голоса и чего-то жду.

X X X

Какое счастье – просто взять и отправиться весною в лес, затеряться в
нём и, разведя костёр, остаться там один на один со всем Мирозданием.

X X X

Когда скворцы покидают скворечники и перебираются ближе к лесу, в
огороде становится так тихо, будто бы кончилось лето. А оно ещё толком и
не начиналось ...

X X X

Солнце весною рыжее и взлохмаченное, похожее на влюблённое
сердце!

X X X

От талого духа весной становится до тошноты разнежено и дурно, и
только маленькие щиты бесчисленной солнечной рати – мать-и-мачехи, вмиг

отражают всю твою сковывающую онемелость и, отрезвляя, наполняют бодростью.

X X X

Сколько счастья, по-видимому, переживают в своих маленьких сердцах только что прилетевшие с юга кулики-черныши... Стремительно срываясь с придорожных луж, они поначалу только всхлипывают от переполняющих их чувств, не в силах выразить всей радости, и уж затем вытягиваются в полёте с восторженно стонущим свистом!

X X X

Раскатисто засвистал в майской ночи её властелин – соловей, и в восхищении замерли земля, лес и даже ласково струящийся воздух.

X X X

Вроде бы, и размеренная, по весне работа дятла отличается восхитительным остервенением!

X X X

Нет, кажется, более заботливых родителей, чем чибисы, но, как ни странно, гнездятся они прямо в открытом поле, на перепаханной с осени земле. Далеко от гнезда встречают чибисы проходящего мимо человека, храбро бросаются вниз, чуть ли не на голову, пронзительно кричат и долго провожают. Отчего же они себя так мучают?!

Наверное, их переполняет не испуг, а восторженность от своей опьяняющей открытости, на которую решаются по весне эти чувствительные птицы.

X X X

Домашний гусь – само тщеславие, что важно вышагивает взад-вперёд и никак не может сообразить, куда себя деть. Но надо слышать, как вскрикивает в дальнем перелёте, по весне, белощёкая казарка: в одном своём возгласе она во всеуслышание провозглашает обо всём, что происходит вокруг!

X X X

Из надломленных веток старых берёз сок по весне льётся дождём...

X X X

Когда цветок ландыша раскрывается, он склоняется к земле и становится очень похожим на маленький колоколец, оповещающий о себе волнами тонкого аромата...

Но вот на юге России в нём увидели ланье ушко, на севере – лесную лилию, на Волге – воронец или ландушку, в Калуге – заячью соль, а на Смоленщине – собачий язык!

X X X

В середине апреля гладишь нежную кору берёзы, и трепет её сердцебиения явственно отдаётся в твоей ладони.

X X X

Когда подступает весной такое время, что снег начинает таять даже ночью, к нам прилетают удивительные птицы – вальдшнепы, чьи глаза переполнены смородиновой нежностью и теплотой юга.

X X X

Каждый год тысячи жаворонков, трясогузок, зарянок, коньков и пеночек спешат на север, но никто из них не знает зимы.

X X X

По весне вспугнутые птицы, особенно певчие, никогда не уходят свечой в небо, а чаще всего прижимаются к земле.

X X X

Приходилось ли вам стоять весной возле поющего красавца-глухаря, перед самым рассветом, когда уже не видно ни одной звезды, но оранжевая луна ещё повелевает на небе? Нет?! Тогда зачем вы живёте?!

X X X

Утренняя заря весной словно омывает душу своей первозданной чистотой, переполняя её несказанным восторгом, а первая, вспугнутая тобой птица, в считанные мгновения её успокаивает.

X X X

Если весенний вечер ясный и холодный, то вальдшнеп торопливо машет крыльями и старается быстрее пролететь над поляной, догоняя самку. Но когда погода погожая, пусть даже пасмурно, то он летит медленно и важно, будто норовя задержаться в воздухе как можно дольше, насладиться его теплотой и светом, и, конечно, не боится ничего, открываясь в своей любви.

X X X

Среди орнитологов принято думать, что в одиночку, помимо хищных птиц, к нам летят с юга ещё кукушки. И вот как представишь себе этот одинокий полёт ночью, когда птица абсолютно беззащитна и лишь чутьё подсказывает ей верную дорогу, так сразу проникнешься ещё большим уважением к кукушкам, которым Бог и без того предопределил нелёгкую долю родителей, вынужденных отказываться от своих детей во имя здоровья природы.

X X X

Нет большего удовольствия весной, чем вглядываться в мартовские и апрельские дали.

X X X

Только весной, особенно в марте, так безудержно пахнет русским простором и свободой.

X X X

Весенние выкрики домового воробья, у ещё не достроенного гнезда, трудно назвать песней, но и они не на шутку будоражат сердце.

X X X

Удивительно подымает настроение журчащий в мартовских сугробах ручеек, до которого всегда хочется добраться и с надеждой взглянуть на него.

X X X

Иду по весеннему лесу, а вокруг - птицы, звери, деревья, кусты и насекомые, травы с цветами, и все видят, слышат и понимают меня.

X X X

Только кажется, что запев в весеннем лесу, под вечер, дрозд кого-то окликает... На самом деле, если прислушаться, он скороговоркой всем подсказывает: «Быть добру, быть добру, быть добру!»

X X X

Весной птице, во что бы то ни стало, надо лететь, а осенью – возвращаться.

X X X

Высота приглушает гортанный гогот пролётных гусей, но он, как ни странно, становится от этого проникновеннее и мягче.

X X X

Когда по весне вокруг воцаряется непогода, я смотрю на неё глазами любви, и принимаю как часть всего прекрасного в природе: пусть, на время, и хмурого, но необходимого для человека, чтобы он учился ценить солнце.

X X X

Попробуй-ка сдержать возглас восхищения, когда за рекой затрубили журавли, а по лесу разлились звонкой трелью песни дроздов, зябликов и овсянок!

X X X

Со вздохом облегчения съезжает с крыш лежалый снег, но происходит это неожиданно, отчего всегда кажется, будто он всё ещё сердится, что ему приходит конец, и даже кому-то угрожает!

X X X

К осени, покидая родину, журавли с тоской возвещают о вынужденных дальних перелётах, но почему весной в их голосах слышится такая пронзительная печаль? Наверное, журавли горюют о времени, проведенном вдали от родины, но и то верно, что на родной земле Бог от всякой печали избавляет, хотя на ней и потужить не грех, ибо не бывает в жизни печали без радости, как не случается и радости без печали!

X X X

Иногда, словно боясь не успеть, ты опережаешь время, и уже зимой отправляешься в весенний путь: так он притягателен!

X X X

Звон апрельской капли ещё более пронзителен, чем в марте, но разве может он сравниться с трогательной размеренностью полузабытой всеми февральской оттепели, которая незаметно так обнажает пробуждающееся пространство, что оно, кажется, вот-вот разорвётся на множество невидимых хрустальных колокольчиков.

X X X

Вся жизнь на земле с неизменно происходящей сменой времён года для того и существует, чтобы человек догадался о своём бессмертии и, не уставая, рос.

X X X

Птицы – одно из самых необыкновенных достояний земли, это в полной мере ощущаешь весной, однако они странным образом отсутствуют в жизни человека, как будто летая где-то на краю нашего неокрепшего, полудетского сознания.

X X X

Только однажды в своей жизни, весной, обнаружил я гнездо орлана-белохвоста у холодного северного моря, оно располагалось на высокой чёрной скале, среди старых лиственниц, а под ним, у самого уреза воды, лежал сорвавшийся с высоты медвежонок, что повадился в голодную сахалинскую весну за яйцами хищной птицы...

X X X

Бывает, и соловей, захлебнувшись ароматом сиреневой накипи, соскакивает с голоса, и некому в эту восторженную пору его поправить.

X X X

Весной белка так возбуждена и стремительна, что кажется двумя зверьками, затеявшими игру в переплетении еловых ветвей.

X X X

Очень не просто весной целиком переселить её в своё сердце, взять себя в руки, и спокойно написать о ней так, как она этого заслуживает.

X X X

Там, где по весенней дороге прошествовал медведь, оставив отчётливые мякиши своих косяпаых следов, в воздухе ещё долго держится его утробный заворачивающий запах, хотя зверь уже далеко.

X X X

В лесу, особенно – весной, желательно быть одному, чтобы переживать всё в полную силу.

X X X

На дворе сумеречно, мокро и грязь, но как волнующе берedit душу тёплый апрельский дождь!

X X X

Услышишь, как кричат весной молодые птицы, и сразу что-то встрепенётся в душе, потом взвьётся, а ты и не заметишь, как вмиг стал чуточку мудрее .

X X X

По окончании глухариного тока, когда птицы покидают токовище, я ещё какое-то время остаюсь там, тихо созерцаю всё, что окружало меня до

самого утра, и, постепенно успокоившись, неторопливо отправляюсь привычной лесной тропинкой домой, потому как после встречи с дорогой сердцу лесной древностью ждать чего-либо лучшего нечего.

X X X

Мелкие певчие птицы по весне оживлённее всего подают свои голоса, как ни странно, на деревенских кладбищах.

X X X

И без того всегда заметная, бровь тетерева к весне наливается какой-то яростной краской!

X X X

Облака весной, как муравьи, спешат куда-то по небу, и несть им числа, а ты всё глядишь на них и не можешь наглядеться.

X X X

В безоблачную, пронизанную звёздным светом весеннюю ночь и мысли становятся ясными, а душа полнится поэзией рождающихся чудесных откровений.

X X X

Лесные первоцветы отцветают всегда нехотя, будто вымаливая у природы позволения задержаться ещё на денёк-другой.

X X X

Если на тетеревином току остаётся один самец и ему некого побеждать, он начинает без усталости трепать приглянувшуюся ему маленькую кочку.

X X X

Когда научишься всё в жизни принимать так, как оно приходит весной, тогда и в лесу сразу многое откроется.

X X X

Самка вальдшнепа ещё с раннего утра начинает готовить гнездо, устраивает его целый день очень тщательно, а под вечер, когда запоют дрозды и над лесом спустятся прохладные сумерки, она прикрывает его травой и спешит к самцам на тягу.

X X X

Трубные журавлиные крики по весне удивительно прозрачны и, как ничто, утверждают ясность бытия.

X X X

Сладко пахнет весной в голодном апрельском лесу!

X X X

Когда подбегаешь к глухарю под песню, тебя охватывает какое-то глухое ко всему безразличие, кроме самой птицы, которая, с таким же безразличием к происходящему вокруг, страстно вздрагивает раздувшейся шеей, самозабвенно скиркает, точит, и, наверное, тоже ничего не замечет...

А малиновый диск солнца взбирается всё выше и выше, равнодушно взирая на пробуждающийся лес, возбуждённую птицу и позабывшего себя человека.

X X X

Никогда не бывало, чтобы в весеннем лесу не пробудилось переживание дикой свободы.

X X X

Первые цветы – вовсе не храбрые, а просто уверенные в себе, когда показывают свои нежные головки в ещё суровую пору.

X X X

Многие лесные птицы весной открыто выращивают своих птенцов по соседству с гнездом ястреба-тетеревятника, он их не обижает, и птицы живут спокойно.

X X X

Март – это время ослепительно солнечных и ласковых холодов.

Х Х Х

Возвращаясь розовеющим утром с глухариного тока и переживая происходящие вокруг лесные события, я вдруг с неизъяснимой горечью уясняю для себя, что огромный мир природы, особенно весной, протекает мимо внимания людей, и остаётся для них совершенно незамеченным.

Х Х Х

Особое удовольствие порой доставляет в лесу реальность всего, что происходит совсем неподалёку от человеческого жилья.

Х Х Х

Только весеннему солнышку под силу раскрыть обыкновенные сосновые шишки, которые не поддаются даже дятлу.

Х Х Х

Конечно, не слышишь весной шелест распускающихся цветов, и даже не всегда чувствуешь, как это происходит, но так хочется быть ближе к природе и ещё более тонко её понимать!

Х Х Х

Всё реже можно застать по весне гусиные караваны, и если уж застал, услышал в высоком поднебесье пролётную песню этих птиц, то знай, что не случайно.

Х Х Х

Бери с собой в поход на глухариный ток как можно больше: ножовку, топор, запасные тёплые штаны и свитер, носки, рукавицы... Не забудь фонарь с биноклем, парафиновые свечи, аптечку и ещё поролоновый матрас, лыжи, валенки с галошами, хотя повсюду ручьи и сам в болотных сапогах, нож с бечевою. Задумаешь взять и не возьмёшь – такое в лесу оборачивается зачастую трагедией, в лучшем случае - испорченным настроением, но если взял, вытерпел, донёс, хоть оно и не пригодилось, всё у тебя будет хорошо и ничего худого не случится.

X X X

Идя по весеннему лесу, я всегда жалею своё время, и никогда не присаживаюсь на отдых, ну, если только на минутку, и всё бегу, дышу, сливаюсь с чем-то, что само с радостью входит в меня, а я жадно впитываю его, недолго переживаю в себе и опять бегу.

X X X

В иной год весна выдаётся такая весёлая, что уже с середины марта по дорогам ездят на колёсах, хотя на полях и в лесах ещё высятся сугробы.

X X X

Весенний ток у птиц обычно проявляется в неистовых криках, ритуальных танцах, особом полёте, чаще – пении, но иногда птицы неожиданно ... пародируют друг друга, долгое время никак этого в своём поведении не проявляя.

X X X

У неба не может быть ни низа, ни верха, и это прекрасно понимаешь и чувствуешь в апреле, когда не утопаешь и не возносишься, а летишь.

X X X

Весенний лес учит бороться и побеждать не только ударом лапы, клювом или когтями, но и песней.

X X X

И передать невозможно, сколько радости слышится в проникновенном посвистывании рябчиков поутру, когда декабрьский мороз переваливает за двадцать, берёзки натужно пощёлкивают, и солнце раздавленной клюквой медленно растекается по выстуженному небосводу! Рябки только что проснулись, выпорхнули из-под снега и расселись по веткам, подставив свои пепельные грудки первым, ещё прохладным солнечным лучам, но от всего этого почему-то пахнуло весной, а не первозимьем.

X X X

Приятно сидеть в майский солнечный день на краю какой-нибудь укромной полянки и наблюдать, как изредка подбегают друг к другу озабоченные зайцы, и о чём-то совещаются.

X X X

Весной все птенцы представляются желтопузыми.

X X X

Чёрная шапочка гаички перетекает в серую спинку так же неуловимо плавно, как мартовские сумерки незаметно переливаются в трогательную весеннюю темноту.

X X X

С необыкновенно радостным ощущением жду я всегда приближения ослепительного, волшебного марта, что, наконец-то, ко всеобщему удовлетворению приходит, но, как ни странно, мешает видеть, слышать и впитывать всю окружающую красоту... Так он хорош!

X X X

Приблизив лицо к одиноко висящей на ветке капле, вдруг увидишь в ней весь просыпающийся весенний мир...

X X X

Оттаявшие по весне пихты начинают источать голубое свечение и изумрудно-фиолетовый аромат.

X X X

Весной крапива спешит на выручку человеку.

X X X

То, что глухарь способен токовать каждый день, из года в год, на одном и том же дереве, а порой даже на горях, где до пожара располагался ток и после сплошного пала сохранились лишь обугленные пеньки, говорит о его седой древности, благодаря которой привычки глухаря остаются неизменными.

X X X

Многие месяцы отличает ясное голубое небо: и сокровенный январь, и безбрежный июнь, и умиротворённый август, и молодой проникновенный апрель, но только в марте его голубизна распахнута настежь!

X X X

В яркие мартовские утренники ёлки уже не прячут глаза, как это у них по обыкновению заведено под осень или зимой, а будто жмурятся от удовольствия.

X X X

Осенний ветер стремглав бросается между домов, весенний – льётся нескончаемым потоком.

X X X

В масленичную разомлевшую пору весны мысли почему-то не маслянисты, а необыкновенно ясны.

X X X

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самочек, которые возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече. В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

X X X

Кажется, никогда, как в тот год, не ждал я весны с таким нетерпением в ожидании встречи с любимыми глухарями, и отправился в лес прямо в апрельскую оттепель... То и дело проваливаясь в сыром снегу, всё-таки добрался до дальнего тока, но, в конце концов, сломал лыжу в десяти километрах от деревни, возвращался домой до глубокой ночи, вконец умаявшись, и всю обратную дорогу не покидало приподнятое настроение, а на душе было непередаваемо весело.

X X X

Только в весеннем лесу по-детски радуешься переживаемой в нём свободе.

X X X

В зимний мороз, если ты без варежек, никогда не станешь согревать руки дыханием, а засунешь их куда-нибудь за пазуху, под мышки, либо в глубокие карманы, весенним же утренником бежишь на лыжах, дышишь на покрасневшие ледяные кисти, но всё-таки не прячешь их.

X X X

Бывало, весной положишь семечко на ладонь, опустишься на колени, прежде, чем его посадить, и вдруг задумаешься: отчего в каждом мельчайшем проявлении природы заложено стремительное движение к будущему, и все силы её работают на то, чтобы ему прорасти? И вот, задумавшись так, и позабыв обо всём, неожиданно ощутишь, как трогательно ждёт природа такого же внимательного и чуткого отношения к себе человека.

Жизнь, таящаяся в каждом крохотном семечке, поддерживает и вдохновляет меня на не прекращающийся творческий труд, когда взращённая в себе радость, кажется, куда-то однажды уходит, и тебе уже не верится, что доживёшь ты до очередного праздника жизни, побеждающего любую неустроенность, нежелание созидать. А как подумаешь при этом обо всех семенах, несущих в себе жажду к жизни, так и вовсе одумаешься, и обратишь свой взор ко всем маленьким и большим деревьям, что тянут свои веточки к солнцу, не упуская ни единого шанса к росту, к развитию себя, как самостоятельного, не похожего на другие деревья растения... И эту силу одинокого растения перенесёшь на себя, отчего сделается стыдно за допущенную слабость, и уж тоже, как любое деревце, стараешься тянуться к свету, радуя при этом других.

Такова сила природного примера, хотя бы это было обыкновенное зёрнышко, почти не приметная на ладони былинка, побуждающая не забывать в себе возможности, заложенные в тебя Божественным Существованием, исключая всякое чувство личной ненужности и неспособности помочь другим, в конце концов, ощущая себя настоящим человеком.

X X X

Весной в душе возникает нечто лучшее, чем просто замечательные мысли о нашей русской природе, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что в полной мере и, наверное, более заслуженно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все наши чудесные времена года.

X X X

Снег в морозные мартовские ночи словно прислушивается к звёздам, и впитывает их свет.

X X X

Мартовский утренник как ничто крепит дух, возбуждая во всём теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

X X X

Только по весне вдруг заметишь – каким смелым стал маленький лесок, всю зиму окружённый бескрайними заснеженными полями.

X X X

Весенний рассвет льёт зеленовато-перламутровый отблеск на укатанную дорогу, под ноги, и начинает казаться, будто ты поднимаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Жизнь человека, близкого к природе, есть всегда воспитание чувств.

X X X

Как замечательно сидеть весной в лесу, у костра, и спокойно думать обо всём, что происходило с тобой за день... Но ещё лучше вообще ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим лесным миром.

X X X

Шорох листвы, когда по ней пробирается проснувшийся весной ёжик, может быть нежнее шелеста самого раннего ветерка, что будоражит молодые ветви, ласкает их, и ничего никому не обещает. А когда ёж ещё и засопит, мило зафыркает своим блестящим носиком, то невольно улыбнёшься и позабудешь, какой беспощадно затяжной и отупелой выдалась надоевшая всем зима.

X X X

Первые весенние цветы, самые ранние, ни горицвет, ни гусиный лук, ни подснежники, и не медуница, а ... бабочки. Цветы, уже порхающие над землёй, пока она только собирается разродиться.

X X X

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего перелёта.

X X X

Самое трогательное проявление весенней поры – это робкий подснежник, что пробивается в недрах сугроба сквозь ледяную крупу.

X X X

Задорный мартовский ветерок и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь!

X X X

Апрельский дождь застаёт оголённую по весне душу так ненавязчиво и робко, что она и не думает запахиваться, а только ещё более открывается и расцветает.

X X X

Ни за что не заметишь весной, как загорается первая звезда, если не будешь пристально смотреть на небо, а когда приглядишься, то различишь и вторую, и третью, и десятую.

X X X

Вечерние звёзды весной зазывают в гости, утренние – провожают в добрый путь!

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Ночные снежинки весной падают на землю как будто из ниоткуда, радостно переливаются, играют, и, отражаясь от собственного волшебного света, кажется, так же просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

От солнца, поблескивающего под ним наста и чуткого ветерка - молодой березняк как будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-сиреневым, вздрагивающим облачком.

X X X

В лесу ночью темень, хоть глаз выколи, а рысь да волк всё видят. Так и я: отправляясь по весне на глухариный ток, никогда не забочусь о фонаре, и полагаюсь только на себя. Вернее, на скрытую во мне внутреннюю природу всё видеть и понимать даже в ночном лесу, где зверь без всякой необходимости тоже никогда не будет испытывать судьбу, а просто тихонько пройдёт в обход лишнюю версту, и воспримет это как должное, будто человек.

X X X

Горихвостки, как и все мелкие воробьиные птицы, отличаются изумительным постоянством в выборе какой-либо территории. Так, селясь каждую весну у меня в деревне, неизменно под карнизом дома, они, наверное, с неумолимой точностью возвращаются на зиму в один и тот же сад где-нибудь в Экваториальной Африке... Часто я силюсь представить этот

сад, но у меня ничего не получается, и я начинаю завидовать маленьким птичкам.

X X X

Упоительная мартовская свежесть огромна: как живой родник, журчит всё утро, день, вечер и ещё целую нескончаемую ночь!

X X X

Только весной можно отрешённо нежиться на солнце, прислонившись спиной к стене лесной избышки, и не жалеть убегającego времени.

X X X

Намаявшись в миру, в весеннем лесу человек, наконец-то, приходит в себя, потихоньку обретая собственную волю.

X X X

В вольно распахнутом, словно старенький зипунок, весеннем поле порой набредёшь на такое место, где чувствуешь, как земля дышит и обдаёт теплом, будто из печки!

X X X

Неоднократно переживая в весеннем лесу бесконечные минуты и часы благотворного молчания, постоянно находясь в тишине и научившись слушать её, я однажды осознал, что становлюсь хозяином самому себе, а значит – способен выразить любое чувство по собственному желанию, в том числе – и расслабиться. Расслабиться в городской жизни крайне трудно, а вот в лесу, при полном понимании и принятии своей внутренней природы, это достижимо. Жизнь здесь не принадлежит кому-то другому, она только твоя, и ты просто наслаждаешься окутавшей тебя наполненной тишиной.

X X X

Запах прижжённого солнечными лучами снега в апреле источает суховатую горечь фиалки, которая зацвела, наверное, прошлой весной и вознеслась ароматным облачком на небо, откуда слетела ещё в начале зимы не приметной снежинкой.

X X X

Весной становится так очевидно, что наше счастье зависит от наших мыслей, и оттого они должны быть созидательны, а если так, то каждый день может стать для человека началом доброго пути. Это, несомненно, возможность изменить свою жизнь к лучшему, и нужно просто не бояться становиться счастливым, отправляясь в дальнюю дорогу, навстречу нескончаемым тайнам Вселенной.

X X X

Пугающе громко и в тоже время отрешённо отмечает филин полночь в весеннем лесу, но ощущение потерянности у человека, слышавшего его уханье, сразу растворяется.

X X X

Лягушки по весне кричат: «Кум! Кума! Где он? Где она? Помер! Помер! Померла! Померла! Давай плакать! Давай плакать! По ком? По ком? По нём! По нём! По ней! По ней!». И уж только потом: «Ква-ква, ква-ква, ква-а-а...»

X X X

Идёшь весной пихтовым густым лесом и не чуешь его скрытого дыхания, но вот в каком-нибудь уголке вдруг пахнёт хвойным жаром и вмиг околдует. Остановившись, растерянно присядешь на пенёк и жадно вбираешь живительный аромат... Так, потаённо, бережёт пихтовая чаща свой вековый целительный дурман.

X X X

С виду прохладный и бесчувственный, осиновый лес по весне источает еле уловимое бледно-зелёное свечение, исходящее от коры, и благодаря ему, как ни странно, становится теплее.

X X X

Весной мы совершенно забываем о времени, и эта пора года, как никакая другая, приучает нас к мысли о бесконечности жизни.

X X X

Переживая простую весеннюю надежду, не стоит даже упоминать самые восхитительные сентябрьские и величественные январские дни.

X X X

В марте, особенно под вечер, отчётливо нарастает шорох обрывающегося с крыш снега, подтаявшего за день, воздух необыкновенно ширится и окрыляет, всё становится сиренево-таинственным, многоликим, хотя настоящая весна должна наступить ещё не скоро.

X X X

Зеленовато-серое брюшко овсянки апрельским утром превращается в яично-жёлтое, солнечное.

X X X

Удивительно крепко сидит самка рябчика на гнезде, иной раз подпуская человека на метр, чуть ли не вплотную! Сидит, смотрит, видит всё, что происходит вокруг, и даже бровью не поведёт, но если внимательно всмотреться в её немигающий блестящий глазок, в глубине его заметишь отчаянную тревогу.

X X X

Только весной по-особому ощущается опустившаяся на землю ночная тишина, когда вокруг замолкает на свой положенный срок всё то, что живёт в лесу и терпеливо ждёт пробуждения, подчиняясь короткой, но торжественной темноте.

Так и ты: умолкаешь и подолгу заворожено слушаешь, как проистекает рядом таинственная весенняя ночь, а ухватить в ней самого главного – не в силах. Лес же, будто насупившись, пристально вглядывается в твою душу, но ничего не предпринимает.

Поёживаясь от пронизывающего холода, зеваешь, то и дело, разминаешь онемевшие ноги, и вдруг замечаешь над высокой чёрной елью большую зелёную звезду. Это Венера тихо струит свой чарующий свет на землю. А на востоке, над тёмным лесом, уже занимается тихая заря...

X X X

После весны света и воды, с их проникновенной ясностью и ласковой теплотой, наступает, наконец-то, всеохватная и пышущая весна цветов, казалось бы, самая долгожданная, родная, но она уже, скорее, опьяняет и кружит, чем придаёт силы.

X X X

Ранней весной зацветают душистые ландыши, изящный подснежник, трёхцветная красавица-медуница, завораживающие лиловые колокольчики сон-травы с загадочным горичцветом, неудержимо тянет к солнцу ярко-жёлтые головки мать-и-мачеха, а пчёлы слетаются за первым мёдом на цветы ивы...

X X X

Иной раз невольно задумаешься: ни розовому утру, ни ярким звёздам, ни желанной копалухе посвящает глухарь во время тока свою восторженную песню, а самому себе.

X X X

Глядя на цветы подснежника, никогда не подумаешь о скрытой в них силе, что часто используют при лечении мышц и суставов, но именно благодаря этой потаённой энергии хрупких цветов недоумённо переживаешь тихое поклонение, даже – почтение, когда ласкаешь взглядом их чистые и трепетные головки.

X X X

Ни мартовское солнце, ни открывающиеся небеса, ни звонкое карканье воронья, ни напоённый ослепительной свежестью воздух не манят в ускользящую весеннюю даль, а манит какой-то неведомый синий гул, за которым готов отмахивать нескончаемые вёрсты, спать вполглаза и опять бежать без усталости, ошалело улыбаясь.

X X X

На дворе уже апрель, а за окнами с синими узорами мечется лютая выюга, горланит диким зверем, и всё происходящее представляется таинственным и интересным.

X X X

До чего же хорошо слушать ночное пение сов и ветер, которые будто перекликаются между собой, вовлекая в свою игру и твоё смятённое весной сердце.

X X X

Порой выдаётся такой богатый на рябину год, что ягоды алеют аппетитными гроздьями всю зиму и даже остаются нетронутыми до самой весны, но снегири не обращают на них внимания, а усиленно обклёвывают засохшие семена сирени.

X X X

К концу зимы лисы справляют свои свадьбы по оврагам, волки – в давно затянувшихся вырубках, и только зайцы – на открытых солнцу полянах!

X X X

В весеннем лесу всегда поражает пространство, которого, вроде бы, нет, оно пронизано бесконечными стволами, увенчанными, к тому же, пушистыми кронами, но именно здесь, среди высоких деревьев, ты сам себе начинаешь казаться выше.

X X X

Те существа, которые толпятся весенней ночью у входа в лесную избушку, нужно обязательно впустить... Но когда, собравшись с духом, отворишь дверь, они сразу исчезают.

X X X

Запах расцветающей черёмухи обычно заполняет собой всё весеннее пространство – кружит, дарит непередаваемые ощущения, куда-то уносит. Он почти неуловим и удивительно мягок.

Но вот подстрелишь по осени рябчика, зоб которого до отказа набит черёмуховыми ягодками, начнёшь его обдирать – и в нос ударит аромат черёмуховых косточек, что ощущается не менее таинственно и завораживающе, но уж очень насыщенно и пряно, и с грустью вдруг вспомнится нежная весна...

X X X

Засмотревшись морозным мартовским днём на аккуратного, будто кем-то ухоженного снегирька, на его атласную чёрную шапочку, пунцовую грудку и чутко вздрагивающее горлышко, вдруг понимаешь, что в таком маленьком красивом тельце должна быть заключена тонкая и трепетная душа!

Х

Х

Х

Бывает, охваченный переживаемыми за день впечатлениями, присядешь весной на какой-нибудь пенёк, и в какое-то мгновение вдруг поймашь себя на мысли, что ты не нужен здесь, в лесу. От этого неожиданного ощущения долгое время не можешь прийти в себя.

А потом, успокоившись и переболев эту свою ненужность, во всей простоте того, что совершается, постигнешь: таинственный лес за тем и существует, чтобы ты пришёл к нему, присел на пенёк, и записал всё то, что он с таким упорным трудом, веками, готовил для встречи с человеком.

В природе заключено много такого, что не сразу попадает на глаза, но даже попавшись – ничего не объясняет: его надлежит неспешно и вдумчиво разглядеть. Работа эта, если ею заняться всерьёз, доставит немало удовольствия, обогатит душу, разовьёт внимание и воображение. И тогда сказкой дохнёт на тебя лес, обдаст с головы до ног своим дремучим величием и явит незримое.

Вот у края опушки, на склоне пологого холма, расположилось небольшое семейство ёлочек... Все ёлки одинакового роста, но на одной из них – гроздь шишек, тогда как остальные – пустые. Шишек на единственно плодоносящей ёлке так много, что они еле умещаются на небольшой вершинке.

Долго я не мог ничего понять, сидел на пеньке, думал, и только обнаружив в траве пни от спиленных деревьев, наконец, нашёл тому, что увидел, разгадку. Оказалось, что ёлка с шишками просто намного старше своих соседей, и не давали ей роста мощные деревья, которые закрывали её своей тенью. Потом большие деревья срубили, и ёлка оказалась открытой. Она была намного старше рядом стоящих ёлочек и, конечно, начала плодоносить, тогда как догнавшие её по росту были ещё не зрелы, отчего и получилось это несоответствие на небольшом участке леса.

То, что на первый взгляд казалось необъяснимой тайной, неожиданно раскрылось, если просто предаться неспешным размышлениям, сидя на пеньке. Скрытен и смирён пень, а в лесу и ему молятся, ибо не найти в нём лучшего места для думки!

Х

Х

Х

Выйдешь апрельской ночью из лесной избушки и не можешь надышаться запахом оттаивающего мха, коры и прелых листьев, а сырой ветер мягко обвеивает лицо, шелестит в хвое и, роняя с ветвей последние комья снега, разрывает сердце на части.

X X X

В детстве и юности, когда я ещё не помышлял заниматься литературным творчеством, я часто бывал весной в лесу... И вот сейчас я думаю, что в этих лесных прогулках под воздействием сгущающихся нежных сумерек, трогательно зарождающегося утра, росы на листьях, проникновенной тишины или благоухающего аромата ландыша во мне и зарождалось то обострённое восприятие природы, благодаря которому я однажды начал писать, пытаюсь максимально проникнуть в суть вещей и явлений.

X X X

Однообразным кажется к концу зимы медленно падающий снег, но если присмотреться, то каждая снежинка опускается не просто так, а с оглядкой, будто выбирая себе к весне более выгодное место.

X X X

Созерцая, как распускается по весне цветок, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме как – чудо!

X X X

Человеческая душа по весне бывает наиболее свободной не в открытом поле или на берегу реки, а почему-то именно в густом лесу, среди деревьев, устремляющихся в небо...

X X X

Весной мне иногда начинает казаться, будто я вижу ветер, который неистовствует над низиной таёжной реки, взлетает над высокими старыми елями, и я, не двигаясь, провожаю его глазами, впитывая всем своим существом, пытаюсь запомнить, но как только ветер исчезает, перестаю думать о том, как он выглядит, и сам отрываюсь от земли.

X X X

В весеннем лесу бывает, что кто-то вроде позовёт тебя, а ты сразу встрепенёшься, оглянешься и, осмотревшись, будто отойдёшь от колдовского зимнего сна, который мешал тебе жить.

X X X

Весной, в половодье, лиса не трогает зайцев, оказавшись с ними на плавучем острове: в эту пору все звери спасаются от беды вместе.

X X X

Умение довольствоваться малым, что чаще всего проявляется в весеннем лесу, есть истинное понимание жизни, то есть – возможность всегда чувствовать себя радостным и счастливым.

X X X

Бывает, прогремит разудалая, дружная весна, а ты так и не наломаешь букет черёмухи или сирени.

X X X

В первой ледяной лужице крестит весна апрель, и он на весь свой срок становится звонким и чистым!

X X X

Иногда такое простое и обаятельное русское в нашей природе бывает непонятно самому русскому человеку, так что он и ведать-не-ведает, как его объяснить...

Вот течёт тихая речушка, над ней, по склону невысокого холма, прилепилась махонькая деревенька, и тут же разлётся важный лесок, а что там, в лесу, не ясно: то ли ягоды и грибы, то ли волки...

Но в душе всегда почему-то радуешься этому ничем не примечательному виду, как какой-нибудь неожиданной и очень желанной находке, и ничего иного не желаешь.

Так и в ночном лесу, особенно – весной, не покидает ощущение, будто в нём живёт нечто старинное и глубокое, его не выразить словами, и оно, не отрываясь, всегда смотрит на тебя, знает всю твою подноготную и никак себя не проявляет, но от этого становится ещё приятнее жить.

X X X

После своенравной зимы, не желающей сдавать своих позиций, весна, так же строптиво, то опережает саму себя, то отстаёт, и только лето всё выравнивает и успокоит.

Х

Х

Х

В июне дни ложатся, удобнее укладываются,
в июле – растекаются,
в августе – приподнимаются к небесам,
в сентябре – они готовы куда-то лететь,
в октябре – тихо растворяются повсюду, они везде и нигде,
в ноябре – чего-то ждут, затаившись,
в декабре – начинают робко показывать себя,
в январе – уже подбоченившись, чуть ли не пляшут,
в феврале – мятущиеся, не находят себе места,
в марте – пронизывают собой,
в апреле – обмякают, много и не по делу плачут,
в мае – вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой...

Невыразимое счастье переживать каждое время года как самое неповторимое, с присущими только ему характером и судьбой!

Х

Х

Х

В марте вся земля и реки ещё покрыты снегом, но небесный ледоход уже тронулся: солнце растопило хмурые тучи-глыбы, небо голубеет, как вода, и по нему, будто льдинки в весенний разлив, быстро плывут маленькие лёгкие облака.

Х

Х

Х

Весной всегда кажется, что самое настоящее в твоей жизни – впереди, а всё предыдущее было лишь необходимой подготовкой.

Х

Х

Х

Жестокая тишина морозных январских ночей, в преддверии радужного февраля, нисколько не угнетает, а уж если представишь себе, что скоро - ослепительный март, то и вовсе воспримешь её за сказочно крепкий утренник, который хоть и обжигает так, что дух захватывает, но всё же несказанно веселит!

X X X

Весеннее небо в апреле, как набрякшая почка: с каждым часом всё бухнет, наливается живительным соком, и вот-вот лопнет, а маленький куличок-бекас будто сшивает его своим неудержимым полётом, когда, радостно взвизгивая, всё крутится, падает и вновь взмывает в необозримую вышину.

X X X

Весной, на току, крылья тетеревов кажутся сине-зелёными, а хвост у глухаря – золотым!

X X X

Одним весенним утром я увидел, как на макушке огромной розовотелой сосны настукивал дятел, и дерево звонко и мелодично стонало от переживания своей могучей зрелости. Обняв шероховатый ствол и приложив к нему ухо, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот необычный музыкальный гул в самом себе, через меня стремительно ускользающий вглубь пробуждающейся земли...

X X X

В мартовские морозные утра синие тени так заманчиво и уютно выступают на снег из-за широких елей, что хочется потрогать их руками.

X X X

Из всех птиц только жаворонок по весне в воздухе купается...

X X X

Осенью обычно бредёшь наугад, больше глядя под ноги, весной – устремлено летишь, не чувствуя под собой земли.

X X X

Когда шагаешь по весенней дороге, ветер всегда дует навстречу.

Х Х Х

Если привелось наломать елового лапника на постель у костра, или не удержался и порадовал себя по весне букетиком медуницы, то извинись перед растениями, поблагодари и пообещай, что сам когда-нибудь явишься для них источником жизненной силы.

Х Х Х

В начале апреля столько всего встретишь в лесу за целый день, что и рассказал бы с удовольствием об увиденном, да некому.

Но никогда не сможешь объяснить кому-нибудь в городе, как упоительно пахнет там весной, талым снегом и хвоей.

Х Х Х

В самый разгар тока, глухарь, что было сил, точит и щёлкает, порой даже хрюкает и щебечет, а чего-то главного у него так и не выходит. Это понимаешь, когда заканчивается очередное колено песни, и тебе хочется её продолжить...

Но глухарь всё равно пробует, не перестаёт надеяться, что у него рано или поздно что-то получится, и, надо думать, своего добьётся.

Х Х Х

Чем пахнут времена года?

Обычно не вызывает никаких сомнений зима, которая, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме ёлки и мандаринов, да ещё, пожалуй, яблок. И действительно, иногда снег источает аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает? Что на самом деле составляет её головокружительную или, быть может, усыпляющую суть?!

Одно я знаю точно: запах зимы – свежий и душистый, как только благоухают щёки молодых девушек с мороза, а ещё хвойные ветки, принесённые из леса в натопленный дом, и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нашептывают.

Ночью отчётливо слышится их ласковый шорох, и вместе в ним – чья-то таинственная поступь, что постепенно обволакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные глубины. Зима очаровывает скорее звуками, чем

запахами, и более всего – своей загадочно переливающейся, будто колокольчики, мелодией.

Но вот пришла весна, самый её разгар, и сразу запахло талой корой... Остальные запахи лишь дополняют этот дурманный аромат, который течёт над открывающейся прелой землёй, пронизывает всё вокруг и опьяняет. И снеговая вода, и сладостный перезвон сосулек, и завораживающие дуновения упругого ветерка, и даже вскрикивания воронья с непрекращающимся щебетом воробьёв пахнут зарождающейся жизнью, то есть – волглой корой. Под ней начинает струиться тот самый живительный сок, который вскоре всех напоит и от всего излечит.

Лето – это, наверное, свежее сено, липовый цвет и земляника... Тысячи будоражащих запахов и их оттенков, что просто околдовывают, повисают над деревней. Но как различить тот единственный и верный, без которого лето – не лето? Самый приятный, одинаковый и в дождь и в ведро, незабываемый и тёплый? Запах короткого уральского лета, который почему-то особенно дорог...

Чистый золотой мёд! Вот в чём нельзя ошибиться, говоря и думая о лете. И свежее душистое сено, и аромат земляники, и цвет шиповника, кипрея и липы, все цветы и самые сладостные летние дуновения стекаются в мёде, и именно мёд, как ничто другое, заключает в себе силу и красоту лета.

Когда окажешься на пасеке, у медогонки, где по стенам висят розовато-кремовые, будто светящиеся, рамки, сладко пахнет воском и пчёлы ненадоедливо, но настырно бьются в заляпанное мухами стекло, устремляясь к разомлевшему июльскому жару, ты почувствуешь, что суть лета, его запах, находится где-то здесь, и оно немыслимо без этого золотистого медового духа, которым пронизано всё вокруг.

Ну, а к осени, в пору увядания, все запахи сводятся к пряной горечи палого листа, в которой, пожалуй, ещё угадывается сытный аромат кульбиков и сыроежек. Так и хочется наломать этих красивых грибов, присесть где-нибудь на пенёк и, посыпав солью да сдоблив свою нехитрую снедь куском чёрного хлеба, с аппетитом уплетать их, впитывая вместе с ними чудесный дух уходящей осенней поры.

Х

Х

Х

С приходом мая уже не хочу просто выбегать на двор, подставлять лицо солнцу и слепнуть от его проникновенного света, а люблю замирать, сидя где-нибудь в тени ограды, и чутко вслушиваться во все доносящиеся с улицы звуки.

Х

Х

Х

Любуясь по весне на умиротворённые, будто умытые ёлочки, вмиг заражающие своим мудрым спокойствием, сразу понимаешь, что голова всем деревьям в лесу – ель, а сосна, берёза или осина с ольхой лишь прекрасное ей дополнение.

X

X

X

Самое время искать волчье логово в самом конце весны, когда волк-отец или волчица таскают детёнышам зайчатину, и как только выпадет, на удачу, последний майский снежок, иди по его следу, и он непременно приведёт тебя к зверям.

X

X

X

Как на крыльях, качусь я по утвердившемуся к марту насту, лыжи еле слышно поскрипывают, солнце неуклонно зажигает снега, и мне видно всё, что происходит в лесу.

X

X

X

Весной через растворённое окно в комнату с шумом врываются разные запахи и звуки, а из дома, наоборот, неслышно выскальзывают перезимовавшие в нём невидимые существа.

X

X

X

Мы любим и лето, и осень, и зиму, но весь год мечтаем о своей весне.

X

X

X

Всегда кажется, будто ты первым услышал жужжание пчелы в апреле.

X

X

X

Странное это было для меня время, когда я бродил весенними, осенними и зимними лесами, чего-то искал и, находя, вновь устремлялся в свой неутомимый поиск. Так, постепенно и незаметно, открывался себе я сам.

X X X

На только что вытаявшей весенней опушке стоит пряничный дух и леденцовая свежесть!

X X X

До середины апреля порой спит медведь в берлоге, шуба его подмокает, но он всё равно не встаёт, и уж только когда совсем приспичит – с великой неохотой подымается.

X X X

Весной невозможно утолить потребность вдыхать хвойный аромат, и ты даже не помышляешь избавиться от его чарующего колдовства.

X X X

Без страха взираешь по весне на лениво шествующую по просеке рысь, и невольно переживаешь вместе с ней всю её величественную красу.

X X X

Наблюдая апрельским утром, вроде бы, обыкновенную для него картину: ослепительно синий косогор, покрытые молодой хвоей ёлочки, кротко замершие по его склону, воздух, звенящий весенней чистотой, лазоревые тени от берёз, будто продляющие собой на снегу проникновенное апрельское небо, - вдруг до щемящей в душе боли осознаёшь, что не сможешь выразить его красоту...

Остановившись посреди дороги, пристально вглядываешься во всё, что тебя окружает, и опять зачарованно повторяешь: синий косогор, приукрашенные ёлочки, звенящий воздух, лазоревые тени, проникновенная небесная голубизна, но чего-то самого главного, составляющего прекрасную суть только что увиденного, высказать не в силах... Оно всё равно остаётся невыразимым.

X X X

Буйный шиповник цветёт по весне у края дорог подобно розовому прибою, подкатывающему к морским берегам, но никогда не нарушает омываемой им границы.

X X X

В погожие апрельские сумерки, под вечер, молодой свет весны никак не хочет уходить, без устали роится снаружи домов и настойчиво пытается проникнуть внутрь... Так велика сила его нерастраченной жажды жизни!

X X X

Весной слово «цветы» произносить весело, а ещё лучше – «поцвести бы цветками!»

X X X

Часто бывает так: весенняя природа касается человека своим божественным крылом, но он не готов к её восприятию, потому что не потрудился душой, и поэтому суетится, бежит, восторгается увиденным, а обрести истинную радость не может.

X X X

Когда молодой Шопен создавал свои неподражаемые ноктюрны, за окном у него, наверное, бушевала безудержная весенняя метель.

X X X

В начале весны всё в лесу ещё укрыто чистым снегом, но вкусный запах свежести появляется, только когда с ветвей сорвётся мокрая снежная глыба и, шлёпнувшись, разлетится прозрачными брызгами!

X X X

Часто во сне мне видится почему-то ночной лес, залитый лунным светом, и будто я стою в этом лесу, свет пронизывает меня насквозь, и нет никакого страха перед обступающей темнотой.

Но как отправлюсь на самом деле по ночной весенней дороге в нескончаемую лесную чащу, то тьма только сгущается, лунный свет

отсутствует, и всё более растёт непонятная, стесняющая сердце отчуждённость, что, впрочем, тоже постепенно становится приятной.

X X X

Иной раз звери весной прямо выбегают на меня в лесу, по-видимому, чувствуя моё доброе отношение к ним, а может быть – просто не замечая ничего плохого.

X X X

С наступлением марта, особенно в оттепель, от леса исходит сырой аромат снега, талой коры и хвои, который поначалу крадётся к жилью человека мягко, по-кошачьи, но к концу апреля просто ошеломляет.

X X X

Незаметно пропадут яркие первоцветы, притихнут восторженные птицы, и лёгкую весеннюю радость вдруг сменит тяжёлая ответственность за весь предстоящий год.

X X X

Вот ведь что интересно: за полвека жизни у меня накопились достаточно определённое отношение ко многим зверям, птицам и растениям, которое я постоянно пытаюсь, как можно более точно, выразить, максимально приблизившись к пониманию их глубинной сути.

Но даже в своём утвердившемся знании, проверенном за годы неутомимых наблюдений, порой совершенно теряюсь при довольно простой мысли: а почему любой цветок, в пору своего весеннего или летнего расцветания, возбуждается, и у него даже поднимается температура?!

X X X

Только человеку дано прославить голубые глаза марта, тогда как сам месяц просто смотрит и сияет.

X X X

После первого весеннего грома дождь всегда радостный, напористый, но у него ещё нет желания ластиться к земле.

X X X

Утраченная человеком способность удивляться жизни, рано или поздно возрождается в весеннем лесу.

X X X

Весенний простор земли так огромен, что боишься дышать, и только вкрадчиво вслушиваешься в своё сердце: оно сейчас для тебя и небо, и воздух, и неудержимая внешняя вода.

X X X

Люди пытаются выразить любовь к жизни в танцах и картинах, музыке и стихах, и если кто-то из них просто живёт – это вызывает недоумение. Но именно в обыденной жизни, ни к чему, вроде бы, не обязывающей, совсем, кажется, непритязательной, и отображается истинная признательность человека к тому, что составляет её суть. Ты просто живёшь, заботясь при этом о самых, казалось бы, обычных вещах, и, конечно, не можешь обойтись без обаяния таинственной лесной чащи, открывающей для человека примеры достойного существования.

Идёшь, бывало, в предрассветной темноте по весеннему лесу, и ничего не видно, только беззаботные звёзды перемигиваются меж собой. И вдруг, задумаешься об этом огромном невидимом небосклоне как о родном, хотя и недостижимом пространстве, и на душе отчего-то сразу теплеет. А небесная звёздная река, заботливо ополаскивающая землю, проистекает повсюду, ласково и бесконечно льёт свет, и ты начинаешь ощущать, как земля раскрывает ему объятия в своих необозримых лесах. Леса, ты чувствуешь, сохраняют энергию Вселенной, копят её в себе, и незаметно отдают всем живым существам.

Людям же только остаётся отнестись к божественной природе с уважением, признательно, подобно Божественному Существованию копя и сохраняя уже своё сердечное тепло, ополаскивая им тех, кого оно не коснулось. Этот круговорот энергии вечен, он образует жизнеутверждающее движение не только к непознанному, но и непознаваемому, и всё это приходит к тебе на ум, когда ты просто идёшь ночной дорожкой на глухариный ток, к своим любимым глухарям, ни о чём таком высоком, вроде бы, и не помышляя, и думаешь только о своей обыденной жизни, которая прекрасна.

X X X

То зажигаются, то угасают ночные светлячки в весеннем лесу, будто звёзды вспыхивают между деревьями... Вроде бы, ничего особенного не происходит, а печали – как не бывало.

X X X

Есть ветер на земле, а есть – в небесах, но как тот, так и другой рождены из стремления созидать, с радостью проникая в человеческое сердце только весной.

X X X

Уже в середине мая, без всякой надежды на успех, собрался я в последний раз к глухарям, и чем дальше шёл по дороге, тем более убеждался: поздно. Давно угомонились в лесу ручьи, вроде бы, недавно вспыхнувшие первоцветы разлились в целые поляны, на вырубках, у старых пней, появились шоколадные шапочки строчков. Закрылся лиственный лес.

Воздух туманился от растекающегося аромата, листья уже по-летнему шептались на ласковом ветру, трава в некоторых местах доходила чуть ли не до колена. Как-то не верилось, что мошник прилетит на ток, да ещё запоёт. Но в положенный час единственный глухарь действительно проснулся, долгое время сидел, молча, а потом пропел только одну песню, после чего собрал хвост, гортанно цокнул и улетел.

И стало так грустно на душе, что весна кончилась... Впереди, кажется, бесконечное буйное лето, за которым даже и не видится зима. Где-то там дорогая сердцу весенняя радость, что однажды опять слетит на мартовский наст, пройдёт по нему красавцем-глухарём, и запоёт, позабыв обо всём?!

X X X

Лягушки по весне орут свои дикие песни.

X X X

Бывает, талая апрельская вода проскальзывает в тебя мутновато-дурманящим холодным настоем, ничуть не веселя, но всегда невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесёт с собой аромат чистых апрельских дождей.

X X X

В любое время года лес хорош тем, что, идя по нему, не замечаешь, как втягиваешься в его жизнь, и она, так же незаметно, становится и твоей.

Х Х Х

Всегда не покидает ощущение, что пребывание на глухаринном току – это свидание со своим далёким детством, с какой-то древней жизнью, что была у тебя когда-то давно-давно, но почему-то совсем не забылась.

Х Х Х

В весеннем круговороте может показаться, что капель торопится, бесперебойно отсчитывая время долгожданного пробуждения природы, на самом же деле она невероятно терпелива.

Х Х Х

Жду весну терпеливо, с затаенной радостью, потому как знаю, что она обязательно проснётся, и на высокой чистой ноте зазвенит во всём, не минуя и мою, истосковавшуюся по ней душу.

Х Х Х

Весной нередко переживаешь такие моменты, когда весь заполнен лесом, отчего кажется, будто Бог находится совсем рядом, чуть ли не в тебе, а он на самом деле – далеко-далеко...

Х Х Х

Кто-то всё время как будто поправляет меня весной, ненавязчиво подсказывая: вот светит солнце – и надо бы, не щадя себя, устремиться к нему. Или: вот дует ветер – и необходимо полностью отдаться на его волю.

Но я не всегда доверяю этому внутреннему голосу и, в итоге, пропускаю в своей жизни прекрасные солнечные дни и незабываемо пронзительные вселенские бури.

Х Х Х

Редкий молодой лес по весне всюду колыхается от ветра, колеблется чуть ли не до самой земли, перехлёстываясь своими незрелыми верхушечками, будто норовя продемонстрировать всем свой негибемый боевой характер, но разве сравнишь эти отчаянные потуги с лёгким шевелением величественных сосновых дубрав?!

X X X

Только оттаявшая и ещё нехоженная весенняя дорога напоминает молодую женщину, что терпеливо ожидает появления равнодушного и любознательного мужчины, бесстрашно отправляющегося в дальний путь.

X X X

Глазурный ледок в апреле тает в мгновение, как сахар, но внезапное появление нежной голубизны в нахмурившемся небе охватывает предощущением нескончаемого полёта.

X X X

Никакая весенняя трава не выглядит так загадочно и свежо, как осенняя озимь.

X X X

В весеннем лесу я переживаю ощущение, что как будто меня нет, и происходит это, наверное, благодаря постоянному общению с природой, после которого никогда ничего не болит, мало того – силы твои прибавляются, и на душе всегда так легко и покойно, что ты сливаешься со всем окружающим и растворяешься в нём.

X X X

До сих пор меня удивляет, что после суровой зимы приходит радостная весна, на деревьях распускаются листья, в глухом овраге весело бормочет талый ручей, в бездонном небе озабоченно постанывает бекас, повсюду расцветают подснежники, в густых зарослях ивняка жарко заливается соловей, душной ночью квакают на болоте лягушки, а лес становится царственным.

X X X

Не стоит обижаться на весну, когда она поманила и бросила, а надо терпеливо дожидаться её очередного приступа восторга, и радоваться хотя бы мимолётной милости, которой она всех одарила.

X X X

Люблю лес, особенно – весной, люблю ходить по нему в любую погоду. Но всегда ли с удовольствием отправляюсь к нему в гости? Нет, не всегда.

Иногда, по каким-либо причинам, мне этого делать совсем не хочется, и всё-таки - я иду. Порой так и подмывает повернуть обратно, но я, несмотря ни на что, продолжаю свой путь, и постепенно желание дороги всё более усиливается, жажда встречи с дорогими сердцу местами нарастает, и вскоре я просто не могу остановиться.

Х

Х

Х

Может быть, только раз в году, когда свежесть весны незаметно перетекает в роскошное летнее раздолье, сердце моё на какое-то время совершенно успокаивается, и обо всём забывает.

Х

Х

Х

В своём искреннем устремлении проникнуться жизнью возрождающегося по весне леса, ты порой готов пожертвовать чем угодно на пути к его тайнам, но вот осенью листья опадают с деревьев, птицы улетают на юг и уже зарядили нескончаемые холодные дожди, а ты вынужден жить полной жизнью.

Х

Х

Х

Если ты болен, упал духом и во всём отчаялся – приходи весной в лес. Посиди немножко на каком-нибудь пенёчке или поваленном дереве, поласкай взглядом распутившуюся медуницу, потрогай руками расцветающую берёзку, а затем прижмись к ней щекой. Да смотри не переборщи, к другим деревьям больше не прикасайся, хватит и её одной, солнечному лучу улыбнись, ненароком вспугни махонькую бодрую птичку и испугайся вместе с ней неизвестно чему, угоди ногой в ноздреватый, шумно осыпающийся голубоватый снег, радостно оглянись вокруг, набери полную грудь воздуха и, протянув к небу руки, засмейся!

Х

Х

Х

Переливающиеся трели невидимого в весеннем небе бекаса бывают более трепетны, чем бьющийся на ветру листочек или вырывающийся из-под снега ручеёк, но именно они есть пик восторженного восприятия пробуждающейся жизни.

Х

Х

Х

Лёгкий шелест весенней травы, как ни странно, напоминает не укромную поступь животных, а счастливые детские возгласы и смех.

Х Х Х

Весной всё время хочется куда-то бежать, боясь не успеть, и ты торопишься, бежишь, но никуда не успеваешь.

Х Х Х

Я лежу на нарах лесной избушки и слушаю, как близится за стеной весенний вечер. Неимоверная тоска не одолевает моё сердце, потому что ночь в лесу не может быть к тебе равнодушной. Среди глухой неизбывности и темноты она дышит неведомой силой, незаметно натягивает синие сумерки на чёрные ели, и окружает совершенным покоем и тишиной, отчего одиночество становится желанным и неуязвимым.

Кажется, что если я усну, ночь вместе с чем-то, что давно меня ждёт, пропадёт бесследно и никогда уже не вернётся. Мне хочется, чтобы она всё время была со мной, пела над моей головой, убаюкивала своими дикими сомнениями, но в тоже время не давала забыться. Здесь, в лесу, ты чувствуешь себя будто оторванным ото всех, долго не можешь уснуть, и всё о чём-то думаешь...

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, тихонько раскачивает их, и в такт им рождаются мои неотступные спасительницы-мысли, мои лесные бессонницы, что незаметно приводят меня к самому себе. Вернее, к пониманию, что здесь – твой дом, и оттого все думы покойны и легки.

Х Х Х

Многие люди искренне недоумевают: зачем им нужен лес? Значит, для каждого сомневающегося человека ещё не наступил тот особенный весенний день, когда в душе начинает распускаться молодая листва.

Х Х Х

Замечено, что после прилёта на родину хорошо поют именно малоприметные птицы: соловьи, славки, жаворонки... Природа, обделив их оперение яркими красками, наградила взамен звучной и звонкой песней.

Но почему бы отменному певцу не быть ещё и красивым? Обрекая птиц на невзрачный вид, природа, наверное, таким образом позаботилась о их сохранении.

X X X

Иной раз ждёшь от весны или лета очень многого, чего-то невообразимо чудесного, и оттого теряешь самое удивительное время впустую, пропуская настоящие, порой совсем неяркие, но истинные возможности для раскрытия своей души перед пустым величием воображаемого.

X X X

Перенова – какое замечательное лесное слово! Оно означает только что выпавший снег, случающийся обычно под утро, весною, когда душа приноравливается лучше обустроить свою судьбу, а свежий снег ей в этом незаметно и ладно помогает.

X X X

Ничто так не трогает, как первая нежная зелень, первое дуновение тёплого ветерка, первые птичьи трели... И хотя каждую весну, с одной и той же последовательностью, всё неизменно повторяется, оно, как ни странно, никогда не надоедает.

С годами ты ещё более проникаешься особой важностью поры, когда жизнь только пробуждается. Не богатую осень, не мудрую зиму, не радостное и полное тайн лето, прежде всего, принимает твоё сердце, а весну.

X X X

Вдохи земли явственно ощущаются весной, когда она вбирает в себя весь дух зарождающейся жизни, и происходит это шумно, восторженно... Выдохи же вкрадчивы и случаются только осенью, отчего воздух полнится еле улавливаемым перешёптыванием, полунамёками и угасающей надеждой.

X X X

Я бы женился на весне, навсегда влюбившись в запах её шелковистодымчатых волос, зелёные лучистые глаза и воздушную улыбку.

X X X

Робкая берёза обычно первой распускает по весне свои нежные листочки. За ней – более уверенная и мягкая липа. Всё время забывающийся в себе тополь и непостижимая на сюрпризы осина заслоняют собой незаметно нарождающуюся зелень лиственницы и первых цветов.

Так и в женщине: видимая робость и чистота на деле оборачиваются скрытой мудростью, искренним сопереживанием и силой.

X X X

Солнце в апреле целует более нежно, чем в июле.

X X X

Что заставляет птиц петь? Может быть, песней птицы весной благословляют радость своего поднебесного существования, ни с чем несравнимое ликование от возможности бесконечно парить в вышине? Но так ли безмятежны воспарения их маленьких душ, если рано или поздно им придётся всё-таки опуститься на землю для выполнения своих самых насущных забот – сооружения гнёзд и выведения в них птенцов?!

Неповторимыми голосами птицы знаменуют, вероятно, разрешение собственных проблем, и песня незамедлительно вырывается наружу, свидетельствуя о торжестве жизни. Птица искренна в своих побуждениях, её веселье не терпит каких-либо сомнений, и чем вдохновеннее она поёт, тем справедливее её отношение к самой себе. Ведь любое пение предполагает чистоту помыслов, и нет существа более ответственного за переполняющую его жизнь, чем птица.

Недаром говорят, что жаворонок на невидимых нитях своих никем не превзойдённых трелей удерживает всю землю.

X X X

Весной я становлюсь восторженным апрелем, что прилетает на землю неведомым и прекрасным юношей, готовым всех обнять и осчастливить. Каждого касается он своим невидимым крылом, и каждый чувствует его проникновенное присутствие, и будто становится моложе.

Только один месяц продолжается это чудесное перевоплощение, но его вполне достаточно, чтобы летом ты заслуженно пресытился роскошным июлем, а осенью ощутил себя умудрённым ноябрём. Пронизанный искрящимся светом своевольный январь отзовётся тогда в твоей душе сладостным предчувствием долгожданной юности мира.

X X X

Весенней ночью сердце особенно восприимчиво, и если даже луна выплывает на небо мутным пятном, чудится, будто это твоя не родившаяся любовь, что только ждёт своего пробуждения.

X X X

Апрель смотрит на мир серо-зелёными глазами в предощущении любви, тогда как март уже отсмотрел её своей ослепительной синью. Май же глядит на свет с восторженностью непрекращающихся птичьих песнопений. А ещё он – взор проникновенных и удивительно трогательных очей.

X X X

Целый месяц хлопотал я как-то рядом с глухарями: будил их, разбирал на снегу замысловатые наброды и чертежи, искал места новых токовищ, радовался их стремительному и тяжёлому полёту, слушал непостижимую весеннюю песню, но ... не стал им ближе. Глухари жили своей трепетно-осторожной жизнью, а я своей, начинающей казаться мне непутёвой и бездумной, и все попытки сблизиться с птицами ни к чему не приводили. Я был бесконечно далёк от великолепных птиц, и всё же они меня безотчётно манили.

Каждый день, затемно, я уходил к ним из избушки, чтобы приблизиться, хотя бы на чуть-чуть проникнуться их таинственным существованием, подсмотреть что-то недостижимое, ещё не виданное мной, но всё было напрасно. Глухари, в лучшем случае, какое-то время терпели моё присутствие, а в самый неподходящий момент – улетали, и с этим ничего нельзя было поделать. Просто принять, как вынужденную и не совсем приятную реальность.

Глухари не издевались надо мной – они просто жили своей потаённой, лесной жизнью, в которой я оставался лишним. Но как было приятно пытаться почувствовать себя глухарём – этой диковиной птицей, что каждую весну поёт о неизведанной для нас древней любви, которую мы всю жизнь пытаемся постичь, но почти никогда не достигаем.

X X X

Глядишь в апрельский ветреный день на небо, выше жемчужно-серебристых, быстро сменяющих друг друга облаков, и представляешь себе огромные цветы недостижимой Вселенной.

X X X

После длительного общения с весенним лесом всегда чувствуешь себя бессмертным и абсолютно свободным.

X X X

В самом начале весны, с наступлением мартовских утренников, в лесу всегда много восхода и заката... Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь. Кругом царство бирюзы, порфира и нежного агата, а жемчужное небо можно вбирать в себя без конца и края.

X X X

Для каждого человека очень важно ощущение самого себя, а чтобы пробудить собственный ум и сердце, ему надлежит войти в весенний лес. Жизненные примеры природы при этом могут легко завоевать его сердце, и он научится не бояться думать и чувствовать.

X X X

Чистые апрельские ручьи – это поистине святая вода, благодать Божья!

X X X

Если в апреле всё время смотреть вверх – будет казаться, что нет никаких времён года.

X X X

Зимой наиболее приятно вести записи... Успевая запечатлеть на бумаге как можно больше, с жадностью стараешься выговориться до наступления масляно-сонной весны.

X X X

Ни за что не догадался бы, что обычный апрельский ледок имеет свойство увеличительного стекла: если его вовремя не разбить внизу ствола, он напрочь сжигает корневую шейку плодовых деревьев.

X X X

Иной раз день, проведённый в весеннем лесу, бывает так хорош, что не знаешь – как его пережить?!

X

X

X

Проснутся зелёные лягушки, запоют озабоченные дрозды, потянет над берёзками лесной кулик-вальдшнеп, разломится на груди апреля весна, возвращая на землю долгожданную для всех радость... «Ква-ква», - скажет она, и во весь рот улыбнётся.

X

X

X

Однажды, весной, я понял, что самое приятное для меня – возвращаться с глухариного тока в натопленный деревенский дом, который был подарен судьбой.

X

X

X

Важно ощутить гармонию взаимоотношений в природе, особенно – весной, когда она быстро проникает в тебя и великодушно вводит в свой мудрый круговорот, что в полной мере недостижимо среди людей.

X

X

X

Идёт весна... И всё вокруг – земля, птицы, деревья и небо в восторге от происходящего!

X

X

X

Да, я – апрель... Но почему я всё время стремлюсь к тому ноябрьскому ветру, что однажды ночью унёс меня от земли?

X

X

X

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской выюге, что случается даже в самый разгар весны, и знать, что завтра обязательно выглянет солнце!

X

X

X

В весеннем лесу иногда забываешься и идёшь туда, куда несут тебя ноги... А потом вдруг обнаруживается, что лес всё понимал про тебя, направлял в твоих неясных устремлениях, и ты подчинялся ему беспрекословно, потеряв счёт времени и ощущение пространства. Лес

выводил тебя именно к тому, о чём ты больше всего мечтал, и чего даже не решался попросить у него.

X X X

Бывает так, что душа ожидает снегопадов, а как только они зачастили, она уже грустит о первых каплях, и это выказывает в человеке неудовлетворённость его собственной жизнью, непонимание того, что всему в жизни – своё время, и его необходимо принимать с радостью и достойно.

X X X

Именно весной постигаешь: ни в небесной лазури апреля, а в непроходимых сугробах января открывается тебе потаённая суть лесной жизни.

X X X

Глаза весны в апреле играют полноводными ручьями...

X X X

Тысячи сладких поцелуев природы заключены в глотке берёзового сока, но она ещё никогда и никому не отдавала всё без остатка. Природа имеет свою тайну, чтобы не растратить накопленное в себе величие и богатство: иначе бы её давно и бессовестно опустошили.

X X X

Странно, но в апреле ты не ждёшь, когда распустятся нежные листья и первоцветы, хотя и любишься ими, а всё больше проникаешься свободным дуновением вешнего ветерка, что и приносит в нашу жизнь восхитительные перемены.

X X X

В весеннем лесу всё вокруг необыкновенно возвышенно и чисто, но это лишь внешний мир, а внутренний невероятно насыщен и сложен.

Природе, конечно, свойственно удивительное внешнее обаяние, но только благодаря внутренне присущей ей твёрдости, она, отчасти, и воспитывает мир человека. Сознание же человека удивительно трагично, потому как человек не приучился к непрестанной внутренней работе, незаметно и ежечасно совершаемой в природе.

X

X

X

Чем глубже погружаешься в мир природы, тем всё чаще приходится задумываться: всегда ли для собственного удовольствия поёт соловей?!

X

X

X

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что в один миг могу рассмеяться или заплакать.

X

X

X

Даже если ошибёшься в своей любви – апрель всё исправит.

X

X

X

Чутко прислушивается к неугомонной жизни весеннего леса таинственный глухарь и, наверное, совсем не мечтает о лете.

X

X

X

Иногда мир лесных обитателей кажется скучной и давно исчерпанной истиной. Самое необычное тогда становится привычным, оно просто надоедает.

Но невозможно вытолкнуть из себя природу весной: рано или поздно в душе просыпается ощущение счастья, когда видишь, как она живёт.

X

X

X

Больше всего на свете мне нравится собирать из общеизвестных слов музыку чудесных мыслей. Апрель, как никакой другой месяц, помогает в этом.

Только в апреле постигаешь: в тебе есть всё для того, чтобы стать по-настоящему радостным и счастливым.

X

X

X

Каждому времени года присущи свои черты... Зима, например, имеет ровный, уверенный почерк. Ей не страшна никакая оттепель, пытающаяся опередить время.

Весна – самая доброжелательная пора, в ней – высшая откровенность природы, когда всё раздаётся, поёт и ширится, раскрывая её необозримую глубину.

Лето до предела насыщено жизнью, которая создаёт общее настроение удивительной радости и покоя, оно с наслаждением вторит каждому шороху под ногами, птичьему возгласу, копошащимся вокруг запахам. Всё окружающее в нём создано для того, чтобы подчеркнуть, выявить любую мелочь в отдельности во имя общего житнетворчества, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается.

Осень же приносит ясность дальнего видения, что не отрывает от земли, а только приземляет и делает её ещё более родной.

Уверенный и открытый, очищенный и просветлённый, устремляешься невольно ещё к какой-то неизведанной стороне этой удивительной жизни, что, может быть, вознесёт к такому чудесному времени, в котором всё пережитое ранее покажется лишь полузабытым отголоском бесконечно утраченного, но дорогого вселенского детства.

X X X

Неимоверной силой и гармонией наполняют меня мои сокровенные бдения в весеннем лесу. Но трудно бывает сохранить и употребить это недолгое волшебство могущественных природных сил.

X X X

На ласковом мартовском солнышке коричневые серёжки доверчивой берёзы невидимо бархатятся, набухают докрасна и ... не знают, как передать себя обманщику-апрелю.

X X X

Родившись мальчиком-октябрём, юношей я стал в июле, мужчиной же почувствовал себя в апреле... Старость, наверное, попытается занести меня февральскими метелями, но именно в апреле я окажусь опять на краю своей судьбы.

X X X

Жить стоит хотя бы ради того, чтобы записывать мысли, любить женщин, вдыхать звуки и запахи весеннего леса.

X X X

Чтобы быть свободным, достаточно почувствовать себя им, и лучше всего для этого отправиться в весенний лес.

X X X

Как замечательно, должно быть, хоть раз в жизни справиться с собственными недугами и ленью, что оставляют ни с чем, встретить в деревне дружную весну, и прошуметь вместе с ней от начала и до конца, пережив все её головокружительные всплески!

X X X

Человеку невозможно пропустить весну мимо себя, особенно – вне города, потому что именно в эту пору он необычайно восприимчив.

X X X

Когда ты ещё молод и не нашёл в своей жизни ни одного глухариного тока, душа твоя томится неизъяснимой тоской... Кругом журчат ручьи, зяблики оживлённо перебегают по первым проталинам у крыльца лесной избушки, солнце без усталости жарит снежные бока оплывающим сугробам, а тебе не сидится на месте.

Всё не то и не так, чего-то главного не хватает в этом восторженном празднике света, где всюду тебе чудится подвох. Душа твоя тянется к самой важной тайне весны - к недостижимым глухарям, что таятся и величественно провозглашают в предрассветной темноте о нескончаемости земной любви.

Где и как отыскать её в многоголосом весеннем лесу?!

X X X

Весной со всей очевидностью иной раз представляется, что лес человечьи думает, дышит и так же, как и человек, отчего-то на время забывается.

X X X

Дымящиеся на крутогоре проталины – первая улыбка пробуждающейся ото сна земли, отчего и тебе хочется им улыбнуться.

X X X

По повадке глухарь осторожен, скрытен и могуч, но и у него есть нежные перья, что украшают налившуюся яркой зеленью грудь и распушившееся опаловое подхвостье во время страстного весеннего пения.

X X X

А так ли высоко на самом деле небо?! Оно соприкасается с землёй везде, где жив человек...

Совсем необязательно дотрагиваться до него вздёрнутыми ладонями: небо всегда лежит на плечах человека, незаметно перетекая в его душу, как это происходит весной.

X X X

Кругом ещё лежит снег, а на вытаявших пригорках загорелись жёлтыми головками первые цветы мать-и-мачехи... Всегда спешишь дотронуться до них, опустившись рядышком на колени, и даже не обращаешь внимания на то, что штаны намокают от липкой глины. Обо всём готов позабыть в охватившем тебя весеннем удивлении: как нежно пахнут скромные первоцветы мёдом!

X X X

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

X X X

Сон в весеннем лесу - наилучшее средство против телесной усталости и душевных огорчений.

X X X

В морозную мартовскую ночь в ладони страждущего человека может сыпаться драгоценным подарком множество созвездий, но осторожно, с трепетом снимаешь с неба лишь одну бриллиантовую подвесочку, а то и вовсе, не прикасаясь к этому небесному сокровищу, любишься какой-нибудь еле приметной звёздочкой, и ощущаешь себя самым богатым.

X X X

В начале декабря трудно представить, что обычный белый снег может сверкать всеми цветами радуги, которые он незаметно копит в течение долгой зимы, и так же непринотливо дарит нам к началу весны.

X X X

В весеннем лесу никогда не бывает тихо, даже ненастной ночью... Ещё до пробуждения глухаря, под монотонный холодный дождь, вдруг сипло запоёт встрепенувшийся дрозд, и не умолкает уже до самого рассвета. Часа в три лениво протянет над самой твоей макушкой невидимый вальдшнеп и, утробно прохоркав своё недовольное «хор-р-хор-р, цвиг-г-цвиг», свалится в молодые ёлочки, у самой опушки.

Промозглый туман медленно ползёт из глухолесья на поляну, а глухарь беспокойно гомозится на суку, утробно зобает своей древней гортанью, и никак не может уразуметь: петь ему или не петь? Его переживания подхватывает серое утро, что, кажется, тоже досадует на непогоду, и льёт на еле различимую поляну свой белёсый промозглый свет.

X X X

Весной всякий человек невольно забывает себя в лесу, и мысленно превращается в кого ему захочется, но никогда не может объяснить, как и почему это происходит.

X X X

Весной, на глухарином току, мне всегда кажется, что утерянная с годами радость от переживания жизни возвращается.

X X X

Полночной весенней порой ловишь себя на мысли: такая странная проникновенная освещённость исходит от луны, что её околдовывающая гармония, перетекая в душу, не пробуждает, а незаметно усыпляет все чувства.

X X X

Так хочется понять язык горихвосток и пчёл, жаворонков и журавлей, трубный зов сохатых, восторженные трели синицы поутру и, наконец, секреты глухариной песни, звуки которой древняя птица величественно

роняет весной, но более всего почему-то заворачивает в эту пору холодающий душу вой волков, его неизбывная таинственная тоска.

X X X

Страшно оставаться в ночном лесу одному, даже если это – весна, хочется с кем-нибудь разделить свои опасения, но только в одиночестве можно открыть и в нём, и в себе что-то важное.

X X X

Когда научишься принимать безудержную февральскую метель как устремление собственной души к весне, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся твёрдое желание быть любимым и любить, и ты веришь, что желание твоё обязательно сбудется.

X X X

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего полёта.

X X X

По весне земля – будто желторотый птенец, переполненный жаждой жизни. К осени же она незаметно вырастает в огромную диковинную птицу, которая не ведаёт, куда и зачем ей лететь.

X X X

Снежные сугробы за зиму так уходят в себя, что их спокойствие не возмущают даже стремительные апрельские ручьи!

X X X

Выдастся в конце февраля оттепельный день с размытой неопределённостью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в самом себе.

X X X

Осенью, как и весной, чутко вбираешь в себя всё происходящее и слухом, и дыханием, и глазами, но тебе, всё-таки, не достаёт чего-то особенного, что так отчётливо проникает в душу в мае, а в сентябре утекает из неё.

X X X

Последний снег по весне так одинок в своём невыразимом желании всё охватить, что никто не в силах разделить его с ним, и он пускает холодные белые стрелы в воздух, будто силясь добиться чьего-либо расположения, но ничего у него не выходит. Обессиленный, отрешённо кружит он, не находя приюта, покорно ложится на влажную землю и замирает, в мечтах, наверное, уносясь к равнодушному небу, что обрекло его на эту неразделённость необъятной весенней печали, и тотчас о нём позабыло.

X X X

Всё в весеннем лесу имеет свою душу, и если прислушаться как-нибудь к тому же ветру, то сразу отличишь: он сам заводит с тобой разговор о том, что и почему для тебя наиболее важно, но пока почему-то недостижимо.

X X X

Только в апреле, в пору обильного снеготаяния, воздух в лесу так насыщен свежим смолистым духом, что невольно хмелеешь, голова идёт кругом, и, присев на пенёк или поваленное дерево, ещё долго не можешь придти в себя, ошарашено оглядываешься, но всё равно с жадностью впитываешь, вбираешь в себя весну.

X X X

Как замечательно сидеть в весеннем лесу, у костра, и спокойно думать обо всём, что произошло с тобою за день... Но ещё лучше вообще ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим миром!

X X X

Свежо в весеннем распутившемся лесу, густ и покоен ароматный воздух, и вдруг закружится в нём иссохший прошлогодний листочек... Падает медленно, долго, и так тебя это тронет, что позабудешь и про весну, и про богатую вальдшнепиную тягу накануне, и про то, как горят раздавленной клюквой брови у старых петухов-чернышей, чья страстная песня всё утро

разносится над подёрнутой душистым парком речной долиной, и не смолкает.

А всего лишь – сморщенный листочек, трепетное напоминание о том, что давно отжило, но ... не умерло.

X X X

Долгую зиму копятся в сердце сокровенные желания и духовное здоровье, знания и усталость, а пришла весна – и забыл про всё!

X X X

К середине апреля лес, наконец-то, пробуждается и оторопело смотрит вокруг зеленовато-мутными глазами. Множество запахов кружат в нём голову, первые цветы решительно раздвигают подстилку из слежалого прошлогоднего листа, а берёзы наливаются соком, так что из каждой надломленной ветки летит на оживающую землю сладкая капель.

Набухают почки, густо течёт по стволам елей чистая смола, от сдвинувшегося неведомо куда воздуха слезятся глаза... Тронулась, вроде бы, весна, пошла-поехала по потаённым лесным буеракам, но самый час преобразования в природе подступает неуловимо: вчера, ввечеру, лес стоял ещё совсем голый, буровато-серый, а под утро уже весь окутался нежной зелёной дымкой.

X X X

Мартовский рассвет льётся зеленовато-перламутровыми отблесками на укатанную дорогу, прямо под ноги, и начинает казаться, будто ты поднимаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Шорох листвы, когда по ней пробирается проснувшийся вешней порой ёжик, может быть нежнее шелеста самого первого ветерка, что будоражит молодые ветви, ласкает их и ничего никому не обещает.

Но иногда зверёк, выбираясь из своего зимнего укрытия, производит в пустынном весеннем лесу очень отчётливый звук, так что он разносится достаточно далеко, а когда ёж ещё и засопит, мило зафыркает блестящим носиком, то невольно улыбнёшься и позабудешь, какой беспощадно затяжной выдалась надоевшая всем зима.

X X X

В канун весны, когда вся природа ещё молчит, моё нетерпеливое сердце уже трепещет маленькой птичкой, изредка замирает, словно пугаясь своей смелости, и в этой полной, на миг обретенной чуткой тишине устремляется к большой и ещё не сбывшейся любви.

X X X

Только по весне вдруг замечаешь, каким смелым стал маленький лесок, всю зиму окружённый бескрайними заснеженными полями.

X X X

Кто не ходил морозной апрельской ночью на глухариный ток, тот никогда не узнает, как весело и жгуче прихватывает за щеки крепкий весенний утренник, как обрадовано, словно зазывая в гости, посверкивает в алмазах бархатное предутреннее небо, как таинственно крадётся рядом лунная апрельская ночь, как гулко ударяются в ней об наст лыжи, и снег, будто сыпучее серебро, стелется под ними увлекательной, всё время ускользающей куда-то дорожкой, которая здесь, в глухом, отдалённом от людского жилья лесу, становится самой дорогой и желанной.

X X X

Зимой не хочется говорить много и громко возможно оттого, что она продолжительна: всё успеешь обсудить в ней, научишься быть внимательным и немногословным к началу весны.

X X X

Как это ни странно, но, сколько не бываю в весеннем лесу, чаще всего просто доверяюсь ему, а не пытаюсь его осмыслить и понять.

X X X

Невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесёт с собой аромат чистых апрельских дождей...

X X X

Только опушившаяся по весне берёза ободряюще шумит, осина неутомимо трепещет, а липа ненавязчиво нашёптывает и нежно овеивает.

X

X

X

Приходит весной такой день, когда всякому живому существу в лесу хочется показать себя с самой выгодной стороны, и оно так забывается в этом неудержимом стремлении, что на время теряет свою природную суть. Зайцы, к примеру, начинают ошалело носиться по закраинам полей и перелескам, силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной. Вся эта беготня сопровождается истощным верещанием, так что заяц, в порыве страсти, совсем теряет осмотрительность, и даже может в своей суете угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав.

Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, заяц порой доходит до такого состояния, что уже ничего, кажется, не боится, а вернее – не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом, да изо всех сил свистнешь ему чуть ли не в ухо, то зверёк сначала оторопееет, затем с него слетит вся весенняя бравада, и мигом сделается он опять робким заюшкой-горностаюшкой, обретя тем самым своё истинное лицо.

X

X

X

Мала синичка, а своим тоненьким голоском по весне всех будит.

X

X

X

Тихо слетают с неба снежинки, со всех сторон лишь они и душистый апрельский воздух... Но как надёжно, благодаря только им, утверждается в своих устремлениях к Богу твоя уставшая за зиму душа, спокойно возносясь в серовато-размытую пасмурную вышину.

X

X

X

В февральские оттепели, первые предвестники весны, души людей так неожиданно обнажаются, что не ведают, куда себя деть.

X

X

X

Свист рябчика морозным мартовским утром - будто неожиданно пробившийся из-под гнёта зимы ласковый ручеёк.

X

X

X

Зима стояла бесснежная, морозная, и все так и думали, что земля в этот год обойдётся без привычного для неё обилия талой влаги, но к началу

апреля всё в развивающейся весенней природе вдруг повернулось и обдало студёным метельным жаром: началась ослепительная весна ... снега!

X X X

Всё время ждёшь весну, ещё с конца января отмечаешь её неприметные вехи, надеясь, что она ворвётся в тебя и захватит целиком... А весна прокрадывается в твоё сердце с последними, слетающими с небес в начале мая трогательными снежинками, что незаметно распахивают свои голубые чарующие глазки, и нежно ими околдовывают.

X X X

В непроглядную студёную выюгу, случающуюся нередко в конце марта, почему-то всегда знаешь, что под утро ветер успокоится, небо прояснит, и глухари неспешно выйдут на припорошенный снежком наст, чтобы подарить всем чудесную лесную сказку.

X X X

Природа никогда не отдаёт человеку душевный покой даром, а только так, чтобы он непрерывно работал над собой, расцветал, как весна, изнутри и когда-нибудь узнал своё подлинное счастье.

X X X

Мартовский утренник как ничто крепит наш дух, возбуждая во всём теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

X X X

Увидишь безудержно токующего в февральскую оттепель косача, но и не подумаешь усмехнуться, а заглядишься на него и тоже непроизвольно вовлечёшь себя в этот радостный и, может быть, немножко глупый предвесенний обман.

X X X

Переживание весны во мне так глубоко, что я начинаю воспринимать её задолго до февральских оттепелей, в глухих отрогах января, когда даже не отсияли рождественские звёзды, но к весне не исстрачиваю себя, а наоборот, становлюсь более определённым в своих душевных устремлениях.

X X X

В иной год сосульки вырастают толщиной в хороший берёзовый ствол, но и ими не дорожит весна.

X X X

Мартовские утренники такие сияющие и жгучие, что готовы, кажется, превзойти всё торжество просыпающейся природы, но и они неудержимо поглощаются всё более нарастающими в апреле праздничными потоками воды и ароматом первых, только что пробудившихся цветов.

X X X

Апрельская дорога раскисшая, чёрная, и пока бредёшь по ней, след твой очень скоро расплывается, и мало-помалу вовсе исчезает, отчего на душе, несмотря на весну, становится муторно.

Но только войдёшь в лес – и угодишь в зернистый чистый снег, что сразу отрезвит резким запахом уже надломленной зимней свежести, вскружит голову и заставит оглядеться: ведь вот она, весна, пришла, а ты её всё не замечаешь!

X X X

Только весной открывается - сколько воли отмерено Вселенной человеку, и до чего же он порой беспомощен и несчастен!

X X X

Ни с чем не сравнить силу весенних ночей, так что даже не хочется искать ей каких-либо объяснений.

X X X

Любая гибель во Вселенной не есть что-либо страшное и незаконное, совершенно не содержащее в себе какого-либо смысла, бесповоротно и навсегда скрывающее от тебя свет, если принимаешь эту гибель достойно. Вернее, с пониманием, что смерти в божественной природе не существует, и любой уход – лишь вынужденная смена одежды, то есть – перерождение, после чего опять вступает в свои права долгожданная птица-весна...

X X X

Красота - это не инстинктивно воспринимаемое нами ощущение целесообразности сущего, а как раз сама сущность - никем не объяснимая и ничем не прерываемая, простая по своей восхитительной сути, как наша весна, но и не роскошествующая излишними свидетельствами своего непревзойдённого обаяния. Красота - есть язык Господа, на котором Он с нами разговаривает, и которому мы должны неустанно учиться.

X X X

Как только на южном склоне лога, под старой елью, закипит муравейник – со дня на день поднимется из берлоги лесной воевода-медведь.

X X X

В мае всего много, и так неописуемо чудесно, но душа не чувствует себя пресыщенной, и жизнь, всё время переливающаяся через край, не утомляет.

X X X

Чудные слова переполняют меня и осенью, и зимой, ещё более - раннюю весной, отчего пишется легко, а на душе всё это время – покой и радость от осознания того, что она невозможна без нашей русской природы.

X X X

Майский свет уже не назовёшь ярким, как мартовский или апрельский, которые ослепляют, свет этот не такой проникновенный, и он уже не врывается в твоё восприятие, зато, благодаря ему, душа начинает всё видеть, становясь огромной.

X X X

Глаза весны в апреле, не в силах сдерживать нахлынувших чувств, полны безудержными ручьями любви.

X X X

Если по весне не вспоминается твоя горячая молодость, значит, ты ещё не отгулял, а только ждёшь, как бы повернее, подобно одинокому селезню, броситься на крик любви и не промахнуться.

X X X

До чего осторожен, чуток животный и растительный мир по весне: ласточка никогда не прилетит даже в июне, если опасается холода, деревья же так и простоят голые, с набухшими почками, чуть ли ни весь май, не поверив раннему теплу.

И действительно, заморозки, бывает, ударяют даже в третьей декаде первого летнего месяца и длятся целую неделю, а в конце мая выпадает снег, так что утопаешь в нём по щиколотку, и не прекращается он три дня кряду. Растения же словно ждут своей очереди, терпеливо всматриваясь и вслушиваясь в проистекающую жизнь: ждать - не устать, было бы чего!

Вся печаль и мудрость мира заключена в том, что самое крохотное животное или растение подвергается угрозе быть истреблённым, но, тем не менее, пытается уцелеть, любыми путями защищая своё появление на свет.

X X X

Далеко разносится в майском лесу завораживающий голос кукушки, но сколько не идёшь до неё – никогда, кажется, не достигнешь.

X X X

С конца апреля, и ещё почти весь май, стоит по лесу упрямый шорох обрывающейся сочной капли, что роняют переломленные ветви берёзы, но шорох этот никогда не надоедает, а мокрые от сока стволы хочется нежно обнимать.

X X X

Весенняя молодая зелень постепенно скрывает старую прошлогоднюю траву, и всё плохое незаметно забывается, а новое и хорошее уверенно прокладывает себе манящую вдаль дорожку.

X X X

Потаённую суть лесной жизни постигаешь и в непроходимых сугробах января, и в небесной лазури апреля.

X X X

Весной, перед самым заходом солнца, оранжевая заря на западе иной раз замыкается на короткий миг в себе, стекленеет, и весенние лужи на дорогах горят от неё, как окна в неизвестность: и умиротворённо, и до непостижимости безучастно.

X X X

В пору первой молодой зелени, когда природа ещё достаточно оголена, всё в ней находит своё место, каждый может смело заявить о себе, и даже какое-то время покрасоваться у всех на виду.

X X X

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской вьюге, и знать, что назавтра снова выглянет солнце!

X X X

В апреле бывают такие сильные утренники, что, бывает, и на быстрине схватывает ручей.

X X X

Вот и распустилась сирень, и сразу стало ясно, что дух весны уже улетел куда-то далеко-далеко, совсем растворился, а лето ещё не наступило, хотя повсюду разрастаются травы и появляются всё новые цветы. И тебе вдруг отчего-то становится так грустно, что хочется превратиться в маленькую бледно-голубую фиалку и, как весна, затеряться под каким-нибудь низеньким кустиком.

X X X

Весной у человека всегда пробуждается надежда, но она может пропасть в течение следующих времён года, если не относиться ко всему серьёзно. Серьёзной должна стать твоя собственная жизнь, в которой ты не будешь позволять себе обманывать людей, в первую очередь, обманывая при этом себя, когда пренебрегаешь постоянно возникающими перед тобой возможностями.

И ещё не нужно забывать, что радостную весну в твоей душе и природе определяют строгая зима, её холод и сумерки, морозы и снежные бури, пронизывающие ветра и кажущаяся нескончаемость всего происходящего. Но на самом деле зима любит весну, потому как они сёстры, и зима уступает своему родному существу то, что не уступила бы никому другому:

возможность просто появиться, чтобы каждый мог воспользоваться её преимуществами.

Весна улыбается вашей жизни!

Х Х Х

Глядя по весне, как быстро проносятся над головой вольные птицы, никогда не завидовал их независимому счастью, а только любовался ими.

Х Х Х

В городе борьба весны с морозом уже давно закончилась, но в деревне солнечные лучи не в силах одолеть крепкие утренники, что по-прежнему красочно разрисовывают оконные стёкла, а лес за околицей никак не приходит в гости.

Х Х Х

Даже в самых справедливых словах человека может быть всё так и не так, и только в весенней природе живёт одной ей ведомая ясность, воспринимаемая людьми как нечто неоспоримое.

Х Х Х

С восходом солнца весной в лесной чаще загораются бесчисленные алмазы, яхонты и рубины – вся тайга вспыхивает яркими драгоценными блёстками, восторженно сверкает, переливается... А это - всего лишь с вечера замёрзшие на веточках капельки влаги: их на короткое время оживили первые прикосновения солнца.

Х Х Х

Милые пушистые белки, лишь изредка доводящие себя до озорства, в апреле просто преображаются, когда затевают брачные схватки. Их гибкие тельца неумолимо сталкиваются, хвосты переплетаются, встревожено летят по воздуху клочья шерсти...

Взметаясь упругими комочками к самым вершинам высоких елей, белки тотчас скатываются вниз, на снег, ошалевшие бегают между корнями деревьев и возбуждённо цокают. А потом - короткая возня, жалобный писк, и вновь, стремглав, наверх, где победителя уже встречает другой разъярённый соперник.

Белки так забываются в этой схватке, что ничего не замечают. Маленькие бусинки глаз грозно горят, тельце то и дело вздрагивает, а хвост бессильно бьёт по веткам, так что вниз сыплется мелкая шелуха.

Где уж тут, кажется, до самки, что сидит тихонечко на нижнем суку, почти у самой земли, и даже не решается принять какую-либо сторону. Бесшумно переживает она бой самцов, лишь изредка издавая протяжный ласковый звук, как будто призывая их прекратить всякие распри и, наконец, обратить на неё внимание.

Х Х Х

Время твоей жизни не пропадает бесцельно, если весной с запахом проснувшейся земли, ты ощущаешь не растерянность, а причастие ко всему происходящему в природе.

Х Х Х

Весной в окружающей природе всегда ощущается именно весеннее, а осенью – осеннее, отчего и переживаешь непередаваемое счастье.

Х Х Х

В морозный мартовский день снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе, а потом в один миг отдала.

Х Х Х

Шелест трепещущих нежных листиков сердце по-настоящему переживает только весной, летом успокоено затаивается, почти не обращая на него внимания, а осенью будто бесшумно обрывается и куда-то улетает.

Х Х Х

Зимой всё время кажется, будто она тихонько стоит за твоей спиной и не дышит... Не то, что весной, когда во весь дух бежишь за ней, хочешь коснуться, а догнать не можешь.

Х Х Х

X X X

X X X

X X X

Полюбить фиалку легко, завоевать же её любовь не просто. Будь ты хоть гиацинтом, маком или тюльпаном! Фиалка выбирает своего возлюбленного сама.

Им может стать и не цветок, а просто ветер, разбрасывающий семена цветов. Как Гёте, что не выходил из дому, не насыпав их в карман. Шёл и сеял семена вдоль дорожек в окрестностях Веймара, где тогда жил. Фиалка бы, наверное, влюбилась именно в него – божественно-задумчивого, милого и неземного.

И всё же более всего фиалки благосклонны, вероятно, к женщинам. Для них покачивают цветы поутру головками, им распускают свои хрупкие лепестки. Без женщин, кажется, фиалки скоро бы увяли, и они ласково глядятся в их глаза, тянутся к ним и в восхищении трепещут, а женщины не в силах им чем-либо ответить.

X X X

Очень важно жить по велению сердца, ибо жизнь необыкновенно хороша, если ничего не бояться и принимать всё с открытой душой, как это происходит весной...

X X X

Легко шагается на лыжах по застывшему насту мартовским утром, и на душе бодро и радостно от морозного утренника, неторопливо пробуждающейся весны и ожидания новых впечатлений от встреч с родными сердцу глухарями.

X X X

Иной раз какая-нибудь птаха поёт на вершине высокой ели, а песня её не достигает земли. Видно только, как раскрывается клювик и распушаются перышки на горле, но ты почему-то не уходишь, терпеливо вслушиваешься, пытаешься разобрать тоненькие птичьи трели, и всё же ничего не слышишь.

Ухо улавливает лишь общий весенний рокот, то ускользящий, то нарастающий, в который, ты вдруг понимаешь, внесла свои мелодичные нотки и эта маленькая птичка. Гул от перекатывающихся весенних звуков опускается до земли, возносится над ней, и ты невольно улетаешь вместе с ним, пытаешься тоже привнести в него хотя бы стук своего растревоженного сердца.

X X X

Что меня поражает во всех временах года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

X X X

Ландыш – один из немногих цветов, чей аромат, кажется, никогда не забывается. Неназойливый, лёгкий и в тоже время устойчивый, он уже не прерывается в тебе, если ты его хоть однажды изведal. Аромат ландыша что-то вещает и неотступно манит, но встреча с ним всегда неожиданна, и происходит только тогда, когда ты совершил над собой усилие.

Жил ты напряжённо, не замечая даже весны, и вдруг захотелось тебе остановиться и ощутить тайну. Не подозревая, что она может находиться совсем рядом, отправился ты однажды в распускающийся лес, приподнял нижнюю еловую ветку и онемел... Словно лёгкий небесный призрак в тихом блаженстве воскрес перед тобой.

От него пахнуло ароматной прохладой, вмиг опьянило невидимым вином. Благоухающая воздушная струя ударила в голову и закружила, как музыка, что сначала стесняет дыхание, а затем вынуждает лететь, питая неуёмное сердце огнём неистраченной природной любви.

Счастье тотчас охватывает тебя при виде этого скромного цветка. Не зря его свернувшиеся листья напоминают уши лани, а в трогательном имени слышится её девичья пора – ланка, и ты почему-то не решишься завладеть цветком: ландыш предпочитает укромное одиночество. Лишь неунывающая незабудка в соседстве с ним не вянет, а чувствует себя даже лучше и дольше живёт.

X X X

Тонко чуют приближение весны спрятавшиеся под глубоким снегом букашки, многие из них, когда солнце особо пригревает, уже выбираются наружу, и часто, ещё в марте, можно увидеть, как они ползут куда-то по мартовскому снегу, и вроде бы ничего уже не боятся.

X X X

В апреле непрерывно спорят солнце, снег, ручьи и вьюга, но выходит это у них без всякой злобы, задорно!

X X X

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира. Но не для зимы, как это принято считать, сало его за долгие зимние месяцы остаётся почти целым, а на период весенней бескормицы.

Зверь поднимается из берлоги голодный, и может отыскать в пустом лесу лишь немного личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае – горсть кедровых орешков в разорённой норке бурундука, и то, что заготовлено им впрок – лучше любого богатства. С таким запасом медведь нужды весной не терпит!

X X X

Лес к весне оживает только после того, как солнышко заглянет в самую глухую ложбинку, где не бывало едва ли ни с осеннего равноденствия... Вот когда в природе наступает настоящая радость!

X X X

В удивительной стройности и чистоте березняка почти никогда не отмечаются тёмные полосы, как-то неприметно разбросанные по белоснежно-матовой коре, но и они необыкновенно хороши в своём чётком расположении на светлых стволах. В них постепенно проглядывает особая берёзовая красота, что бросается в глаза только по весне...

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что более внимательно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

X X X

Вроде бы, жарко горит снег в мартовский полдень, но его ещё так много, что приглядевшись – утвердишься: он пока лишь сладко подрёмывает.

X X X

Проснулся однажды весной в деревне от торопливого сорочьего стрекотания - и сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями! Стрекошет и стрекочет без малейшего перерыва битый час... Слушаешь и удивляешься: сколько же их у неё?

X X X

Запах у распускающейся яблони не пронзительный, как у черёмухи, и не сильный, как у сирени, он – очень скромный, едва ощущается, но, мягко смешиваясь с весенним воздухом, незаметно проникает в душу и неотступно куда-то манит.

X X X

В жизни более всего раздражает отсутствие веры у многих людей в собственные безграничные возможности, безразличие к своим судьбам, которые можно было бы такое же бесконечное количество раз устроить по-

другому, несравненно лучше. Вот что по-настоящему разочаровывает: равнодушные люди, не желающие роста, а ведь и у них в детстве горели глаза, когда они с изумлением обнаруживали по весне в чашечке цветка мохнатого шмеля!

X X X

Никогда не упустишь возможности купить маленький букетик незабудок у какой-нибудь старушки, стремясь, наверное, возвратить какие-то очень приятные, но давно утраченные воспоминания... Однажды, тёплым майским днём, тебе вдруг неудержимо захочется такой неожиданной встречи с безвозвратно растаявшим прошлым, и именно небесно-голубые цветы успокоят твоё сердце.

X X X

Уже к концу января солнце пробует светить по-весеннему, но получается это у него ещё не в полную силу, а с лёгкой задумкою на яркое будущее.

X X X

Как вкусно грызть в лесу ржаной сухарь, когда другого ничего не находится, причём, усевшись на пенёк у какого-нибудь говорливого весеннего ручейка... В душе сразу вспыхивает огонёк любви ко всему, что живёт безрадостно.

X X X

В ласковое весеннее утро и дикие звери целуются.

X X X

В жизни случается такое, что всё, кажется, умерло для тебя. В памяти не осталось ни добрых воспоминаний, ни мест, где ты был счастлив, и весь твой путь представляется мучительным, никчёмным: какая ещё беда стрясётся с твоей израненной душой?

Но стоит только слышать шум весеннего леса, просто увидеть его издали, пусть даже мысленно – и всё сразу изменится в лучшую сторону.

X X X

Голодная весна страстно, во всеуслышание провозглашает себя в лесу, сытое же лето лениво молчит и в благодушном довольстве своего огромного разнеженного тела сладко дремлет.

X X X

Весной иногда в душе возникает нечто лучшее, чем просто добрые мысли о природе, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

X X X

Ждёшь весну, стремишься к ней всей душой, и когда она подступает, понимаешь: весна – больше, чем жизнь, она - любовь!

X X X

Густым праздничным тестом ползёт над долиной таёжной реки душистое облако весеннего тумана, и вода в ней постепенно становится тягучей и по-домашнему тёплой и уютной.

X X X

Весенний сумрак быстро окутывает лес, в темноте стирается разница между берёзами, соснами и елями, но ты чувствуешь каждое дерево, цепляясь взглядом за их еле уловимые очертания, и путь твой, несмотря на рспутицу, совсем не тяжёл, а только становится невероятно чутким и радостным: ты идёшь по земле вместе с весной!

X X X

Обследуя глухариные тока, бывало, бредёшь целый день на давно отсыревших лыжах... К ним постоянно липнут комья подтаявшего снега, пальцы на ногах сбиты, спину ломит, шапка намозолила вспотевший лоб, но, завидев на краю лога чёрный лоскут старого сосняка, всё равно повернёшь к нему, и любой ценой тщательно обследуешь. Там, в глубине вековой чащи, из каких-то её неведомых источников, почти незаметно, вливается в твоё уставшее тело невероятная сила.

Только в весеннем лесу узнаёшь цену времени, что течёт бесконечно в сменяющих друг друга непреклонных деревьях, и тогда уже пренебрегаешь любой усталостью.

X X X

Мирно перекликаются в ночной весенней тиши маленькие сычи, не давая впасть в полное забытие огромному старому лесу, и лес только дремлет, от удовольствия невидимо улыбаясь в косматую хвойную бороду.

X X X

Жизнь в весеннем лесу приучает ничему не удивляться, но всегда наблюдать, радоваться и самому жить всем, что происходит и вокруг, и в собственных мыслях.

X X X

В ожидании глухариного тока, скорчившись возле огня на еловом подстиле, никогда не удаётся уснуть. Зато видишь, как радостно вздрагивают в небе разноцветные огоньки апрельских звёзд, словно торопятся воспользоваться недолгой весенней темнотой.

Из темноты наплывают чёрные силуэты елей и сосен, похожие на древних старцев, склоняются над тобой, а лицо овеивает тёплым дыханием душистый ветер. Тихо в лесу, но сон не идёт, и, то и дело, кажется, что кто-то бесшумно бродит возле кострища, но не хочет тебя беспокоить.

X X X

С марта, особенно в дни оттепели, лицо обдувает не сильный, но приятный сыроватый ветер, в сером небе изредка появляются голубоватые пятна, напоминающие чьи-то нежные задумчивые глаза, и сердце мягко вспыхивает радостью: пришло тепло, а вместе с ним – глубокое чувство удовлетворения от полноты жизни.

X X X

Пришла весна, и мысли мои, как ласточки в небе, неуловимо и радостно замелькали, и вырвались на волю.

X X X

Весной в лесу начинается такая большая мудрая жизнь, что никак не хочется верить, что она когда-нибудь окончится.

X X X

И воздух, и вода, и деревья в весеннем лесу словно состоят из мыслей, которые они, время от времени перебирая, меняют.

X X X

Первые ноты скворца по весне - будто зажжённые спички, что он поспешно швыряет в зернистый снег, и они с шипением гаснут.

X X X

Шум весенней воды наполняет сильнее, чем любовь.

X X X

Голос неугомонной кукушки в звонком весеннем лесу завораживает своей исступлённостью, но ничего не разрешает.

X X X

Часто ночуя весной в лесной избушке или у костра, я замечал, что всегда происходит так: разумная часть твоего существа сразу засыпает, но другая, неведомая, свободно уносится в окружающее пространство, летает там и только под утро возвращается.

X X X

С нетерпением ожидаемое цветение садовых кустов и пение соловья – есть, на деле, самое тяжёлое дыхание весны, когда она просто душист ароматом жасмина, черёмухи и сирени, что перешёптываются в ночи, как заговорщицы, и незаметно всех одурманивают.

X X X

Когда бредёшь на глухариный ток весенней ночью, её темнота ослепляет.

X X X

Из последних сил светит ущербный весенний месяц, подобно боевому быку загибает кверху источенные рога, но получается это у него не угрожающе, а изящно, будто он только играет: вот-вот смирённо опустит голову и, ударив о небесную твердь копытом, выбьет мириады ослепительных созвездий.

X X X

Про апрельскую ночь никогда не скажешь, что в ней глухо, как в бочке: она полна чуткого ожидания скорого рассвета.

X X X

Звук глухариной песни по весне настолько не похож на всё когда-либо слышанное, что ухо не всегда его улавливает, даже если находишься недалеко от птицы.

X X X

Огонь в весеннем костре гудит, как в печи с хорошей тягой, и когда я смотрю на небо, то вижу искры, летящие, словно из трубы, вверх, они смешиваются там со звёздами. Не разберёшь: где на мгновение вспыхнувшие искры, а где – вечный свет далёких миров.

Жгучие морозы грызут лес изнутри, в еловых ветвях повисли ключья промозглого тумана, предутренняя тьма незаметно прокрадывается в озябшую душу, но костёр неизменно потрескивает в ночи, хранит алое тепло и добрую печаль, не даёт затухнуть твоему интересу к загадочной лесной чаще. Постепенно кровь опять начинает бодро струиться по жилам, сердце ударяет в такт неизвестным силам, что поддерживают в ночи живой огонь, и хочется лететь, окутанным его пламенем, к не умирающему звёздному свету, и не угасать душой.

X X X

Порой звери объявляют себя совершенно открыто, вроде бы, даже не замечая человека. Так, однажды, выскочил мне весной навстречу заяц, когда я переходил огромную поляну. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул, и мчался во всю прыть прямо мне под ноги.

Остановившись, я стал наблюдать, чем всё это закончится. Заяц тоже замер, чуть приподнявшись на задних лапах. Когда я шевельнулся, зверёк как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать кругами по поляне, словно бы и не замечая моего присутствия.

Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без усталости носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно, и почему он меня не боится? Боязно, наверное, любое дело, если к нему не приступить!

X X X

Много чудесного встречает тебя в весеннем лесу, и самое запоминающееся – когда, обнаружив его, ты обо всём забываешь.

X X X

Только весной можно одержать победу над временем, позабыв обо всём.

X X X

Апрельский дождь мочит распахнутую по весне душу так незаметно и чисто, что она и не думает запахиваться, а только ещё более открывается и расцветает.

X X X

Развеяв зимние сновидения, ветер к весне становится густым, отягощённым длительными холодами, отчего сердце тревожно, словно вслепую, начинает тукаться в груди и, не давая одуматься, заставляет куда-то спешить. Душе тоже нелегко чувствовать себя стеснённой, она не находит себе места и рвётся наружу.

Успокоиться ей суждено только под осень, когда от неё потребуется вдумчивая пронизательность. Весной же все помыслы души чуть ли не распряты, когда она возносится к ослепительно синим волнующим небесам.

X X X

Как хорошо, когда в ночном лесу гукает большая и невидимая птица филин... То налетит, то надолго пропадёт, а потом опять неожиданно появится, и всё гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может найти.

Сам ты тогда тоже невольно начинаешь отыскивать в себе утерянное, и не замечаешь, что весенняя ночь, как мать, потерявшая ребёнка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

X X X

Надёжно скрытый в глухой чаще глухариный ток – забота природы о сохранении древних таинственных птиц.

X X X

Ни за что не заметишь, как загорается по весне первая звезда, если не будешь пристально смотреть на небо, а когда приглядишься, то различишь и вторую, и третью, и десятую.

X X X

Если стоишь прямо под поющим на самой верхушке дерева глухарём, то кажется, что песня его исходит неведомо откуда.

X X X

Когда в ясную апрельскую пору встречаешь в лесу весну, всегда думаешь: с кем бы поделиться этим счастьем?

X X X

Весеннее солнце всегда будто подсмеивается над тобой, играет в вымытом апрельскими дождями небе, всю брызжет разноцветными лучами, и ты сам становишься, как игривый ручей, что звонко переливается вдоль раскисшего большака, по которому ты бредёшь, еле передвигая отяжелевшие от налипшей грязи ноги...

Именно весной, в самую распутицу, охватывает неудержимое желание странствовать, тогда как солнце весёлыми кругами расплывается в небесной синеве, и невозможно удержаться от улыбки, то и дело, взглядывая на него и от удовольствия щурясь.

X X X

Сколько бы ни ожидал, ни лелеял в душе весну, а она всё равно обрушивается на всех как неминуемое тепло и благо.

X X X

Так ярко, зазывно играют звёзды всю зиму, что даже в разгар весны постепенно старятся, бледнеют и вскоре становятся совсем немощными.

X X X

Мой самый дорогой апрельский день смотрит на меня, как преданная собака: глаза расширены от переполняющих чувств, они несут в себе всё то замечательное, что между нами было, и никогда этого не забудут, оставаясь со мной навсегда.

X

X

X

Копалуха, во время тока, может неожиданно, со всего лёта, удариться человеку прямо в ноги или в грудь, отчего сразу опешишь: что вдруг почудилось в тебе возбуждённой весенней страстью птице? Может быть, сам царь лесов – глухарь?!

X

X

X

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далёким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца.

X

X

X

Токующий глухарь обычно сидит вполдерева, ближе к стволу, будто боясь, что ветка его не выдержит в момент наивысшего любовного возбуждения.

X

X

X

Весенняя луна восходит, обычно, крадучись, осенняя, кажется, взгромождается над твоей судьбой.

X

X

X

Сырой апрельский туман не рассеивается обычно до тех пор, пока не напитает живой влагой деревья, кусты, землю и воздух, и только когда этим ароматом проникнется и человеческая душа, из-за тяжёлых туч покажется, наконец-то, радостное солнце.

X

X

X

Добродушным кажется лесной боярин-топтыга, когда спит, целую зиму, в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потёмках апрельской тишины скрипнул под кем-то крепкий наст, поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун...

X

X

X

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете ни солнце, ни вода и ни безудержный ветер, а человек: какое он отношение изберёт к себе и ко всему живому, так и будет.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь, как бы быстрее пережить зиму и обрадоваться весне, но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от жажды незаслуженных и скорых приобретений, подведя к весне по-настоящему восприимчивой и чуткой.

X X X

Ночная пороша весной лежит легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимается вдруг целой тучей мятущихся звёздочек, и ну всех жечь да колоть без разбору!

X X X

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух наполнился самыми разнообразными звуками, и вскоре стало совсем тепло.

X X X

От солнца, ветра и поблескивающего мартовского наста молодой березняк, вроде бы, отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розоватым вздрагивающим облачком.

X X X

Весенней ночью берёзы излучают какой-то странный свет, сокрытый в дневную пору.

X X X

Нет ничего милее ночёвки у костра в весеннюю тихую ночь, перед выходом на глухариный ток... В такую ночь любишь всех людей, весь лесной мир, объявший тебя своим чутким пробуждением, и всегда почему-то чувствуешь, что ты не одинок.

X X X

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает сон, радостно перешёптывается, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек этого не замечает.

X X X

Всю зиму держишь в голове мысли и про зайцев, и про волков, и про куниц с лисицами, и про медведей, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, которая полнится светом, водой и цветами.

X X X

Стылый апрельский дождь заметно съедает последние следы зимы, но пока он не сменится на тёплый, движение сока в берёзах не начинается.

X X X

Как легко, должно быть, жить, не ставя себе никаких целей! Но сможет ли жить подобным образом человек без ущерба для своего душевного здоровья?

Наверное, душа - есть осознанная потребность трудиться в отыскании верного пути, а в весеннем лесу она не может себя не обнаружить, и как будто впервые появляется на свет, испытывая ко всему окружающему неподдельный интерес.

X X X

Наступает весна, и птицы, набирая силу, готовятся к перелёту. Скоро они уже будут дома: впереди – самые сильные и выносливые, принимая на себя основную тяжесть нелёгкого пути, молодые – несколько отставая и теснясь боязливо к середине, где воздух более разряжен от махания сотен крыльев их старших товарищей.

Полёт птичьей стаи – это не хаотическое взмахивание крыльев, а строгая внутренняя организация, не в пример человеку справедливая и жизнеутверждающая.

X X X

Давно сошёл в полях снег, но навоз, в обилии оставшийся на дорогах после зимы, до сих пор предохраняет от таяния лёд, по которому можно ездить на санях.

X X X

Когда листья на деревьях, наконец-то, закрыли собой оголённое весеннее пространство, на душе становится удивительно покойно, и ты уже, кажется, не способен на какое-либо безумие, как это было совсем недавно.

X X X

Расцвет весенней зари продолжается каких-нибудь четверть часа, но как нескончаемо радостно горит рождённый ею мимолётный чарующий свет!

X X X

Снег в апреле падает на лес бесшумно, но когда поднимается лёгкий ветер — слышится весёлый шёпот снежинок, как неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес...

X X X

Весной налетают совершенно голые, не прикрытые ничем запахи, лыжи гулко колотятся о застывшие края проложенной тобой накануне лыжни, и голова идёт кругом. Утренней весенней порой представление о мире выходит из берегов и расширяющимися беспокойными кругами уводит воображение в далёкие, неведомые уголки сознания. Возрождающаяся в тебе жизнь как будто устремляется к кому-то с восхищённой благодарностью за переживаемую радость, но благодарить оказывается некого...

X X X

В последний миг рассудительной и серьёзной зимы ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от её дремотных пут, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Ночью я проснулся от чего-то непонятного, что непроизвольно вошло в меня... Открыв глаза, долго лежал, вслушиваясь в рспростёртую над землёй весеннюю ночь, и только потом до меня дошло, что вошедшее - было тишиной, в которой слышались вкрадчивые шорохи чьих-то шагов, еле уловимое шуршание ветвей и непрерывный блеск звёзд.

Я ещё подумал, что именно так, незаметно, наверное, и рождается гармония. И тогда я вновь уснул, теперь до самого утра.

Во сне к моему затухающему костру приходил зверь, постоял возле и удалился неслышно, а я даже не открыл глаза: так мне было хорошо и покойно. Уже проваливаясь в какие-то неведомые глубины, подумал, что это была рысь, но такая догадка почему-то нисколько не растревожила. Она только слегка коснулась моего засыпающего сознания, так что я почувствовал её тёплое дуновение, и тотчас отлетела ночной потаённой птицей: шорох её крыльев поглотила темнота.

А потом наступило утро.

X X X

Безудержно играет глухарь в весенней ночи, всё уверенней раздаётся его восторженная песня и неожиданно затихает. Вытянув шею, птица долго прислушивается к чему-то, переминается на суку и изредка зобает горлом, а потом опять принимается возвещать пробуждающейся земле о своей сокровенной судьбе.

И ты, не в силах постичь мотивов её поведения, но, всё же, наслаждаясь присутствием этого древнего гостя, вдруг с какой-то неизбывной горечью осознаёшь свою полную ненужность в этом удивительно прекрасном лесном мире.

X X X

Ворона весной всегда сидит на гнезде так, что с одной стороны, если хорошенько приглядеться, у неё виднеется нос, а с другой – хвост, и всё вместе представляется удивительно смешной толстой птицей, вот-вот готовой разродиться какими-то невиданными птенцами, которые с неслыханным доселе криком скоро разлетятся по лесу и разбудят его.

X X X

Скрытые весенним туманом, громко перепархивают в ельнике восторженные рябчики. От звука их крыльев, будто разрывающих шёлк, тревожно вздрагивает в груди сердце.

Чистый призывный свист пронизывает лес неожиданно и ошеломляюще откровенно. Доступность безбоязненно привлекающих к себе внимание птиц – есть признак совершенства лесной жизни, и рябчики – её восторженные и тонкие провозвестники.

X X X

Осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-либо лесной колее, заполненной водой, но никогда не додумаешься взглянуть в весеннюю лужицу.

X X X

Из всех певчих птиц, пожалуй, самая близкая человеку – скворец. Скворцы прилетают ранней весной, когда ещё лежит на полях снег. Прилёт скворцов – верный признак близкой надёжной весны.

После прилёта птицы тотчас начинают устраивать гнёзда и выводят птенцов. В это время скворцы поют звонкую и радостную песню.

Чем больше подрастают птенцы, тем короче становится песня скворца. Когда молодые скворчата начинают летать, вся семья покидает домик, заблаговременно приготовленный человеком, и песни скворцов прекращаются. Летом скворцов очень трудно увидеть: они стаями кочуют в густом лесу и на отдалённых полях.

Что вынуждает птиц разрывать соседство с человеком, в непосредственной близости с которым они выводили совсем недавно своих птенцов, и вроде бы должны быть благодарны ему за это? Наверное, неизбывная воля, что в природе и две возьмёт!

X X X

Весенняя ночь светла долгожданной надеждой!

X X X

Весной особенно досадно становится оттого, что мало знаешь о жизни леса, и начинаешь с большим пристрастием заглядывать в него, постепенно постигая: чувство жизни и память у человека несоизмеримо меньше, чем у многовековой лесной чащи.

X X X

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна, двигается, кричит, и наоборот, в мае, когда всё расцвело и жизни только прибавилось, на лес вдруг наваливается мертвецкая тишь, и кажется – уже не бывать рассвету.

X X X

Мартовской морозной ночью стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями, и никак не могут расцепиться.

X X X

Как важно правильно увидеть весну в первый раз и суметь не привыкнуть к её красоте, не переставая в ней всему удивляться!

X X X

Только весной, когда всё распускается и набирает аромат, можно сидеть рядом с женщиной до самого утра, смотреть на неё и молчать.

X X X

Рад старый мошник лесной предвесенней тишине, когда его никто не беспокоит... Бродит между заснеженных деревьев в ожидании скорого тока, неспешно щиплет опавшую сосновую иглу, и не ведает, как он таинственно красив.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ждал я того момента, как положу на ладошку не проснувшуюся до конца бабочку,дохну на неё, а она встрепенётся, качнёт крылышками и вмиг улетит.

X X X

Очень важно не расплескать себя за весну и, когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

X X X

Все заботы весеннего леса умещаются и в твоём сердце, потому что главная из них – любить.

X X X

Как завораживающе потягивает весной острой сыростью из тёмных оврагов, представляющихся бездонными! Их ледяная прохлада и сковывает, и манит, и не позволяет чего-то до конца постигнуть. Она насквозь

пронизывает ускользающим дыханием зимы, что ещё многое хочет сказать, но уже не может.

X X X

Когда пыльца цветущих растений засыпает весной поверхность лесного озера и оно уже не отражает зажигающихся над ним звёзд, распустившихся веточек деревьев и весёлых солнечных бликов, душа тоже как будто укрывается невидимой ароматной плёнкой, и, уютно завернувшись в неё, с благоговением замирает.

X X X

В апреле за километры слышно, как чёрный дятел-желна выбивает крепким клювом дробную трель на сушине. Где-то далеко, на разливах реки, трубят по зорям журавли, и их голоса напоминают звук охотничьего рога. На высоких деревьях, прямо за деревней, старательно хлопочут у гнёзд грачи, заражая своей озабоченностью всю округу. С заходом солнца над сиреневато-коричневыми верхушками ольхи и берёзы слышится мерное хорканье вальдшнепа.

Вроде бы, пришёл конец лесной тишине, в воздухе дохнуло вешним теплом и пробуждающейся жизнью, но на ночь умолкает даже говор ручьёв, и они покрываются тонкой плёночкой льда.

X X X

Самыми обычными цветами — подснежниками, горицветом и медуницей, весна лечит наши израненные души.

X X X

Если снега к весне навалило много, и после частых оттепелей он достаточно уплотнился, но крепкого наста ночной мороз, всё же, не замостил, то, забравшись днём глубоко в лес, можно не бояться утонуть во влажных сугробах: лыжи даже среди деревьев не проваливаются и, сильно намокнув, как ни странно, не собирают на себя липкий снег.

X X X

Очень странное, двоякое чувство вызывает весной линяющий заяц... Сверху белый, каким его привыкли видеть зимой, с чёрными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится неопрятным, жалким зверьком, у которого старая свалывшаяся шерсть свисает рваными клочьями. Даже походка у него меняется: из недавнего бойкого зайки, совсем недавно

отчаянно гоняющегося за длинноухой красавицей, он превращается в колченогого зайчишку-бедолагу, которому бы только проковылять не замеченным через распутицу-дорогу, да поскорее скрыться с чужих глаз в хвойной чащобе.

Грязновато-белый, как последний снег на тёмной земле, заяц в эту пору будто норовит лишний раз приостановиться и, в тоже время, поскорее улизнуть. Но не наряд по весне зайца красит, а правда жизни!

X X X

Из надломленной ветки берёзы в ручей капает мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в такие же мутновато-белые струйки, напоминая сказочную молочную реку с кисельными берегами.

X X X

Только поэзия весенней природы сохраняет в нас, то и дело, угасающий вкус к жизни, а без него не было бы никакого творчества.

X X X

Совсем недавно замкнутый, глухой и тяжёлый, белый простор полей в марте становится неожиданно выпуклым, ясно очерченным, и кажется, будто снега поют!

X X X

Майские холода – совсем иная весна, далеко отличная от той, что только намечала рождение жизни, затаиваясь в глубине розовеющего мартовского утренника.

X X X

Выпадет такое время в жизни, когда ты не в силах объяснить свои поступки: сильно заколебалось твоё сердце, и душа, кажется, оборвалась. Но, пробудившись однажды по весне, в деревне, выйдешь на двор, и через всё чистое в природе вдруг неожиданно откроешь себя самого – нового, другого.

X X X

Весной зайцы, бывает, подолгу замирают на утренних опушках столбиками, так что скоро наскучивает наблюдать за ними. Они почему-то сразу представляются неинтересными и почти не волнуют.

Идешь не спеша дальше, а зайцы всё так же стоят, словно позабыли что-то и никак не могут вспомнить. А может быть, они просто наслаждаются ласковым солнечным теплом, и так им от этого хорошо, что они никого не замечают.

X X X

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Пахучие апрельские туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются, в густых же ельниках застревают надолго и будто ждут там чего-то глубоко желаемого, но несбыточного.

X X X

Наблюдая весной за птицами, порой теряешься: чего же больше в их пении – труда или праздной радости?

X X X

В весеннем лесу я больше предпочитаю чувствовать и догадываться, и не стремлюсь сразу всё увидеть и понять.

X X X

Весенний ветер несёт по небу лёгкие облака – и такими же вольными рождаются во мне мысли. Жажда невидимых устремлений гонит по стволам деревьев сок – и тело моё заполняют уверенность и сила.

X X X

Ясным апрельским днём, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается весёлый жар. Кровь ударяет в щёки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет. Вот когда напрочь забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончался, и солнце светило всегда по-весеннему,

без удержу, и ветер бы не позволял облакам скрыть напряженную от восторга небесную синеву.

А как приятно чувствовать на этом ветреном и ярком солнце разухабистую весеннюю жару!

X X X

Весною зверя в лесу становится вдруг много, он уже не может не бродить даже открытыми местами, безвольный во власти надвигающейся страстной поры...

X X X

Только с последней каплей берёзового сока молодые деревья одеваются в лёгкий зелёный дымок, робко преображая лесное пространство. Старая же берёза, давно распустившись, не перестаёт обильно осыпать землю ароматным дождём.

X X X

В мартовские утренние морозцы, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают не жалобно, а со звонкой удалью!

X X X

Весной всегда ищешь в лесу такое место, где бы душа твоя обрела покой. Обретя же его, не перестаёшь мечтать о чём-то новом.

X X X

Обыденная жизнь с годами наводит на мысль, что на большее ты уже не способен, всё лучшее тобой давно исполнено, но приходит весна, и мир окружающей природы незаметно избавляет тебя от этого губительного настроения.

Поэзия пробуждающейся природы сохраняет в нас то и дело угасающий вкус к жизни, и без неё не было бы никакого творчества.

X X X

Ни с чем несравнимо переживание в весеннем лесу того, что происходит во время вальдшнепиной тяги. Полёт вальдшнепа завораживает какой-то отрешённой устремлённостью, с которой возбуждённая птица несёт впереди себя длинный клюв: «хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг-г».

Обо всём забываешь, любуясь в мглистых сумерках на летящего за самкой вальдшнепа. Порой так засмотришься, что не вспомнишь про ружьё в руках, да и пропадает охота стрелять по уязвимой и близкой цели.

Даже когда вальдшнеп скрывается из виду, в ушах ещё долго стоят звуки его затяжного полёта, не похожего на полёт любой другой птицы. Вальдшнепиная тяга – подлинная поэзия весеннего леса, и эта скоротечная любовь маленьких куличков трогает сердце так проникновенно, как не способно захватить его нескончаемое токование громоздкого красавца глухаря или увесистых ярких тетеревов.

X X X

Никакие деревья, кроме берёзы, не создают весной такую воздушную иллюзию текучести: кажется, дунь ветер посильней – и белые стволы плавно поплывут над бескрайней землёй.

X X X

Иногда начинает казаться, что очень сильное желание любви и чистоты может разбудить предвесеннюю природу.

X X X

Ни в марте, ни в мае не ощущаешь того полёта, что охватывает тебя только в апреле, с внезапным появлением в небе трогательной голубизны, до которой всё время хочется дотянуться.

X X X

Ей-богу, стоит отправиться на глухариный ток в апрельскую непогоду, по глинисто-снеговой каше, и впустую простоять там всю ночь, в густом промозглом тумане! Под ногами у тебя, то и дело, перебегают вездесущие мыши или испуганные бурундуки, мимо вдруг проковыляет загулявший косой, и, может быть, озабоченно проследует после ночной охоты барсук... Вот уже запели взбудораженные рассветом дрозды, и протянул первый вальдшнеп, а глухари так и не прилетели, но чувства разочарования не испытываешь, переживая в сердце одну радость.

X X X

Словно весенний ветер, внезапно налетит на душу глухариная песня, и ровно прикоснётся к ней неизведанное счастье: взбудоражит нетерпеливым пробуждением, околдует роящейся тайнами темнотой и спутанными звуками, и ни с чем оставит.

X X X

Полянка в лесу – важное жизненное пространство. Благоухающее и привлекающее к себе всё живое летнею порой, непритязательно увядающее осенью, полное загадок зимой, весной оно становится раскрепощённым и открытым, впитывая в себя все накопленные за год настроения, чтобы чуть позже отдать их цветам, травам, деревьям, воздуху и ... человеку.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская метель.

X X X

Весенний ветер развеет сладкое зимнее сновидение, взбудоражит сердце, и душа уже не находит себе места: она рвётся на волю, потому что молода.

Летом душа становится слегка самодовольной, ей нравится состояние достигнутой благости, она переполнена им.

Успокоиться душе суждено под осень, когда её накопленное богатство подёрнуто прелестной печалью. Душа уже узнала пределы жизни, поняла её суть, и от неё требуется только вдумчивая проницательность, которая присуща зрелости.

Зима может стать для души временем большого отдыха, но это и пора созидания будущих возможностей на пути её движения к лучшему, может быть даже – к непознаваемому.

Живёт душа своими потаёнными заветами, скорее всего – в ожидании грядущего пробуждения, будто зная: каждое время года ей свою сердечную весть подаёт, а весна её в жизнь воплощает.

X X X

Люблю, когда после первой грозы в майский тёплый день просыплется на землю первый солнечный дождь, и такие же солнечные и тёплые капли весело стекают по оконным стёклам, и они ласково всем улыбаются.

X X X

Робкую и очень отходчивую берёзу, особо любимую за это в народе, между тем сложно обольстить временным теплом, и когда май с помощью своих чар настойчиво уговаривает дерево показать первые листочки, берёза

не торопится распускаться. Не верит она ни ласковому ветру, ни соловьям, ни кукушкам, ни вальдшнепам, ни очаровательному обманщику-маю...

Терпеливо ждёт своего часа берёза, чтобы не разочаровать людских ожиданий. А уж коли берёзка наперёд опушается, то жди сухого лета!

X X X

Зацветает черёмуха – и утро выдаётся живительно красивым и крепким, всегда предвещая такой же радостный и уверенный в себе день.

X X X

Хорошо, когда можешь отыскать в себе настоящую силу, и самое подходящее для этого время – весна. Весной себя совершенно забываешь – как будто тебя и нет, но ты есть: просто ты так незаметно соединяешься с окружающей природой, что не чувствуешь собственного тела. Живёшь в единении со всем, летишь подобно весенним дням, и ни о чём худом не помышляешь: только радость окутывает тебя, сладость чудесных песнопений, восторг и благолепие.

Хорошо весной не замечать себя, а жить одной этой порой. Сливаешься с весной и становишься единым с ней по торжеству утверждающегося духа.

X X X

В апреле даже дремучий, до конца не пробудившийся лес не в силах противостоять нежным первоцветам, лучистому свету солнца и яркому небу.

X X X

Весна... Белые осевшие поля ещё не перечёркнуты коричневыми проталинами. Санные дороги чернеют осыпавшимся с возов сеном и навозом. Краснеют по оттаявшим кустам тальника надутые снегири.

За окном, то и дело, прочерчивают воздух носатые вороны, без устали свербят вездесущие сороки. Густеет от влаги воздух, в котором мгновенно сыреют крыши и стены домов. Всё как будто замерло в ожидании прилёта первых птиц, которые окончательно разбудят этот сладкий зимний сон. Весна!

X X X

Сколько раз по весне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу

даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в невзрачное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча.

Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

X X X

Порой начинает казаться, что весной, из-за постоянной неприкаянности ветра, в неизбывной грусти пребывает и земля... Она и хотела бы принять ветер в свои расцветающие утробы, но не в силах удержать его возле себя: так он далёк от неё в эту пору в своём увлечении дальними мирами!

X X X

Свет в конце зимы становится наиболее насыщенным и радостным в зависимости от яркости солнца и снега, всего настроения природы в этот самый момент, и ещё - каких-то важных перемен в твоей душе...

X X X

Кажется, никогда не уловить момент, когда начинается весна... Но я каждый год каким-то образом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, как весна приходит тебе на помощь.

X X X

Сказать невозможно: какой именно запах у весны, и с чем его можно сравнить? Запах связанных с ней чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений – всего, что она несёт в себе и открывает. Может быть, это - предощущение любви, призванной всегда хранить чистоту и надежду?!

X X X

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стёклам... Но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чашу, и душа вдруг станет огромной, как пробуждающийся весной лес!

X X X

В феврале рождается младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остаётся к нему равнодушен... Но он, задавленный этим невниманием, всё же пытается всех радовать.

X X X

Весна долго примеривалась, как ей лучше застелить потускневшую с прошлого года землю зелёными коврами, а когда пригляделась да раскинула – всё вокруг в один день стало уютно, чисто, и даже кукушка закуковала по-особенному – уверенно и звонко!

X X X

Бывает, лунной весенней ночью, в ожидании скорого глухариного пробуждения, вдруг выпрыгнет под самые ноги неприкаянный заяц-беляк и ... отрешённо затихнет. С трудом сдерживая волнение, вглядываешься в его голубоватый мех и вздрагивающие уши, еле сдерживаешь себя, чтобы не дотронуться до него рукой, и восторженно гадаешь: куда и зачем он направлялся, отчего притулился прямо рядом с тобой и не убегает?!

X X X

Так просто и ясно воспринимается порой, что тучи весной могут греметь!

X X X

Ещё с ночи из леса стал доноситься какой-то неясный шум: это лопались переполненные жизнью почки... Словно зазывные сваты восторженно перешёптывались они между собой, еле сдерживая себя, о чём-то совещались, а потом весь день молоденькие берёзки, осинки и черёмушки, подобно невестам, одевались прямо на глазах в светлые одежды, и тоже еле слышно радовались своему счастью, распространяя вокруг живительный аромат. Так, незаметно, неясный трогательный шум постепенно превращался в зелёный неудержимый гул всеобщего праздника любви.

X X X

Птицы, деревья и звери в выражении своих весенних чувств неустанны, но человек, несмотря на зарождающуюся повсюду жизнь, всё же не в состоянии быть до конца свободным, и черпает силы из природы.

X X X

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнажённости уже угадывается трепетное ожидание ещё невидимой весенней жизни.

X X X

Придя в весенний лес, сядь где-нибудь на пенёк, соберись в себе, и тогда, быть может, угадаешь адресованный только тебе тоненький голосок невидимой птицы.

X X X

Разве можно себе представить весеннюю любовь без вездесущих воробьёв, вызывающих только улыбку!

И с какой грустью вспоминаются так и не разделённые чувства по осени, с печальными вскрикиваниями покидающих родину журавлей...

X X X

В лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут быстрее облаков, впереди неудержимого апрельского ветра.

X X X

Весенним солнечным утром на душе никогда не бывает такой тишины, что рождается солнечным вечером.

X X X

Иногда весенняя ночь бывает такой светлой, что пугает зверей больше тёмного дня.

X X X

В весеннем лесу во мне просыпается какой-то другой, незнакомый мне человек, тогда как сам я превращаюсь в восторженную птицу, дерево или ручей.

X X X

Осень можно ощущать в себе летом, зиму – осенью, а лето – зимой... И только весной твоя душа переживает весну!

X X X

Вкус к жизни копится долго, задолго до её пробуждения, зарождаюсь ещё с редких январских оттепелей, а завершается в один майский день, расходясь повсюду и тотчас улетучиваясь в нежно-салатном благоухании молодой листвы.

X X X

Из всех птичек, что радуют нас по весне, трясогузки – самые бойкие. Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, то и дело, заглядывают вовнутрь, вздрагивая хвостиком, поправляют на груди чёрный галстучек и, быстро склонив головку набок, посверкивают бусинками-глазами.

Молниеносно оценив обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте, и устремляются дальше, невидимо семеня крохотными ножками, ловко ныряя из стороны в сторону и до того настойчиво попискивая, что, кажется, вот-вот вскрикнут: мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?!

X X X

Последние клочки снега в поле – будто зайцы, залёгшие в меже. Долго вглядываешься издали, и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое не выгодное для себя место и не убегают?

X X X

Во всю бескрайнюю весну только один раз приходит та желанная минута, когда по-настоящему вступаешь в цветущий мир, и ты должен обязательно дождаться её и не пропустить.

X X X

Чаще всего люди озадачены тремя вопросами: в чём заключён смысл жизни, её счастье и сила? Сила сосредоточена в самой себе, как производное твоих собственных душевных устремлений, но она непременно должна расти и нести правду. Счастье – в правде, которую ты чаще всего находишь для

X X X

Вкусна на весеннем морозе осинка! Спасибо за подарок великану-лося!

X X X

X X X

$$\mathbf{X} \qquad \mathbf{X} \qquad \mathbf{X}$$

X X X

224

огромной одинокой сосне, где медведь поднялся на дыбы и оставил когтями метку, означающую, что это его владения, и он тут полноправный хозяин. Глубокие борозды лишь незначительно вспороли докрасна крепкую старую кору, но не поколебали гордости сосны.

Пихта же проявила по отношению к другому медведю, тоже весной, неожиданную мягкость и оголила на стволе, под медвежьей лапой, целый бок, так что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой земли. Пихта, в отличие от сосны, выглядела потерянной, даже – обездоленной, в своей беспомощности перед грубым звериным натиском.

X X X

Свобода – это когда тебя ничего не сковывает, ты обрёл в себе Бога, заложенное Им в тебя божественное сознание, развил его, и значит, живёшь осознанно, то есть – радостно и свободно. Но невозможно не ощущать себя свободным в нашем лесу, особенно – весной, где всё проникнуто свободной волей, и её нужно лишь почувствовать и принять.

X X X

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле – просыпающаяся земля, а в мае – напоённый жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик. И так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё радостное в природе возносится в голубеющую над лесом даль, и распахивает перед тобой желанное оконце!

X X X

Когда замечаешь весной, как одно дерево озорно выглядывает из-за плеча другого – замираешь от счастья: ведь оно угадывает и твоё приподнятое настроение!

X X X

Сладко дурманит голову источаемый цветами невидимый сок, мягко кружит воображение и уносит куда-то за синие леса нежный запах распускающейся в июле липы, а как необыкновенно трогательно слышать поутру первую капель, даже через окно почувствовав её пьянящий аромат... Наши весна и лето просыпаются только для того, чтобы, не переводя дух,

радостно жить и благоухать. Жива божественная природа – жива и душа человека.

X X X

Птицы, улетая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься, страдаешь и никак не можешь понять – чего тебе не достаёт? Только к весне постигаешь, как не хватало тебе возможности взлететь вместе с птицами над собственным незнанием и усталостью, переживая в сердце то ощущение щедрости, с которым ты позволил им забрать осенью часть своей души.

X X X

Если весна поманила и бросила – значит, ты в неё не поверил.

X X X

В весеннем лесу не надо искать красоту, она – всюду: и в воздухе, и в небе, и в задумчивой земле, и в тебе.

X X X

В своей душе, до того, как найти по весне ток, ты уже чувствуешь, что она растворяется среди этого векового соснового леса и обретает ... глухаринные крылья.

X X X

Поздней весной над оставшимися снегами всегда стоит густой туман, но он уже не может быть промозглым, а наоборот – очень тёплый и проникновенный.

X X X

Волнующим дуновением ложится на душу таинственная глухаринная песня... В роящейся предутренней темноте она околдовывает чарующими, куда-то спешащими звуками, мягко пронизывая ими и без того возвышенное весеннее пространство.

X X X

По-настоящему глубоко память может затянуть тебя в свои сердечные размышления только зимою, неотвратимо увлекая сначала в осень – неминуемый и с удовольствием переживаемый на этом пути рубеж. Затем – в лето, когда через зелень самой роскошной поры постигаешь радость жизни и нескончаемость бытия. И, наконец, в весну, которая неотступно пронизывает своей поглощающей мечтой все времена года, снова незаметно приближая тебя к сладостным зимним воспоминаниям...

X

X

X

Вот уже шесть лет прилетают ко мне в огород хорошенькие птички – горихвостки... Имя это они получили благодаря огненному подхвостью, при взлёте на мгновение вспыхивающему оранжевым теплом, в воображении унося тебя вслед за ними неизвестно куда. Неизменно прилетая каждый год, горихвостки приносили радость и успокоение своим маленьким присутствием. С ними было хорошо и надёжно жить, каждую весну ощущая их доброе соседство.

С начала мая вездесущие птицы принимались за строительство гнёзд и материалом для них выбирали волокна пакли, выбивающиеся между брёвен дома. Цепляясь тоненькими коготками за выступы в бревне, одна птичка вытягивала клювом пух из пакли, а другая обрывала его, и вместе они уносили добытое в гнездо. Слаженность и сообразительность в совместной работе этих крохотных существ поражали!

Спрятавшись за стеной дома, у окна, я с интересом наблюдал за птичками и не мог надивиться. Очаровательные горихвостки и их сплочённое поведение представлялись мне чем-то совершенно невообразимым, и было совсем не жаль того тепла, которое они немилосердно воровали у меня прямо из-под носа.

X

X

X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне...

X

X

X

Весной легко расставаться с городом: переполняющий душу восторг безотчётно влечёт в лесную даль... Очень важно при этом, чтобы человек нашёл там соответствие своему душевному настроению.

X

X

X

Заяц – удивительно обаятельный зверёк. Даже добытый на охоте, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы. Всё кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит. Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, своего рода привычка, как способность рыть в мартовском, порядком уплотнившемся снегу глубокие норки.

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косой приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело замирая и озираясь, смешно шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не заметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступивших в природе крепких утренников, что откровенно оголяют и без того незащищённую заячью жизнь. По привычке заяц живёт, и отвыкать от неё не намерен!

X X X

Звери и птицы не способны длительное время поэтически воспринимать природу, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладают заботы о выведении и поддержании потомства. И только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый в природе певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устаёт прославлять весну света, воды и цветов.

X X X

Весенняя природа может беспрепятственно одаривать всякого, даже если он не затратил по отношению к ней никаких добрых усилий, но по-настоящему она щедра только к тому, кто добивается права обладания её нескончаемыми богатствами.

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные залежалые мысли, так весна и ломает окончательно её рог!

X X X

Тихо, почти незаметно опускается в апреле снег, и с неба будто снисходит благодать...

X X X

Весной бывают дни, когда я усиленно работаю и не успеваю замечать происходящих вокруг изменений, но весна всё равно незаметно подкарауливает меня повсюду, невидимым потоком вливается в душу, и оттого становится однажды так хорошо, что оставишь на время всякое занятие, и только наслаждаешься этим насыщенным радостью покоем.

X X X

Именно в весеннем лесу, где всегда тебя окружает только неподдельная чистота, я прихожу к выводу, что чем мы искреннее в своих действиях и словах, тем быстрее нас кто-то приближает к возможности жить более достойно, радостно и интересно.

X X X

Редко, когда деревья простоят в богатом убранстве инея весь мартовский день... Рано или поздно они его сбрасывают, после чего становятся какими-то оголёнными и задумчивыми, будто сожалеют об утраченной красе.

X X X

Всегда думал, что не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках. Но весной в этом приходится сомневаться, когда видишь, как празднуют приход чудесной поры не только солнце и земля, но и дрова под навесом, наличники на окнах, развешанное в ограде бельё, и даже облупившиеся оградки с кривыми крестами на могилах... Природа, конечно, всё ломит, но всего в жизни можно добиться, если сам взял в себе силу, как весна!

X X X

Нет в природе ничего чище, когда сквозь берёзки просматривается голубое мартовское небо, по которому плывут белые прозрачные облака...

X X X

Ничто в ночном лесу, весной, не завораживает так твоё восприятие, как неведомые шаги... Кажется, что вот-вот разверзнется перед тобой темнота и мохнатой тучей навалится на тебя ни медведь, ни волк, а нечто непонятное,

непостижимое. И ты с замиранием сердца ожидаешь этот страшный миг, и не замечаешь, как сам превращаешься в неведомого лесного гостя.

Шаги же, приблизившись вплотную, неожиданно истаявают, будто их и не было, и ты сразу понимаешь, что это нечто непостижимое уже прикоснулось к тебе, и ты стал в ночном лесу своим.

X X X

Ранним весенним утром маленькие берёзки будто произрастают из небесного малинового света, уцепившись хрупкими веточками, как корнями, за его живительную сочную мякоть.

X X X

В самый канун весны, перед наступлением сумерек, белый снег незаметно окрашивается в розовый, с заходом солнца – в голубой, в надвигающейся темноте – в сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый... Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восхитительно белым, восторженным и немножко глупым.

X X X

Нежная белизна и свежесть мая так прекрасны, что даже не чувствуешь в себе недостатка собственной чистоты.

X X X

Иной раз так плохо становится на душе после долгой зимы, что, отправляясь в весенний лес, представляешь себя в нём озябшим одиноким паучком, у которого постепенно обнаруживаются своя радость, солнечное тепло и неизведанная любовь.

X X X

В весеннем лесу, наполненном смыслом и ежечасной работой, кажется, только ручей представляется беспечным: течёт, ни о чём не задумываясь, куда придётся! Но и его дорожка – не час пустого пути в природе, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

X X X

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты, чисты и, кажется, недвижимы в насыщенном влагой весеннем воздухе, что в них хочется так же неподражаемо чудесно замереть, и не дышать.

X X X

Может быть, только в самом своём начале весна предстаёт умудрённой, добропорядочной хозяйшкой, в остальное же время она – веснушчатая босоногая девчонка, за которой хочется бежать, не чувствуя ног!

X X X

Из всех деревьев с женским именем только берёза, наверное, не устаёт воображать себя по весне невестой...

X X X

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как и осенью, и зимой, и даже луна не в силах растопить этой замершей отрешённости... Словно начищенная снегом, она льёт между деревьями свой безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнёт к лицу, и именно поэтому можно отличить зарождение жизни.

X X X

Порой в весеннем лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что начинаешь верить: смерти никогда не будет.

X X X

Весна может замучить человека, сделав его расслабленным, сонным, и всё же ... счастливым.

X X X

В весеннем ночном лесу ты ничего не видишь, но всё остальное, притаившись, разглядывает тебя, отчего на душе становится до жути прекрасно.

X X X

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, в логу, переговаривается или беспрестанно набирает и сливает воду.

X X X

Занятно наблюдать, как постепенно теряет свои краски весеннее небо у горизонта, а вскоре, будто перевернувшись в себе самом, подобно песочным часам, вновь наливается живительным светом. Из пронзительно зелёного небо поначалу становится сине-розоватым, с кремовыми переливами и мягким радужным блеском, затем – палевым, дымчато-лиловым, неуловимо перетекая в фиолетовые отблески, и вдруг ... опять, с нараставшей быстротой, как только что выдутое стекло, всплывает на востоке зелёное, густое, с белеющими в вышине зёрнышками предутренних, чуточку уставших за ночь звёзд. Всё в эту пору желает радости, счастья, и даже небесные цвета торопятся жить.

X X X

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные, радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

X X X

Весной часто ощущаешь в душе неясное смущение от того, что так бессовестно счастлив.

X X X

Клочки сена по краям заснеженной дороги, обронённые весной с саней, иногда вызывают в памяти далёкое лето, что, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть, хотя до него – рукой подать... Весна!

X X X

Солнце в марте добавляет голубой краски небесам, а мороз закаляет её густоту.

X X X

Иной раз пишешь, думаешь про жизнь в лесу или в море, просто отдыхаешь, и вдруг какая-то тревога охватывает тебя, как это обычно происходит весной: в окружающем мире всегда происходит ещё нечто такое, чего, кажется, ты не в силах пока обозреть и постичь. Но это ощущение непостижимости всего почему-то не приносит разочарования, и тебе ещё сильнее хочется жить, думать, радоваться и открывать!

X X X

Всякого человека, хотя бы раз в жизни и именно весной, судьба подводит к открытию им природы, но не всегда и не каждый замечает это важное для себя событие.

X X X

У осени запах горьковато-пряный, зима уже благоухает свеженадкусенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом лопающихся почек и обламывающихся сосулек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, что смешиваются в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно...

X X X

Обыкновенная жизнь в весеннем лесу выше и интереснее самых невероятных рассказов о нём.

X X X

В канун весны потеряешься душой где-то на пороге её тайны, отупело бродишь в лесу, вдыхая его берёзовый, сосновый и еловый аромат, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы, и в сердце проснётся, наконец-то, что-то самое долгожданное, курлыкающее, бесконечно близкое и родное...

X X X

Возвращаешься весной из трёхдневного лесного похода, а будто много лет отсутствовал дома: так неожиданно чуждо и отстранённо воспринимается родное, оставленное совсем недавно.

X X X

Когда солнце по весне освещает летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц суть.

X X X

Если лес когда-либо и склоняется внимательно к человеку, то только в ранние рассветные сумерки, весной, пока в его душе ещё не родилась

бездумная радость от светлого дня, и он по-детски чист в своих пробуждающихся помыслах.

X X X

Весной, у костра, вдруг подлетают к самому пламени огромные бабочки, стремительно выются над головой, исчезают и вновь появляются, и ты не сразу опомнишься от охватившего восхищения: откуда они в эту пору взялись?! А потом, придя в себя, угадываешь в них ... обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования не испытываешь.

X X X

Люблю по весне присесть в лесу на пенёк, как птица, чтобы на мгновение отойти от переполняющих меня впечатлений, оглядеться и вновь упорхнуть за своей неизведанной легкокрылой судьбой.

X X X

В глуби зимы, ещё задолго до наступления весенних радостных сумерек, вдруг внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, присущее только весне, и в этой своей открывшейся силе станет необыкновенно ясна вся последующая жизнь.

X X X

Весенние вспышки зарниц, в полнеба, и завораживают, и пугают своей немотой.

X X X

Солнечная разнеженность весны более благостна, нежели цветочное раздолье лета.

X X X

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе, в лесу же они совершенно оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь окружающий мир.

X X X

Именно в весеннем порхании малоразличимых птичек, в их зыбком и трепетном полёте, что для кого-то по лёгкости своей покажется почти никчёмным, кроется неуловимое величие природы.

X X X

Возродившись в душе долгожданной и бурной весной, пропев полную восхитительных желаний жизнь летом, совсем не хочется угасать душой в благодатную осень, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розовый отсвет на мартовских сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе – до такой степени она насыщена теплом и благостным светом!

X X X

Мартовское небо незаметно выключается из фиолетово-радужного февраля, ударит по глазам своей синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета тебе кажется, что жизнь утекла безвозвратно, и ничего необыкновенного с тобой уже никогда не случится.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и голубое, что даже не верится: как может оно ещё более обновиться в марте?!

X X X

Ни у одного дерева по весне ничто не может так зацепиться в ветвях, как у ёлки... Только в её дремучей кроне застревают душистая туманная тишина, сказочные думы леса и мягкий сиреневый вечер.

X X X

Только весной, в апреле, рождается во мне волшебный мальчик, который всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречает каждый день. К осени он незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе исчезает.

Каждый год стараешься не пропустить - куда же он подевался, но неизменно отвлекаешься и упускаешь до будущей весны уже никем не замечаемую пропажу.

X X X

Вот уж кто по весне не бережёт ничего для себя, так это красавица черёмуха! Ароматная яблонька – майская невеста, что сама себе на уме, роскошная с виду сирень – на деле замкнута и скупа, а вся салатная свежесть берёзы, липы, ивы и ольхи подолгу как будто что-то выгадывает, прежде чем распуститься во всей своей красе.

Когда цветёт черёмуха, великодушно расточая свой душистый аромат, вся земля царствует, предвкушая богатое лето.

X X X

Как бы круто не забирал мороз в мартовский утренник – он кажется лёгким и беззлобным, что только оживляет всё вокруг!

X X X

С приходом дивных майских дней куда-то исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни...

X X X

Восторженность к природе, особенно – весной, исходит из незрелости души. Мудрость же восприятия подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание в неё.

X X X

Только народившийся на мартовском небосклоне ломтик месяца – тоненький, изящный, а, между тем, царит на небе!

X X X

Божественная красота весенней природы в том, что и зелень, и голубое, и желтизна в ней – разные!

X X X

Весенний день, словно молодой породистый рысак, полон огромных сил, способный одолеть всех, с кем только можно потягаться; лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет; осень склоняется над тобой повидавшей виды умудрённой женщиной, нащёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь её слушать; зима вдруг наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон...

Все времена года – живые, они играют с тобой, одолевают сомнениями и делятся знаниями, обогащают, в чём-то ты даже чувствуешь себя с ними обездоленным, но продолжительность этого чуткого существования не прекращается: последовательно осень сменяет лето, а зиму - весна, и сила этого неизбывного времени окрыляет. Так и хочется вместе с ним развиваться, становиться сильнее, и ты расправляешь крылья и летишь, как птица-весна: время за тобой, время перед тобой, а при тебе его нет.

Весь ты переполнен насыщенной жизнью, когда хочется жить так, как велит твоя божественная душа. Живое время, время радостных приключений и открытий, время отпущения душ на волю!

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все свои мучительные достижения на пути к нему, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны!

X X X

Если мартовский день – жених, то невеста его – светлая капель. Для апреля нет краше распутившейся нежными барашками вербы. Май же – бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать ещё до конца не одевшихся в свои весенние наряды черёмуху, иргу, калину, рябину и сирень.

Х

Х

Х

Долго я искал у себя в огороде гнездо горихвосток, которые прилетали каждый год, и всё мне не везло. И чердак осмотрел, и сеновал, и баню, и дровяник, и даже на старую черёмуху забирался: всё напрасно. Горихвостки, неизменно прилетая в мае, жили в непосредственной близости от меня, питались насекомыми только в моём огороде, вытаскивали из пазов дома паклю на строительство и укрепление гнезда, но никак его не объявляли. Внешне – доброжелательные и неприхотливые, они были скрытными птичками, и им ловко удавалось провести меня.

Однажды, обкапывая по весне яблони, я вдруг заметил на проводах, в двух метрах от угла крыши дома, самца горихвостки с жирной личинкой в клюве... Казалось бы, он должен спешить с кормом к самке, высиживающей птенцов, или к самим птенцам, а самец не торопился: что-то, похоже, тревожило его, и он беспокойно крутился на месте, не желая залетать в гнездо. Я прекратил копать и, замерев с лопатой, стал наблюдать: решится самец нырнуть в гнездо, которое явно находилось где-то под карнизом?! Но самец терпеливо ждал, по-видимому, остерегаясь, что я узнаю местонахождение птенцов и самки.

Тогда я решил усыпить его бдительность и потихонечку начал удаляться в сторону. Самец тотчас встрепнулся, вытянул шейку и юркнул под карниз, наконец, обнаружив своё убежище. А всего-то нужно было подсмотреть направление перелётов предусмотрительных птичек, что позднее использовал я в отыскании глухариных токов, подмечая, куда глухари устремляются под вечер и откуда слетают на кормёжку утром. Так, благодаря крохотным горихвосткам, обрёл я важное лесное знание о больших и таинственных птицах.

Х

Х

Х

Весеннее утро приходит как счастье, день – как радость, вечер весною приносит покой и умиротворение, а ночь – знай, накручивает котам хвосты!

Х

Х

Х

Хоть и ломают по весне, кроме черёмухи, и яблоню, и иргу, и сирень с рябиной, а всё равно у неё самое доверчивое и мягкое сердце.

X X X

Весенние дни не потухают, как осенние и зимние, не обрываются, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой.

X X X

До сорока четырёх лет я не задумывался о возрасте своей жизни и не считал лесных вёсен, и только когда мне пошёл сорок пятый год, я вдруг сказал себе: а ведь это моя сорок пятая весна!

X X X

Как в первый раз увидишь самые ранние цветы, так и проживёшь свою весну!

X X X

Мартовскими вечерами мороз всё ещё схватывает зазевавшееся чудо весны, пытаясь возвратить своё былое могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, как это происходило зимой, а надуманно, без присущего ему сказочного волшебства.

X X X

Весенняя перелётная душа у птиц – трепетна, осенняя же – неукоснительна.

X X X

Первые весенние перемены замечаются, как ни странно, ни в проникнутом их ожиданием лесу, а скорее – в порядке растерявшем себя городе или так и не опомнившейся от всего происходящего в природе деревне.

X X X

Всегда почувствуешь в себе мгновение, когда душа весной вдруг взвивается над травами и цветами, легко проникаясь всякой природной мелочью, отрешённо забываясь в ней и так же свободно оставляя её, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды исчезает.

X

X

X

В конце марта, когда солнце начнёт припекать всё сильнее и сильнее, молодой глухарь слетит на наст, неторопливо, как взрослый мошник, пройдет меж сосен и, вообразив перед собой изнемогающую от страсти копалуху, вдруг развернется в неожиданном реверансе, изящно черкнув кончиком опущенного крыла искрящийся снег...

X

X

X

Весенняя рыхлая земля, вскрывшаяся от снега, будто продолжается в тебе нескончаемыми запахами и желаниями, тело от этого становится набрякшим, как большая почка, и однажды лопается, а душа со звоном улетает куда-то, возвращаясь только под осень.

X

X

X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X

X

X

Густой весенний туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое зимнее время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает, на что с ними решиться.

X

X

X

В каком-то удивительном согласии выходят у меня отношения с яблонями, которые я каждый год сажаю в огороде, и всегда этому сопутствует какое-либо приятное знамение...

Грянет первый раскатистый гром, завозятся по лужам пучеглазые лягушки, скворцы вдруг запоют у самого дома так азартно, порывисто, что почувствуешь, как это им важно, а то за одну ночь вся южная сторона сада распустится ароматными крупными подснежниками. И ты после этого уже не сомневаешься: этой весной тебе не обойтись невинным романом.

Яблони же незаметно тянут ветви к небу, распускают нежные листочки и, наверное, радуются вместе с тобой возможности жить, чувствовать и

любить, с великой благостью в душе, как и ты, осознавая себя частицей этого чудесного мира.

X X X

Весной зайцы совершенно открыто гонятся друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания. И это нисколько не удивляет, а только веселит!

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу, и никак не может напиться, чтобы весной отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Любой зверь или птица, почувствовав тепло закатного весеннего солнца, хоть на короткий миг, а позабудет себя и сделается совершенно беззащитным.

X X X

Лесная поляна весной иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить весь её свет, и дальше идёшь совершенно распахнутый от того, что вобрала в себя душа.

X X X

По строгой весенней заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной тёще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся!

X X X

Люблю примечать прилёт зябликов в пору, когда снег в лесу ещё не тронулся водой, следить, как птицы перепархивают, насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает ещё какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна!

X X X

Отправляясь ранним утром в лес, радостней всего сознавать, что он не скоро кончится и, кажется, будет длиться целый бескрайний весенний день.

X X X

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли первый весенний гром – неизвестно.

Бывает, уже к середине мая с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой. Затем стылый северный ветер насеет по дороге крупы, разбросает её повсюду, но к полудню что-то неуловимое в воздухе повернёт на тепло, воздух как будто тронется, и, к всеобщему удивлению, из-за леса донесутся отдалённые раскаты грома.

А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыплется светлый радостный дождь, и всё вокруг оживёт. Тесно становится весне, и она совершает поворот у ворот на добрую жизнь!

X X X

Первое предчувствие весны – это ещё не природные весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Мамина-Сибиряка, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печи, когда чувство природы и её будущие ароматы заменяет запах слипшихся глянцевого страниц.

X X X

Ни с чем несравнимо ощущение необыкновенной внутренней радости, что рождается только весной!

X X X

Случается такая весна, когда март едва миновал, не прилетели даже зяблики и зеленушки, а на льду лесного болотца, поджав ногу, уже стоит одинокий селезень...

X X X

Осенью птицы летят молча и деловито, весной – громогласно, в нетерпеливом напряжении пробуждая своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли обиды, и стали все друг для друга хороши!

X X X

Только весной постигаешь, что истинное царство света должно быть устроено не на небесах, а на земле.

X X X

На закате с весеннего неба обращаются ко всему живому чьи-то всё понимающие прекрасные глаза...

X X X

У самого края высокого обрыва, будто на пороге в вечность, растут величественные сосны, и так стремительно тянутся оттуда в весеннее небо, что проплывающие над ними облака даже останавливаются в своём движении, в восхищении вглядываются и чутко прислушиваются. Величественное устремление могучих деревьев к небу настолько увлекает их, что облака, наверное, не знают: в какие заоблачные дали им ещё плыть?!

X X X

Без ребёнка в душе не узнаешь самый чудесный весенний день своей жизни.

X X X

Рано или поздно для каждого человека приходит в жизни время, когда ему надлежит разбудить в себе мир зверей, птиц и растений, внимательно в него вникнуть, и как не лучше осуществить это весной!

X X X

Женщина, как и весна, должна быть совершенно чистой и бескорыстной. И это больше всего покоряет в ней мужчин, которые от природы несут в себе дух творца, а женщина своей чистотой поддерживает его в них.

X X X

Весной, под ослепительной мартовской крышей, хочется остановиться и без цели, с улыбкой, смотреть на улицу, открывая всё новые и новые светлые лица.

X X X

Надо хорошо знать пойменное весеннее море, чтобы представить себе в эту пору наполненную до краёв радостью душу!

X X X

Только однажды, весной, кто-то будто возьмёт тебя за руку и подведёт к самым звёздам, и ты на всю жизнь запомнишь и благословишь чьё-то незримое присутствие, которое ненавязчиво указало в тебе чистого человека.

X X X

Чем чаще и проще выдаёт весной за окном монотонные коленца большая синица, тем сложнее и богаче представляется её песня.

X X X

В ветреный весенний день заходишь под сень корабельных сосен, и будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся наподобие мачты. А вот если вокруг спокойно – ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоящих странствиях или вспомнить героическое былое...

Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после её падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие!

X X X

Так ярко, с самозабвением играют на току краснобровые петухи-тетерева, что маленькие берёзки по краям поляны, в нетерпении от происходящего, кажется, приподнимаются на цыпочках, и готовы вот-вот полететь над взбудораженными птицами, купаясь в ласковых лучах весеннего солнца.

X X X

Сколько незабываемого несёт в себе молодая весна! Но порой в ней заволаживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой притаившаяся там старуха-зима...

X X X

Солнечным мартовским днём почудится, будто тебя окликнули...
Обернёшься, а это – шелест падающих капель, еле слышно произносящих
ласковые звуки весны.

X X X

От последней утренней звезды до первой вечерней терпеливо ждёт
весенняя душа всех влюблённых, что обращают свой взор к небу и забывают
про себя, когда непонятная сила влечёт их лететь в прекрасную
неизвестность...

X X X

Вкусен и ароматен апрельский воздух, замешанный на пробуждающемся
ощущении любви, которая не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается
на цыпочках.

X X X

Нечаянная радость – выпавший в начале мая последний нежный снег.

X X X

На весеннем перелёте утка валит, гусь – идёт, а вот журавль с лебедем
именно летят.

X X X

В древности посвящения в великие мистические таинства
сопровождались длительным пребыванием в темноте, она оказывалась
живительной, когда человек преодолевал её своим внутренним зрением. Так
и нахождение в ночном лесу, на глухарином токовище, невольно вызывает
устремлённость к усилению в себе внутреннего света, позволяющего
видеть...

Лесная тропа, в ночи, особенно – при поиске глухариных токов, сродни
жизненной тропе мудрости, проходя которую, ты и не замечаешь, как
постепенно, это происходит далеко не сразу, а в течение многих лет
блуждания по лесу, твоё внутреннее зрение становится всё ярче. Какие-либо

тревоги, связанные с темнотой, покидают сердце, и ты понимаешь, что о испытание тьмой, что уготовил тебе ночной весенний лес, незаметно изменило твою душу, она наполнилась космической ясностью и глубиной. Ты, в конце концов, обрёл недостающие стойкость и мужество, сердце твоё достигло мудрого покоя, и всё это – благодаря потаённой лесной чаще, её заволаживающей темноте, несущей в себе внутренний свет.

Именно благодаря глухариным токам открыл я для себя, что ночь не так уж непроглядна! Даже без луны глаз способен воспринимать окружающие предметы достаточно ясно, а по истечении некоторого времени и вовсе осваивается в обступившей темноте, без труда различая то, что находится рядом.

Надо не лениться и как можно чаще бывать в ночном лесу, особенно – весеннем, и тогда увидишь многое из того, чего ни за что не встретишь днём. Лес устроен так, что ночь в нём полна жизни!

X X X

Глядя весной на распевающую птицу, что успевает, к тому же, выполнять огромную работу по выведению и выкармливанию птенцов, понимаешь необходимость самоограничения и умения правильно рассчитывать время, чтобы быть по-настоящему свободным.

X X X

От свежего запаха коры, чистой капли с розовых веточек, копошащегося под еловыми лапами душистого тумана - и облако апрельское становится прозрачно-жемчужным, душистым.

X X X

Если прислушаешься, о чём рассказывает весной каждая травинка, цветок или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X X X

Чуть пробивающийся сквозь снега звук мартовского ручья сначала не слышим никому, живёт как будто украдкой, но именно он робко начинает первую песню воды, которая вскоре обнимет всё пойменное пространство!

X X X

После дождя в весеннем лесу так приятно проясняется, что вспоминаешь только хорошее, а всё худое бесследно исчезает.

X X X

Пир мартовского восторга в природе только начался, а солнце явилось на него, уже упоённое счастьем, румяное и хмельное.

X X X

Когда я нахожусь на глухарином току, мне хочется пригласить туда всех музыкантов, потому что в их сочинениях всегда присутствует поиск смысла всего сущего, то есть – гармонии, а песня глухаря, пусть и не совсем складная, в полной мере содержит её в себе. Музыкантам не мешало бы послушать весеннюю песню замечательной древней птицы, чтобы не предавать в своём творчестве возможности быть по-настоящему свободными, убегая в музыке от жизненных печалей и бед, а приходить во всемогущий лес за недостающим для себя соразмерным благозвучием, проистекающим из самого Мироздания.

X X X

Даже самый маленький ветерок по весне не бывает случайным.

X X X

В последнюю, порой очень отчаянную апрельскую выюгу у снежинок уже не хватает сил быть озлобленными, и они бросаются друг с другом играть.

X X X

С восходом апрельское солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы: они стремительно летят в разные стороны, и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц.

X X X

Только весной, на глухарином току, начинаешь ощущать в себе нечто первозданное, дремучее и глухое, что когда-то породило и глухарей, и лес, наполняя и тебя невероятной силой.

X

X

X

Не может душа смириться с утратой интереса к жизни, тем более, когда наступает весна, ибо она ничем незаменима в своём божественном содержании и красоте.

Но истинное понимание природы рождается в нас в тот момент, когда, созерцая её многообразную красоту, мы добавляем к ней всё лучшее из себя.

X

X

X

Многие птицы прилетают к нам с юга в неодолимую весну, когда на дворе ещё зябко, но только желанные зяблики получили благодаря этому своё имя.

X

X

X

Жестокость мороза и нескончаемо свирепые метели - есть та неотъемлемая от жизни сила, что заслуженно приближает нас к весне.

X

X

X

Случится с тобой однажды такое, что жизнь покажется бессмысленной: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и даже в лес идти совсем не хочется. Так проходит день, другой, третий, а то и неделя, даже месяц. Вот и солнечный март подступил – у тебя же одна мысль: как бы одолеть кручину и поверить в спасительную перемену, чтобы она, нежданно-негаданно, коснулась твоей души, и та, хоть маленечко отогревшись, радостно затеплилась, ожила?

А надо – то было всего лишь забыть на время себя самого, и помочь какому-либо доброму человеку... А ещё лучше, улёгшись с вечера пораньше и позабыв про все приключившиеся с тобой горестные переживания, радостно пробудиться мартовским утром от барабанной дробы дятла, протяжно и звонко раздающейся в ближайшем лесу, и отправиться к нему в гости.

Радостно воспринимая лесную жизнь, особенно – весной, человек обретает истинную мудрость, тем более, что лес в эту пору предоставляет ему прекрасную возможность взглянуть в себя.

X

X

X

Как неясные думы дрожит над землёй апрельское трепетное марево, а вместе с ним – сама земля, лес, деревня, пашня, река за околицей, и всё это вместе, если взглянуть пристальнее, открывает нам разомлевшее тело потянувшейся ото сна весны.

X X X

Весной как никогда удаётся обрести гармонию с собой и окружающим миром.

X X X

В весеннем лесу во мне просыпается какой-то другой, незнакомый человек, и кажется тогда, что сам я превращаюсь в восторженную птицу, дерево или ручей.

X X X

Когда снег почти сходит, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголённости – вся прелесть русской весны!

X X X

Всегда только ранним утром, а не вечером или не ночью начинаю я по весне своё звёздное путешествие!

X X X

Как только заговорили по весне между собою деревья, землю окутал аромат цветения...

X X X

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего – множит весеннюю радость!

X X X

Когда из коричневой почки проклёвывается зелёный клювик, на клювике этом повисает большая прозрачная капля, и всё вокруг будто приподнимается на цыпочках, чтобы её выпить, в природе наступает самая трогательная и преисполненная жизненных сил пора.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распутившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в неизвестность, которой нет конца.

X X X

Весенняя предутренняя тишина всегда напряжена ожиданием чего-то прекрасного и несбыточного.

X X X

Ещё не одетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива, как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взрослеть и менять грациозную невинность на обременительную зрелость.

X X X

Всегда поражало: как завораживающе просто звучит в весеннем лесу барабанная дробь дятла! При этом думалось, что лес необычайно гармоничен, если так мелодично несёт в себе однообразную стукотню дятла. Он полон самых невероятных проявлений, что соединяются в его насыщенном звуками живом пространстве, а барабанная дробь, может быть, самая выдающаяся вибрация, услышав которую, настраиваешься в жизни на что-то самое важное, и терпеливо ждёшь, что за диковинную дверцу откроет в твоей судьбе этот звуковой ключик?

X X X

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неудержимый ручей, что уже лишён каких-либо чувств, но твёрдо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

X X X

В первые дни после прилёта кукушка почему-то не осмеливается куковать во всю силу, и голос её в лесу звучит робко и задумчиво.

X X X

Весенние ручьи, на первый взгляд, кажутся совершенно безропотными, даже - невинными, а приглядишься - они с великим трудолюбием раскрывают ещё не проснувшуюся до конца землю, которая дарит всему живому простор!

X X X

Прежде, чем запеть призывным брачным голосом, синица большую часть весны радостно её превозносит!

X X X

Первыми весной зеленеют берега лесных ручьёв, и лишь затем – склоны логов и лужайки.

X X X

Майский снег нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего морозца и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как красивая, но пустая мечта.

X X X

Серёжки в ушах весны, конечно, не золотые, как у осени, а совсем простенькие, недорогие, но, зато, сколько в них желания очаровывать!

X X X

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому, заслышав его в лесу, не сразу догадаешься: воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки, или, может быть, нежная горlinkка не в силах сдерживать нахлынувшего любовного томления?

X X X

В весеннем лесу, наполненном особым смыслом и ежечасной работой, кажется, только ручей беспечен: течёт, ни о чём не задумываясь, куда придётся!

Но и его дорожка – не час пустого пути, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

X X X

Весенний венок радости плетётся из самых красивых соцветий расцветающего мира, и это всегда созидательная работа для собственной души.

X X X

Иная птаха будто привязывает человека своей незатейливой весенней песенкой, так что он боится сдвинуться с места.

X X X

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты и чисты в недвижимом, насыщенном влагой воздухе, что хочется так же неподражаемо тихо и задумчиво замереть и не дышать, проникаясь волшебством происходящего в природе.

X X X

Пока стоят ясные мартовские дни с золотистой весёлой капелью, ждать прилёта долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый туманный апрель с холодными дождями, птицы появляются.

X X X

Глухарина песня, как только ты её расслышишь в предрассветных сумерках, неясна, почти неосвязаема, и поначалу даже не верится, что она способна постепенно пробиться к твоему сердцу. Когда же сердце для неё всё-таки радостно откроется, ему захочется подарить кому-нибудь и свою весеннюю любовь.

X X X

В весенних сумерках берёзки белеют девичьими платьями по-особенному светло и радостно.

X X X

Невозможно придумать поход в весенний лес: его нужно пережить!

X X X

С окончательным сходом снега и появлением парного тепла от земли пропадает, как ни странно, особый весенний уют, вернее, его ожидание, которое для русского человека, наверное, ещё более трогательно и самозабвенно, чем само наступление тёплой поры.

X X X

Лес стар, мудр, и никогда, даже в минуты наивысшего откровения, не допустит в себе улыбки ребёнка. Но иногда, чаще это бывает весной, что-то

детское, всё же, оживит в нём замершее сердце древнего старца, и лес обрадовано рассмеётся.

X X X

Если весна выдалась дружная, то зайцы не успевают сбросить зимнюю шерсть, и на днёвку ложатся отдыхать в оставшихся сучьях снега.

X X X

Как-то уходился я по солнечной апрельской дороге с лыжами через плечо, с рюкзаком, и улёгся от усталости прямо у обочины, на наст. После бессонной ночи на глухаринном току, снежная постель показалась мне простой и удобной.

Небо над головой выгнулось необъятной синью, как шёлковое одеяло, и дышало теплом. У самых ног, в колее дороги, ласково журчал неугомонный ручей, так что мне тотчас захотелось спать, и я уснул. Но спал, не обрывая своего восприятия, всё чувствуя и замечая вокруг, так что время пролетало мимо и ... оставалось на месте.

X X X

Может быть, только в самом начале весна предстаёт умудрённой, добропорядочной хозяйшкой, в остальное же время она – веснушчатая босоногая девчонка, за которой хочется бежать, не чувствуя ног!

X X X

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь переключку журавлей, они представляются разумными существами, способными рассказать о чём-то очень важном.

X X X

Только когда подтаает на апрельских опушках последний ледяной черепок, и земля засверкает на солнце перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

X X X

Живёшь в мире людей, и тут тебе гордыня и благоговение, рабская покорность и воля, жадность, любовь и сквернословие, а войдёшь в весенний лес – лишь одно чувство: смиренная радость!

X X X

Весь свет, бывает, обойдёшь, а учёным не станешь. Ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьёт твой час, который внесёт в жизнь недостающую весеннюю ясность!

X X X

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как и осенью. И даже луна не в силах растопить этой замершей отрешённости.

Словно начищенная снегом, она льёт меж деревьями безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнёт к лицу, и именно по этому можно отличить зарождение жизни.

X X X

Когда-то, в детстве, весной, я неожиданно открыл необычайное свойство хвойной смолы. Если намазать ею кончик сухой еловой палочки и спустить на воду, то благодаря отталкивающему действию смолы палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам. Соревнуясь между собой, мы, мальчишки, таким образом, запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на её осуществление.

X X X

Днём ли идти в лес или ночью – не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна...

X X X

В мартовский день хорошо любоваться на торжественно сияющие, солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе восторженные!

X X X

Порой в весеннем лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что поверишь: смерти никогда не будет.

X X X

Любовь животных по весне бывает так неожиданно безумна и велика, что даже совсем, казалось бы, безобидный зверёк – заяц, в порыве страсти

вырывает со спины зайчихи целые клочья шерсти, чем причиняет ей немало страданий.

X

X

X

Мартовская звёздная ночь словно мирится с людьми после безудержно хлопотливого дня: своим равномерным морозным дыханием она успокаивает всех и, загадочно таясь, усыпляет.

X

X

X

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе, издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-н-н!»

До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё далёкой радостной поры!

X

X

X

Нередко весна может просто замучить человека, сделав его расслабленным, сонным, и всё же ... счастливым.

X

X

X

Ночью, в весеннем лесу, ты ничего не видишь, но всё вокруг, затаившись, разглядывает тебя, и ты, чувствуя это внимание, невольно страшишься чего-то неизведанного, и, всё же, оказываешься им очарован...

X

X

X

Выйдешь в апрельскую ночь под звёзды – и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью.

X

X

X

Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность...

Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а добрым весельем — к людям.

X X X

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, на дне лога, тихо переговаривается.

X X X

Переживания души по весне не могут быть тяжкими... Они сравнимы со свежим дыханием молодой травы, обласканной чистым апрельским дождём и ветром.

X X X

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и разудалым выюгам... Но почему-то рождается в сердце печаль при виде одинокого весеннего цветка, и хочется опуститься перед ним на колени, дотронуться рукой и молча улыбнуться.

X X X

Весной часто ощущаешь неясное смущение от того, что так бессовестно счастлив.

X X X

У каждого из нас удивительный мир весны складывается из обыкновенных и всем известных вещей.

X X X

Апрельский день пасмурный, тяжёлый, а узкая полоска зари всё равно отликает нежно-розовым пером лесного голубя, который пока не прилетел, но вот-вот появится.

X X X

Солнце в марте добавляет голубой краски небесам, а мороз закаляет её густоту.

X X X

Обычная песенка лесного ручья по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённостью, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Даже весной в серых глазах стоит одна туманная дымка, в карих – открывающаяся от снега земля, а в зелёных – ещё не проснувшаяся лесная чаща... И только в голубых глазах отражаются пронзительные отсветы преобразившихся лазоревых небес!!

X X X

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдёт какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду и только когда почувствую, осознаю его, то воспаряю и лечу.

X X X

У осени запах горьковато-пряный, зима же благоухает только что надкушенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом обламывающихся сосулек и лопающихся почек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, смешивая их в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

X X X

Когда ветви деревьев ещё не одеты, а зелёные почки только напряжены, человеку остаётся короткий миг, чтобы успеть сбросить с себя последние тревоги, и проснуться поутру свежим и чистым, в благоухании первой весенней листвы.

X X X

Даже в самом благородном стремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодящей зимней тьмы, которая порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

К весне потеряешься душой, отупело бродишь в лесу, вдыхая его елово-берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы, а в сердце проснётся, наконец, что-то самое долгожданное, курлыкающее, бесконечно близкое и родное.

X X X

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в весенний лес и прожить в нём целую вечность.

X X X

Самый сильный холод в весеннем лесу случается в конце утренника, когда заря только занимается и всё тепло сосредотачивается в верхушках елей...

Именно туда, к пригревающему розовому свету, поднимаются с наста тяжёлые мошники и, усевшись поудобнее, величественно замирают, чтобы переждать прокрадывающийся понизу мороз.

X X X

Бывает, находясь в весеннем лесу, неожиданно откроешь в себе сокровенную мечту, от радости всплеснёшь мысленно ладошками, и сердцу станет так тесно, что оглянешься: нет ли поблизости кого, с кем бы можно всем этим поделиться? А вокруг тихо, безлюдно, но не одиноко.

X X X

Возвращаешься по весне из трёхдневного лесного похода, а чувство такое, будто много лет отсутствовал дома... Отчего так неожиданно чуждо и отстранённо воспринимается родное, оставленное совсем недавно?!

X X X

Когда лучи заходящего весеннего солнца освещают летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц, суть.

X X X

Приходит весна ... И в сердце твоём будто распахнули окно!

X X X

Свист и шум крыльев множества прилетающих с юга птиц, присоединяясь к журчанию лесных ручьёв и порывам молодого весеннего ветра, незаметно рожают новые устремления уставшей за зиму души, и постепенно в ней сосредотачивается сила всей природы.

X X X

Иной раз обрадовано уверуешь: нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на весеннем ветру... Но вдруг выдастся затишье, предшествующее ветру, и всё в душе смутится от нерастраченного чувства признательности к тому, что его порождает.

X X X

Скромная, почти неприметная пером подруга снегиря, наверное, никогда не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё.

X X X

Когда страстно защёлкает в кустах черёмухи долгожданный соловей, весна, как ни странно, уже не приносит того ощущения беспокойного ожидания, которое овладевало душой мартовским морозным утром, во время однообразного пиньканья синицы.

X X X

Трудно поверить, что непрерывный весенний свет может стать когда-нибудь в тягость, и душе страшно захочется непроглядной осенней ночи, но так оно и происходит.

X X X

Если весенний лес когда-нибудь и склоняется внимательно к человеку, то только в рассветные сумерки, пока в его душе не родилась бездумная радость от вновь нарождающегося неповторимого дня, и он ещё по-детски чист в своих пробуждающихся помыслах.

X X X

Берёзы в апреле плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств!

X X X

Весной, перед самым рассветом, над макушками деревьев пробегает лёгкий игривый ветерок, и одну за другой задувает на небе последние звёзды.

X X X

Однажды весной, на вечерней заре, поднял я двух журавлей, кормящихся у края потаённой полянки. Развернувшись на фоне заходящего оранжевого солнца, птицы потянули, призывно курлыкая, прямо на меня, и от взмахов их огромных крыльев так ощутимо повеяло древностью земли, что я неожиданно почувствовал, будто человеческая жизнь на земле ещё и не начиналась.

X X X

Самая живая птичка весны – светло-серая с чёрным бантиком на груди трясогузка: только прилетев, она уже куда-то зовёт за собой. Кокетливо помахивая хвостиком, то и дело, перебегая дорожку и трогательно попискивая, трясогузка будто приглашает в какие-то неизведанные края, в которые сама ни долететь, ни добежать, кажется, не в силах. Но почему-то не оставляет попыток, всё неустанно семенит ножками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь зазывно увлекать.

X X X

Весной, у ночного костра, к самому пламени подлетают огромные бабочки, стремительно выются над головой, исчезают и вновь появляются, и ты не сразу опомнишься от охватившего восхищения: откуда они в эту пору взялись? А потом, придя в себя, угадываешь в них ... обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования при этом всё равно не испытываешь.

X X X

Удивительное ощущение взаимосвязи дарят весеннее солнце с землёй, когда солнце освобождает землю от снега и наполняет её теплом. А земля, отряхнувшись от зимней спячки, трогательно тянется к солнцу, и ты вдруг понимаешь, что в основе отношений между мужчиной и женщиной должно лежать такое же нерушимое ощущение уверенности друг в друге, от которой рождается состояние бесстрашия перед самой жестокой жизнью.

X X X

Люблю по весне присесть в лесу на пенёк, как птица, чтобы на мгновение стряхнуть переполняющие впечатления, оглядеться и вновь упорхнуть за своей неизведанной легкокрылой судьбой.

X X X

Бывает, душной весенней ночью жалобно заголосит в отдалении сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой всё в тебе неожиданно встрепенётся и просветлеет.

X X X

К концу апреля почти не тронутые метровые сугробы быстро оседают и растворяются, насыщая талой водой и без того влажную почву, а найденные за зиму уплотнённые тропинки белеют чуть ли не до мая, медленно истончаясь и превращаясь крепкими утренниками в хрустящий «черепок».

X X X

Весенние вспышки зарниц в полнеба и завораживают, и пугают своей немотой, когда сидишь в ночном лесу один, ожидая пробуждения глухаря – таинственного гостя из далёкого прошлого.

X X X

Осенний королевский вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом, и долго припархивает у земли, словно не находя себе места.

X X X

Весна, как ни странно, постоянна в изъятии своих чувств, а по-настоящему восторженной и радостной бывает только в самом своём начале, пока к ней не привыкаешь, всё же остальное время она одаривает лишь счастливыми мгновениями.

X X X

Бывает, бредёшь во тьме на глухариный ток, отчего-то остановишься и вслушиваешься в тишину, а там – будто разговаривают люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликаясь, и ненадолго замирает. Это значит, что весенняя ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

X X X

Утренняя бирюза в апреле так трогательна, что даже нежно-кремовое солнце, опасаясь её нарушить, взбирается на небо как бы невзначай, осторожно.

X X X

Солнечная разнеженность весны более благостна, нежели цветочное раздолье лета.

X X X

За рекой, на болоте, затрубили журавли, и сразу представилось, как им там хорошо и уютно...

X X X

Случается в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по жизненной дороге, и по крупицам находишь радость в лете, осени и, конечно, зиме.

X X X

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе, в лесу они оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь себя и окружающий мир.

X X X

Бывает, в апреле, когда ещё не сошёл снег, засеет под вечер мелкий занудливый дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, а на душе от всего происходящего становится хорошо и покойно.

X X X

Мартовским вечером, когда неугомонное солнце, всё же, потухает, радость от весны света ещё более усиливается с зажигающимися в небе голубыми, зелёными и оранжевыми звёздами.

X X X

Сколько бы я не писал о природе, моей героиней чаще всего оказывается весна!

X X X

Именно в весеннем порхании мало различных птичек, в их зыбком и трепетном полёте, что кажутся для кого-то почти никчёмным, кроется неуловимое величие природы.

X X X

Всё в природе давно разыграло, она дружно справила весну, и только заснеженное поле затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

Оживлённое бормотание тетерева по весне похоже на журчание скрытого под снегом ручья, который пробивается как бы ниоткуда, а слышится везде.

X X X

Когда насытишься в лесу разудалой апрельской порой, и она перельётся в тебе через край, хорошо предаться мыслям о жизни больших древних городов, о их солнечных набережных, площадях и людях, что и не помышляют о великом празднике русской весны.

X X X

Разве можно точно передать то душевное восхищение, которое охватывает тебя поутру при входе в сосновый бор, с мартовскими синими тенями от стволов, меж которыми пролегли борозды глухариных набродов?!

После того, как ты это увидел, в лесу почему-то начинает открываться ещё много такого, чего раньше вообще не замечал.

И тогда всё вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глухари, которые только что были здесь, но улетели, и ты не в силах сдерживать волнения от их недавнего присутствия. Нужно всегда самому осознанно войти в мир дикой природы, и отыскать для себя смысл её волшебства.

X X X

Заглянув однажды в гнездо вороны, я был поражён тем, что увидел: у примелькавшейся и невзрачной, даже порядком надоевшей всем птицы яички имели цвет голубовато-нежного весеннего неба.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розоватый отсвет на мартовских сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

Приятно представлять себе весеннюю раздольную картину, где можно свернуть на любую неприметную тропинку и ... раствориться.

X X X

Ранняя весна хороша тем, что начинает долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания...

X X X

И весенняя заря, случается, иногда показывается неприступной царицей – холодной, гордой и чужой, а на следующее утро – опять добрая княжна, что, только народившись, принимается всем служить.

X X X

Если весна опять зовёт в дорогу, лучше всего подчиниться её зову и, отправляясь в путь, с удовольствием представить, что не идёшь, а взлетаешь к убегающему вдаль горизонту.

X X X

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе, до такой степени она насыщена теплом и светом!

X X X

Приходит весна – и небеса голубеют, леса становятся нежно-зелёными, а сердца людей ещё более наполняются тем радостным светом, который они когда-то в себе понесли, но как будто этого не заметили.

X X X

Раньше думалось: вот придёт весна, и опять затрубят по болотам журавли, начнут гарцевать на укромных полянках в брачном танце, изящно задирая головы и звонко пощёлкивая клювами... Сейчас же: дай, бог, их хотя бы услышать!

X X X

В иной год весна так обуяет душу, что ничего уже не разумеешь от охватившего приволья, а только, знай, бормочешь, как тетерев: «Бу-бу-бу, люблю-люблю, бу-бу-бу, люблю!».

X X X

Если журавли плывут в весеннем небе высоко и обязательно курлычут, погода всегда стоит ясная. В пасмурные, сырые дни птицы в молчаливом напряжении жмутся к земле, голос подают изредка, тревожно вскрикивая и тотчас умолкая, словно не возвращаются на родину, а покидают её.

X X X

Мартовское небо незаметно выключается из фиолетово-радужного февраля, ударит в глаза безжалостно яркой синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты на время станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

X X X

Если хоть однажды увидел в ночном небе апрельские звёзды и остался с ними до утра, то рано или поздно они укажут тебе верный путь.

X X X

Весна неподражаема тем, что, разбив сердце, может в мгновение одарить великим наследством.

X X X

Нежно, но настойчиво блеет барашком с вечера до утра невидимый в вышине маленький бекас, и кажется странным, что из всех прилетевших птиц он один отвоевал для своей любви такое необъятное небесное пространство!

X X X

Всматриваясь в человека всем своим существом, лес по весне вглядывается в него ещё каждым отдельным деревом, цветком, зверем и птицей.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и голубое, что даже не верится: как может оно ещё больше обновиться в марте!

X X X

Только один маленький ручеек проснётся под снегом – и всё вокруг оживает.

X X X

Из-за обилия впечатлений в весеннем лесу часто случается такое, что мыслей в голове рождается сразу много, и они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и исчезают, так до конца ни к чему и не придя, а надо бы выбрать только одну, заняться ею, и все остальные тогда остановятся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

В мае звёзды теряют яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета начинает казаться, что жизнь утнула безвозвратно и ничего необыкновенного в ней у тебя уже не случится.

Х Х Х

Весенний солнечный луч, особенно вечернею порой, - словно произнесённое кем-то доброе слово.

Х Х Х

В марте от растаявших к полудню луж словно разносится детский восторженный крик, наполняя радостью весь воздух!

Х Х Х

Редко, когда обратишь внимание на то, как неустанно кукует в весеннем бору кукушка, но обязательно насторожишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подаст голос.

Х Х Х

Люди никогда не ждут весеннего прилёта птиц, заглядываясь вверх и, то и дело, выискивая в небе журавлиные или гусиные косяки, а поднимают головы, лишь заслышав в вышине их торжествующе-волнительный, призывный крик.

Х Х Х

Ни у одного дерева ничто не может так таинственно зацепиться в ветвях, как у ёлки... Только в её дремучей кроне застревают душистая апрельская тишина, сказочные думы леса и мягкий сиреневый вечер.

Х Х Х

С особым уважением смотрю я на тех людей, которым по душе сначала весна, и уж потом – лето и осень.

X X X

Мартовским ослепительным утром меня охватывает неописуемый восторг от всего происходящего в природе, а к вечеру я уже страдаю от невозможности удержать этот неповторимый и навсегда ускользающий день.

X X X

Если бы ещё, хоть раз, раскрылся для меня прекрасный цветок с голубыми лепестками и маленьким золотым солнышком посередке, если бы я вновь смог удивиться ему и поверить в свою любовь, и если бы оно, это солнышко, оставалось для меня живым до самого конца, как бы это растрогало меня и обогрело. Может быть, даже спасло и, конечно, раскрыло в душе всю забытую красоту и упущенное счастье!

Я бы встал перед ним на колени и назвал его «любимым», понимая, что его больше нельзя потерять. И сердце моё превратилось бы в такое же золотое солнышко с голубенькими лепестками, и слилось бы с моим «любимым», и настала бы та самая светлая радость длиною в нескончаемую жизнь, что уже никогда не обманет.

Сейчас вокруг весна, и мне кажется, что повсюду рождаются маленькие голубые цветы с солнышком внутри, а мой никак не может появиться, где-то прячется, затаившись, и, может быть, ждёт, что когда-нибудь в нём тоже раскроется прекрасная золотая душа, зацветут небесные глаза и он меня увидит.

X X X

Когда токует глухарь, его налившиеся брусничным соком брови почему-то не выделяешь с таким восхищением, как огромный пятнистый хвост, переливающуюся перламутровой зеленью грудь или вздрагивающую в такт песне мохнатую бороду. Пышные же брови чудесных красавцев-тетеревов сразу бросаются в глаза, оживляя блёклые апрельские проталины неожиданно яркими, будто только распустившимися цветками.

X X X

Вместе с вскрикиваниями прилетевших с юга журавлей к людям будто опускаются с неба звуки родной земли, что вызывают в них желание устремить взор к восторженному весеннему небу.

X X X

Только весной, в апреле, рождается во мне волшебный мальчик, который готов всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречать каждый день. К осени он незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе исчезает.

Каждый год стараешься не пропустить, куда же он подевался, но неизменно отвлекаешься и упускаешь до будущей весны уже никем не замечаемую пропажу.

X X X

Весенний радостный свет действует на человека как свобода, которую никто и никогда не сможет у него отнять.

X X X

Порой, забравшись по весне в какой-нибудь потаённый лесной уголок, ничем особенным не отличающийся от множества подобных ему, поначалу несказанно обрадуешься, а потом долгое время дивишься, не в силах разобрать: отчего нет для тебя на свете прекраснее этого обычного лесного места?!

X X X

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: вот-вот наступит весна! Но что же послужило основанием для такой убеждённости?

Может быть, синица раньше времени восторженно запиныкала под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё, совсем не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же ... весна!

X X X

Редко увидишь, когда кукушка прилетает на голый лес, но если это происходит, то год, как и жизнь у самой птицы, складывается неустроенно и осиротело.

X X X

Трудно представить, что птица весной может устать в поисках корма для своих птенцов, и просто присядет вдали от них передохнуть.

X X X

Одно робкое весеннее утро способно подарить целый мир, бескрайнее же летнее царство не в силах превозмочь своё ослепительное довольство, с каждым часом всё более замыкается в себе и незаметно перегорает.

X X X

Всю майскую ночь напролёт слышится страстное посвистывание соловья в черёмухе под окном, и становится вдруг так явственно ощутимо, что повсюду в эти прекрасные мгновения рождается любовь.

X X X

Весной самое лучшее время – утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, ещё не расплёскан по пустякам и встаёт перед человеком полным надежд, нетронутым и прекрасным.

X X X

Только весенним утром, перед рассветом, вдруг ощутишь, как в тебе незаметно копятся огромные силы, и именно эта весенняя безмятежность происходящего вокруг зарождает уверенность в правильности твоих душевных устремлений.

X X X

Когда самец-вальдшнеп преследует на весенней тяге самку, он издаёт двойной звук «хор-хор, цвиг-цвиг». Первая часть производится им как бы в себя, утробно, в предвкушении скорой встречи с желанной возлюбленной, а вторая – с неожиданным и лёгким выдохом, утончённо моля дождаться его и больше не покидать.

X X X

Пока по весне от земли не пахнёт парным теплом, она всё как не родная.

X X X

Египетские мистерии указывали на особую силу мысли, посланную через пламя... Оттого и все мои ночные бдения возле весеннего костра, под утро, завершались радостными откровениями.

X X X

Ранний крик журавлей на болоте вызывается первым робким проблеском света, когда узкая полоска зари только-только проглядывает из-под небесного одеяла, и человеку её ещё не видно.

X X X

Как бы круто ни забирал мороз в мартовский утренник, он кажется лёгким и беззлобным, и только оживляет всё вокруг!

X X X

Весной больше, чем когда-либо, хочется идти до той лесной стороны, где никто никогда не бывал, а когда дойдёшь – ни за что об этом не догадаешься, и всё продолжаешь свой путь, ничуть не уставая.

X X X

С приходом дивных майских дней исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то в природе уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

Пение птиц по весне – это всегда, в первую очередь, радость возвращения.

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло своим ослепительным теплом, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни.

X X X

Весело ведёт себя лес в апрельскую непогоду, особенно - перед погожим днём... Далеко разносится его мятущееся радостное звучание, даже – гул, и

на душе становится широко и вольготно, словно река вот-вот ударится в половодье и заполнит всё своим безудержным весенним разливом.

X X X

Восторженность к природе, особенно – весной, исходит из незрелости души. Мудрость же подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание в неё.

X X X

Глядя в апреле на звёздное небо, похожее на огромное ночное поле цветов, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись там, не вернуться.

X X X

В радостный весенний день от птичьих криков, брызжущего солнца и капли вдруг захолонит на мгновение сердце, оно сожмётся от сладостной боли, и вспомнишь, как, не уставая, пробирался через всю зиму к самому лучшему в себе, и верил в свой апрель.

X X X

Божественная красота весенней природы в том, что и зелень, и синева, и желтизна в ней – разные!

X X X

Весенний день, словно молодой породистый рысак, он полон сил и способен одолеть всех, с кем только можно потягаться. Лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет. Осень склоняется над тобой повидавшей виды женщиной, нашёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь слушать. Зима наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон...

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все мучительные ожидания, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны.

X X X

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда воздух пахнет сырой корой и распускающимися клейкими почками, и хорошо, если время человека наступает именно в эту пору.

X

X

X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X

X

X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну щемящую боль, ни в чём не в силах ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха, кажется, не распространяет на тебя свой чарующий запах.

И только когда приходит осень, неожиданно отмякаешь сердцем, забываешься в себе и отправляешься в долгожданный душевный полёт.

X

X

X

Если мартовский день – жених, то невеста его – светлая капель. Для апреля нет краше распутившейся нежными барашками вербы. Май же – бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать ещё не одевшихся в весенние наряды черёмуху, иргу, калину, рябину и сирень.

X

X

X

Постоянное и честное общение с лесом, особенно – весной, где всегда приходится совершать над собой усилия и постоянно чем-то жертвовать, приучило меня ставить задачи, казалось бы, самые невыполнимые, желая добиться их разрешения, во что бы то ни стало. Результат никогда не заставлял себя ждать: я становился мудрее, а значит – сильнее, и уже никогда не обременял себя вопросом: зачем мне дано прожить ещё один день?

Ответ оказывался очевиден: этот весенний день – самый лучший в твоей жизни, и он дан судьбой для радостного постижения, благодаря которому я открываю в себе Господа и его способность к удивительным деяниям.

X

X

X

Пришвин писал: «Весной так всё роскошно вокруг, и так много всего, что душа моя, глиняный кувшин, не вмещает, и всё льётся через край из моего кувшина...»

Моя же весенняя душа представляется мне невидимой сутью проистекающего повсюду жизнетворчества, что впитывает в себя бесчисленные ароматы, волнуется и вырастает в ещё более восхитительное состояние, когда открываешь для себя смысл существования самой крохотной былинки.

X X X

Когда устанавливается весна цветов, верится, что этому чудесному времени не будет конца.

X X X

Чутьё - это мгновенное погружение души во вселенский поток жизни, в котором судьбы всех людей связаны между собой. Ко мне оно пришло весной, благодаря тесному общению с миром птиц, зверей и растений.

X X X

Благодаря нежной апрельской заре и чистому небесному пространству, что отражаются в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами.

X X X

Весенние дни не потухают внезапно, как осенние или зимние, не обрываются, как будто их и не было, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой.

X X X

Когда снег в апреле уже совершенно не держит, и нога с хлопаньем проваливается до самой земли, ловишь себя на мысли, что ты тоже переполнен живительным теплом, и готов броситься со всей накопленной за зиму силой навстречу жизни!

X X X

Апрельскими вечерами мороз всё ещё пытается ухватить зазевавшееся чудо весны и вернуть своё бывшее могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, а как-то наигранно, без присущего ему волшебства.

X

X

X

В детстве для радости не виделось никакой опасности: она казалась вечной. В зрелости человека всё чаще начинает будоражить память об этой радости, желание прочувствовать её вновь и понять, почему и куда она уходит. И он, нередко, обращается к природе, отправляясь именно в весенний лес, и часто всё увиденное там помогает ему преодолеть накопленную усталость и разочарование.

Но от чего же закрадывается в сердце человека эта безрадостность, когда, вроде бы, надо только жить да жить, до последней капли впитывая каждый отпущенный тебе день? Ведь в детстве чувство разочарования было так мимолётно, а теперь радость всё время приходится отстаивать, вернее, добираться до радости в себе приходится всё труднее и труднее, но когда, всё же, доберёшься до неё – она оказывается такая же чистая и трогательная, как в детстве.

Лишиться радостного удивления всем тем, что есть в этом мире, значит, потерять единственную и изначально дарованную возможность обрести правду жизни, а правда всегда требует неиссякаемой честности по отношению к существованию, неутомимого поиска сердечной радости в самом себе и окружающей природе.

X

X

X

Всегда весной почувствуешь мгновение, когда душа способна взвиться над травами и цветами, легко проникаясь всякой мелочью и сливаясь с ней, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды исчезает.

X

X

X

Весенняя рыхлая земля, только что вскрывшаяся от снега, будто продолжается в тебе нескончаемыми запахами и желаниями, тело от этого становится набухшим, как большая древесная почка, которая однажды лопается со звоном, и душа улетает куда-то в непознанную даль, возвращаясь порой только под осень.

X

X

X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробуждения, а наступает он всегда неуловимо, как будто невзначай. В лесу словно кто-то проснётся в один миг, так же мгновенно потянувшись, закружит голову ароматом, и взглянет вокруг серо-зелёными глазами неудержимой любви.

Кто пропустит для себя это время, останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?!

X X X

Пока всё в природе не слилось в одном цвете, самое время сказать благодарное слово весне, если не хочешь её в себе расплескать.

X X X

Иногда ясная солнечная погода в марте выстаивается так долго, порой – весь месяц, что возбуждение от всеохватной радости света, кажется, уже невозможно вынести, но истосковавшаяся по ослепительному теплу весны душа не отступает – всё дай сюда!

X X X

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить и показать человеку.

X X X

Живая ночь в весеннем лесу – это когда совершенно забываешь себя в ней, а она чувствует всё в тебе, и полностью доверяет.

X X X

Апрельский лес всегда раскрывает объятия для мужчины, если тот обратил к нему своё внимание, и великодушно дарит для его женщины букетик бархатной медуницы.

X X X

Для полной встречи весны мне, обычно, не достаёт журавлиного клика, и как только услышу это восторженное «курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла», так и успокоюсь.

Х Х Х

Весной чибис или ворона, расхаживая по открывшимся от снега полям, время от времени останавливаются и начинают притоптывать ногой, забавно встряхивая ею в воздухе... Так они, оказывается, имитируют приближение крота, сотрясая почву, и встревоженные черви тотчас выбираются на поверхность, становясь их лёгкой добычей.

Х Х Х

Не на шутку может растревожить сердце, по весне, душистая черёмуха. Разухабистая и белопенная, всего в ней в достатке, а больше - приворотного дурманящего зелья, от которого голова идёт кругом. Упаси Бог напиться её красой вволю – навек тогда в душе своей заплутаешь: так говорят знающие люди.

Но как не встрепенётся сердце при виде зацветающей черёмухи! Ни невеста уже, а вся в белом. Неимоверной чистотой окрыляют её тонкие кружева. Раньше всех других деревьев расцветает черёмуха, но делает это не спеша, как будто желая убедиться: не опередил ли кто её в наряде?

А уж причёскою и вовсе не с кем сравниться: распустит свои пышные пряди – будто одеколоном обдаст! Манит тебя самое душистое дерево с головой окунуться в свои ароматные кудри и насладиться белым пьянящим теплом. Так пахнет только она, черёмуха, но описать её чудесный аромат невозможно.

Х Х Х

Пахучие апрельские туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются в воздухе, наполняя живительным ароматом взбудораженные весной сердца; в густых же ельниках застревают надолго, и как будто ждут там чего-то глубоко желаемого, скрытого ото всех, но несбыточного.

Х Х Х

Ясным мартовским днём, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается весёлый жар. Кровь радостно ударяет в щёки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет.

Вот когда совсем забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончался, и солнце светило всегда безудержно, по-весеннему, и ветер не позволял облакам скрыть напружиненную от восторга небесную синеву. А как приятно чувствовать на этом ветреном и ярком солнце разудалую весеннюю жару!

X X X

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стёклам, но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чашу, и душа вдруг станет огромной, как лес.

X X X

Ещё с ночи из леса потянулся какой-то неясный шум: это лопались переполненные жизнью почки. Словно зазывные сваты они восторженно перешёптывались между собой, еле сдерживая себя, о чём-то совещались, а потом весь день молоденькие берёзки, осинки и черёмушки, подобно невестам, одевались прямо на глазах в светлые одежды, и тоже еле слышно радовались своему счастью, распространяя вокруг себя живительный аромат.

Так, незаметно, еле различимый, но трогательный шум от лопающихся почек постепенно превращался в зелёный неудержимый гул всеобщего праздника любви.

X X X

Из всех птичек, что радуют нас по весне – трясогузки самые бойкие. Именно они безбоязненно присаживаются на крыльцо лесной избушки, с любопытством заглядывая вовнутрь. Часто вздрагивая длинным хвостиком, птички поправляют на груди свою чёрную манишку и, быстро склонив голову на бок, посверкивают бусинкой-глазком.

Молниеносно оценив для себя обстановку, птички никогда долго не задерживаются на одном месте и устремляются дальше: невидимо семят крохотными ножками, ловко ныряют из стороны в сторону, и до того настойчиво попискивают, что кажется вот-вот вскрикнут: мы очень неустрашимые и смелые, но почему же тогда такие маленькие?!

X X X

Мужественно перезимовавший на ветке листочек всё равно рано или поздно обрывается, и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким буквариком, всматриваясь в который, все деревья будто заново постигают азбуку предстоящей им захватывающей жизни.

X X X

Согбенное под снежным гнётом молодое деревце обычно не распрямляется весной в один миг, после сильного удара по нему лыжной палкой, как об этом рассказывают досужие до всего люди. Даже Пришвин однажды не удержался, описав осуществлённое им подобным способом действие, якобы ловко выпростав из-под снега придавленную им берёзку. Деревце так и остаётся долгое время согнутым в три погибели, пока его, постепенно, не выправят весенние дожди и солнечное тепло.

Но бывает, снег всю зиму гнетёт верхушку молодого деревца, пригибает его к земле, и, обессилев, деревце, наконец, сдаётся и поникает. К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании.

И вот, в апреле, когда снег уже быстро сходит, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже неожиданно встрепенётся и обрадуется.

X X X

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле – просыпающаяся земля, а в мае – напоённый жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик, и так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё это радостное в природе возносит в голубеющую над лесом даль, распахивая перед тобой желанное оконце.

X X X

Иной раз выдастся такая весна, что и дрозд поёт сиротливо, как будто бы он один остался на весь промокший апрельский лес, вскоре часом простудился, засипел и постепенно вовсе умолк.

Но только подумаешь о весне плохо, как она возьмёт и огорошит тебя совершающимся повсюду торжеством! И ты, конечно, сразу простишь ей неприкаянную сиротливость, позабудешь обо всём худом, что породила временная природная неопределённость, и вдруг необыкновенно обрадуешься жизни, словно она ещё и не начиналась. И уж до самого лета будешь прославлять её, как тот самый дрозд-белобровик, что сначала не поверил в весну, а потом, как и ты, её полюбил.

X X X

Люблю примечать прилёт зябликов, когда снег в лесу не тронулся, следить, как они перепархивают, насвистывая в еловых ветвях, и

чувствовать, что во всём происходящем не хватает ещё какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна. Но маленькие птички своим присутствием будто обогрели зябкую пору, и всё вокруг вскоре задвигалось и заиграло!

X X X

Так яро и самозабвенно играют на току краснобровые тетерева, что маленькие берёзки по краям полянки, в нетерпении от происходящего, кажется, приподнимаются на цыпочках, и готовы вот-вот полететь над взбудораженными птицами, купаясь в ласковых лучах весеннего солнца.

X X X

Весенний цветок, пробиваясь из почвы сквозь старые листья, вопреки укоренившемуся заблуждению, не испытывает при этом никаких усилий: он переживает нетерпеливый восторг!

X X X

Как неясные думы дрожит над землёй знойное марево, а вместе с ним сама земля, лес, деревня, пашня, река за околицей, и всё это вместе, если взглянуть пристальнее, открывает нам разомлевшее тело потянувшейся ото сна весны.

X X X

Когда из коричневой почки проклёвывается зелёный клювик, на клювике этом повисает большая прозрачная капля, и всё вокруг как будто приподнимается на цыпочках, чтобы её выпить, в природе наступает самая трогательная и преисполненная жизненных сил пора.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распутившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в томящую безызвестность, которой нет конца.

X X X

Майский снег и нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего мороза и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как хоть и красивая, но пустая мечта.

X X X

С появлением парного тепла, исходящего от земли, как ни странно, пропадает особый весенний уют, вернее, его заволаживающая оголённость, что для русского человека представляется, пожалуй, ещё более трогательной и благословенной, чем сама весна.

X X X

Живёшь в мире людей - и тут тебе гордыня и благоговение, рабская покорность и воля, жадность, любовь и сквернословие, а войдёшь весною в лес – лишь одно чувство: смиренная радость!

X X X

Когда-то, в детстве, весной, я неожиданно открыл для себя необычное свойство хвойной смолы: если намазать ей кончик сухой еловой палочки и пустить на воду, то благодаря отталкивающему действию смолы - палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам. Соревнуясь между собой, мы – мальчишки, таким образом, запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на её осуществление.

X X X

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон. Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-дон-н!» До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё не проснувшейся радостной поры!

X X X

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и пурге, но почему-то рождается в сердце добрая печаль при виде одинокого весеннего цветка, пусть и прекрасного, и хочется, молча, опуститься перед ним на колени, нежно дотронуться рукой и улыбнуться.

X X X

Удивительное ощущение взаимосвязи дарят весеннее солнце с землёй, когда солнце освобождает землю от снега и наполняет её теплом, а земля, наконец-то отряхнувшись от зимней спячки, трогательно тянет к нему свои ладони, наполненные живительным цветом. И ты вдруг понимаешь, что в основе отношений между мужчиной и женщиной должно лежать такое же не оскорбляемое ощущение уверенности друг в друге, от которого рождается состояние бесстрашия перед самой жестокой жизнью.

Х

Х

Х

Разве передашь кому – что охватывает тебя при входе в сосновый бор, поутру, с мартовскими синими тенями от стволов, между которыми пролегли бороздки глухариных набродов! После того, как ты это увидел, в весеннем лесу, почему-то, начинает показываться ещё много такого, чего ты раньше вообще не замечал.

И тогда всё вокруг представляется чудесным: и снег, и воздух, и солнце, и глухари, которые только что были здесь, улетели, но ты не в силах сдерживать своего волнения от их недавнего присутствия... Нужно всегда самому, осознанно войти внутрь дикой природы, и открыть для себя её волшебство.

Х

Х

Х

Редко удаётся увидеть по весне лесного голубя-витютня, что обычно скрывается в эту пору в разлапистых ветках ёлки. Бывало, неожиданно послышится из лесу какое-то непонятное постанывающее воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица? Так проникновенно и гулко разносится её грудной голос, чем-то непонятным очаровывает и привлекает.

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то возникает совсем рядом. И вдруг, в каких-нибудь двух-трёх шагах, заметишь в ветвях дымчато-голубоватое оперение голубя, его надувшуюся гордую грудку, и поразишься неброской красоте птицы, что большую часть жизни держится над раздольными полями, а силу свою черпает в густом лесу.

Х

Х

Х

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: скоро весна! Но что послужило основанием такой убеждённости?

Может быть, синица, раньше времени, восторженно пропела под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё необычное, совсем уже не присущее зиме, появилось в утреннем воздухе,

угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же ... весна!

X X X

Бывало, подолгу вынашиваешь в себе какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то всё-таки не хватает, чтобы начать рассказ. Чего-то связующего, необычного, что могло бы озарить повествование обаятельной чёткой мыслью, может быть, даже открытием.

И вот, однажды, это маленькое недостающее открытие появляется в лице обычного дуновения весеннего ветерка, после чего всё накопленное до него знание, представляющееся до этого неинтересным, неживым, чудесным образом оживает, и тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, недостающая первая фраза.

X X X

Мой самый любимый месяц в году – апрель. Он смотрит на мир ласковыми глазами любви, в которой, кроме пронзительного солнечного света и отчаянной растерянности обессиливающих снегов, случаются и жестокие ветробои со снежной толчей.

И вспомнишь вдруг, как, не угасая, пробирался через всю зиму к себе самому, и верил в свой апрель, в тот радостный весенний день, когда от птичьих криков, солнца и звенящей капли переживаешь в сердце огромную любовь и силу, наслаждаясь неповторимым мигом апрельского просветления.

X X X

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда в воздухе пахнет сырой корой, распускающимися почками, и почему-то начинает казаться, что именно в эту пору наступает время человека: время для любознательности, обретения знаний и будоражащих душу сомнений, что помогают исследованию жизни. Это исследование позволяет однажды почувствовать вечность, как единственно верное и дорогое состояние души для её постоянного изменения к лучшему.

X X X

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробуждения, а наступает он всегда неуловимо, как бы невзначай. В лесу словно кто-то проснётся в один миг, так же мгновенно потянувшись, окружит голову своим ароматом, и взглянет вокруг серо-зелёными глазами неудержимой

любви. Кто их для себя пропустит – останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?!

X X X

В высоком апрельском небе, в окружении переливающихся зелёных звёзд, сияет полная луна. У самой опушки, напротив меня, замерли безмолвные большие осины, в верхушках которых спят глухари. И рядом - я, маленький, свернувшись клубочком в стожке сена, притаился у их подножия в ожидании рассвета, потому что мне очень нужно об этом всё знать.

X X X

Посещая годами глухариные тока, я не только научился различать в ночном лесу предметы, но постепенно пришёл к пониманию, что свет и тьма – не разные вещи. Тьма – есть минимальное количество света, так же как и свет – почти не воспринимаемая темнота.

И свет, и тьма – ступеньки одной лестницы, разница только в их количестве. Где нет света, нет и тьмы: в основе того и другого присутствует единая энергия, а она зависит от способности человека видеть. И всё это открылось мне благодаря нашему лесу, весне и собственной неутомимости.

X X X

Всегда жду весну, чуть ли не с осени представляю, как она нагрянет и вовлечёт всех в свой ослепительный круговорот, но при этом никогда не тороплю её, а дождавшись, не стараюсь оторвать больше себе, и тогда она сама неторопливо заполняет меня до краёв своим неиссякаемым богатством.

X X X

Однажды кем-то было сказано: вечность человеку не только недоступна, она ему просто не нужна.

На первый взгляд, вечность действительно не так необходима человеку, с головой погрязшему в перипетиях его настоящей и довольно непродолжительной жизни, но, несомненно, её невидимое присутствие, незаметно оказывающее своё воздействие. Чувство беспредельности и возможность в ней по-разному существовать всегда незримо проявляют себя в душе каждого, втайне настраивая её на самые неодолимые задачи. Чтобы постигнуть что-нибудь непознанное или даже недостижимое, человеку следует отвоевать свободную бесконечность своего неиспользуемого времени.

Новые открытия ждут только тех, кто в полной мере познал ощущение дарованной им вечности. Вечность невидимыми пальцами прикасается к

лицам тех, кто не устаёт смотреть на звёзды, ловя исходящий от них свет у весеннего костра, в потаённой лесной тиши. Только весной исстрадавшаяся по дальней дороге душа способна воспринять его для будущей нескончаемой жизни.

X

X

X

Розовеющий апрельский вечер, тишина... Сквозь старую прошлогоднюю листву повсюду пробиваются подснежники, в нос ударяет ароматной сыростью, а от парного воздуха, кажется, шевелятся и раскрываются почки.

Всё это - лучшая весенняя пора, которая называется в народе поэтично и просто - вальдшнепиная тяга. Над оттаивающей землёй, светлеющими верхушками осин и оврагом, неловко пересекающим поляну, проплывает молчаливая тень самки, а за ней, утробно хоркая и цвиркая, тянет самец.

Вскоре обе птицы, сбившись в комок любви, падают в кусты, время от времени вскрикивают там, а ты одиноко стоишь, смотришь на них, и отчего-то чувствуешь себя опустошённым...

X

X

X

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру...

Был ясный мартовский полдень, и выдра на солнце казалась неугомонным ребёнком. Она неутомимо забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлёпала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе и выдра использовала горку неоднократно: от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь.

С тех пор прошло немало лет, многое изменилось в моей жизни и в лесу, но я неизменно, по дороге на глухариный ток, захожу туда каждую весну, и прежде, чем выйти на берег, осторожно выглядываю из-за деревьев: а вдруг выдра опять там?!

X

X

X

Выкопали у меня однажды по осени все яблоньки, что так дружно однажды взялись, зашелестели и закудрявились, и пригорюнился я. А потом, с разочарованием в сердце, решил больше ничего не сажать, удовольствовавшись лесной чащей за околлицей.

Но пока длилась лютая зима, всё же, переживал, вспоминая про свои деревца, а как начал сходить снег, вдруг подумал: кто знает, не явится ли погубившее молодые деревья зло той причиной, которая зажжёт в моей душе

неувядающий сад? И в скором времени взял да и посадил на место, где выкопали у меня деревья, новые яблоньки.

Х Х Х

Гаснут в небе звёзды – и всё более разгорается в лесу птичье пение, будто просыпающиеся птицы – это потухшие небесные светила. Исчезнет одна звезда – и пробудится малиновка. Не станет двух звёзд – засвищет пара дроздов.

Слушаешь целое утро, смотришь, считаешь и только диву даёшься: сколько же их прилетает к нам на самом деле в это чудесное весеннее время! И все поют, радуют, да ещё выводят птенцов!

А наступит ночь – птицы, кажется, опять перебираются на небо: светят призывно, завораживают своей переменчивой тайной и томятся ожиданием первозданного утра.

Х Х Х

К началу весны снегири пересвистываются как-то по-особенному тоненько и изящно, будто серебряные ниточки между деревьями натягивают, так что если приглядеться, кажется, воочию начинаешь различать эти трогательные прозрачные струны.

Х Х Х

Всю зиму завывали в лесу злые метели и вьюги, стонали верхушки деревьев, трещали от лютого мороза скованные льдом озёра и реки. Все лесные обитатели попрятались кто куда, будто умерли, кроме вездесущих синиц и дятлов.

Но вот заройлся нагретый мартовский воздух, на южном склоне лога, под ёлками, зашевелился муравейник, и оказалось, что пережили зиму зайцы, глухари, тетерева и рябчики, выдры и лоси, волки и рыси, бобры, куницы и норки, поползни, белки, и все вместе возликовали от солнечного тепла и жизненной силы.

Х Х Х

Всегда бывает так: только в один какой-то год прилетает много скворцов, и селятся они по всем дворам, даже в самых заброшенных скворечнях. Год этот помнят меж людей, передают из уст в уста с какой-то грустинкою о неповторимом былом, в ущерб безрадостной обыденности, но, всё же, не оставляют надежду на дружное возвращение птиц, необыкновенно оживляющих весну.

Затем, к следующей весне, появляется лишь небольшая стайка скворцов, и это на всю деревню, а то и вовсе один-два, так что даже не каждый селянин их увидит. Несколько лет птицы могут вообще не показываться, как будто повывелись, и во всей природе без них воцаряется уныние: без скворцов весной не достаёт чего-то главного. Так, незаметно, в какой-нибудь невесёлый год, про них и вовсе думать забудут, не замечая даже зябликов и горихвосток, и уж когда окончательно душой упадут, разуверятся в жизни, скворцы вновь радостно известят хозяев о своём прилёте в каждом дворе.

Я обо всём этом думаю следующее: чтобы получить возможность встречать птиц каждую весну, причём, всей деревней, нужно каждому человеку, и каждый год стремиться к пониманию жизни. То есть - необходимо внутренне расти, неумоимо добиваясь способности видеть и себя, и природу со стороны. Как будто ты, наконец-то, так созрел, что вышел из себя и стал радостным скворцом, отчего мир расступился и наполнился необыкновенным счастьем!

X X X

Чтобы обворожить по весне свою подружку, лесной голубь сначала подыскивает для неё дупло, без которого она и не подумает остановить на нём своё внимание, затем заводит любовную песню, и когда голубица принимает его ухаживание и подпускает к себе, ласково разглаживает ей перышки и, наконец, вкладывает клюв в клюв.

X X X

Случается, что чомги, спокойно плавая и кормясь, вдруг взмывают над водой вытянутыми столбиками, чуть выгибаются и, вспенивая воду, будто бегут по ней, не теряя при этом равновесия и какой-то необыкновенной грации, что, как и поза птицы, поначалу остаётся непонятной...

Немного подумав, относишь подобное поведение птиц к строению их тела, у которого лапы значительно отнесены назад, и это не позволяет им двигаться по земле. Но в период брачных игр, когда самец преподносит самке в клюве пучок травинки для гнезда, он в порыве чувств занимает такое положение и, не имея возможности ходить по суше, бежит по воде, восполняя тем свой природный недостаток.

В этом желании понравиться столько приподнятости и восторга, что, глядя на охваченных страстью чомг, и сам невольно приподнимешься на цыпочки, но спохватишься, и - улыбнешься.

X X X

Тетерева токует так страстно, что, кажется, вот-вот что-то произойдёт: птицы задохнутся, взорвётся на тысячи звенящих осколков их неугомонный весенний дух, они сами вознесутся под небеса вместе со струящимся от земли играющим маревом, но ... ничего не происходит.

По-прежнему плывёт над полями жаркое, несравнимое ни с чем, тетеревиное бормотание: то вспыхивает на короткое время, то опять затухает, но продолжает литься, заполняя собой всё весеннее пространство. И вот ты уже сам начинаешь замечать в себе нечто необычное, бормочущее в душе, что приподнимает незаметно над землёй, и так же незаметно куда-то уносит.

А иной раз, сидя в избушке и слушая в открытую дверь, как поёт совсем рядом какая-то лесная птица, зачем-то возьмёшь в руки оброненное ей у крыльца перо, произвольно крутишь его в пальцах, и даже не заметишь, как лёгким перышком устремляется над весенней землёй твоя наполненная светом, бормочущая от счастья душа.

X X X

В глубине непроходимой чащи живут души множества птиц, зверей и растений, которые лес однажды забрал, спрятал там и никогда никому не показывает. Их можно только почувствовать, когда они весной, как дети, без спросу выбегают поиграть на укромные полянки.

X X X

Когда начинают набухать клейкие почки, и в воздухе разносится запах талой коры, повсюду ещё высятся сугробы, но как приятно сознавать, что под ними вот-вот зашевелиятся подснежники и своими нежными соцветиями раздвинут прозрачно-зернистые ледяные кристаллы!

X X X

Очень медленно, постепенно, истаивает весной ночной аромат, и даже когда день добрался до полудня, аромат всё ещё стелется у самой земли, жмётся в тени кустов, и как будто совсем не хочет уходить, но, всё же, с сожалением куда-то исчезает, так до конца, наверное, и не истрачиваясь.

X X X

Когда проходит последняя взволнованность от весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

Лето

Летом, над тихой уютной заводью, в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, хоть и необъяснимое, что хочется жить, угадывать его во всём, и ни о чём больше не думать.

X

X

X

Нередко бывает так, что кукушонок, оказавшись в чужом гнезде и быстро подрастая, выталкивает из него маленьких птенцов, и остаётся в нём один. Родители погибших птенцов продолжают его усердно кормить, пока он не вырастет и не улетит. Так природа, принося в жертву множество птичьих душ, заботится о своём здоровье: его призваны хранить прожорливые кукушки. Уничтожая в огромном количестве самых вредоносных мохнатых гусениц, которых не трогает ни одна птица, они приносят несоизмеримо большую пользу, чем загубленные ими славки, мухоловки или пеночки-теньковки.

X

X

X

При всей своей видимой неприступности, лес иногда способен глядеть на человека с особенным доверием, отражающим трепет его огромной, таинственной души. Но человек чаще всего ничего не воспринимает, и лес, огорчённый этим невниманием, надолго закрывает свои глаза. И тогда человеку отчего-то становится одиноко, и он начинает замечать в чистой воде отражение летающей стрекозы, и как от каждого растения исходит свой особый свет, и что над его головой проносится неслучайный ветер. А лес упорно молчит, думает и не спешит дарить человеку свою великодушную таинственную улыбку.

X

X

X

Много чудес встречается летом в лесу, и самое запоминающееся то, когда, обнаружив его, обо всём забываешь.

X

X

X

Войдёшь в июне в смешанный лес с еловым подростом, и ужаснёшься от обилия в нём комара, слепня и гнуса. Но стоит вступить в сосновый бор,

выросший на какой-нибудь песчаной гриве, и ничего этого там, к своему удивлению, не обнаружишь, а вскоре вообще позабудешь о надоедливых насекомых, как будто их и не было.

X X X

Ни одна черта в оляпке не выдаёт её пристрастия к воде, однако как ловко бегают она по дну ручья, выбирая при этом ещё и стремнину!

X X X

Что грезится в стране деревьев тем её обитателям, кто ещё достаточно не вырос по сравнению с великанами, что уже упираются в небо? И замечают ли их эти великаны, подступающие по ночам к звёздам? Наверное, все деревья, независимо от возраста, устремляются только к самим себе, и нет предела их подвижническому терпению.

X X X

Как хорошо становится на душе, когда в ночном лесу гукает над тобой большая невидимая птица филин. То нагонит, то надолго пропадает, а потом опять неожиданно появляется, и всё гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может отыскать. Сам ты тогда тоже невольно начинаешь угадывать в себе нечто таинственное и дорогое, что было когда-то утеряно, и ты не замечаешь, как летняя ночь, словно мать, потерявшая ребёнка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

X X X

Когда молодая зелень в начале лета ещё не закрыла собой прошлогодний мусор в лесу, и он неприятно цепляется и хрустит под ногами, всегда почему-то и в себе обнаружишь что-то ненужное, оставшееся после зимы, и даёшь себе слово как можно быстрее избавиться от него.

X X X

Случается, буря повалит какую-нибудь ель прямо поперёк тропы, и вывернутые вместе с дёрном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъярённый медведь. С опаской обходишь такой вывороченный корень, и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул в твою душу, предрёк нечто ужасное.

Но ты всё равно продолжаешь свой путь, зная, что старое, изрядно изломанное грозой дерево в своей борьбе за жизнь нередко проживает более насыщено, чем молодое и здоровое.

X X X

Каждая птица, дерево, цветок или зверушка тянутся ко мне в лесу рассказом, ищут меня и как будто подсказывают, что всё замечательное в них давно уже есть, и ничего не надо выдумывать.

X X X

Летней ночью берёзы изливают какой-то иной, сокрытый в дневную пору свет, и становятся от этого ещё ближе.

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём, кажется, с самой весны, но, не досказав, вдруг угаснет. Посмотришь туда - и подумается: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени, и не в силах противостоять – без особого сожаления уступило.

X X X

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются кувшинки белых лилий, но он пропускает это трепетное движение природы, без которого ему, ни за что, не разглядеть своего счастья.

X X X

Зима ещё тужилась январскими морозами, а душа, между тем, желала ослепительного марта, когда же в лесу потеплело, и во всём почувствовалась весна – в ней уже совершался счастливый поворот на лето. Теперь на дворе стоит батюшка-июль, но я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый октябрь?!

X X X

Лето с великой щедростью, кажется, очень просто распахивает для всех свои зелёные одежды, но ничего при этом не обещает. Всё, что сокрыто под его таинственным покровом, лишь помогает сберечь в душе завораживающую тягу к жизни.

X X X

Бывает, так хорошо станет летом в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть ли не дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь от неё светлой и чистой сказки.

X X X

В труднейшей борьбе за главное дело своей жизни как-то незаметно перестаёшь замечать бегущие по небу лебяжьи облака, вольный ветер и дождь-ситничек пополам с благостным солнышком, но вся природа, ещё более проникновенно, возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы.

X X X

Так просто и ясно воспринимается, что воздушные, кажущиеся невесомыми в выцветшем за лето августовском поднебесье тучи могут греметь!

X X X

Придя раздольной летней порой в лес, не спеши никуда, а присядь где-нибудь на пенёк, соберись в себе до конца, и тогда, может быть, угадаешь адресованный только тебе тоненький голосок невидимой ароматной хвоинки...

X X X

В лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут по небу быстрее облаков, вместе с неудержимым августовским ветром.

X X X

Слепой солнечный дождь не занимается по несколько раз на дню, или — неоднократно, в течение всего лета, как обычный, так, что на него уже не обращаешь внимания, а только однажды, наедине с самим собой и природой, убажывая своей ослепительной негой самые чёрствые души.

X X X

Аромат цветка будит у любого живого существа если не мысль, то хотя бы приятное переживание.

X X X

Дождь в июле только брызнет, прильёт пыль, слегка смочив кусты, и ... опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нём мудрость.

X X X

Всегда почему-то кажется, будто лесной паук в чём-то имеет преимущество над простым, домашним, и оттого к последнему относишься с некоторым пренебрежением, даже с брезгливостью, когда заметишь его, скажем, в бане, а повстречав в летнем лесу умело растянутую, в капельках росы паутину, обходишь её с уважением, стараясь не зацепить.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка красноватой, но вот случится вдруг увидеть её летней ночью зелёной, свет от неё заберётся к тебе в душу, и нащупает там неведомые ранее мысли и чувства.

X X X

Сладкое слово «земляника», если вдуматься, происходит от довольно обиденного и невкусного «земля», но с каким удовольствием мы его произносим!

X X X

Отправляясь ранним утром в лес – радостней всего сознавать, что он не скоро кончится, и будет длиться целый бескрайний летний день!

X X X

Пронизанные игрой летнего солнца капли смолы не напоминают слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа, его густой и терпкий аромат.

X X X

Если прислушаться летом - о чём рассказывает каждая травинка, цветочек или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X X X

Люблю, когда вечерние тени в летнем лесу не сливаются одна с другой, а ночь подступает крадучись, неспешно, чтобы ты так же, потихоньку, проникся своими самыми сокровенными за день переживаниями, и незаметно перенёс их в чудесный вещий сон.

X X X

Даже самый маленький летний ветерок не бывает случайным.

X X X

Летний дождь – это восхитительная паутина звуков, красок и радости, которая нежно обволакивает человека, когда он заслужил её и меньше всего ждёт.

X X X

Только на первый взгляд кажется, будто бесчисленные полянки заплутали в наших необъятных лесах, а они просто ищут друг друга, но не находя и не встретившись, всё равно как-то очень светло, но незаметно, радуются...

X X X

Сколько в лесу цветов, и разве посмотришь на них всех сразу! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть свою душу, но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов остаются безвестны – и опустишься перед лесом на колени.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распутившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же отрываюсь в сентябре и опять уношусь в томящую безызвестность, которой нет конца.

X X X

Деревенское счастье – возможность рано поутру отправиться в сказочный летний лес!

X X X

При мысли о голубом васильке – слегка улыбнёшься, а вспомнишь полевую ромашку – и весь изнутри засветишься.

X X X

Венок радости плетётся летом из самых красивых соцветий окружающего мира, но всегда в собственной душе.

X X X

Ласточка бросается из своего гнезда в беспосадочный полёт за кормом для птенцов.

X X X

Иной раз обрадовано уверуешь: нет летом ничего прекрасней шелеста травы и листьев на лёгком ветерке... Но вот вдруг выдастся трепетное затишье, предшествующее ему, и всё в душе смутится от нерастратченного чувства нежности к тому, что его порождает.

X X X

В разомлевший июльский полдень, после дождя, на какой-нибудь старой валёжине нередко можно увидеть крохотные беловатые яички... Это – неутомимые мураши раскладывают их для просушки.

Продолговатые и аппетитные – яички оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг, и при малейшей опасности очень быстро прячут. Только что вся колода была усеяна нежно-молочными, лакомыми зёрнышками, а через какие-то мгновения уже ничего нет: и без того многочисленное семейство, в первую очередь, хлопотливо заботится о своём потомстве.

X X X

Менее всего меня занимает в лесу цветущий луг с бабочками, а больше – сырая темнота оврагов и нетронутая хвойная глушь.

X X X

Ранняя весна хороша тем, что только начинает долгую пору радости, которая затем длится всё лето, а завершается лишь с началом пышного осеннего увядания.

X X X

Из-за обилия впечатлений в летнем лесу часто случается, что мыслей в голове рождается сразу много, они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и улетают, так до конца и не оформившись, а надо выбрать только одну, заняться ею и тотчас все остальные остановятся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

Редко, когда обратишь внимание на то, как неустанно кукует в летнем бору кукушка, но обязательно насторожишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подала свой голос.

X X X

Затерявшийся в лесах куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными в коре и корнях. Наверное, радость от притягательности красивых ягод, которые так и хочется сорвать в жаркий летний полдень. И ещё - какое-то необыкновенное, переживаемое с детства знание, почти уверенность, что волки плетут с лыка кустарника сказочные корзинки, и ходят с ним по грибы и ягоды...

X X X

В июльский вечер, когда всё вокруг утомлённо дышит жаром, только души деревьев льют сдержанную прохладу и успокоение.

X X X

Обыкновенный комар, что доставляет нам летом массу хлопот, на самом деле очень значителен. В считанные дни он возвращает растениям еду, которую уносит из земли талая вода, насыщая воздух недостающими микроэлементами, без которых теряют силу и травы, и цветы, и деревья, сам при этом оставаясь кормом для птиц и рыб, питающихся комариными личинками. А в тундре или северной тайге, где шмелей и пчёл не густо, комар, испачкавшись в цветке пыльцой, опыляет растения.

С комаром в народе связывали только добрые приметы: появился комар – пора рожь сеять, нет комара – и овса не будет, устроили насекомые в воздухе толкотню – к вёдру. Мал малышёк, хоть и буян на носок, да зато песенкой звонок!

X X X

Именно ласточки, первыми улетаая на юг, уносят с собой восторженный звон лета, его восхищённую отрешённость и младенческую весёлость.

X X X

Нарядные шмели в начале лета поначалу кажутся вальяжными вельможами, что очень заносчивы и никого вокруг не замечают, но, присмотревшись лучше, вдруг с удивлением открываешь в них милую обходительность, с какой они пристраиваются к медовым чашам.

X X X

От зари до зари светит нам летом солнце, но небо бывает при этом разным: предзвездное – обычно нежно-зелёное, чуть розоватое, днём – чистое золото, а вечернее – оранжевое или ярко-красное.

X X X

На земле существует около трёхсот тысяч видов трав и цветов, которые человек изучил и придумал им названия, не зная в то же время, как они называются на самом деле. Каждое растение своеобразно и хоть чем-нибудь да отличается от остальных. Но поражает более иное: наверняка Творец, всё это создавший, знал, что творит, совершенно чётко представляя себе образ ромашки, василька или георгина. Ведь не могли все растения стать такими, какими мы их знаем, сами, постепенно, пусть даже в длительном – много миллионов лет – процессе эволюции, ни разу при этом не повторившись!

А теперь попытаемся себе предположить возможности этого Творца, его воображение, глубину и мощь замысла, добавив к бесконечному перечню растений не менее многочисленные виды насекомых, птиц, рыб и зверей!

X X X

Самый жаркий зной летом – земляничный!

X X X

Утка, как старинный утюжок, гладит летнюю поверхность озера, превращая его в безукоризненно чистое зеркало.

X X X

Десятки раз меняя за лето свои оттенки, зелёный цвет к осени иссыкает и просто желтеет.

X X X

Ни про один гриб, кроме сыроежки, не скажешь, будто он повязал яркую косынку.

X X X

Земное подобие Вселенной - тишайшая и таинственная чаша лилии, что имеет, несомненно, божественное происхождение. Раскрылась лилия - и всё царство загадочного небесного мира как на ладони, сомкнулись лепестки - и опять воцаряется первозданная чистота и мудрость бездонного звёздного пространства.

X X X

Отъевшиеся за лето утки проносятся над головой со свистом, а в воду – шлёпаются.

X X X

В лощинах, где теряется солнечный луч, раскидывает перистые листья чудесный папоротник – ключ к отысканию кладов, по древним народным поверьям. В ночь на Ивана Купалу ходили смельчаки за его волшебным цветом и не могли найти, объясняя свои неудачи вмешательством леших и ведьм. В своём воображении я тоже отправляюсь сказочной ночью в лес, и ищу огневой цветок папоротника, который вот-вот должен появиться и зацвести. Но он почему-то никак не показывается, хотя и сильно ощущается где-то совсем рядом, близко.

Там и днём сумрачно, а полная темнота наступает незадолго до полуночи, скрывая даже белые стволы берёз. Ходишь, ищешь и всё не можешь отыскать волшебства, которое, кажется, почти нашёл. Что-то ещё более значительное, чем трепещущий в ночи очарованный цвет, не допускает тебя к этой ослепительной тайне.

X X X

Камни на дне потаённых лесных ручьёв всегда смотрят на склонившегося над ними человека открыто, но очень целомудренно.

X X X

Всего лишь месяц проходит после торжества глухариных токов, когда, казалось, для тебя не существует в жизни ничего, кроме этого весеннего возбуждения, затмившего самое дорогое, а только забываешь в макушку лета о весне, наслаждаешься его великодушным жаром и летишь над тёплой землёй, уже не помышляя ни о чём.

X X X

В фиолетовых колокольчиках отстаивается нежная лазурь утра, зреющая синь дня и сгущающийся лиловый вечер.

X X X

Крылышко стрекозы прозрачно и хрупко, а между тем – всем открыто.

X X X

Послушай хотя бы один вечер, как переговариваются между собой на лесном озере гуси, и ты непременно проникнешься важностью их беседы.

X X X

Лепестки ромашек, будто реснички, ближе к вечеру, кажется, удлиняются, загибаются на самых кончиках и осторожно прикрывают уставшие за день желтенькие глазки.

X X X

Чёрные жуки в своих обтекаемых панцирях похожи на чопорных господ в смокингах, сине-зелёные сухие стрекозы напоминают балерин в прозрачно-блестящих пачках, мохноногие пауки – волшебные чудища с восемью глазами, а улитки-невидимки со спиралевидными, тонко вылепленными домиками-кувшинками, будто заколдованные злой принцессой дворцовые слуги... И все они – герои чудесной сказки, в которую, как в детстве, до сих пор страстно хочется попасть и быть ей очарованным.

X X X

Огромные, похожие на слоновьи уши, листья лопуха на ощупь тёплые и очень нежные.

X X X

Несмотря на то, что летом хватает тайны – и в ранних восторженно-проникновенных восходах, и в неописуемо очаровательных розовых закатах, которые не хочется упускать, и в слепых солнечных дождях, осеняющих землю ещё более золотистым живительным светом, только зимой тайна по-настоящему необъяснима. Она так сказочно обворожительна и загадочно тиха, что кажется, будто постоянно находится рядом, всё о тебе и всех знает, но не спешит себя проявлять, как бы предоставляя возможность самому постигнуть её завораживающую глубину.

X X X

Июльские стога чутко хранят в себе память всех цветов и навевают светлые думы, которые проплывают над тобой, как облака, если упадёшь в стог навзничь.

X X X

Поршки всех птиц, как и дети у людей, удивительно доступны в своей трогательной доверчивости, и совсем не хочется, чтобы они росли и крепили, всё более отдаляясь от любознательного человека.

X X X

Прелесть сбора грибов, заключающаяся главным образом в неожиданном обнаружении, под стать их появлению в самых непредсказуемых местах.

X X X

Пижда, вроде бы, отошла, стебель и листья её пожухли, покрылись за лето обильной пылью, особенно – вдоль лесных дорог, но жёлтенькие бутончики только набирают цветосилу и поднимают к небу новые гроздья ярких маленьких солнышек.

X X X

Даже июльский зной не в силах помешать желанию осинки укромно шевелить своими трепетными листочками.

X X X

Тёплое тетеревиное перо в жаркий августовский полдень приятно холодит ладонь.

X X X

Сколько уж лет прошло, а всё хочется, как в детстве, спрятаться в траве, затаиться в ней и, слушая звенящую тишину летнего полдня, мечтать о том замечательном, что тебя обязательно ждёт и никогда не минует.

X X X

Многим представляется, что неугомонные воробьи избалованы жизнью, которая бьёт в них ключом: везде им дом и дол. Но присмотревшись пристальнее – убеждаешься: маленькие птички вынуждены быть вездесущими, чтобы хоть иногда потешить себя лишней крошкой или семечком.

X X X

Всего лишь птичка-кроха пискнет за густым переплетением ветвей, но зачем-то начинаешь подбираться к ней потихоньку, терпеливо высматриваешь и сразу обо всём забываешь.

X X X

Чарующие сине-голубые цвета – это и мартовское небо, и трепетные кустики вероники вдоль июньских дорожек, и нежные крылышки бабочки-голубянки, порхающей всё лето над цветами, но невозможно выразить только через голубизну всю пронзительность влюблённой в жизнь души...

X X X

Манера охоты у стрижей и ласточек одинакова, но первые – стремительны, а вторые отличаются юркостью.

X X X

Идя однажды рождественским вечером по упругой деревенской дорожке с вёдрами к колодцу, я вдруг почувствовал нерасторжимую связь зимы с летом, их восхитительную слитность, и тотчас представил себе летнюю тропинку, которая так же легко, как и в светлый зимний праздник, приподнимает тебя над землёй.

X X X

Цапля, предпочитая скрытный образ жизни, так устроена, что испугнутая – не вылетает, а вымахивает на широких крыльях из прибрежных зарослей камыша и рогоза, будто бросая вызов окружающему её вольному пространству, и сразу представляется торжественной птицей. Но затем, будто спохватившись, совершает один размеренный взмах, другой, и – ах: полёт её быстро приедается и теряет свою красоту.

Размеренность в движениях цапли – не следствие её значительных размеров, а скорее – результат осёдлости, неторопливого образа жизни в царстве необозримого множества мелких речек и болот, где ей суждено всё лето быть собой – загадочной и странной, зато – подкупающей этой своей непохожестью ни на кого.

X X X

Когда скворцы покидают скворечники и перебираются ближе к лесу, в огороде становится так тихо, будто бы кончилось лето. А оно ещё только началось...

X X X

Летним вечером, на лугу, начнёшь подбираться к коростелю на его скрипучий голос – и он сразу смолкнет, а повернёшься спиной – снова заскрипит, и ты в очередной раз переживёшь удивление от чуткости этой скрытной птицы, которая, по народному поверью, даже на юг отправляется только ночами, пешком, и в одиночку.

X X X

Однажды на охоте, в жаркий августовский полдень, вдруг так пересохло в горле, что я от души напился прямо из болота...

X X X

Когда цветок ландыша раскрывается, он склоняется к земле и становится очень похожим на маленький колоколец, оповещающий о себе июньский лес волнами тонкого аромата... Но вот на юге России в нём увидели ланье ушко, на севере – лесную лилию, на Волге – воронец или ландушку, в Калуге – заячью соль, а на Смоленщине – собачий язык!

X X X

Иной раз не покидает ощущение, будто горячий июльский ветерок, прорываясь сквозь зелёную чащу, остывает.

X X X

Утренняя заря словно омывает душу своей первозданной чистотой, переполняя её несказанным восторгом, а первая, вспугнутая тобой, птица в считанные мгновения её успокаивает.

X X X

Берёза – одно из самых красивых деревьев в нашем лесу: на утренней заре она выглядит розовой, к середине дня становится ослепительно белой, вечером – голубеет, а когда ночью волшебный луч луны нежится на её стволе, кажется, что она светится изнутри серебром!

X X X

Маленькая рыжеватая пустельга то чуть ли не касается травы острым крылом, то, отброшенная ветром, исчезает в вышине, а остановившись в воздухе, пристально, но без надменности разглядывает тебя и, сжав своим когтистым взглядом, забирает с собой в бездонное августовское небо.

X X X

Золотистый зверобой и фиолетовые колокольчики, дождавшись, наконец, своего часа, с нескрываемым удовольствием утверждают в течение всего лета одно из самых дивных цветковых сочетаний. Милые ромашки и застенчивые васильки вторят им добрым согласием...

X X X

Иду по лесу, а вокруг - птицы, звери, деревья, кусты и насекомые, травы с цветами, и все видят, слышат и понимают меня.

X X X

Только упав навзничь в траву и раскинув руки, возносишься в бездонную июльскую синеву: ты стал величиной с небо, а небо – с тебя!

X X X

У распустившегося шиповника и запах пунцовый, а цвет – сахарный, даже приторно-сладкий...

X X X

Невесомых комариков, с тонко звенящей музыкой всё лето вьющихся над землёй, следовало бы прозвать ещё изящнее – звонцами.

X X X

С детства помню душистое тепло нагретой солнцем земляники, жгучую боль от укуса пчелы в ладошку, аромат опавших яблок в бабушкином саду, и совершенно забылись все обиды, какими бы несправедливыми они тогда ни казались.

X X X

В самый разгар лета к удивлению своему иногда замечаешь, что лунный свет чуть подогревает воздух, но как только светлый диск заволакивают тучи, он в мгновение остывает.

X X X

Бывало, в детстве спрячешься в кустах смородины, разросшейся у старого покосившегося забора, или в цветах под окнами дома, и чувствуешь себя счастливым.

X X X

Каждый уголок в летнем лесу – заветный, потому что полнится жизнью.

X

X

X

Я полюбил лето за его восхитительное раздолье и нескончаемость, которые с наслаждением переживаешь в его роскошных недрах, несмотря на сенокос, бесконечную прополку и полив.

X

X

X

Идите в начале лета на лесную полянку, садитесь и смотрите: в обрамлении золотистого солнечного света вы увидите волшебные травы и цветы, о существовании которых даже не подозревали, живя совсем рядом. Быть может, однажды вам посчастливится встретить свой цветок...

X

X

X

После того, как лето миновало свою макушку, дни зарождаются как-то безмолвно, вяло, и долгое время непонятно: каким оно ещё будет?

X

X

X

Все цветы, кажется, внушают нам одно и то же состояние – наслаждение. Но вот приглядишься – и постепенно откроешь, что каждое растение сообщает какое-нибудь своё чувство: ромашка – надежду, василёк – непокорность, колокольчик – негу, а фиалка – тихое волшебство!

X

X

X

Ловит луговая стрекоза своё отражение в водах реки, а в глазах её – всё июльское небо!

X

X

X

Оживлённее всего мелкие певчие птицы подают свои голоса, как ни странно, на деревенских кладбищах.

X

X

X

По красивому народному поверью, на исходе лета, в одну из ночей выходит на берег лесной реки какой-то небывалый лось, опускает в воду свои раскидистые рога, и вода вмиг остывает, а сердце зверя наполняется

невероятной силой... Так начинается в притихшем лесу последний праздник звериной любви – осенний гон.

X X X

Нет в природе ничего трепетнее и чище, чем голоса птиц, что просыпаются первыми.

X X X

Лиловые колокольчики задорно толпятся, еле сдерживая себя, перешёптываются меж собой, кажется, вот-вот зазвенят, глазастые же ромашки с нескрываемым любопытством привстают на цыпочки и изо всех сил тянутся вверх, будто желая что-то там рассмотреть... Глядя на эти цветы, хочется выйти к ним на луг, засмеяться от переполняющей радости и запеть весёлую песню!

X X X

Летом засохшая смола, стекающая по шероховатому стволу необъятной ели, устремившейся ввысь, в первое мгновение воспринимается как мёд.

X X X

Всегда с затаенной грустью улавливаешь наступление той поры, когда сквозь пышную зелень и щедрый солнечный жар вдруг явственно проступают первые пряди осени, и случается это всегда с липой...

X X X

Неугомонные летние облака, как муравьи, спешат куда-то по небу, и несть им числа, а ты всё глядишь на них и не можешь наглядеться.

X X X

Морозные узоры на окнах не случайно напоминают травинки, листья, ветви и целые лесные заросли... Так, наверное, вода вспоминает суровой зимой о чудесном лете.

X X X

В конце лета, когда многие птицы готовятся к отлёту, а иные уже улетели, притихшие сады неожиданно оживляют дрозды: они шумят по-весеннему рассыпчато, весело и дружно.

X X X

Прилипшее к тростинке крылышко стрекозы, кажется, неслышно допевает мелодию уходящей летней поры...

X X X

Конечно, не слышишь шелест распускающихся цветов, и даже не всегда чувствуешь, как это происходит, но так хочется быть ближе к природе и ещё более тонко её понимать!

X X X

Конец августа... Ещё перебегают по дорожкам, смешно семеня тоненькими лапками, вездесущие трясогузки – очень изящные и милые птички, и когда они трепетно вздрагивают своими длинными хвостиками, торопливо чистят перышки и бросаются с лёта в лужи, то кажется, что лето ещё и не кончалось, а осень никогда не наступит.

X X X

Когда поющий жаворонок взмывает всё выше и выше, то бескрайняя синева молчаливого неба становится кричащей!

X X X

Меня несколько не удивляет, что у грибов есть любимые места, на которых они рождаются непременно каждый год, в большем или меньшем изобилии.

X X X

Трудно поверить, что голубое соцветие известного всем цикория, который знаменует своим цветением середину лета и цветёт потом до первых заморозков, живёт около четырёх-пяти часов, с раннего утра впитывая синеву неба и постепенно бледнея к пасмурному полудню... И так, незаметно для человеческих глаз, каждый день появляются всё новые цветы,

сначала вбирая краски, а затем отдавая их, что создаёт ощущение бесконечного летнего праздника.

X X X

Тень от высоко плывущих в августе облаков ползёт по лесу, медленно перемещается с поля на бугор, и в душе отчего-то пробуждается удивительно приятная покорность ко всему, что происходит в природе.

X X X

Малиновый жар лета слаще всего ударяет в голову в душных логах и заросших оврагах, куда нетерпеливо спускаешься за сладкой лесной ягодой, жадно вдыхаешь её аромат, отправляя в рот целыми горстями, и подниматься уже не хочется.

X X X

Летним вечером, после заката, в воздухе долго бродит тепло, тыкается в окна, сени и ограду, как будто не зная, куда себя ещё деть. И даже когда зажигаются звёзды, накопленный за день жар не угасает, а поднимается в небо и согревает их мерцающий далёкий свет, отчего звёзды начинают казаться земными...

X X X

Идёшь за грибами и под каждой елью воображаешь семейство крепких боровиков. Неумоимо заглядываешь под еловые лапы, тешишь себя предощущением желанной находки, а там только таинственная пустота. Наконец, попадаетесь такая старая красавица-ель, что уж, кажется, она-то не может не скрывать в своей укромной тени хотя бы один белый, но и под ней ничего нет...

«Вот те на!» - восклицаешь в сердцах после очередной неудачи, совсем отчаявшись отыскать желанный гриб. А находишь его неожиданно возле какой-нибудь неказистой высохшей ёлочки, которая незаметно становится для тебя самой красивой и дорогой.

X X X

Зацветают по лесам липы, пахнет липовым мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты этого даже не замечаешь.

X

X

X

Обычно безболезненно переживаешь пору сенокоса, когда в лесу, на покосах, полно людей, зверя и птицы не видно, да и грибы с ягодами ещё не поспели... Но так захочется иной раз открыть свою душу таинственной лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июньским полднем в лес, и, совершенно забывшись там, вдруг заболеешь этим околдовывающим царством буйных трав, цветов и теней.

X

X

X

Преисполненный довольства августовский ветер, от избытка радостных ощущений, часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

X

X

X

Летним утром, на приятном солнцепёке, никогда не помыслишь о пронизывающей метели или жгучих сугробах, и только наслаждаешься раздольем этой жизни, которая как будто остановилась в продвижении вперёд, и всю свою силу сосредоточила на росте к солнцу. Всё радуется, тянется вверх, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращая душой к солнечному свету, что в стократ умножает её тепло для всех живущих на земле.

X

X

X

Всегда почему-то стремишься в мечтах к какому-то неведомому, скрытому от глаз людей лесному озеру, к которому они, обычно, испытывают суеверный страх. По берегам его живут дикие звери и птицы, бесконечным ковром расстилается морошка с брусникой, а вокруг витают злые и добрые духи. Никто не знает его названия, озеро защищено дремучими лесами, и вода в нём всегда чёрная и спокойная. В этом озере водятся пудовые старые щуки и караси с локоть, но никому ещё не удавалось их поймать.

Хорошо бы побывать там, взглянуть хоть одним глазком и ничего не тронуть. А потом зачем-то вспоминать и рассказывать о том, как это далеко и что туда почти невозможно добраться, но вот тебе каким-то чудесным образом, всё же, удалось.

X

X

X

Прекрасная летняя ночь - благодатное ложе разгулявшемуся за день вольному ветру, где он в полном довольстве забывается в обнимку с божественной зарёй...

X X X

В природе почему-то преобладает золотой цвет, составляющий суть вытканной утренним светом молодой зари, спелой пшеничной нивы, солнца, месяца и звёзд, волшебного грозового огня, низвергаемого с неба в виде ослепительных зарниц, и воды, отражающей весь этот золотой мир.

X X X

Люблю лето за потаённость тенистых аллей и опушек, где, кажется, никого нет, но всё-таки кто-то присутствует...

X X X

Среди стрекоз встречается такой вид, как «красотка-девушка», и это поистине сказочное создание с тёмно-синими хрупкими крылышками, чрезвычайно изящным тоненьким телом, отливающим чарующим блеском, длинными грациозными ножками и огромными глазами, - ничего не стоит поймать.

X X X

Медленно заползает в дом июньская ночь, сколько её не стереги – не заметишь. Не то, что в ноябре, когда в ней – как в мешке. За ночью в июне – что за годом, у него её, кажется, и вовсе нет.

X X X

Бывало, идёшь летом елово-пихтовым густым лесом и не чуешь его скрытого дыхания. Но вот в каком-нибудь укромном уголке вдруг пахнёт хвойным жаром и вмиг околдует.

Остановившись, растерянно присядешь на пенёк и жадно вбираешь живительный лесной аромат... Так, потаённо, бережёт чаща свой вековечный целительный дурман.

X X X

Потаённая гладь лесного озера - будто отражённое в зеркале небо, на котором плавают дивные белые звёзды – кувшинки. Чуть набегут тучи – лепестки звёзд сразу закрываются и тонут, выглянет солнце – прекрасные бутоны всплывают и распускаются, словно улыбаясь. Как хорошо, что обычная земная красота вдруг воспринимается небесной, и от этого представляется недостижимой!

X X X

Сине-зелёные, с прозрачными крылышками стрекозы доверчиво присаживаются на выгоревшие за лето головы и загорелые руки деревенских мальчишек, сидящих с удочками у реки...

X X X

Каждый раз как будто навсегда теряешь родное лето, но всякий год оно возвращается.

X X X

Только бабьим летом, в отличие от июня, июля и августа, солнце становится по-особенному спокойным и добродушным.

X X X

Пара чирков-свистунков прочертит зеркальную гладь лесного озера, шумно взмахнёт крыльями белая цапля, напугав выводок отъевшихся за лето крикуш, и опять воцарится покой, чутко поджидающий подлёт следующих уток: безмятежное летнее состояние, что не предполагает какую-либо тревогу, а только размеренную вольную жизнь...

X X X

Когда цветёт земляника, в лесу ещё нет такого обильного и высокого разнотравья, которое мешает различать отдельные цветы. Старые, протоптанные с осени тропинки не заросли, и ходить по ним очень приятно, с удовольствием разглядывая аккуратные беленькие цветочки с жёлтой сердцевинкой. Всё в природе чисто, доступно, необременительно, и, любуясь на цветущую маленькую земляничку, за листьями которой и пришёл в июньский лес, чтобы заваривать потом с ними чай, будто уже пьёшь этот живительный напиток природы, незаметно обретая жизненную стойкость и красоту.

X X X

Омытый дождём сад почему-то сразу напоминает утраченное детство, и благодаря именно этому саду, посвежевшему и чистому, ты, как в детстве, впервые открываешь для себя существование неведомой природы.

X X X

Помнится, в детстве мне не составляло никакого труда выхватывать из травы за яркие головки вёртких ужей, безбоязненно помещать их за пазуху и чуть ли не весь день носить так в рваной майке, время от времени вытаскивая их извивающиеся тела и пугая ими девчонок... Углядев же однажды в зрелом возрасте безобидно свернувшуюся на пеньке змейку, мгновенно пережил липковато-отталкивающее, неприятное чувство, которое ещё долгое время возбуждало в душе суеверный ужас.

X X X

Отцветает шиповник, сыплет на землю свои роскошные душистые лепестки, а его пунцовые плоды только наливаются летним жаром и зреют.

X X X

Дружно жужжат пчёлы в густой, как мёд, июльской тишине, и в какой-то миг подступает такое упоение от всего происходящего вокруг, что не нужно уже никакой воли, как весной, а только бы лилось и никуда не утекало это безбрежно дурманящее сладкое лето.

X X X

Полынь горька, сиротливыми кажутся её заросли вдоль пустынных лесных дорог, она не обладает таким ярко выраженным ароматом, как липа, лабазник или мята, но попробуйте угадать её запах, приблизив растение к себе, и вы будете повергнуты множеством его самых разнообразных оттенков!

X X X

Радостно сознавать, что и жаркая темнота еловой чащи, и нежная бабочка-голубянка произошли от одного и того же.

X X X

Порой, созерцая обыкновенное распускание цветка, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме как – чудо!

X X X

Однажды летом неожиданно для себя почувствовал, что человеческая душа бывает наиболее свободной не в открытом поле или на берегу реки, а почему-то только среди деревьев, и именно в лесу.

X X X

С детства принимая и понимая мир как обаятельный и радостный, призванный удивлять, приносить незабываемое и несравнимое ни с чем удовлетворение, когда только счастливо созерцаешь и воспринимаешь все вещи такими, какими они существуют, я и в зрелом возрасте, как бы меня не пытались запутать, представляю всё точно так же, по-прежнему... И если вижу, как роскошным летним днём золотая пчела утопает в цветке, неспешно копошится в нём и от этого цветок слегка покачивается на тонкой ножке, а воздух вокруг полнится её волшебным жужжанием и томным ароматом распускающихся трав, - опять чувствую себя необыкновенно счастливым, без оглядки радуюсь и будто лечу.

X X X

Когда приходит лето, кажется, что оно невозмутимо воцаряется на целую вечность!

X X X

Что за восторг шагать выбеленной от жара июльской дорогой, будто вытянутой пастушьим кнутом среди колосющейся ржи, перепрыгивать через небольшие канавки, обрывать васильки, пробуя их на зуб, тут же весело сплёвывать, жмуриться от разошедшегося солнца...

Но вот слышится конский топот, и ты сразу спрячешься в поле от встречного проезжего, переждёшь, когда осядет пыль и, выбравшись на обочину, уж не скачешь, не срываешь васильков, а идёшь разомлевшей дорогой степенно и раздумчиво до самой деревни, будто не замечая проистекающей повсюду опьяняющей воли!

X X X

После своенравной зимы, не желающей сдавать своих позиций, весна, так же строптиво, то опережает саму себя, то отстаёт, и только лето всё выровняет и успокоит.

X

X

X

В июне дни ложатся, удобнее укладываются,
в июле – растекаются,
в августе – приподнимаются к небесам,
в сентябре – готовы куда-то лететь,
в октябре – тихо растворяются повсюду, они везде и нигде,
в ноябре – чего-то ждут, затаившись,
в декабре – начинают робко показывать себя,
в январе – уже подбоченившись, чуть ли не пляшут,
в феврале – мятущиеся, не находят себе места,
в марте – пронизывают собой,
в апреле – обмякают, много и не по делу плачут,
в мае – вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой...

X

X

X

В детстве, на глухом лесном озере, чернеющем своей таинственной глубиной, мы с деревенскими мальчишками бесхитростно забрасывали лесу с крупным тройником на самую середину, где гуляли у поверхности толстогубые язи, и, зацепив их за бок или красный плавник, запросто выводили рыбу на берег.

X

X

X

Притаившись в тени хвойных ветвей, терпеливо поджидает кого-то крепкий боровик, но не торопится себя объявить.

X

X

X

Никогда буйная красота лета не стесняла мне от счастья душу, а только радовала и окрыляла.

X

X

X

Крапива содержит много полезного, но никогда не показывает этого, и, более того, всеми способами защищает свою скрытую помощь, будто

стесняясь её. Так и стоит на страже таящегося в себе секрета, для многих – злая, не сварись с ней пива, а она, вот, и под твоим забором нашла приют: коли узнаешь, чем крапива пахнет, она тебе своё волшебное зелье наведёт... Набери крапивки хотя бы на зелёные щи!

X X X

На макушке огромной розовотелой сосны настукивал большой пёстрый дятел, и дерево звонко и мелодично стонало от переживания своей могучей зрелости... Обняв шероховатый ствол и приложив к нему ухо, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот сладостно музыкальный гул в самом себе, через меня стремительно ускользящий в глубь дышащей летним жаром земли, и стало мне так, будто рыбам – вода, птицам – воздух, а человеку – весь мир.

X X X

Из всех певчих птиц только жаворонок летом в воздухе купается...

X X X

Чем пахнет лето?

Лето – это, наверное, свежее сено, липовый цвет и земляника... Тысячи будоражащих запахов и их оттенков, что просто околдовывают, повисают над деревней.

Но как различить тот единственный и верный, без которого лето – не лето? Он - самый приятный, одинаковый и в дождь и в ведро, незабываемый и тёплый. Запах короткого уральского лета, который почему-то особенно дорог.

Чистый золотой мёд! Вот в чём нельзя ошибиться, говоря и думая о лете. И свежее душистое сено, и аромат земляники, и цвет шиповника, кипрея и липы, все цветы и самые сладостные летние дуновения стекаются в мёде, и именно мёд, как ничто другое, заключает в себе силу и красоту лета.

Когда окажешься на пасеке, у медогонки, где по стенам висят розовато-кремовые, будто светящиеся, рамки, сладко пахнет воском и пчёлы ненадоедливо, но настырно бьются в заляпанное мухами стекло, устремляясь к разомлевшему июльскому жару, ты почувствуешь, что суть лета, его запах, находится где-то здесь, рядом, и оно невысказанно без этого золотистого медового духа, которым пронизано всё вокруг.

X X X

Любой цветок, если внимательно к нему приглядеться, так или иначе копирует солнце, и больше всего это удаётся одуванчику. Он дружит с солнцем, во всём ему подчиняется и не может без него жить.

На ночь цветы сворачиваются в золотые корзиночки, словно стыдясь соперничать со звёздами, но поутру вновь открываются навстречу свету и уже беззастенчиво слепят глаза тысячами маленьких солнц!

X X X

Печёт июльское солнце, земля пересохла, и цветы изнемогают от жары, но никогда они не пожалуются, не попросят воды, а терпеливо ждут дождика и улыбаются, чуть покачивая жёлтыми, белыми и золотисто-лиловыми головками.

X X X

Черёмуха всегда кажется приподнятой над землёй, легковесной, даже с появлением глянцевых, аккуратно поблескивающих и исполненных тихого восторга ягодок, а вот калине надо широко рассесться и замереть так, обременённой тяжёлыми алыми гроздьями и своими непонятными мыслями.

X X X

Хорошо летом ходить по грибы, и где-то поблизости представлять себе какого-либо зверя – лося, медведя или, на худой конец, зайчишку... И вот, только на миг, вдруг появилась у опушки леса огненная лисица, чуть повела носом – и тотчас исчезла, а тебя сразу охватила неопишуемая радость!

X X X

Невозможно утолить летом потребность вдыхать хвойный аромат, и избавиться от этого чарующего колдовства можно только отказавшись от него.

X X X

В ольховнике или осиннике ольха всегда теснит ольшинку, а осина – осинку, но вот в березняке, как бы плотно не росли между собой деревья, никогда не возникает ощущения, что берёзы толкаются и мешают друг другу.

X X X

В конце лета, под самую осень, когда всё в природе приходит к умиротворённому угасанию и покою, рык из звериной утробы лося на гону вырывается неожиданно призывно и звонко, будто кого-то окликая, и ты вдруг внутренне встрепенёшься и замрёшь в переживании того, на что надеялся этим летом, а оно так и не случилось.

X X X

Всегда с удовольствием отмечаю, что при малейшем ветерке лепестки и листья цветка трепещут, а не дрожат.

X X X

В июне по опушкам буйно цветёт шиповник, будто розовый прибой подкатывает к неведомому лесному морю, но никогда не нарушает его границ, лишь обдавая жарким дыханием глубинного аромата, словно произнося еле уловимые, благоухающие благодарностью слова...

X X X

Никогда раньше не замечал, что произносить слово «цветы», оказывается, весело!

X X X

То, что самый ценный жир у медведя, по мнению знатоков, сосредоточен в подошвах, объясняется, наверное, его неприхотливым образом жизни, который предполагает неспешное бродяжничество по цветистым лугам, укромным болотам и чудодейственным лесам, где ещё сохранились дикие пчёлы, муравейники и необыкновенная лесная тьма.

Представляя себе скитающегося в лесной чаще медведя, я никогда не воспринимаю его как страшного и свирепого зверя.

X X X

С детства помню, что натруженные ладони бабушки летом всегда пахли нагретой на солнце полынью.

X X X

Однажды вдруг представилось, что грибы - это созревшие плоды огромного дерева, уходящего корнями в самую глубь земли.

X X X

Незаметно пропадут яркие первоцветы, притихнут восторженные птицы, и весеннюю приподнятость в природе вдруг сменит летнее умиротворение – отрадная для сердца ответственность за весь предстоящий год.

X X X

Ныряю в каждый летний день, как в июльский, разомлевший от жары деревенский пруд, и всё не могу в нём наплескаться, пропитавшись, наконец, его бесконечным довольством.

X X X

Иной августовской ночью, с полной жизненного сока светлой луной, кажется, что волки не воют, а поют.

X X X

Растения с крупными цветами растут обособленно, свободно, даже чуточку заносчиво... Те же, кто незаметен и мал, стоят вплотную, лист к листу, и всё это лишь для того, чтобы их тоже заметили и обрадовались.

X X X

Может быть, только раз в году, когда свежесть весны незаметно перетекает в разомлевшее от жара лето, сердце моё на какое-то время совершенно успокаивается и обо всём забывает.

X X X

Летний шелест травы, как ни странно, напоминает не укромную поступь животных, а счастливые детские возгласы и смех.

X X X

Тихо, почти неслышно плывёшь на лодочке вдоль берега глухой речушки, а навстречу высовывают из чащи головы лоси, пришедшие на водопой, и, кажется, дружески кивают, приветствуют тебя, и улыбаются.

X X X

Иной раз ждёшь от благодатного лета очень многого, чего-то невообразимо чудесного, и оттого теряешь самое удивительное время впустую, пропуская настоящие, порой совсем неяркие, но истинные возможности для раскрытия своей души перед пустым величием воображаемого.

X X X

Что заставляет птиц петь? Может быть, песней птицы благословляют радость своего поднебесного существования, ни с чем несравнимое ликование от возможности бесконечно парить в вышине? Но так ли безмятежны воспарения их маленьких душ, если рано или поздно им придётся всё-таки опуститься на землю для выполнения своих самых насущных забот – сооружения гнёзд и выведения в них птенцов?!

Неповторимыми голосами птицы знаменуют, вероятно, доброе разрешение своих птичьих дел, и песня незамедлительно вырывается наружу, свидетельствуя о торжестве жизни. Птица искренна в своих побуждениях, её веселье и печаль не отягощены каким-либо сомнением, и чем вдохновеннее она поёт, тем справедливее её отношение к самой себе.

Ведь любое пение предполагает чистоту помыслов, и нет существа более ответственного за переполняющую его жизнь, чем птица. Недаром говорят, что жаворонок на невидимых нитях своих, никем не превзойдённых, трелей удерживает всю землю.

X X X

Ароматней земляники в июльском лесу могут быть только воздух, утро и жемчужная роса.

X X X

Каждому времени года присущи свои черты...

Зима, например, имеет ровный, уверенный почерк. Ей не страшна никакая оттепель, пытающаяся опередить время.

Весна – самая доброжелательная пора, в ней – высшая откровенность природы, когда всё раздаётся, поёт и ширится, раскрывая её необозримую глубину.

Лето до предела насыщено жизнью, которая создаёт общее настроение удивительной радости и покоя, оно с наслаждением вторит каждому шороху под ногами, птичьему возгласу, копошащимся вокруг запахам. Всё окружающее в нём создано для того, чтобы подчеркнуть, выявить любую мелочь в отдельности во имя общего жизнетворчества, благодаря которому всякая былинка в природе умывается и очищается.

Осень же приносит ясность дальнего видения, что не отрывает от земли, а только приземляет и делает её ещё более родной.

Уверенный и открытый, очищенный и просветлённый, устремляешься невольно ещё к какой-то неизведанной стороне этой удивительной жизни, что, может быть, вознесёт к такому чудесному времени, в котором всё пережитое ранее покажется лишь полузабытым отголоском бесконечно утраченного, но дорогого вселенского детства.

X X X

Цветы - это незабываемые знаки памяти земли, хрупкие символы преданности самому лучшему, что она хранит в своих недрах для человека.

X X X

Наивысшая сладость ягоды не в лукошке, когда усталый и довольный приносишь его домой, а в том, что ешь её в лесу, прямо с куста, может быть, под слепым дождём или в разомлевший августовский полдень. Всё своё волшебство любая ягода теряет в тот момент, когда её срывают и выносят из леса.

X X X

Ничто не приносит такого блаженного покоя, как летнее солнце!

X X X

С началом лета заросли из пышных султанов нежно-пунцового и малинового цвета дружною гурьбой высятся по глухим вырубкам и старым полянкам, скрывая в себе потаённую летнюю жизнь: это – кипрей, или, по-народному, иван-чай. Цветёт иван-чай целыми охапками, даже – островами, и на душе становится празднично от его устремлённых к небу ярких остроконечных шапок, что всегда с радостью замечаешь в июньском лесу. Так бы и обнял их трепетную цветоносную силу, выражающую собой макушку лета.

На местах лесных пожарищ в первую очередь появляется кипрей, или иван-чай, обладающий колоссальной энергией прорастания. Именно кипрей залечивает ожоги земли, укрепляя её поверхностный слой, но сплошной дёрн при этом не образует, и, не задерживая семена древесных растений, вдыхает в него своим появлением жизнь, давая возможность прорасти молодым ёлочкам и сосенкам.

Он – заботливая нянька, что всё лето старательно печётся о их здоровье, защищая нежные стволы от солнечных лучей. Спасибо кипрею, что и за себя постоит, и за других заступится на страже нашего родного леса: кланяйтесь ему низко!

X X X

Лучезарный восход, роскошный закат, а между ними – ослепительное золото целого летнего дня, который так и не успевает отгореть, и остаётся в душе до следующего, ещё более ослепительного восхищения волшебной роскошью летней жизни.

X X X

Может быть, из-за привычки видеть каждое лето наши обыкновенные луговые и лесные цветы мы и не замечаем их истинной прелести, а всё больше восторгаемся надменными розами и дикими орхидеями?!

X X X

Август с сентябрём – родные братья, они идут рука об руку, однако высокое сентябрьское небо, в отличие от низкого, чистого, с большими лебяжьими облаками августовского, становится строгим и недоступным.

X X X

Укромно и незаметно живёт земляничная поляна, но только подует лёгкий ветерок – обдаёт ароматом всю округу.

X X X

Зачем-то забредёшь июльским утром в прелые заросли крапивы, что притаились в укромной тени за баней, и вдруг обнаружишь там совсем иную жизнь, которая никак себя не проявляет и, бывает, пройдёт всё лето, а ты о ней так и не узнаешь.

X X X

Белые грузди – словно лебеди среди грибов, с присущим только им плавным разлётом линий величественной шляпки.

X X X

К лиловым крупным колокольчикам у меня почему-то всегда особое отношение, но спроси отчего – и не скажешь.

X X X

Не зря шоколадного цвета бабочек с торжественно широкой жёлтой каймой по краям крылышек и строгими синими мазками вдоль неё называют в народе не иначе как «траурницами», ибо именно они провожают красное лето.

X X X

Всё в лесу кажется необыкновенным, даже самые обыденные вещи... Вот и грибы, хорошо известные каждому с детства, и чаще всего появляющиеся на одном и том же месте, на самом деле перемещаются в зависимости от погоды: в сухое лето гриб тянется к стволу – там побольше влаги, а в сырое - отбегает погулять на полянку, где почва суше, так как прогревается сильнее, чем под деревом.

X X X

В отличие от домовитых пчёл, по-хозяйски, всё лето, усердно переносящих пыльцу и нектар в ульи, шмель не имеет своего дома и, лениво нагулявшись в своё удовольствие за нескончаемо летний день, засыпает под вечер где придётся: внутри лилового колокольчика или в закрывшемся бутоне ароматного шиповника.

X X X

Летом по тенистым лесам, низменным лугам или в укромных оврагах часто встречаются заросли пушистых цветов с белыми и розовыми пахучими шапками: это – любимая лосями таволга, которая для них и самый желанный корм, и мягкая душистая постель.

X X X

Всем хорошо известны белые кувшинки... Они целыми днями красуются на поверхности озера, придавая ему особое обаяние и загадочность. Но лишь немногие знают, что с наступлением вечерних сумерек таинственные цветы сворачивают лепестки в тугой бутон и погружаются под воду на всю ночь, оставляя после себя только тонкий аромат.

X X X

С улыбкой выглянув из-за туч, августовский месяц так же весело скатился с неба, искупался в деревенском озере, прислонился к раскидистой сосне, затем взобрался на бабушкину избу и, присев на коньке, свесил ножки. Был бы он человеком, то непременно бы ещё и прошептал всем перед сном: «Спите, крещёные, но не просыпайте... Скоро осень».

X X X

Всё лето берёза ободряюще шумит, осина неутомимо трепещет, а липа ненавязчиво что-то нашёптывает и нежно овеивает...

X X X

Летним утром, на приятном солнцепёке, никогда не помыслишь о пронизывающей метели, и только наслаждаешься раздольем этой благодатной жизни, которая как будто остановилась в продвижении вперёд и всю свою силу сосредоточила на росте вверх, к солнцу. Всё радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращаясь душой к солнечному свету, незаметно отражающему её тепло для всех живущих на земле.

X X X

Преисполненный довольства августовский вечер от избытка радостных ощущений часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

X X X

Увидишь в траве крохотные незабудки – и сразу вспомнишь про высокое небо. Не выгорает их цвет на солнце, ничуть не тускнеет, и всегда они смотрят мягко и доверчиво, переполненные своей скромной любовью.

X X X

До чего осторожен, чуток животный и растительный мир: ласточка никогда не прилетит даже в июне, если опасается холода, деревья же так и простоят голые, с набухшими почками, чуть ли ни весь май, не поверив раннему теплу. И действительно, заморозки, бывает, ударяют аж в третьей декаде первого летнего месяца и длятся целую неделю, а в конце мая выпадает снег, так что утопаешь в нём по щиколотку, и не прекращается он три дня кряду.

X X X

Потаённая нежность маленькой лесной гвоздики сродни прикосновению девичьих губ или взмаху ресниц, в мгновение вспорхнувших и вернувшихся к своему покою. Цветы так же неожиданно вспыхивают в траве, обдавая своей восхитительной невинностью. У неё, конечно, есть запах, вернее, еле уловимый аромат, и он, наверное, становится присущ молодым девушкам, когда они, сидя в траве, составляют для себя из этих цветов маленькие букеты.

X X X

Обычно безболезненно переживаешь пору сенокоса, когда в лесу полно людей, не видно зверя и птицы, да и грибы с ягодами ещё не поспели. Но так захочется иной раз открыть свою душу лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июньским полднем в лес и, забывшись там, вдруг прямо-таки заболеешь этим околдовывающим царством буйных трав, цветов и теней.

X X X

Солнце июньским вечером нехотя опускается за горизонт золотой красногрудой птицей, толкается в малиновых облаках, будто влюблённое рыжее сердце, и всё машет своими огненными крылышками, машет, даже на короткое время не желая оставлять только было очнувшегося от весны и вновь позабывшего себя в летней роскоши человека. В преддверии скорого солнцестояния ему совсем не хочется поворачивать на зиму, что кажется сейчас такой недостижимой!

X X X

Наши лебеди – это пример того, как заслуженно приходят в жизни мудрость и красота. Молодые птицы – серые, неказистые, а взрослые –

царственно-белоснежные красавцы, что вызывают только ощущение законченного совершенства.

Х

Х

Х

Обычные полевые васильки так трогательны и чутки, что легко переливаются в глаза женщины, наполняя их небесной чистотой, когда она, бросившись в траву и широко раскинув руки, готова обнять все цветы. Подставив лицо солнцу, женщина поначалу даже не заметит, что медленно впитывает их аромат, и пронзительная приподнятость цветов входит в неё благословенным теплом, проявляясь в глазах синевой. Она, скорее, причислит это счастье только небу, и будет невольно теревить махровые лепестки василька в руке, чему-то улыбаясь... Тогда цветок сразу отдаст всего себя, и женщина, наконец, почувствует это, поднесёт его к губам и поцелует.

Х

Х

Х

Ловкий шмель, с возбуждённым жужжанием залетевший в распутившийся цветок, сразу замолкает и, опьяневший от нектара и удовольствия, уже с трудом выбирается, чуточку пошатываясь.

Затем долго приходит в себя и еле-еле поднимается в насыщенный ароматами июльских воздух, что вскоре опять наполняет озабоченного шмеля неопишуемой лёгкостью.

Х

Х

Х

В солнечные июльские дни, заполненные золотом колосящейся ржи, не помышляешь о чудесной жар-птице, что тайком прилетает сюда покормиться. И только к началу осени, под прохладной золотой луной, вдруг вообразишь весь жар её перьев, царственное достоинство и ту единственную ночь, когда птица его теряет, отчего-то доверяясь человеку.

Х

Х

Х

Шелест трепещущих нежных листиков сердце по-настоящему переживает только весной, летом успокоено затаивается, почти не обращая на него внимания, а осенью будто бесшумно обрывается и куда-то улетает.

Х

Х

Х

Что меня поражает во все времена года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

X X X

В течение всего лета медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как об этом принято думать. Сало его за долгие месяцы нахождения в берлоге остаётся почти не тронутым, а пригодится на период весенней бескормицы, когда зверь поднимается из берлоги голодный, и может отыскать в пустом лесу только самую малость личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае – горсть кедровых орешков в разорённой норке бурундука.

X X X

В начале июня в воздухе держится нечто до боли знакомое и родное с детства, чего уже, как ни старайся, ни за что, наверное, не вспомнишь.

X X X

Только летом, бывает, обратишь внимание на то, что в удивительной стройности и чистоте березняка почти никогда не отмечаются тёмные полосы, как-то по-особенному разбросанные по белоснежно-матовой коре, но и они необыкновенно хороши в своей чёткости на светлых стволах. В них постепенно проглядывает отдельная, скрытая красота нашего самого душевного дерева.

X X X

Проснулся однажды летним утром в деревне от торопливого сорочьего стрекотания и сразу подумал: это ведь неутомонная птица делится своими новостями! Стрекошет и стрекочет без малейшего перерыва битый час... Слушаешь и удивляешься: сколько же их у неё?

X X X

Запах у распускающейся яблони не пронзительный, как у черёмухи, и не сильный, как у сирени, он - очень скромный, едва ощущается, но, мягко смешиваясь с воздухом, незаметно проникает в душу и неотступно куда-то манит.

X X X

В жизни более всего раздражает отсутствие веры у многих людей в собственные безграничные возможности, безразличие к своим судьбам,

которые можно было бы такое же бесконечное количество раз устроить по-другому, несравненно лучше. Вот что по-настоящему разочаровывает: равнодушные люди, не желающие роста, а ведь и у них в детстве горели глаза, когда они с изумлением обнаруживали в чашечке цветка мохнатого шмеля!

X X X

Никогда не упустишь возможности купить маленький букетик незабудок у какой-нибудь старушки, стремясь, наверное, вернуть какие-то очень приятные, но давно утраченные воспоминания... Однажды, тёплым июньским днём, тебе вдруг неудержимо захочется такой неожиданной встречи с прошлым, и именно небесно-голубые трогательные цветы успокоят твоё сердце.

X X X

Цветут липы, пахнет липовым мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты даже не в силах дать происходящему отчёта, и больше ничего не желаешь.

X X X

Голодная весна страстно, во всеуслышание провозглашает себя в лесу, сытое же лето лениво молчит и в благодушном довольстве своего огромного разнеженного тела сладко дремлет.

X X X

Густым праздничным тестом ползёт над долиной таёжной реки душистое облако июльского тумана, и вода в ней постепенно становится тягучей и по-домашнему тёплой и уютной.

X X X

Насытившись солнечным раздольем и красками июня, только в конце месяца вдруг, к своему удивлению, обнаружишь, что сердце лета хранится в каком-нибудь тенистом уголке сада, где когда-то весной пощёлкивали соловьи, а теперь глухое затишье и тайна.

X X X

Липа – красивое и, может быть, самое нежное лесное слово.

X

X

X

Глядя на цветы, мне иной раз кажется, что они желают стать женщинами, сохранив при этом свои чудесные имена: вероника, маргаритка, астра или гортензия. В них живёт какая-то иная нежность, может быть, более трогательная, чем у женщин. А женщин, наоборот, прельщают восхитительные соцветия, и они думают о том, какими бы они стали неотразимыми красавицами, если б распространили над землёй такой же непревзойдённый аромат.

X

X

X

Порой звери, независимо от времени года, объявляют себя совершенно открыто, вроде бы, даже не замечая человека. Так, однажды, выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил большую поляну с корзиной рыжиков. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул и мчался во всю прыть прямо мне под ноги.

Остановившись, я стал наблюдать, чем всё это закончится. Заяц тоже замер, чуть приподнявшись на задних лапах. Когда я шевельнулся, зверёк как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать кругами по поляне, словно бы и не замечая моего присутствия.

Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без усталости носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно, и почему он меня не боится?!

X

X

X

Бывает, перед самым закатом солнце летом всегда как будто ... взбунтуется. На миг шевельнётся в нём последний живой луч, взметнётся ввысь и тотчас потухнет, но ещё долго потом рдеет никак не успокаивающаяся заря, а душа почему-то не перестаёт тянуться к этому последнему солнечному всплеску.

X

X

X

Вымокшие после сильного летнего ливня молодые глухарята становятся порой лёгкой добычей медведей, которые, заведя ещё не опытных недавних слётков, ловко стряхивают их с деревьев, как они проделывают это с созревшими плодами, если те не получается сорвать с гибких веток.

X X X

Иногда хочется думать, что стремление бабочки на свет – это не боязнь темноты или желание достичь спасительного тепла, а соблазн неосознанного постижения ею своей природы.

X X X

Прекрасная летняя ночь – благодатное время для вольного ветра, что всегда забывается в эту пору на божественном небесном ложе со своей возлюбленной зарёй.

X X X

Только в августе неожиданно замечаешь, как утомлён пронизанный светом лист... Так, незаметно и во всём, растворяется когда-то многообещающее буйное лето, а ты и не знаешь – как и зачем тебе жить дальше.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Когда цветы к концу лета отцветают, они уже пахнут не собой, а тем, ради чего жили.

X X X

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далёким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца.

X X X

Люблю лето за потаённость тенистых аллей и опушек, где никого нет, но всё-таки кто-то присутствует.

X X X

Когда подступает летнее тепло, лес темнеет и затаивается, так что не знаешь, чего от него ждать.

X X X

Коротка медвежья любовь, длится от силы неделю-другую, и оттого медведица, по народному убеждению, пролежав в берлоге чуть ли не полгода и поднявшись из неё с прибылыми медвежатами, которые не отстают от матери всё лето, якобы, оставляет при себе летошника-пестуна в качестве няньки. И ещё на тот случай, чтобы не оказаться по осени холостою, если ей не повезёт встретить взрослого самца...

На самом деле всё это, конечно, далеко от истины, и больше похоже на добрую сказку, да только на заботливую народную молву нет суда!

X X X

Когда к лету листья на деревьях закрыли собой оголённое весеннее пространство, на душе становится покойно, и ты уже, кажется, не способен на какое-либо безумие, как это было совсем недавно.

X X X

Расцвет зари продолжается четверть часа, но как нескончаемо радостно горит рождённый ею мимолётный свет!

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём с самой весны, но не договорив и не додумав, вдруг угаснет. Посмотришь туда и подумаешь: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени и, не в силах противостоять, без особого сожаления уступило.

X X X

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются белые лилии, осторожно показываясь из-под воды, но он пропускает это важное для себя движение Вселенной, без которого ему ни за что не подступить к осознанию своего счастья.

X X X

Ива, выворачивая листья под ветром, неожиданно становится ... серебряной. Эта сторона жизни дерева, что часто остаётся незамеченной,

удивляет и несколько озадачивает. От неё веет приятной и обаятельной тайной.

Х

Х

Х

Сорока всё лето обклёвывает спелые вишни и клубнику, выбирает самые сладкие яблоки, но получается это у неё так весело, что почти не сердисься на вредную птицу.

Х

Х

Х

Зима ещё тужилась январскими морозами, а душа уже желала ослепительного марта, когда же в лесу потеплело, и во всём почувствовалась весна, в ней незаметно совершился счастливый поворот на лето. Теперь на дворе стоит батюшка июль, и я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый сентябрь?

Х

Х

Х

Даже в самый тихий, безветренный летний день листья осины дрожат... Эта загадка долго оставалась для меня неразрешимой, пока я не обнаружил, что виной тому – длинный и сильно сплюснутый с боков черешок листа, вращающийся из стороны в сторону при малейшем дуновении ветра.

Но найденное объяснение, как ни странно, не обрадовало, а скорее обескуражило досадной незамысловатостью. Втайне почему-то верилось, что необыкновенное дерево не раскрыло до конца всех своих секретов, и только снисходительно подрагивает приветливыми листьями, словно осеняя своё не угасающее стремление к правде.

Х

Х

Х

Редко кто видит летом махонького крапивника, чья мелодичная песенка, то и дело, доносится из густого кустарника у изгороди. Только на миг прошмыгнёт он рыжевато-бурым мышонком среди ветвей, у самой земли, и опять его не видать. Нужно немало терпения, чтобы хорошо разглядеть крохотного певца.

Но при всей своей осторожности и скрытности крапивнику не занимать совершенно бесшабашной повадки, когда он низко склоняет головку, а рыжеватый хвостик залихватски топорщится кверху: вот-вот, кажется, перевернётся и упадёт. По этой позе его можно безошибочно отличить от других птиц, если, конечно, удалось подкараулить бравого удальца, которому по удали и его имя: не всякая птица способна в крапиву садиться, а только этот маленький молодец, и потому глядеть на него всегда любо!

X

X

X

На белой чаше кувшинки замерла голубая стрекоза, покойно отливает затаившейся глубинной чернотой лакированная поверхность воды, и воздух дышит разомлевшим июльским жаром, но перед глазами почему-то встают промёрзшее до дна болото, застывшие пузырьки во льду и неприкаянно шелестящие порыжевшие стрелки иссохшей осоки.

Если бы не долгая зима, лету бы не быть таким красным.

X

X

X

Перед самой зарёй каждое дерево, травинка и птица всегда хранят тишину, будто ожидая: что она принесёт им сегодня?! И мир на какое-то мгновение становится совершенной тайной.

X

X

X

От золотого июльского солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твоё настроение.

X

X

X

Кто хоть раз наблюдал, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медведи, тот никогда не забудет круглые, забавно колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры и поразительную игривость, с какой они способны передвигаться в эту пору... А вспомнив однажды всё это - улыбнётся и поблагодарит лес за его откровение, обаяние и силу.

X

X

X

Течёт над землёй роскошное знойное лето: всё в нём растёт, цветёт и рано или поздно незаметно умирает, но ничего этого умершего сейчас, летом, почему-то не жаль...

X

X

X

Барсучьи норы, всегда расположенные в лесных гривах и склонах логов, чаще глядят входом на запад, реже – на юг, и никогда – на восток или, тем более, на север. Предусмотрительный и очень чуткий зверь, ведущий, к тому же, ночной образ жизни, по-видимому, тянется к теплу, да и солнечные лучи предпочитает более жаркие, и ещё – заходящие, случающиеся на рубеже

вспыхивающего напоследок света и наступающей, дорогой для него, темноты.

X

X

X

Ещё в детстве, проводя лето в деревне у бабушки, я почувствовал, что в лесу живёт только радость и счастье, а всё тёмное в него приносит человек.

X

X

X

Полянка в лесу - важное жизненное пространство. Благоухающее и привлекающее к себе всё живое летнею порой, непритязательно увядающее осенью, полное загадок зимой, весной оно становится раскрепощённым и впитывает в себя все накопленные за год настроения, чтобы чуть позже отдать их цветам, травам, деревьям, воздуху и ... человеку.

X

X

X

Люблю, когда после первой грозы в тёплый июньский день просыплется на землю первый солнечный дождь, и такие же солнечные и тёплые капли весело стекают по оконным стёклам и всем ласково улыбаются.

X

X

X

Робкую и очень отходчивую берёзу, особо любимую за это в народе, между тем сложно обольстить временным теплом, и когда май с помощью своих чар настойчиво уговаривает дерево показать первые листочки, берёза не торопится распускаться. Не верит она ни ласковому ветру, ни соловьям, ни кукушкам, ни вальдшнепам, ни очаровательному обманщику-маю...

Терпеливо ждёт своего часа берёза, чтобы не разочаровать людских ожиданий. А уж коли берёзка наперёд опушается, то жди сухого лета!

X

X

X

Щедрое летнее солнце, доступное, кажется, сразу для всех, в действительности не способно до конца затронуть каждого своим теплом, а вот лунная ночь в эту пору, незаметно всматриваясь полным глазом в ненадолго уснувшую землю, внимательна к любому отдельному человеку.

X

X

X

Мякоть сыроежек необыкновенно чиста и опрятна, но более трогательна их неизменная белизна, с которой не сравнится даже

царственный белый груздь. Берёшься за такую ножку с особой нежностью, стараясь не надломить её, а если всё-таки нарушишь гриб, в нос тотчас ударит тонкий аромат его хрупкой плоти, так что невольно поднесёшь ко рту отломившийся кусочек, легонько вдохнёшь его пряный дух и ... съешь. Недаром название самого распространённого гриба русского леса – сыроежка!

X X X

Только прожив полностью всё лето у себя в деревне, окончательно принял я его зелёные одежды, которые оно таинственно и просто распахивает для всех: всё, что сокрыто под зелёным покровом, помогает сблечь в душе каждого человека завораживающую тягу к жизни.

X X X

Бывает, станет так хорошо в благодатной тишине июльского дня, где-нибудь на опушке замершего в задумчивости соснового бора, что остановишься, долго стоишь, чуть дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь светлой и чистой сказки.

X X X

В марте беспрестанную улыбку дарит солнце, в апреле – просыпающаяся земля, а в мае – напоённый жизнью воздух, что всеобъемлющ, многолик. И так, улыбка за улыбкой, как по ступенькам, всё радостное в природе возносится в голубеющую над лесом даль, и распахивает перед тобой желанное оконце благодатного лета...

X X X

Золотое воспоминание из раннего детства – это огромное летнее солнце над лесом, которое ненавязчиво и ласково заглядывает в распахнутое окошко бабушкиного дома, неслышно разговаривает с тобой, а ты уверен, что когда-то уже видел его, слышал и чувствовал, как оно заботится о тебе.

X X X

Сладко дурманит голову источаемый цветами невидимый сок, мягко кружит воображение и уносит куда-то за синие леса нежный запах распускающейся в июле липы, а как необыкновенно трогательно слышать поутру первую капель, даже через окно чувствуя её пьянящий аромат...

Наши весна и лето просыпаются только для того, чтобы, не переводя дух, радостно жить и благоухать. Жива божественная природа - жива и душа человека.

X X X

Солнечным летним утром на душе всегда такая тишина, какую, кажется, никогда уже не обрести, но вот подступает ласковый солнечный вечер, и всего тебя заполняет непередаваемая безмятежность, будто тихая милостыня, ниспосланная с неба...

X X X

Дождь в июле только брызнет, прибьёт пыль, слегка смочит кусты и ... опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нём мудрость.

X X X

Замечено, что деревья и кустарники лучше принимаются из семян, склёванных и разнесёнными по лесу птицами.

X X X

В конце золотого летнего дня воцаряется умудрённая радость, с утра – восхитительная тишь, а после полудня в нём торжествует ослепительный свет неиссякаемой солнечной улыбки!

X X X

Огромные глаза стрекозы всегда глядят на мир как будто с диким изумлением и восторгом.

X X X

Всю жизнь мечтая о лесе, понимая его и лелея в душе это постоянное присутствие чего-то до конца необъяснимого, но необыкновенно живого, что особенно чутко переживаешь в летнюю пору, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой мох, усеянный клюквой, и забыться там от переполняющего тебя ощущения счастья.

X X X

Обаяние леса так велико, что никогда не придёт на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой. Скорее лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной!

Х Х Х

Несведущему человеку трудно вообразить, что аромат хвои, жарко источаемый лесом для всеобщей улады, особенно – в летнюю пору, способен раздирать грудь неизъяснимыми желаниями.

Х Х Х

Ключки сена по краям заснеженной дороги, обронённые с саней, сразу вызывают в памяти далёкое жаркое лето, которое, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях и его уже ни за что не вернуть. Но тебе отчего-то ещё больше захочется жить, и из полузабытого лета, кажущегося сейчас таким невероятно далёким, вдруг возникнет в памяти отрешённо-ласковое воспоминание, как идёшь ты сквозь душистый августовский рассвет с перекосившейся от тяжести грибов корзиной в руках, и шаги утопают в его затаенной тиши...

Х Х Х

Порой натыкаешься в летнем лесу на самое обыденное место с запахом вереска, лысыми, приятно нагретыми солнцем пнями, покрытыми мхом валёжинами и потаённым болотцем с кустиками сочной черники, а хочется поскорее миновать его: неизвестно как, но безошибочно угадываешь – оно гиблое!

Х Х Х

У осени запах горьковато-пряный, зима уже благоухает свежим надкушенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом лопающихся почек и обламывающихся сосулек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, что смешиваются в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

Х Х Х

Когда летнее солнце освещает летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц суть.

X X X

Если лес когда-либо и склоняется внимательно к человеку, то только в рассветные сумерки, летом, пока в его душе ещё не родилась бездумная радость от ослепительно солнечного дня, и он по-детски чист в своих пробуждающихся помыслах и творениях.

X X X

Спешишь, бывало, с корзиной по выступающим из мха еловым корням, оскальзываешься сапогами, запинаешься, и вдруг почувствуешь, как напрягаются души деревьев от твоего неловкого соприкосновения с ними, воздух вокруг немеет, а недавнее ощущение слитности с июльским лесом куда-то безвозвратно истаивает.

X X X

Люблю летом присесть в лесу на пенёк, как птица, чтобы на мгновение отойти от переполняющих ярких впечатлений, оглядеться и вновь лететь над неизведанной цветущей землёй, не успевая уследить за всеми чудесными переменами, что случаются с ней...

X X X

Разнеженная солнечность весны более благостна, нежели цветочное раздолье лета.

X X X

Именно в летнем порхании малоразличимых птичек, в их зыбком и трепетном полёте, что по своей лёгкости кажется для кого-то почти никчёмным, кроется неуловимое величие природы.

X X X

Возродившись душой долгожданной весной, пропев полную воскресающих желаний жизнь летом, осенью совсем не хочется умирать, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розовый отсвет на мартовских сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного июньского цветка.

X X X

В молодом бабьем лете, несмотря на его видимое и радостное для всех раздолье, кроется нечто для него самого непостижимое, отчего оно, вроде бы, никуда и не торопится, в полном довольстве от достигнутого благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красою.

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета тебе кажется, что жизнь утекла безвозвратно, и ничего необыкновенного с тобой уже никогда не случится.

X X X

С приходом дивных июньских дней куда-то исчезает восторженная трогательность апреля и мая, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая летняя радость.

X X X

Божественная красота лета в том, что и зелень, и голубое, и желтизна в ней – разные!

X X X

Всегда почувствуешь в себе мгновение, когда душа вдруг взвигается над летними травами и цветами, легко проникаясь всякой мелочью, забываясь в ней и так же свободно оставляя её, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды лета исчезает. При всей своей широте и воле, лето кажется невесомым: нелегко выразить его чудесную проникновенность!

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Один из корешков у тысячелистника всегда розовый, сильно вяжет во рту и унимает зубную боль.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка – красноватой. Но вот случится вдруг душной июньской ночью увидеть её зелёной, свет от неё проникнет в душу, и нащупает там неведомые ранее чувства и мысли.

X X X

Из-под молодых берёзок с пугающим хрустом вырвалась тетёрка, а там, где сидела птица, осталась примятая лунка. Бледно-жёлтая сухая трава была плотно прижата к земле и не распрямлялась. Среди оттопырившихся в одном месте изломанных травинок застряло тёмно-бурое, с белыми полосками перо.

Прикоснувшись рукой к траве, я взял перо, положил его на ладонку, и тотчас ощутил диковатое птичье тепло, от которого вдруг пахнуло безвозвратно ускользящим жарким летом...

X X X

Сладкое слово «земляника», если вдуматься, происходит от довольно обыденного и невкусного «земля». Но с каким удовольствием мы его произносим!

X X X

Отправляясь ранним летним утром в лес, радостней всего сознавать, что он не скоро кончится и, кажется, будет длиться целый бескрайний день.

X X X

В одном из драгоценных парных изречений тангутов сосна олицетворяла собой процветание, туя – молодость, камыш – обман, а тростник – пустоту.

Уподобившись мудрости древнего народа, я попытался в одном слове выразить сокровенную суть всех наших самых любимых и известных деревьев. И вот что у меня получилось:

Лиственница - возрождение.

Ель – неистребимость.

Берёза – благо.

Липа – великоречие.

Рябина – тишина.

Черёмуха – ненавязчивость.

Пихта – память.

Ирга – тепло.

Осина – устремление.

Ива – задумчивость.

Клён – надежда.

Калина – беспристрастность.

Тополь – терпение.

Ольха – свобода.

Вишня – добро.

Яблоня – ожидание.

Сирень – душа.

И ещё:

Берёзовая роща – улыбка.

Сосновый бор – щедрость.

X

X

X

Слепой дождик бывает и золотым, и серебряным, и самым незамысловатым, вроде бы – совсем не нарядным, с присущей ему милой простотой, но никогда незаметным.

X

X

X

Пронизанные летним солнцем капельки хвойной смолы напоминают не слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа.

X

X

X

Весело отшумев всё лето неугомонным осиновым листом, наверное, ужасно не хочется опускаться осенью на сырую стылую землю...

X

X

X

Медведи-сеголетки, в народе их ещё называют «лончаками», проводят первую зиму в берлоге с матерью. Чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть старую медведицу. Но оставить её сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах. Вот природа и распорядилась по-своему...

В июне у медведей проходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим запахом, который передаётся и медведице, он отпугивает медвежат напрочь, а повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни.

Мало того, взрослый медведь способен загрызть лончака, только чтобы добиться внимания самки. Ему за обычай предлагать ей себя, тогда как малыши могут жизни лишиться, и мать не в силах им помочь. Оттого и говорят в народе, что свадьба у медведей выходит краденой, никто на ней не пляшет, и когда самец за самкой приходит, медвежатам остаётся только прятаться.

Так у природы с давних пор и заведено: одни крадут, другие хоронятся, и менять своё жизнеустройство она, по всему виду, не намерена: лесной порядок, пожалуй, крепче людского будет, ему потачки не давай!

X

X

X

Скромно улыбаются синие и алые сыроежки, в строгом оцепенении застыли удалые красноголовики, совсем притихшими и незаметными выглядят жёлтенькие моховички, и только яркий мухомор, без всякого стеснения, настырно напрашивается в корзину!

X

X

X

Зимой лес молчит величественно, осенью – проникновенно, весной он преисполнен надежд, летом же, как ни странно, просто немеет от нахлынувших на него чувств.

X

X

X

Если прислушаешься, о чём рассказывает каждая травинка, цветок или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X

X

X

Аккуратные головки копалух, настороженно вытянутые летом над травой, вдоль колеи лесной дороги, легко принять за грациозные цветы: то

они появляются под напором ветерка, то исчезают, будто не решаясь до конца раскрыть свою изящную прелесть.

X X X

Летний дождь - это восхитительная паутинка звуков, красок и запахов, которая нежно и радостно обволакивает человека, когда тот меньше всего этого ждёт.

X X X

Сколько вокруг летом цветов, и разве можно окинуть взглядом все сразу?! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть душу, но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов так и остаются безвестны, и опустишься перед лесом на колени.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распутившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре и опять уношусь в безвестность, которой нет конца.

X X X

При мысли о голубом васильке – слегка улыбнёшься, а вспомнишь полевую ромашку – и весь изнутри засветишься.

X X X

Огромные глаза стрекозы всегда глядят на мир как будто с диким восторгом и изумлением.

X X X

Станным представляется убеждение деревенских жителей, что по рыжики и землянику человек отправляется в лес, а вот за зверем – в тайгу, но ему почему-то веришь.

X X X

В грибном царстве нашего русского леса нет равных по раскраске сыроежкам! Исстари повелась в народе поговорка о ряженных в цвета радуги грибах: тридцать пять братьев – и все от разных матерей. Зелёные, розовые и

лиловые, ярко-красные и бордовые, пурпурные, голубые, синенькие и серые, тёмно-коричневые, некоторые даже с черна, а то и густо-фиолетовые – нарядные сыроежки неповторимы по цветовым оттенкам, но более трогательна их фарфоровая белизна, которая всегда располагает к доверию и не внушает никаких сомнений.

X

X

X

Не раз обращал внимание, что теплолюбивые ласточки-касатки, которые раньше других птиц, ещё в августе, отправляются на юг, перед отлётом всегда ночуют на тростинках у воды и никогда почему-то не встречаются в лесу. А потом догадался: вода в эту пору ещё теплее земли, и ласточки здесь пристраиваются на ночлег не случайно.

X

X

X

В июньских сумерках берёзки белеют девичьими платяницами по-особенному светло и радостно.

X

X

X

Всю жизнь мечтая о встречах с лесом, понимая его и лелея в душе это постоянное живое присутствие чего-то до конца необъяснимо глубокого и благодатного, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой

X

X

X

Когда-то в детстве, летом, я неожиданно открыл необычайное свойство хвойной смолы. Если намазать ею кончик сухой еловой палочки и спустить на воду, то благодаря отталкивающему действию смолы палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам. Соревнуясь между собой, мы, мальчишки, таким образом, запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на её осуществление.

X

X

X

Мудрое восприятие леса - это когда точно знаешь, что сейчас впереди попадётся навстречу зверь, птица или ягодное раздолье, а вот тот укромный лесок на пригорке полон желанных боровиков...

X

X

X

Тому, кто близко незнаком с жизнью природы, трудно представить, что сидящие по кустам и деревьям молодые глухарята с началом лета не улетают при появлении человека, а перебегают с ветки на ветку подобно белкам, прячутся в наиболее переплетённых из них, и время от времени выглядывают из укрытия, будто оценивая ситуацию, после чего непременно почувствуешь себя неотделимым от судьбы леса.

X X X

Иной раз до того уходишься по июльскому лесу, в жару, что совершенно лишаешься способности думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и даже дыша ещё более проникновенно.

X X X

Обычная песенка лесного ручья по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённостью, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

У осени запах горьковато-пряный, зима же благоухает свежим надкушенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом обламывающихся сосулек и лопающихся почек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, смешивая их в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

X X X

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа порой таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные июльские или августовские закаты.

X X X

В летнем лесу я собираю мысли в виде обыкновенной хвойной веточки, облака или птицы, до которой можно дотянуться только взглядом, старого разошедшегося пня, земляники под ним, солнечного луча, затерявшегося среди тенистых папоротников, взлетающей к самым вершинам деревьев бабочки, а дома вспоминаю, стараясь осмыслить все эти встречи опытом прожитой жизни. И так, постепенно, рождаются в моём воображении незабываемые образы, которые, оказывается, уже давно существовали в природе, но тебе их нужно было извлечь трудом своей души.

X X X

Когда лучи заходящего летнего солнца освещают летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц, суть.

X X X

Если лес когда и склоняется внимательно к человеку, то только в рассветные летние сумерки, пока в его душе не родилась бездумная радость от вновь нарождающегося неповторимого дня, и он ещё по-детски чист в пробуждающихся помыслах.

X X X

После дождя, в разомлевший июльский полдень, на какой-нибудь старой валёжине нередко можно обнаружить крохотные беловатые яички... Это неутомимые мураши раскладывают их для просушки. Продолговатые и аппетитные, яички оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг и при малейшей опасности быстро прячут.

Только что вся колодина была усеяна нежно-молочными лакомыми зёрнышками, а через какие-то мгновения уже ничего нет: и без того многочисленное семейство, в первую очередь, хлопотливо заботится о своём потомстве.

X X X

Случается в жизни, что даже раздольную весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по жизненной дороге, и по крупцам находишь радость в умиротворённом лете..

X X X

Менее всего меня занимает в лесу цветущий луг с бабочками, а больше – сырая темнота оврагов и не тронутая хвойная глушь!

X X X

Именно в порхании мало различных птичек над цветущими полянами и лугами, в их зыбком и трепетном полёте, кажущимся для кого-то почти никчёмным, кроется неуловимое величие нашей родной природы.

X X X

Ранняя весна хороша тем, что начинает долгую пору радости, которая продолжается, кажется, бесконечно – и апрель, и май, и июнь с июлем, и август, и даже завершается лишь с началом пышного осеннего увядания... Всё в эту пору стремится жить, а чему душа радуется, то Бог и даёт!

X X X

В августовском солнце уже нет былых пыла и жара, что оно излучало в июле... В нём - только видимость силы, что незаметно перетянул на себя зарождающийся в просторах выцветшего за лето неба бродяга ветер.

X X X

К июню звёзды теряют яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета начинает казаться, что жизнь утекла безвозвратно и ничего необыкновенного в ней у тебя уже никогда не случится.

X X X

Находясь под обаянием июньского леса, когда он весь уже опушился, редко обратишь внимание на то, как неустанно кукует в бору кукушка, но обязательно насторожишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подаст голос: кукушечка, голубушка, не подавись ржаным колоском!

X X X

Порой заберёшься с корзинкою в какой-нибудь потаённый лесной уголок, что ничем особенным не отличается от множества подобных ему, и поначалу несказанно обрадуешься... А потом - долгое время дивишься, не в

силах разобрать: отчего нет для тебя на свете прекраснее этого обычного места?!

X X X

Одно робкое весеннее утро способно подарить целый мир, бескрайнее же летнее царство не в силах превозмочь своё ослепительное довольство, с каждым часом всё более замыкается в себе и незаметно перегорает.

X X X

Летом самое лучшее время – утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, ещё не расплёскан по пустякам, и встаёт перед человеком полным надежд, нетронутым и прекрасным.

X X X

Только весенним утром, перед рассветом, вдруг ощутишь, как в тебе незаметно копятся огромные силы, и именно эта весенняя безмятежность происходящего вокруг зарождает уверенность в правильности твоих душевных устремлений на всё лето.

X X X

Кончается лето, ночь уже холодна, в небе – полная луна и яркие звёзды, а вокруг – высокие осины, в верхушках которых чутко спят глухари, и ... я, маленький, прикорнул неподалёку, у затухающего костерка, потому, что мне обо всём этом надо знать...

X X X

Затерявшийся в лесу куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными в коре и корнях. Наверное, радость от притягательности красивых ягод, которые так и хочется сорвать в жаркий летний полдень. А ещё - какую-то необыкновенную, переживаемую с детства уверенность, что волки плетут из лыка, содранного с кустарника, сказочные корзинки, и ходят с ними по грибы и ягоды...

X X X

Слова, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством собрать их. Причём, отбирать следует самые разнообразные, обращая внимание не на их поэтичность названия и аромат, а на энергию внутреннего содержания, что, сама по себе, всегда прекрасна.

X X X

Давно держу и сад, и огород, но только недавно задумался о том, что собирание плодов ещё утомительнее, чем посев.

X X X

Посеявший - пожнёт. Ничто не изменит этот неукоснительный закон Вселенной, независимо от того, посеяны ли семена добра или зла. Жатва в любом случае будет произведена и окажется справедливой.

X X X

С приходом дивных летних дней исчезает восторженная трогательность апреля и мая, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то в природе уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

За комаром – не с топором, и спастись от комаров можно ... спокойным сидением у костра. За один раз натаскай дров и садись: больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе внимание кровососов.

Отойдёшь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых насекомых. Надо непременно перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досаждать. Маленькая хитрость, подсмотренная однажды в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы: комар носа не подточит!

X X X

Божественная красота природы в том, что и зелень, и голубое, и желтизна в ней – разные!

X X X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X

X

X

Весенние дни не потухают внезапно, как осенние или зимние, не обрываются, как будто их и не было, а глядятся друг в друга по-детски чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой на благодатное летнее наслаждение...

X

X

X

Бабочка, собирая пыльцу и оплодотворяя растения, делает это всегда еле приметно, не издавая ни звука, и оттого представляется особенно прекрасной!

X

X

X

В детстве для радости не виделось никакой опасности: она казалась вечной. В зрелости человека всё чаще начинает будоражить память об этой радости, желание прочувствовать её вновь и понять, почему и куда она уходит. И он, нередко, обращается к природе, отправляясь в лес именно летом, и часто всё увиденное там помогает ему преодолеть накопленную усталость и разочарование.

Так, ещё с детства, когда мы с бабушкой отправлялись в лес за грибами, полюбил я сладкий запах липы. Всегда привлекали её пушистые зелёные верхушки, уходящие в недостижимую высоту. Казалось, никогда не попасть туда, на самый верх, где запах, наверное, наплывает волнами, как море.

Став немножко постарше, я ещё больше не мыслил себя без летнего леса, и, конечно, мне, по-прежнему, не доставало аромата этого чудесного дерева. Само слово «липа» выражало нечто головокружительное, мягкое и очень доверительное. Оно заключало в себе всё наше русское лето, переполненное цветущими деревьями, жужжанием пчёл в их ветвях и медовым духом.

Но от чего закрадывается в сердце человека эта безрадостность во взрослом возрасте, когда, вроде бы, надо только жить, да жить, до последней капли впитывая каждый отпущенный тебе день? Ведь в детстве чувство разочарования было так мимолётно, а теперь радость всё время приходится отстаивать, вернее, добираться до радости в себе приходится всё труднее и труднее, но когда, всё же, доберёшься до неё – она оказывается такая же чистая и трогательная, как в чудесную летнюю пору, в детстве.

Лишиться удивления всем тем, что есть в этом мире, значит, потерять единственную и изначально дарованную возможность обрести правду жизни, а правда всегда требует неиссякаемой честности по отношению к существованию и неутомимого поиска.

X

X

X

Всегда почувствуешь мгновение, когда душа способна взвиться над травами и цветами, легко проникаясь всякой мелочью и сливаясь с ней, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды летнего чуда исчезает...

X

X

X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напряженном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы...

X

X

X

Когда проходит последняя взволнованность от весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить самым душевным временем года, радуясь слепым дождям, цветам и ласковому теплу. Хорошо летом!

X

X

X

В разомлевший от жара летний день бесчисленные жаворонки стремглав бросаются сверху в цветы, и опять взмывают ввысь, настраивая между зеплёй и небом невидимые нежные струны.

X

X

X

До сих пор не даёт покоя неразрешимая с детства загадка: потаённая летняя темнота, что, в противоположность свету, пряталась в самых дремучих зарослях ельника, почему-то всегда притягивала больше солнца.

X

X

X

Когда пыльца цветущих растений засыпает поверхность лесного озера, и оно уже не отражает зажигающихся над ним звёзд, распустившихся веточек деревьев и весёлых солнечных бликов, душа тоже как будто укрывается невидимой ароматной плёнкой, и, уютно завернувшись в неё, с благоговением замирает в летнем довольстве.

X

X

X

Из-за пустой суеты и неразберихи, какую дрозды устраивают летом на полной ягод черёмухе или ирге, приходишь к твёрдому убеждению, что птицы эти ужасно бестолковые. Но это обстоятельство в их поведении ни чуть не удручает, ибо для вездесущих птиц такая напасть – единственное в жизни сладостное наваждение!

X

X

X

Не секрет, что досужее летнее солнце поутру на небо бодро выкатывается, днём во всю силу по нему раскатывается, а к вечеру – в удовлетворении закатывается, так и добрый человек: пропустит в трудах праведных свою молодость и зрелые годы, но уж зато под старость золотом разольётся!

X

X

X

Июльский лес чуть ли не убивает многообразием запахов и наваждений, разгорячённая на полуденном солнце хвоя жарко дышит ни с чем несравнимым ароматом. Влажная душистость трав в рост человека, мягкая грибная прель, струящаяся от сыроватых корневых выступов под пологом старого леса, едко ударяющий в нос запах муравейников, коры и выцветших сосновых иголок, - все эти ощущения непередаваемы и до конца непостижимы.

Жар в июле неодолим, а разомлевшее время неслышно протекает где-то мимо, так что невозможно разобрать его потяжелевшую поступь. Обилие же знойных ароматов в этом месяце порождает пресыщение ими, сладко околдовывает и оставляет в радостном неведении.

Что же тебя в этом чарующем царстве цветов, запахов и красок прельщает больше всего? Может быть, возможность переживать всё это сладостное таинство волшебника-июля, и не предполагающего жить обманом, а только ублажать растревоженные за весну души?!

X

X

X

Трава – это непрерывно текущий, поблизости с человеком, природный источник нежности и тепла.

X

X

X

Не оперившиеся птенцы у всех птиц, или – поршки, как и дети у людей, удивительно доверчивы в своей трогательной доступности для

любопытного человека, и почему-то совсем не хочется, чтобы они росли и крепились, отдаляясь от него.

X X X

Как замолкнет в лесу кукушка – из тенистой чащи на солнечную опушку осторожно начинают выступать озорные бесенята, а их батька – старый лешак, так и сидит в потаённой глуши, но не пропускает мимо своего внимания ни одного человека, ненавязчиво склоняя того принести ей хоть какую-либо пользу. Радостен бес, что отпущен ему Богом на заботу лес!

X X X

Выпь зачем-то целыми часами неподвижно простаивает в камышах, отрешённо наблюдая за протекающей вокруг летней жизнью, но получается это у неё настолько завораживающе, что так же не устаёшь вглядываться в её согбенную фигуру, не в силах отвести взгляд. Один, как выпь на болоте...

X X X

Когда милые медвежата, отстав от матери, смешно заваливаются на кругленькие зады и трепетно нюхают неизведанный воздух чёрными носами, лесной бог, как любящая медведица, берёт их под своё покровительство...

X X X

Вот и ушло лето... До чего же хорошо было в нём! Как-то неторопливо, но скоро пронесло оно перед нами своё прекрасное тело, и душа тонко прочувствовала все его ароматы, цветы и песнопения, и запомнила их. И, конечно, восхитилась роскошному золотому жару, проникновенному свету нескончаемо чудных дней, томительному ароматному духу, тихо пробирающемуся каждую ночь, через окно, прямо к тебе в постель. А как прекрасно было в саду поутру!

Жизнь же людей всё это время воспринималась несравненно упрощённое, скучнее, почти условно, как некое достаточно обременительное и вынужденное действие, без которого, к сожалению, не обойтись.

С великой радостью и печалью несу я в душе ушедшее лето, думаю счастливо обо всём, что приключилось в нём, с благодарностью принимая в сердце его ласковое засыпание, и сам, незаметно, становлюсь покойнее, чище.

Осень

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём, кажется, с самой весны, но, чего-то не досказав, вдруг угаснет. Посмотришь туда – и подумается: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени, и не в силах противостоять – без особого сожаления уступило.

X X X

Странно, что осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-нибудь лесной колее, заполненной тихой водой, и никогда не додумаешься взглянуть в весеннюю восторженную лужицу.

X X X

Всё в природе растёт, цветёт и рано или поздно умирает, но ничего этого, умершего, почему-то не жаль.

X X X

Хочу понимать язык горихвосток и пчёл, жаворонков и журавлей, трубный зов сохатых, восторженные трели синицы поутру, и, наконец, секреты глухариной песни, звуки которой птица величественно роняет весеннею порой, но более всего, почему-то, завораживает под осень холодающий душу вой волков, его неизбывная тоска и тайна...

X X X

Пока осень не доскажет человеку всё до конца – ни за что его не оставит.

X X X

Из всех умирающих времён года жалеешь почему-то только золотую осень...

X X X

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами великан-лось или присевшая на ветвь птица, зацепившийся за лист паучок благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья, но ни за что у листа не хватит сил оставить дерево самому, без чьей-либо поддержки, когда он вдруг отчего-то шевельнется, оборвется и полетит, принадлежа теперь только себе.

X X X

В ноябре лес ещё не укутан в снежные шали, и потому хорошо видно, как он собирает к ночи все свои последние мысли, из зелёного постепенно превращаясь в чёрный. Но не пристало в темноте природы что-либо худое искать, ибо чёрная ночь – белому дню родная мать.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь: как бы побыстрее пережить зиму и обрадоваться весне... Но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от незаслуженных приобретений, обратив её к истинному осознанию самого себя.

X X X

Натолкнувшись осенью на звериную тропу в каком-нибудь глухом ложке, с укромным ручейком, первым делом почему-то удивишься – что тут делали люди, и уж потом только сообразишь: ведь это набили себе путь к воде великаны-лоси, и ещё всё лето водил на водопой свой выводок старый барсук!

X X X

Выдастся под осень такой день, когда оранжевые, коричневые и жёлтые сыроежки попадают под ногами как бесчисленные осиновые листочки – яркие, притягивающие, живые, и ты бредёшь среди них и выбираешь самые привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился было с самого начала. А грибов с каждым шагом становится ещё больше, и всё радостнее и краше.

X X X

Порой повстречаешь по осени свежий отпечаток медвежьей лапы, оставшийся после дождя, и почему-то захочется его запомнить, и унести с собой.

X X X

Когда берёзки и осинки начинают сыпать свои золотые монетки – ярко-оранжевая большая сыроежка становится ещё красивей, и ты даже без особой нужды поклонись ей и срежешь.

X X X

С утра на душе было хмуро и пусто, как-то по-стариковски бессмысленно, но прошёл дождик, каждая капля засветилась маленьким золотым лучиком, и осенний день сразу предстал молодым и красивым.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская метель.

X X X

Даже облетевшие с деревьев листочки сохраняют своё лицо, приобретая, к тому же, ещё что-то новое. Берёзовые - напоминают маленькие шкуры рыси, ирги – словно аккуратные монетки, засветившиеся изнутри золотистым жизненным соком, осиновые – это бушующие пламенем сердца и души, тополевые – как будто просто выкрашены жёлтым цветом, черёмуховые же – почему-то не докрашены, а ясеновые, широкие, с тёмно-зелёными, грязноватыми боками принимаешь за чёрные грузди...

Только наклонившись к ним – убеждаешься в их неподражаемой осенней игре, которую они ненавязчиво и тихо затевают с тобой.

X X X

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнажённости уже угадывается трепетное ожидание ещё неведомой жизни.

X X X

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

X X X

Густой осенний туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает – на что с ними решиться?

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка красноватой, но вот однажды под осень вдруг случится увидеть её зелёной, свет от неё заберётся к тебе в душу, и нащупает там неведомые ранее мысли и чувства.

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу и, кажется, никак не может напиться, чтобы потом, весной, отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Каким-то особым чутьём угадываешь, как птицы советуются между собой перед осенним перелётом, в чём-то уговаривают друг друга, учат, соглашаются и даже спорят, но с виду, при этом, остаются почти невозмутимыми.

X X X

Осень полнее и глубже других времён года потому, что последние сроки всегда до предела насыщены чувственной мыслью: в ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полёта.

X X X

Что, кажется, толку следить за тяжёлыми мокрыми листьями, отрешённо опускающимися на холодную землю со всех сторон, однако вдумчиво всматриваешься, вслушиваешься и отчего-то не в силах прекратить этого молчаливого наблюдения.

X X X

В ноябре, по первому снегу, в лесу не видать ни малейших следов каких-либо зверей, кроме редких беличьих переходов. Неугомонным зверькам, должно быть, не сидится в уютно обустроенном гнезде, и всё не терпится разузнать – целы ли заготовленные ими на зиму запасы?

X X X

Осенью птицы летят быстро и деловито, не произнося ни звука, весной же – в нетерпеливом напряжении, но вольготно, громогласно наполняя энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи, в которых вода, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек.

X X X

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё, кажется, не может нарадоваться своей способности, безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться.

X X X

Случается осенью день, который не отличишь от весны - в нём так же пахнет землёй, снегом и листьями. И только ощущая в себе отсутствие той, приподнятой радости, когда внутри тебя бродят ещё нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успокоилась, а душа, переболев свою золотую пору, тихонечко притаилась. Весна, говорят, своё скажет, осень же - как прикажет.

X X X

Люблю, когда вечерние тени в осеннем лесу не сливаются одна с другой, будто каждая живёт своей потаённой жизнью, а ночь подступает крадучись, неспешно, чтобы ты так же, потихоньку, проникся своими самыми сокровенными за день переживаниями, и незаметно перенёс их в вещий сон.

X X X

Поздняя осень... Кажется, всё умерло, но так хочется жить!

X X X

Проснувшись глубокой осенью, посреди ночи, всегда почему-то почувствуешь: пасмурное на дворе небо или звёздное. И если звёздное – тотчас, неизвестно чему, обрадуешься и окунёшься в сладкие сновидения, а если пасмурное – долго ворочаешься, всё думаешь о чём-то, и, ни к чему не придя, тяжело забываешься только под утро.

X X X

В мрачное ноябрьское время не скоро доберёшься в лесу до той жизни, что никогда не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неопишемую отраду.

X X X

Старые пни по осени не удручают своим высохшим видом, а наоборот, вызывают уважение.

X X X

Далеко не сразу я разглядел, что дожди, как и месяца, бывают разноцветными. Апрельские обычно чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли – алмазным камешкам: в них сосредоточен весь весенний свет. Летние – золотистые, пронизанные солнцем, с туманной дымкой – нежно-перламутровые, дарящие такую же переливающуюся невыразимую надежду. Осенью же, в октябре, из-под высоких небес летят и разбиваются о ветви холодные серые капли, но и у них есть своя, неброская, но очень вдумчивая воля.

X X X

Если долго посещать лес, то однажды обязательно затеряешься в его вневременном пространстве, и в каком-нибудь глухом осеннем распадке вдруг услышишь жаркое потрескивание костра, конский топот, возбуждённый говор людей и бряцание старинного оружия.

X X X

Когда восход солнца невидим из-за тяжёлых осенних туч или облаков – всегда чудится, будто кто-то пристально подглядывает за тобой с небес, но ничего не предпринимает.

X X X

Однажды осенью исхудавшая волчица, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги мне навстречу и, казалось, её ничто не тревожит. В каких-нибудь двадцати метрах, даже не глядя в мою сторону, она резко повернула в лес и исчезла.

Я стоял опешивший от ощущения близости такого редкого зверя и почему-то был уверен, что ещё увижу его. И действительно, волчица, обогнув меня сквозь чащу, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль, и заглянула в лицо.

Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту холодно смотрела мне прямо в глаза, а затем, так же понуро повернувшись и не произнося ни звука, удалилась.

X X X

Хорошо помню, как впервые попала мне в руки живая птица: это случилось осенью, и подраненная из отцовского ружья кедровка безропотно реагировала на любое моё прикосновение, быстро отдавая мне всё своё тепло.

X X X

Хорошо иной раз в тёплый осенний день улечься на землю и посмотреть, как разнообразно живут вверху деревья. Какие у них разные судьбы, что выражается в диковинной форме крон, изгибах ветвей и стволов, шуме листвы и всех звуках, что они издают.

Вот заскрипела берёза, и ты не сразу определишь, какая из них подала свой голос. Долго вглядываешься и вслушиваешься в тишину леса, пока сам не почувствуешь, как она тоскует о былой молодости, словно это ты сам, и, наконец, замечаешь с необыкновенной радостью: вот эта...

Если берёза начинает скрипеть, её нужно рубить, так считают люди, заготавливающие дрова. Но я повременю, и приду на помощь, только когда ей будет невыносимо от старости. Сейчас же я слушаю, как старая берёза проповедует мудрость.

X X X

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела.

X X X

Обычная песенка лесного ручейка по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – необыкновенно умиротворённая, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

В природе никогда ничего не даётся человеку даром, и до всего интересного можно добиться только ночёвкой в холодном, пугающем, но удивительном осеннем лесу.

X X X

Даже в самом благородном устремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодящей осенней тьмы, что порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

Пряный аромат опавших листьев сладок их горечью.

X X X

Завидев в конце осени ещё не облетевшую, золотисто-пурпурную осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его всё не было и не было.

X X X

Бывает, промозглой осенней ночью жалобно заголосит где-то сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой всё в тебе неожиданно встрепет и просветлеет.

X X X

Осенний разноцветный вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой, и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом и долго припархивает, как будто не находит себе места.

X X X

Чёрный дятел желна, всегда неожиданно и как-то сказочно выпархивающий на тебя из чащи, напоминает неловко выброшенную кем-то из костра головёшку, что и не подумаешь тушить, а только залюбуешься огнём её алой шапки, напоминающую вспыхнувший жар осеннего леса.

X X X

Мелодичный посвист рябчика - словно неведомая лесная дудочка, что даже в осеннюю непогоду всегда настроена на трогательную радость.

X X X

Необычно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табунятся в плотные многочисленные стайки: каждый из них чуть ли не касается своего приятеля, но совершенно никому не мешает.

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну боль, ни в чём не можешь ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха с сиренью, кажется, не источают свой аромат. И только когда приходит осень – неожиданно отмякаешь душой, забываешься и летишь.

X X X

От осеннего утреннего морозца одни листья краснеют, а другие становятся бесцветными.

X X X

Заслышишь, бывало, в глухой речной долине сухой стук рогов сохатых, заметишь между маленьких сосенок на миг сталкивающиеся коричневые тени, но - ни стоны, ни рёва, ни хрипа зверей не уловишь. Схватившись намертво, могучие животные, не отступая, в напряжённом молчании месят острыми копытами заснеженную землю, и лес как будто ещё более притихает от их отрешённого осеннего единоборства.

X X X

Мы совершенно спокойно воспринимаем осенние бои сохатых, этих сильных и горделивых зверей, когда они борются за самку, но как объяснить подобные турниры среди прекрасных бабочек, например, махаонов, если они бьются до тех пор, пока не полетят кусочки крыльев?!

X X X

Десятки раз меняя за лето свои оттенки, зелёный цвет к осени иссыкает и просто желтеет.

X X X

Выпадет первый снег – и весь мир сразу изменится, отчего покажется, будто и жить надо как-то по-другому, лучше...

X X X

В осеннем лесу так тихо, что слышно, как ступают по сухой листве рябчики...

X X X

Разноцветные и яркие платья деревьев в ясную погоду удлиняют осенний день, словно задерживая последние лучи солнца.

X X X

Если внимательнее взглядеться в жизнь леса, то в чистых березняках заметишь промелькнувший заячий хвост. В мглистых ельниках - померещится уже пристально вглядывающееся в тебя медвежье око. Заросшие и тесные ольшаники покажутся чьей-то неразрешимой судьбой, а редкие сосняки откроют щедрую и добрую сказку. Заматеревшие же осинники неожиданно-негаданно подарят радость постижения того, что всегда не давало покоя и пряталось.

Но однажды, погожим сентябрьским вечером, всё это таинство открывается в их серо-зелёных и чистых верхушках, на которых в лучах заходящего солнца греют золотисто-бурые грудки копалухи, а могучие мошники горделиво восседают рядом, изредка роняя в предвечерний осенний воздух укромные капли-звуки: «чек-уоок, чек-уоок, чек-уоо-ок!»

X X X

Предзимняя морозная чистота в ноябре так проясняет воздух, что долго её выносить невозможно.

X X X

Ни про один гриб, кроме сыроежки, не скажешь, будто он повязал яркую косынку...

X X X

Иногда, в ноябре, вдруг налетает какой-то ужасающе-несгибаемый, вселенский ветер, но от этого становится хорошо, а не страшно.

X X X

Бывает, во время осеннего гона, два лося сплетутся рогами в схватке из-за самки и, не в силах разъединиться, погибают. Так случается, увещевают бывалые люди, но в это почему-то не хочется верить.

X X X

Дрожит последний лист в самой вершине осинки, и будто мокрой ладошкой пытается потушить зажигающуюся звезду.

X X X

Среди людей обычно принято считать, что волчьей песне слышится одна смертная тоска, но вот холодной сентябрьской ночью взвояет где-то волк, а на душе становится тепло и покойно.

X X X

Стылый северо-восточный ветер пронизывает до костей, стоит только за чем-нибудь ненадолго выскочить из дому, а взъерошенные воробьи без умолку щебечут о чём-то, усевшись друг напротив друга, и не обращают на ветер ни малейшего внимания.

X X X

Первая октябрьская пороша не искрится, не ослепляет, а светится как бы ненароком, с лукавой улыбкой.

X X X

Всё печальней отголоски осени, а рёв лося становится ещё более призывным!

X X X

Ноябрьские синие тени быстро укорачиваются, исчезают, но из надвигающейся в природе темноты постепенно вырастает огромное желание света.

X X X

Тёмно-бурый, с длинными белыми ногами, что под стать пожухлой коричневой листве и молоденьким берёзкам, среди которых часто стоит лось, он благодаря своему окрасу, даже в оголённом осеннем лесу, остаётся незаметен. И если когда и выбирается на открытое место, осторожно преодолевая просеку или

полянку, всё равно убеждаешься в его изумительной способности сливаться с лесной чащей, когда зверь, вроде бы, и пересекает пространство, но получается это у него, опять же, как-то неприметно.

X X X

Осенью все мысли медленно и неумолимо устремляются вниз, в корни, в какую-то неведомую, бесконечную глубину, и оттого душа начинает жить размеренно, с затаенной загадкой на неторопливую и длительную работу.

Весной же каждый день горит как последний, но, догорев, не угасает, а через какое-то время вновь разгорается с ещё большей силой, а ты даже не задумываешься об истоках своей радости, и только тянешься ввысь, к свету.

X X X

Прелесть сбора грибов в пору бабьего лета не только в их обилии, сколько в обнаружении в самых непредсказуемых местах.

X X X

Пижма, вроде бы, отошла, стебель и листья её пожухли, покрылись за лето обильной пылью, особенно — вдоль лесных дорог, но жёлтенькие бутончики только набирают силу цвета, поднимая к небу новые гроздья ярких маленьких солнышек.

X X X

Прямые ногами опавшие листья, тихонечко выправляясь, будто вновь на миг оживают, озаряясь последней прекрасной улыбкой.

X X X

Приятный осенний ветерок обнимает мокрые плечи могучих елей, а их прохладные ветви заботливо прикасаются к твоим разгорячённым щекам и шее...

X X X

Камни на дне потаённых осенних ручьёв вглядываются в склонившегося над ними человека очень целомудренно, с робкой надеждой на то, что он проявит к лесу такое же трогательное и вдумчивое отношение.

X X X

Когда сижу напротив жарко пышущей печки или потрескивающего костра, и смотрю, не отрываясь, на огонь, как будто заглядываю в какую-то нескончаемую природную даль, и постепенно обретаю там самого себя.

X X X

Лица деревенских людей, их простые деревянные дома, лес за покосившейся околицей и низкое серое небо над ним в осеннюю пору могут быть очень печальны, даже сиротливы, но в них никогда не ощущается равнодушия.

X X X

Упруго и мягко вспархивает по осени затаившийся в глухой чаще рябчик, будто слегка надорвали кусочек шёлка – «пр-р-р-р-р»... Но если обмолвится охотник, что рябчик, раньше времени испугнутый им, сорвался и улетел, з-а-г-р-е-м-е-в /!/ крыльями, то бывалые люди воспримут его слова вполне обычно, как должное.

X X X

Самый молодой, только что выпавший в октябре снег не сочетается ни с ельничком на взгорке, ни с завалившимся огородом, ни с самой деревней, он только восторженно кричит!

X X X

Многие птицы, которые прилетают к нам осенью на зиму, при виде кормёжки тотчас рассыпаются - кто куда, но вот чечётки всегда держатся сплочённо, кормятся на одном дереве, и даже на придорожную траву или сугробы опускаются все вместе.

X X X

Красиво, как древние письмена, вычерчиваются по первому снегу отпечатки лап сорок и ворон, и обыкновенные, порядком надоевшие всем за лето птицы сразу начинают представляться неизведанными.

X X X

Когда осенью быстро темнеет, кажется, что лес надвигается на деревню, и ты чувствуешь, как он пристально всматривается во всё, вслушивается, но никого не пугает.

X X X

Завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией невыразимо тоскливого волчьего воя, но так ли тосклива волчья песня, действительно схожая по звучанию с самой свободной стихией?!

X X X

Было дело, подстрелил я как-то осенью, на заброшенной пасеке, выпорхнувшую из-под ног серую куропатку. Куропатка, театрально спланировав прямо на деревянный настил у старенького домика, раскинула крылья и замерла.

С переломленным ружьём, ничего не подозревая, я подошёл к ней почти вплотную, и уж было протянул руку, как птица неожиданно встрепенулась, неуверенно приподнялась над землёй, и бочком-бочком, постепенно выправляясь, улетела, но я, помнится, тотчас поймал себя на мысли, что не разочаровался, а обрадовался.

X X X

Широко и вольготно простирается вокруг величественная осень, тёмно-синие ельники сменяют оранжевые и пунцовые осины, а берёзы уже почти облетели... Всеобъемлющие покой и тишина опустились на землю, всех зверей и птиц постепенно умиротворили и как-то необыкновенно обособили. Всем до всего в лесу стало дело, и каждый, не мешая другим, неспешно принялся обустривать перед долгой зимой свою жизнь.

Лишь человек, обуреваемый необъяснимыми думами и чувствами, зачарованно вступает под лесной полог, отрешённо бродит по укромным тропинкам и никак не может разобрать, для чего он это делает.

X X X

В укромном рождении мглистого и неустроенного октября, что ни колеса, ни полоза не любит, мне всегда чудится радостная пора моего далёкого и глубоко затаенного детства.

X X X

В сгущающихся осенних сумерках совы усаживаются на голые верхушки облетевших осин, стоящих вдоль дороги, и будто провожают тебя из леса, молча напутствуя не забывать его и хотя бы изредка возвращаться.

X X X

В ноябре звёзды колючие и недостижимые, как на рисунках милых и непредсказуемых малышей, а в мае – доступные и мягкие, наподобие новогодних катышей из ваты, что обычно изображают пушистый снег, в который никто не верит.

X X X

Услышишь русское - «колотьё», и сразу представляется смёрзшаяся, в ледяных култышках земля, тугие от зазимка колеи с хрустящим ледком и как гулко ударяются в них подкованные подошвы сапог, сами, ровно эти подстывшие колдобины, сжавшиеся и тугие. Ледок, будто морщинки в уголках глаз, пронизан по краям длинными белыми иголочками, вода промёрзла до земли, и всё вокруг, вместе с полёгшей бурой травой, стылой землёй и скорчившимися у обочины кустиками, сжалось так крепко, что, кажется, не оттаяет уже никогда.

Прокалён морозом и воздух, им трудно дышать, воздух обжигает рот, нос, щёки, забирается в рукава, за шиворот, так что через некоторое время тебя начинает колотить озноб. Только колкие удары сердца сохраняют в теле тепло, но ноябрьский заморозок и не думает отступать, к рассвету ещё более цепенеет, сковывая ледяным дыханием... А всего лишь одно слово – «колотьё».

X X X

Вытянутый вверх древесный нарост напомнил мне в сгущающихся осенних сумерках сидящего на суку филина, который зажмурил оба глаза, нахохлился и замер в ожидании добычи, будто окаменел, волнуя воображение скрытой в себе цепкой жизнью, а когда я приблизился к ёлке, вдруг ... ожил, взмахнул мохнатыми крыльями и растворился в чаще.

X X X

Скажут: «Неутомимый сеттер поднял стремительных куропадок», и фраза тотчас пропадёт, даже толком не появившись, но вот кто-то знающий заметит: «Паратая борзая вытурила из чащобы матёрого толстоусого русака!» - и слова сразу заиграют, забегают, как этот русак, и живо представится осенний лес, притихшее жнивье и жалобно вскрикивающий дятел-желна, которого испугнул за соседним перелеском стронутый с лёжки косой.

X X X

Первый снег покроет землю лёгким кисейным покрывалом, первый лёд скуёт озёра и реки изысканным хрусталём, а первый зазимок так выяснит небо

лазоревыми изразцами, что родной для тебя лес ещё более преобразится и станет совсем неузнаваемым.

X X X

Всем к лицу первое снежное утро, и даже старый лис, кажется, давно позабывший себя, и тот хорошеет...

X X X

Именно в том, как поэтично умолкает природа к осени, проявляется её доверительное отношение к человеку.

X X X

Уже близится скорый осенний вечер, а дятел всё стучит и стучит на одном и том же месте...

X X X

Если взять опавший осиновый лист и посмотреть сквозь него на солнце, то рисунок жилок совпадёт с рисунком кроны дерева, живо повторяя разбег даже самых мельчайших веточек.

X X X

Крупная, под цвет осенней листвы глухарка подпустила меня почти вплотную, так что я заметил её только в последний момент, поднялась на крыло неторопливо и полетела с нескрываемым достоинством, будто даже не выказывая своего недовольства тем, что я её побеспокоил.

X X X

В ноябре тяжёлый тёмно-красный закат обещает на утро лёгкий серебристый заморозок.

X X X

Домовито, с хозяйской смёткою и нескрываемым довольством сытно квохчут по осени упитанные дрозды, тяжело перелетая с дерева на дерево, а рябинки с черёмухой кажутся после них обнищавшими. Да что поделаешь: рябиновый и

черёмуховый род по осени чужую суму полнят, так Господь повелел, но и то верно, что нищета живёт, а богатство гибнет.

X X X

Ещё стоит сухой, крепкий октябрь, и до конца не опал лист, а заячий мех уже насквозь пронизан нежной голубизной.

X X X

Весной птице надо, во что бы то ни стало, лететь, а осенью – возвращаться.

X X X

Высота приглушает гортанный гогот пролётных гусей, но от этого он становится проникновеннее и мягче.

X X X

Когда вокруг воцаряется непогода, я смотрю на неё глазами любви, и принимаю как часть всего прекрасного в природе. Пусть оно на время и хмуро, но тоже необходимо для человека, чтобы он учился ценить солнце.

X X X

Из-за пустой суеты и неразберихи, какую дрозды устраивают под осень на полной ягод черёмухе или рябине, приходишь к твёрдому убеждению, что эти птицы ужасно глупы.

X X X

К осени, покидая родину, журавли с тоской возвещают о вынужденных дальних перелётах, но почему весной в их голосах слышится такая пронзительная печаль? Наверное, журавли горюют о времени, проведенном вдали от родины, но и, видно, верно утверждение, что на родной земле Бог от всякой печали избавляет, хотя на ней и потужить не грех, ибо не бывает в жизни печали без радости, как не случается и радости без печали!

X X X

Вся жизнь на земле с неизменно происходящей сменой времён года для того и существует, чтобы человек догадался о своём бессмертии и, не уставая, рос.

X X X

Совсем бесприютными становятся редкие просветы над лесом, всё ниже склоняются под осенними дождями метёлки бурьяна вдоль раскисших дорог, но всё так же, с неизменной жадностью, хочется жить, любить и работать.

X X X

Невозможно представить, что ястреб или коршун, которые всегда держатся в одиночку, и встречаются намного реже, чем другие птицы, к осеннему перелёту тоже сбиваются в стаи. Ястреб в ястреба не приходится, говорят в народе, и даже среди родственных себе птиц держится один, потому, что сам себе господин.

X X X

Природа так правдива, что, очищаясь перед долгим зимним сном, сбрасывает с себя последнее платье из пожухлых листьев, совершенно оголяя себя.

X X X

С завершением осени воздух становится неприкаянным, серым, но это не вызывает неприятных ощущений, а наоборот, постепенно рассеивает их и незаметно умиротворяет.

X X X

В конце октября, перед первой порошей, земля, небо и воздух от перенасыщения влагой становятся чёрными, как уголь, но подступающая зима ненавязчиво штрихует их белыми косыми линиями, создавая свои первые неподражаемые гравюры.

X X X

Сентябрьскими сумерками, под вечер, сова нетерпеливо перелетает с дерева на дерево, что-то неразборчивое постанывает себе под нос, и отчего-то нагоняет неизъяснимую осеннюю грусть, которая по-своему прелестна.

X X X

Оттого, что полынь осенью торчит по пустынным полям, в ней видят только печаль и горечь, не замечая её жаркой воли, пахнувшей терпким, безудержным ветром.

X X X

По красивому народному поверью, на исходе лета, в одну из ночей выходит на берег лесной реки какой-то небывалый лось, опускает в воду свои раскидистые рога, и вода вмиг остывает, а сердце зверя наполняется невероятной силой... Так начинается в притихшем лесу последний праздник звериной любви – осенний гон.

X X X

Всегда с затаенной грустью улавливаешь наступление той поры, когда сквозь пышную зелень и щедрый солнечный жар вдруг явственно проступают первые пряди осени, и случается это всегда с липой.

X X X

Часто в осеннем лесу, особенно по опушкам, находил я на земле полуразрушенные птичьи домики из выцветшей травы, их бывлые гнёзда, и было мне так, будто это я сам потерял то, чего уже никогда не вернуть.

X X X

Осенью леса оголяются, и ты начинаешь, наконец, замечать лиственницы, берёзы и осины с липами, которые ещё до конца не облетели, но стали уже отличимые друг от друга: в каждом из деревьев обнаружилась тщательно скрываемая в течение всего лета таинственная душа.

X X X

Именно осенью, когда по-особому обостряется щемящая сердце грусть, становятся более чуткими зрение и слух.

X X X

Бывает, в конце октября, вместо дождя, изредка начинают падать первые снежинки, которые моментально тают на мокрой земле, и от этого первого снежка дышится ещё глубже и пронзительнее, а разгорячённое после ходьбы тело так приятно охватывает лёгким ознобом, что ты понимаешь: даже в глубокую осень ничего не умирает.

X X X

Когда лес простится с пролетающими вальдшнепами, разноцветными листьями, последним теплом, его вдруг пронзает запах тончайшей свежести, что истекает от тёмной воды, замершей в дорожных колеях.

X X X

В первое снежное утро хорошеют облетевшие кусты и деревья, надоедливое вороньё и даже раздосадованный чем-либо человек.

X X X

Стоит бабье лето... Ещё перебегают по дорожкам, смешно семеня тоненькими лапками, вездесущие трясогузки – очень изящные и милые птички, и когда они трепетно вздрагивают своими длинными хвостиками, торопливо чистят перышки и бросаются с лёта в лужи, то кажется, что лето ещё и не кончалось, а осень никогда не наступит.

X X X

Наиболее крепок и глух сон именно в осеннюю ночь, которая не напряжена таким мучительным ожиданием, как зимой, весной или летом, а преисполнена, наконец-то, достигнутой в природе отрешённостью, когда можно преспокойно забыться, уже не обдумывая никаких важных перемен.

X X X

Меня несколько не удивляет, что у грибов есть любимые места, на которых они рождаются непременно каждый год, в большем или меньшем изобилии.

X X X

Осень, как никакое другое время года описывалась русскими писателями, которые глубоко и тонко чувствовали её, понимали и так проникновенно передали всю прелесть этой увядающей красоты, что лучше, кажется, уже не скажешь, а она всё равно остаётся неисчерпаемой.

X X X

Расплавленным золотом река начинает течь только под осень...

X X X

В конце октября в лесу тихо-тихо, и если зашуршит, цепляясь за ветки, одинокий лист, почудится, будто кто-то ненароком вздохнул и затаился, а уж если пробежит мышь, то сразу встряхнёт осеннюю тишину!

X X X

Чувствуя поздней осенней порой близкое угасание всего живого – ощущаешь её как замораживающую тишину, и в этом умиротворённом смирении природы открываешь для себя не замечаемую ранее удовлетворённость.

X X X

Осеннее «чек-чеке-вяк, трю-рю-рю-рю-рю» у рябчика – это знак довольства размеренной лесной жизнью, милая птичья доброжелательность и улыбка: так петушок, несмотря на «вечер» года, предлагает рябушке свою любовь.

X X X

Вступая осенней ночью в полосу лунного света, вдруг вмиг ощутишь, как в нём безжизненно, но не пусто.

X X X

Осенний ветер стремглав бросается между домов, весенний – льётся нескончаемым потоком...

X X X

В глухую осень деревья в ночном лесу всегда таинственно переговариваются, еле слышно нашёптывая: «Здесь ничуть не страшно и очень хорошо», и от этого всякий страх пропадает, и на душе становится покойно и легко. Как будто ты век бродил по неизведанным дорожкам, и никогда ничего не боялся, наслаждаясь вкрадчивой ночной тишиной.

X X X

Ни сентябрь, ни октябрь, ни даже ноябрь, несмотря на постоянно сеющий снег, всё-таки не припадают к земле, а устремляются зачем-то обратно, в безжизненно-стеклянную высь. И только декабрь, с наслаждением и очень долго, примеривается, как бы лучше ему это сделать, и, наконец, укладывается и безмятежно засыпает, сосредоточив всю свою силу под собой.

X X X

Идёшь погожим осенним днём за грибами - и под каждой елью воображаешь семейство крепких боровиков. Неумоимо заглядываешь под еловые лапы, тешишь себя предощущением желанной находки, а там только таинственная пустота. Наконец, попадается такая старая красавица-ель, что уж, кажется, она-то не может не скрывать в своей укромной тени хотя бы один белый, но и под ней ничего нет...

«Вот те на!» - восклицаешь в сердцах, после очередной неудачи, совсем отчаявшись отыскать желанный гриб. А находишь его неожиданно возле какой-нибудь неказистой высохшей ёлочки, что незаметно становится для тебя самой красивой и дорогой.

X X X

Первый ноябрьский снежок не смущает легкокрылых комариков, они преспокойно перелетают, толкаются в воздухе, будто совсем не замечая его, и даже временами касаются тоненькими ножками стылой снежной поверхности.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что в полной мере и, наверное, более заслуженно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все наши чудесные времена года.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной – голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: какими бы красками ещё разгореться напоследок, перед тем, как угаснуть, при этом, кажется, даже не замечая, что переполнены разноцветной жизнью.

X X X

Кажется, осенний лист падает с ветки уже безжизненным, не делая никаких усилий, но оторвавшись – он будто обретает недостающую ему после долгой неволи свободу, и наслаждается этой единственной возможностью закружиться и полететь.

X X X

Белые грузди – это лебеди среди грибов, с присущим только им разлётом плавных линий шляпки.

X X X

Казалось бы, август с сентябрём – родные братья, что идут рука об руку, однако в отличие от прильнувшего к земле августовского неба, с большими лебяжьими облаками, высокое сентябрьское становится строгим и недоступным.

X X X

Осенняя трогательная пустота звенит на разные голоса, оттенки, звуки, и даже в угасающем сумраке ноября, когда, кажется, жизнь замерла, она до конца не истаивает.

X X X

Ночная пороша в ноябре ложится легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – поднимется вдруг целой тучей метущихся звёздочек, и ну всех жечь, да колоть без разбору!

X X X

Кажется, велик ли ноябрьский день, а тянется порой так до нескончаемости монотонно и тихо, что начинаешь думать обо всей жизни, как о непостижимых сереньких сумерках, по всевышнему недосмотру оставленных на время над землёй, а вскоре и вовсе забытых.

X X X

Выпал первый снег – и будто побелели серые вороны, галки и сороки.

X X X

Осенние сыроежки – что девушки на выданье: безупречны своими нарядными платьями, ароматом и нежными формами.

X X X

С виду прохладный и бесчувственный осиновый лес источает еле уловимое бледно-зелёное свечение, исходящее от коры, и благодаря этому, как ни странно, в осеннем лесу становится теплее.

X X X

Осень подступила со своими промозглыми ночными холодами, и лавина тёплых красок затопила леса...

X X X

Молчание осеннего леса обычно не наводит тоски, а вот ветер в эту пору может вызвать чувство одиночества, когда своими завываниями напоминает всеми забытого и покинутого изгнанника.

X X X

Каждый раз как будто навсегда теряешь родное лето, но всякий год оно возвращается.

X X X

Только бабьим летом, в отличие от июня, июля и августа, солнце становится по-особенному уверенным и добродушным.

X X X

Пара чирков-свистунков прочертит зеркальную гладь лесного озера, шумно взмахнёт крыльями белая цапля, напугав выводок отъевшихся за лето кряковых уток, и опять воцарится безмятежный покой, чутко поджидающий скорый приход осени, что приведёт за собой полное умиротворение вод...

X X X

Молодые берёзки, незаметно подтянувшиеся и возмужавшие к осени, прямо посередине старой вырубki, почему-то напоминают одиноких воинов на поле битвы, и даже светятся корой как-то по-особенному напористо и неустрашимо.

X X X

Ночуя по осени в лесной избушке, нет даже мысли взглядывать в тёмные окна, ничего в них не видя, но сладостно представлять, как всё там, в ночи, происходит.

X X X

Хорошо возвращаться мягким сентябрьским вечером из лесу в деревню, когда свет в домах ещё не зажигали и окна чуть теплятся потухающей зарёй, а ты идёшь, убаюканный этой дремотной тишиной, и ничего больше не желаешь.

X X X

Бывает, когда серое осеннее облако заслонит солнце, только тогда становятся видны силуэты многих прекрасных птиц...

X X X

Омытый осенним дождём сад почему-то сразу напоминает утраченное детство, и благодаря именно этому саду, посвежевшему и чистому, ты, как в детстве, впервые открываешь для себя существование неведомой природы.

X X X

Темна ледяная чистота осенних потаённых ручьёв, что, кажется, ничего уже не обещает, но взглядевшись в эту темноту, неожиданно обнаружишь в ней свой свет.

X X X

Даже когда застывают в камень последние грибы и волглый лист смерзается в сплошной хрустящий покров, в редкие солнечные утра ещё угадывается застоявшееся дыхание лета, которое почему-то не уходит, замирает немим изваянием в самых неожиданных местах, и как будто напряжённо решает: что же ему делать дальше?!

X X X

Когда лес обнажается, поля пустеют, а последние птицы улетаю на юг, более естественно появление изумрудной озими, нежели серовато-пегого снега.

X X X

В ноябрьские оттепели и берёзы, и дома, и дымки над крышами словно нарисованы мягким рассыпающимся угольком... Даже носатое вороньё, неловко переворачиваясь в невидимых потоках влажного воздуха, кажется, само вычерчивает в небе своё изображение и тут же его стирает.

X X X

Осенняя красота не боится увядания, и даже напоследок дарит только радость.

X X X

Странное забытье испытываешь ночью в осеннем лесу, когда вроде бы и проснулся, а прийти в себя до конца не можешь. Так, не очнувшись, и живёшь до утра, и даже с рассветом в тебе не рассеивается что-то тревожное и тёмное, как несмолкающее таёжное эхо.

X X X

Будто разбойник, неприметно и тихо, подобралась вдруг осень, и в одну ночь подожгла все леса.

X X X

Никогда, даже в самые пасмурные осенние дни, небо не бывает серым равномерно.

X X X

Постоишь под ёлкой, послушаешь нежный пересвист синиц и вздохи осеннего ветра в её ветвях, и молчание это покажется полнее самого содержательного разговора.

X X X

Обыкновенная полынь горька и сиротлива, она не обладает таким ярко выраженным ароматом, как мята, кипрей или лабазник, но попробуйте по осени угадать её запах, приблизив растение к себе, и вы будете повергнуты множеством его самых разнообразных оттенков!

X X X

Выпал в конце октября первый снег, и деревья облегчённо поникли под его тяжестью.

X X X

Порой выдаётся такой богатый на рябину год, что ягоды алеют аппетитными гроздьями всю осень, зиму и даже остаются нетронутыми до самой весны, но снегири не обращают на них внимания, а усиленно обклёвывают засохшие семена сирени.

X X X

Запах расцветающей черёмухи обычно заполняет собой всё весеннее пространство – кружит, дарит непередаваемые ощущения, куда-то уносит. Он почти неуловим и удивительно мягок.

Но вот подстрелишь по осени рябчика, зоб которого до отказа набит черёмуховыми ягодками, начнёшь его обдирать – и в нос ударит насыщенный аромат черёмуховых косточек, что ощущается не менее таинственно и завораживающе, но уже очень резко ипряно.

X X X

Бесконечные, смешавшиеся между собой дни швыряет золотыми пригоршнями сентябрь, и они, точно блестящие монетки, рассыпаются по всей земле, но никто их не собирает, будто не замечая.

X X X

Осенью не выходишь на двор посмотреть – чисто ли небо, а принимаешь всё происходящее в природе как должное.

X X X

В июне дни ложатся, удобнее укладываются,
в июле – растекаются,
в августе – приподнимаются к небесам,
в сентябре – они готовы куда-то лететь,
в октябре – тихо растворяются повсюду, они везде и нигде,
в ноябре – чего-то ждут, затаившись,
в декабре – начинают робко показывать себя,
в январе – уже подбоченившись, чуть ли не пляшут,
в феврале – мятущиеся, не находят себе места,
в марте – пронизывают собой,
в апреле – обмякают, много и не по делу плачут,
в мае – вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой...

X X X

Не каждому дереву осенью дано быть красивым... В отличие от берёзы с осиной, ольха свои листья держит крепко, до самой поздней осени, и что примечательно – опадают они почти зелёные, хоть и покоробленные. Ольха будто несёт в себе вечную молодость, не желая сгибаться перед непогодой.

X X X

Неумолимый октябрь остужает запахи, звуки, желания, а жизнь становится ещё загадочней и краше, чем весной или летом.

X X X

Осенью обычно бредёшь наугад, больше глядя под ноги, весной – устремлено летишь, не чувствуя под собой земли.

X X X

Отдалённое дыхание осени порой навевает печаль более неизъяснимую и тяжкую, чем её самая слякотная пора.

X X X

Идя осенью по сырой лесной дороге, усыпанной хвоей и сосновыми шишками, приятно ощущать, как они пружинят под сапогами, и земля совсем не ощущается.

X X X

Каждое осеннее утро является к человеку с обновлениями, но у осины – самое богатое воображение.

X X X

От осенней зари остаётся чуть заметно розовеющий след, а ты всё на что-то надеешься, смотришь на потухающее небо и не веришь, что незабываемый сентябрьский день вот так, просто, возьмёт и закончится, и его уже никогда не будет.

X X X

Никто, кроме обыкновенной крохотной синички, не в силах так тонко передать всю грусть онемевшего осеннего леса.

X X X

В начале осени, рано поутру, выдаётся редкий денёк, будто вылитый из прозрачного синего стекла, разукрашенный позолотой, и хотя к полудню он незаметно истаивает, вся его красота не пропадает, а перетекает в пронзительно-синюющую сказочную даль.

X X X

Крайне редко показывается в ноябре солнце, но даже тогда почти уснувший лес становится цветным.

X X X

Чуткий зверь не обращает внимания на разнообразные лесные шорохи, но осторожно замирает на тропе, услышав неожиданный пробег осеннего ветра по кронам деревьев.

X X X

И горькая полынь источает по осени тонкий аромат.

X X X

В конце лета, под самую осень, рык из звериной утробы вырывается особенно протяжно и звонко, отчего не перестаёт казаться, что простору становится больше, и всё самое лучшее в твоей жизни только начинается.

X X X

Поздняя осень... На дворе холодный ветер и морозящий дождь, слизкая земля и жуткая темень, а на душе много тепла и света.

X X X

Волчий вой, как и разбойничий свист осенней бури, родились, кажется, в единой утробе.

X X X

Поздняя осень в лесу... Какая пора ещё может быть более грустной и печальной? И, тем не менее, самой милой для человека, привыкшего бродить с ружьём по нехоженным тропам, никого не убивая.

X X X

Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и сладко утекает куда-то жизнь, а ты будто ничего не теряешь.

X X X

После первого выпавшего снега в ноябре деревья предстают в двойном изображении – белом и чёрном, и этого достаточно, чтобы всё вокруг ожило...

X X X

Возвращаясь из леса поздней осенней порой ничего обычно не ответишь каркающей вороне, стрекочущей сороке или возвещающей о чём-то сойке, и только ухающей в сгущающихся сумерках сове тихо промолвишь: «Здравствуй, сестра!», а если неподалеку подаст голос волчок, тихо промолвишь: «Серый мой брат...»

X X X

В сентябре, у жаркого костра, и чай воспринимается огненным и ароматным, как пылающая осень.

X X X

Осенняя темень тяжела медвежьей поступью и смрадным дыханием зверя.

X X X

Иной осенней ночью, с полной жизненного сока светлой луной, кажется, что волки не воют на неё, а поют.

X X X

Посмотришь на осиновый мысок, мягко выплывающий в озимое поле, и так и пахнёт на тебя укромным заячьим теплом.

X X X

Пока ещё не облетел с деревьев весь лист, но лес стоит уже задумчивый и печальный, только оранжевые осинки напоминают в нём весёлых и беззаботных детей, что, то и дело, куда-то перебегают, прячутся и чуть слышно смеются.

X X X

Сирая, молебственная осень покорно сутулит плечи, как бедная инокиня, а неугомонный дятел-желна, подобно очумелому звонарю на колокольне, стучит настойчиво, даже зловеще... Так, незатейливо и просто, будто нехотя, самое задушевное время года возвещает о своём уходе.

X X X

В осенних лесах очень далеко видно, облака же стоят над остывающей землёй совсем низко, но остаются незамеченными.

X X X

Поздней осенью лес нахмуливается со всей присущей ему мрачной неприступностью, но уже в декабре, в редкие солнечные утра, неожиданно оживает и многозначительно улыбается.

X X X

Кто-то всё время как будто поправляет меня, ненавязчиво подсказывая: вот светит щедрое сентябрьское солнце, стоит самый разгар старого бабьего лета, и надо бы, не щадя себя, устремиться к нему. Или: вот задувает безудержный ноябрьский ветер, и необходимо полностью отдаться на его волю.

Но я не всегда доверяю этому внутреннему голосу и, в итоге, пропускаю в своей жизни прекрасные солнечные дни и незабываемо пронзительные вселенские бури.

X X X

Еле слышно шуршит от лёгкой ноябрьской позёмки заснеженная мёртвая трава, и становится вдруг необыкновенно хорошо от ощущения безвременья, что она навевает. Неспешно идёшь по обочине подмёрзшей дороги, предвкушая скорое печное тепло, с удовольствием всматриваешься и вслушиваешься в окружающую природу, и ни о чём не сожалеешь.

X X X

Если темнохвойная тайга, состоящая из ели и пихты, к завершению осени просто угрюма, то лиственничная – безысходно тосклива, когда перезревшая хвоя желтеет, сначала оживляя на какое-то время присмиревший лес, а потом – осыпается. В этом видимом угасании природы ей никак не обойтись без чудесных таинственных птиц – глухарей, что вволю напившись солнечной желтизной лиственниц, будто впитывают в себя последнее доступное тепло угасающих сентябрьских дней, их чистый воздух и небесную синеву. Таинственные глухари забываются в этом лиственничном довольстве, притаившись в кронах величественных деревьев, и от этого тёмный хвойный лес вдруг необыкновенно преобразается.

X X X

Никакая весенняя трава не выглядит так загадочно и свежо, как осенняя озимь.

X X X

Люди веками собирают в лесу бесчисленные корзины боровиков, рыжиков и маслят, охапки лечебных трав и цветов, туески черёмухи, земляники, морошки, увесистые кошельки орехов и ... уходят, так и не поблагодарив его.

Но лес, одаривая всех своим добром, не ищет благодарности, потому как верит в людей, терпеливо ждёт их и надеется, что они вернуться к нему с открытой душой.

X X X

В своём искреннем устремлении проникнуться жизнью возрождающегося к жизни весеннего леса, ты порой готов пожертвовать чем угодно на пути к нему. Но вот осенью листья опадают с деревьев, птицы улетают на юг и уже зарядили нескончаемые холодные дожди, а ты вынужден, безропотно, жить полной жизнью.

X X X

Порой мне кажется, что иному дереву, роняющему под осень свои плоды, их необычайно жаль, в отличие от листьев, которые оно теряет безо всякой печали.

X X X

С последним листопадом шествие золотой осени прекращается, но начинается праздник пронзительно-вдумчивой предзимней тишины.

X X X

Только в первый зазимок так обворожительно, до головокружения, пахнет палым листом, корой и отмирающими травами... Эти запахи пронизывают всё насквозь, и кажется, что они жили в тебе всегда, но пробудила их осень.

X X X

Поздняя осень, всё, кажется, уснуло... Но вот, где-нибудь за дальним перелеском застрекочут растревоженные кем-то сойки, и почудится, будто там собрались неведомые музыканты. Они настраивают на разные лады свои

диковинные инструменты, и по лесу разносятся обрывки незнакомых и очень приятных мелодий.

Так осень справляет свои проводы, оставляя после себя незатейливые, но трогательные отголоски...

X X X

Перенова – какое замечательное русское слово! Оно означает только что выпавший прочный снег, случающийся обычно под утро, в пору первозимья, когда душа приноравливается уютнее обустроить свою судьбу, а свежий снег ей в этом незаметно и ладно помогает.

X X X

Вдохи земли явственно ощущаются весной, когда она вбирает в себя весь дух зарождающейся жизни, и происходит это шумно, восторженно. Выдохи же вкрадчивы и случаются только осенью, отчего воздух полнится еле улавливаемым перешёптыванием, полунамёками и угасающей надеждой.

X X X

В осеннем прозрачном воздухе будто живёт нечто, появившееся после пролёта стаи, медленно растворяющегося тумана или падения только что оборвавшегося листа...

Отзвучали голоса пролетающих птиц, а это что-то осталось в воздухе. Не эхо, а после эха, то, что уже не слышимо, а чувствуемо нами.

Это осень... Её недвижимые тени, запахи и ощущения. Осень полна следов недавно истаявших событий и звуков.

X X X

Иной раз начинает казаться, будто осенняя луна, забравшись высоко на небо, не случайно подсказывает человеку, как ему надлежит достойно следовать по завораживающей дороге ночной жизни.

X X X

Осенняя ночь выдалась большая и грозная, как медведь, но с ней, почему-то, не хотелось расставаться...

X X X

До боли в сердце мрачнеют дали в октябре...

X X X

Сыплет осиновый, липовый и рябиновый листопад, и в лесу становится мягко, неслышно. В этой завораживающей дух тишине нет ни звуков, ни мыслей, ни чьего-либо присутствия, но от этого не одолевает пустота, и твоё незаметное нахождение здесь полнится отрешённым созерцанием.

X X X

Медведь не спеша переходил лесную просеку, старый заброшенный волок, а вокруг было так тихо, что казалось - это сон. Усталые листья неслышно осыпались на мокрую землю, бледно-голубое небо безмолвно перевернулось в зеркальных лужах, а ночная сырость стёрла даже запахи. Царственная осень ненавязчиво расположилась у самых твоих ног, и тоже как будто задремала.

Но вдруг луч солнца высветил лоснящийся густым мехом бок зверя, и сразу всё всколыхнулось, задвигалось и ... проснулось.

X X X

Ворона всегда сидит головой к ветру, потому, что это для неё самое выгодное положение в промозглую осеннюю погоду: ветер скользит у неё по перу и птица не зябнет так, как если бы повернулась к нему боком или задом.

X X X

Вскрикнет в свете потухающей зари ночная птица, землю обнимет осенняя тишина, а за стеной избушки, в глубине чащи, будто кто-то еле слышно заплачет: тоненько, проникновенно...

Долго потом не спишь, ворочаешься на нарах, и всё думаешь: что бы это могло быть, и отчего на душе становится так невыразимо тяжело?!

X X X

Полночной осеннею порой ловишь себя на мысли: такая странная проникновенная освещённость исходит от луны, что её околдовывающая гармония, перетекая в душу, незаметно усыпляет все чувства.

X X X

Осенняя роса неприметная, серовато-прозрачная, и, бывает, пройдёт целый день, а ты её так и не разглядишь в сердцевине лопуха... Только принимая всю природу близко к сердцу, мы не рискуем ничего пропустить.

X X X

Август с сентябрём - родные братья, они идут рука об руку, однако высокое и серое сентябрьское небо, в отличие от того, что с любовью припадает к земле в августе, с большими лебяжьими облаками, становится строгим и недоступным.

X X X

По весне земля - будто желторотый птенец, переполненный жаждой жизни. К осени же она незаметно вырастает в огромную диковинную птицу, которая не ведаёт, куда и зачем ей лететь.

X X X

Осенью, как и весной, чутко вбираешь в себя всё происходящее и слухом, и дыханием, и глазами, но тебе, всё-таки, не достаёт чего-то особенного, что так отчётливо проникает в душу в мае, а в сентябре утекает из неё.

X X X

Осенний лист безжизненно срывается с ветки, но, оторвавшись, будто обретает недостающую ему после долгой неволи свободу, наслаждаясь возможностью закружиться и полететь.

X X X

С первой порошей прибавляется белого чистого света, вроде бы, раньше зажигается робкое розоватое солнце, и ещё ярче искрится на лёгком морозце прозрачный воздух. Даже вездесущие чечётки, снегири и синицы, и без того, кажется, никогда не унывающие, приободряются и без усталости перепархивают с дерева на дерево. Но более всего в эту пору оживляет лес залиvistый лай гончих собак, что целыми днями разносится по округе, наполняя лес необыкновенным весельем!

X X X

В короткое бабье лето, благодаря щедрому солнцу, ещё не поникшие цветы, травы и не успевшие облететь деревья, кажется, как-то по-особенному славят землю, и от этого в природе всё становится ещё краше, чем в августе и июле.

X X X

Не зря шоколадного цвета бабочек с торжественно-жёлтой каймой по краям крылышек и строгими синими мазками вдоль неё называют в народе не иначе как «траурницами», ибо именно они провожают красное лето.

X X X

Как замечательно сидеть в осеннем лесу, у костра, и спокойно думать обо всём, что произошло с тобою за весь день... Но ещё лучше вообще ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим миром!

X X X

В народе издавна воспринимали берёзу как самую женственную и скромную красавицу леса, но вот осина, несмотря на её дурную славу, не менее обаятельна и лишена не нужного женщине жеманства. В отличие от целомудренности берёзы - качества, что в женщине нередко мужчинам претит, осина, дрожа листом и быстро обнажаясь, совсем не выглядит вызывающе, и не менее желанна.

Завидев же в конце осени ещё не облетевшую, золотисто-пурпурную осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого, может быть, ждал всю жизнь, и уже не чаял увидеть, а он взял и объявился тебе на радость.

X X X

До первой пороши, в красных шапках с белыми пуговками, стоят в своей неприкосновенной ядовитой красе бравые мухоморы...

X X X

Перед самым рассветом в лесу, особенно - осенью, наступает такой час, когда становится особенно темно, и это надо знать, потому, как если ты заблудился в жизни, но не отчаялся, будь уверен: за самой страшной тьмой, как бы долго она не продолжалась, всегда ожидает тебя большой свет.

X X X

С улыбкой выглянув из-за туч, августовский месяц так же весело скатился с неба, искупался в деревенском озере, прислонился к раскидистой сосне, затем взобрался на бабушкину избу и, присев на коньке, свесил ножки. Был бы он человеком, то непременно бы ещё и прошептал всем перед сном: «Спите, крещёные, но не просыпайте... Скоро осень».

X X X

Ещё вчера, несмотря на позднюю осень, лес жил какими-то скрытыми к зиме приготовлениями, был широк и неустрашим, а сегодня уныло свернулся серым звериным клубком и затих. И ты понимаешь: это последние птицы покинули свою родину, что в одну ночь стала без них чужой и холодной.

X X X

Промозглый октябрьский день подарил мне огромного глухаря, с пугающим хрустом сорвавшегося с высокой сосны, стремительного тетерева, пронёсшегося прямо над головой, пушистую белочку, легко перебежавшую дорогу, но только маленькая стайка вездесущих чечёток по-настоящему развеяла осеннюю скуку.

X X X

Только в сентябре, когда он уже ничего не обещает и, кажется, не даёт и тени надежды на какое-либо возрождение, такой зеленой и сочной бывает совсем не увядающая трава – отава, наросшая после последнего августовского сенокоса.

X X X

Чудные слова переполняют меня и осенью, и зимой, ещё более - раннею весной, отчего пишется легко, а на душе всё это время – покой и радость от осознания того, что она невозможна без нашей русской природы.

X X X

Порой создаётся впечатление, что осенью лесная тишина очень долго и вкрадчиво обдумывает любое, зарождающееся в ней движение, но так, кажется, ник чему и не приходит.

X X X

Поздней осенью опустишь ладонь в лесную лужицу и, к своему немалому удивлению, не ощутишь холода: это давно опавшие чёрные листья, разлагаясь на дне, копят тепло, прогревая воду.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной нежно голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: каким бы цветом ещё разгореться напоследок, при этом даже не замечая, что, переполненные жизнью, незаметно гаснут.

X X X

Весной в окружающей природе всегда ощущается именно весеннее, а осенью – осеннее, отчего и переживаешь непередаваемое счастье.

X X X

В солнечные июльские дни, заполненные золотом колосающейся ржи, не помышляешь о чудесной жар-птице, что тайком, наверное, прилетает сюда покормиться. И только к началу осени, под прохладной золотой луной, вдруг вообразишь весь жар её перьев, царственное достоинство и ту единственную ночь, когда птица его теряет, отчего-то доверяясь человеку.

X X X

Шелест трепещущих нежных листиков сердце по-настоящему переживает только весной, летом успокоено затаивается, почти не обращая на него внимания, а осенью будто бесшумно обрывается и куда-то улетает.

X X X

В осеннем лесу всегда хочется одним долгим, всё запоминающим взглядом охватить его глубинную красоту, и ты охватываешь её, постепенно постигаешь, и в какое-то мгновение она становится понятной и родной.

X X X

Случится, набредёшь по осени на замшелый медвежий череп, уложенный кем-то на полусгнивший старый пенёк, и будто соприкоснёшься с неведомым лесным духом. Череп чуть ли ни врос, в осевшую древесину, и ты пытаешься разгадать его историю, олицетворяющую тайну большого зверя, и по каким-то еле заметным знакам угадываешь её: какой был этот медведь, отчего череп его оказался именно здесь, на твоём пути, и куда улетела его дремучая душа.

X X X

Природа красоты всегда желает своего проявления.

X X X

По осеннему хмурому небу величественно проплыла клином стая журавлей, и за ними вдруг открылась потрясающая синь.

X X X

Что меня поражает во всех временах года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

X X X

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать, сало его за долгие зимние месяцы остаётся почти не израсходованным, а на период весенней бескормицы. Когда зверь поднимается из берлоги голодный, он может отыскать в пустом лесу лишь немного личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае - горсть кедровых орешков в разорённой им норке бурундука. Медведь весной нужды не терпит, если всю зиму только лапу сосёт!

X X X

Когда случается осенью злое ненастье - круто гнутся ели и надрывно завывает ветер, приятно думать, что можно всё это увидеть и, несмотря ни на что, отправиться в лес, не дожидаясь хорошей погоды.

X X X

После долгой, надоевшей всем ноябрьской непогоды особенно радостно бывает увидеть на небе свежие декабрьские звёзды, по-хозяйски раскинувшуюся бархатную ночь, и, наконец, ошеломляющее движение молодого месяца. Месяц взбегает наверх с такой удалью, будто готов светить там, не уставая, всю зиму, весну и лето, пока опять не подступит в природе самое беспросветное время, когда никто почему-то не противится однообразию промозглых дней и безысходной скуке.

X X X

В волчьем вое, что доносится по осени из лесной тьмы, слышится и бессильное отчаяние, и жалоба, и необыкновенная сила.

X X X

Когда с берёз и осин начинает быстро утекать лист, хвойные деревья стоят молчаливо насупленные, словно разделяя грусть лиственных деревьев и прощаясь с ними до весны.

X X X

Трудно представить себе море без бури, а осенний лес - без шума ветра и звериного гонного рёва... Именно эти грозные звуки подчёркивают красоту и мощь нашей родной природы.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что более внимательно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

X X X

Проснулся однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания - и сразу подумал: это ведь неутомимая птица делится своими новостями! Стрекошет и стрекочет без малейшего перерыва битый час. Слушаешь и удивляешься: сколько же их у неё?

X X X

По-особому уютно бывает в осеннем лесу, когда от непогоды стонут деревья, и ветер завывает в старых дуплах.

X X X

В гнетущее предзимнее время солнце оборачивается полумёртвым совиным глазом, подёрнутым плёнкой, что изредка вспыхивает над безликим горизонтом и быстро потухает, но, между тем, зорко следит, как бы кто-нибудь раньше времени не восстал против суровой грядущей поры, а в почтении поклонился.

X X X

В конце октября устанавливается великая пустота леса, пронизанная звонкой серебряной тишью. Будто выкованы в нём морозом тропинки, замершие лужицы покрыты непрозрачным тёмным ледком. А надо всем этим – простирающееся за горизонт холодное безжизненное небо...

Лес - весь в себе, но почему-то хочется закричать от появившегося в нём именно сейчас, переполняющего всего тебя ощущения свободы: «Ого-го-го... Эге-гей!». И лес сразу будто оживёт и отзовется каким-то необыкновенно раскатистым долгим эхом, с удовольствием подтверждая это неожиданно открывшееся в себе, совершенно обнажённое осеннее пространство...

X X X

Тревожный зов осени никогда не удовлетворяет, хотя и зачаровывает своей печалью.

Х Х Х

Только ночью слышно, как тяжело опускаются на землю опадающие листья...

Х Х Х

Идёшь по лесу целый день, а вокруг одна и та же картина: за сосняком – ельник, за ельником – сосняк, а вот там, чуть дальше, будет берёзовый колок и редкие осиновые перелески. Под ногами бежит еле уловимая тропка, после очередного поворота – буерак, что хоть поворачивай вспять. Приходит мысль, что нужно бы остановиться, передохнуть, да место неудобное, хочется выбрать лучше, с обзором на пылающий сказочным жаром осенний лес...

И только с возрастом, начиная по-настоящему чувствовать преданность лесу и его чуткое отношение к тебе, заставляешь себя сделать привал где угодно, чтобы ещё более проникнуться своеобразием самого обыкновенного места, а потом отправиться дальше. И так – до бесконечности, пока не достигнешь в себе того живописного лесного простора, без которого, кажется, нет тебе житья.

Х Х Х

Увидишь, бывало, как на фоне пылающего зарева осеннего заката неистово мечутся вороньё и галки, будто намётывая своими чёрными стремительными телами затейливо-зловещий узор, и поверишь, что вездесущие птицы пророчат нелёгкий день...

Но утро выдастся удивительно покойным и ясным, без какой-либо птичьей суеты, и ты с радостью ещё раз убедишься, как чудесна природа, мудро предоставляющая человеку возможность бесконечного выбора своего отношения к жизни.

Х Х Х

Пока осень не доскажет всё человеку – ни за что его не оставит.

Х Х Х

Когда в осеннем лесу со всех сторон тебе откликается звонкое эхо – погода будет хорошей. В пасмурном воздухе звук вязнет и глухо замирает.

Х Х Х

По осени в лесах безудержно бушует ветер, от натуги горбятся спины старых сосен и елей, надрывно скрипят стволы берёзы, а на душе у тебя всё равно хорошо и покойно.

X X X

Из последних сил светит холодной осенью месяц, идущий на ущерб, подобно боевому быку загибает кверху источенные рога, но получается это у него не угрожающе, а изящно, будто он только играет: вот-вот смиренно опустит голову и, ударив о небесную твердь копытом, выбьет мириады ослепительных созвездий.

X X X

На окраине маленькой лесной деревушки, у давно заброшенной дороги, неожиданно наткнулся я поздней осенью на глухаря... Глухарь, видимо, был стар и болен, потерял всякую способность ориентироваться, и выбрался напрямик к людям. Может быть, этого он и хотел?

X X X

Увидишь в мглистом ноябрьском лесу запорошенную снегом красную рябину – и вдруг поймёшь, что не сломлена твоя любовь, а только на время склонилась и терпеливо замерла.

X X X

Сумерки в лесу - более волнительны и тревожны, нежели сама ночь, что поздней осенью просто ослепляет.

X X X

Из всех умирающих времён года жалеешь почему-то только золотую осень...

X X X

От холодных осенних ветров ели опускают нижние лапы к самой земле, и образуется еловый шатёр - уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

X X X

Развевая зимние сновидения, ветер к весне становится густым, отягощённым длительными холодами, отчего сердце тревожно, словно вслепую, начинает тукаться в груди и, не давая одуматься, заставляет куда-то спешить. Душе тоже

нелегко чувствовать себя стеснённой, она не находит себе места и рвётся наружу...

Успокоиться ей суждено только под осень, когда от неё потребуется вдумчивая проницательность. Весной же все помыслы души - чуть ли не распяты, когда она возносится к ослепительно синим, волнующим сердце небесам.

X X X

Как хорошо, когда в ночном лесу гукает большая и невидимая птица филин. То налетит, то надолго пропадёт, а потом опять неожиданно появится, и всё гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может найти.

Сам ты тогда тоже невольно начинаешь отыскивать в себе утерянное, и не замечаешь, что осенняя ночь, как мать, потерявшая ребёнка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

X X X

Только в конце августа неожиданно замечаешь, как утомлён пронизанный светом лист. Так, незаметно и во всём, растворяется когда-то многообещающее буйное лето, а ты и не знаешь - как и зачем тебе жить дальше.

X X X

Войдёшь, бывало, в расцвеченный осенью лес, задумаешься о чём-либо хорошем, и, не уставая, незаметно забредёшь далеко-далеко. А когда спохватишься - идёшь обратно уже тяжело, и, кажется, что не будет конца этой изматывающей дороге...

X X X

Сорвавшийся в тиши сентября лист не спешит ложиться на землю и долго кружит в воздухе, будто выбирая место, куда лучше упасть. Октябрьский листопад в этом смысле уже не имеет никаких желаний: берёзовый и осиновый дождь сыплет безудержно, ветви спешат избавиться к зиме от лишнего веса, а ветер разносит безжизненные листья куда придётся.

Хорошо в такую пору ощутить и себя одиноким порыжевшем листом, уносимым непогодой в необозримые осенние дали...

X X X

Когда последние осенние цветы отцветают, они уже пахнут не собой, а тем, ради чего жили.

X X X

Случается, осенняя буря повалит ель прямо поперёк тропы, и вывернутые вместе с дёрном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъярённый медведь. С опаской обходишь такой вывороченный корень и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул тебе в душу и предрёк нечто ужасное. Но ты всё равно продолжаешь свой путь, зная, что и старое, поломанное грозой дерево, в своей борьбе за жизнь нередко проживает более насыщенно, чем молодое и здоровое.

X X X

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами великан лось или присевшая на ветвь птица. Ослабевший листок может отделиться от ветки зацепившийся за него паучок, что благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья...

Но иногда у листа хватает сил оставить дерево самому. Без чьей-либо помощи он вдруг отчего-то шевельнётся, оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

X X X

Весенняя луна восходит, обычно, крадучись, осенняя, кажется, взгромождается над твоей судьбой.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь, как бы быстрее пережить зиму и обрадоваться весне, но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от жажды незаслуженных приобретений.

X X X

Ночная пороша в ноябре лежит легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задуёт после полудня недобрая позёмка – поднимается вдруг целой тучей мятущихся звёздочек, и ну всех жечь да колоть без разбору!

X X X

Натолкнувшись по осени на потаённую тропу в каком-нибудь глухом ложке, с укромным ручейком, первым делом подивишься: что тут делали люди? И уж потом только сообразишь: ведь это набили себе путь к воде великаны лоси, и здесь же водил на водопой свой выводок старый барсук!

X X X

Нет в лесу ничего страшнее, чем качающиеся в осеннюю бурю деревья.

X X X

Выдастся осенью такой день, когда оранжевые сыроежки попадают под ногами, как бесчисленные осиновые листочки – яркие, притягивающие, живые, и ты бредёшь среди них, и выбираешь самые привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился в начале... А грибов с каждым шагом становится ещё больше, и все они кажутся радостнее и краше.

X X X

Осенние прохладные цветы за окном, как бы робко они ни смотрели, чаще всего вызывают в душе надежду, что любовь обязательно придёт к тебе, если даже упустил её буйным летом.

X X X

Листья падают, шепчутся, а заяц, слушая их вкрадчивое шушуканье, замирает и дрожит.

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём с самой весны, но не договорив и не додумав, вдруг угаснет... Посмотришь туда и подумаешь: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени и, не в силах противостоять, без особого сожаления уступило.

X X X

Осенью почему-то всегда заглядываешься на отражение облетевших деревьев и выгнувшегося стеклянного неба в какой-либо лесной колее, заполненной водой, но никогда не додумаешься взглянуть в весеннюю лужицу.

X X X

Зима ещё тужилась крепкими январскими морозами, а душа уже желала ослепительного марта, когда же в лесу потеплело, и во всём почувствовалась весна, в ней незаметно совершился счастливый поворот на лето. Теперь на дворе

стоит батюшка июль, и я не знаю - наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый сентябрь?

X X X

Когда берёзки и осинки начинают сыпать золотые «монетки», ярко-оранжевая большая сыроежка становится ещё красивее, и ты даже без особой нужды поклонишься ей и срежешь.

X X X

Из всех лиственных деревьев берёза с липой по осени - ближе всего человеку, потому как отдают ему с лета до осени всё до последнего, оставаясь наедине с непогодой.

X X X

Всё в природе растёт, цветёт и рано или поздно увядает, но ничего этого, умершего, почему-то не жаль.

X X X

От золотого осеннего солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твоё настроение.

X X X

Предчувствие скорого восхода солнца, особенно по осени, когда оно вдруг задерживается в набежавших тучках, обычно завершается лёгким разочарованием, и происходит это, по-видимому, от внутренней расслабленности перед кажущейся неминуемостью его появления.

Когда же всё обещает непогоду, и благодаря этому ты собран, неожиданно выходит тихая и надёжная радость: робкое осеннее солнышко нежно озаряет кусочек неба.

X X X

С годами радость от общения с лесом получаешь даже от того, что не видишь этого леса, не ощущаешь силу ноябрьского ветра, не встречаешь на ночной тропе медведя и не слышишь грохота удаляющихся глухариных крыльев, но всё это, уже когда-то виденное, встреченное и услышанное, ты переживаешь заново благодаря своему воображению.

X X X

Случается, что и осенью встречаешь полянки с весёлой травой, а летом иногда попадаются с хмурой.

X X X

Звериная тропа, особенно по осени, никогда не тянется непрерывно, она всегда, то и дело, прерывается, как будто животное с умыслом запутывает свой след. Приходит даже мысль, что для осторожного животного тропа сверх всякой меры замысловатая, и, тем не менее, она – верная, и рано или поздно приводит водопою.

X X X

Только осенью зажигается божественный костёр леса, и бесконечные дожди, кажется, не в силах затушить его нескончаемо восторженный пожар.

X X X

Только раз, быть может, взволнует тебя оборвавшийся жёлтый лист, что безжизненно укладывается на сырую осеннюю землю, но на его судьбу и этого счастья в достатке.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская метель.

X X X

Удивительно вольготна мягкая безморозная тишь солнечного октябрьского денька!

X X X

Редко, когда обнаружишь в осеннем лесу яблоню, калину или, скажем, облепиху и иргу: больше там приживаются рябина с черёмухой. А ведь дрозды, снегири и свиристели в обилии поедают ягоды с деревенских деревьев и кустарников, перелетают в лес и, казалось бы, должны оставлять за собой их семена.

Лес как будто не принимает под свой кров эти деревья, ничем не отличающиеся от своих более «удачливых» собратьев. И загадка эта остаётся нераскрытой. Видно, у каждого дерева в природе есть своё место, и даже

вездесущие птицы, разносящие семена по всему лесу, ничего тут поделывать не могут.

X X X

С постоянной неприкаянностью ветра живёт по осени и пребывающая в неизбывной грусти земля, которая и хотела бы принять ветер в свои потаённые утробы, но не в силах удержать его возле себя: так он далёк от неё в своём увлечении дальними мирами, что не подвержены никаким временам года.

X X X

Первый заморозок прихватывает так крепко, что шибче солнца пронизывает воздух, и лист, с треском, начинает валиться с деревьев, в последний раз оживляя замкнувшийся в себе лес.

X X X

Посреди хмурого осеннего дня вспугнёшь сонную сову, и она, не видящая ничего, полетит куда-то, неуклюже взмахивая крыльями, безуспешно тыкается то вверх по отвесной линии, то по сторонам, и тебе вдруг станет жаль, что такая сильная птица никак не может найти нужного для себя пути.

X X X

Бывает, так хорошо станет на душе в осенней лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь светлой и чистой сказки.

X X X

Скребётся в углу маленькой лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а вверху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда. Кажется, ничего особенного не происходит, неспешно течёт над остывающей землёй безликая осенняя ночь, но от всего этого ты переживаешь в себе невероятную приподнятость и силу.

X X X

Вспугнутые с берёзы тетерева, пролетая над другими птицами, мирно кормящимися в значительном отдалении, увлекают за собой и их тоже, пусть даже тетеревов разделяет не одна сотня метров. По-видимому, устремлённость птиц, призванных природой, скорее, к состоянию постоянного благостного покоя, когда они неспешно кормятся тихим осенним днём берёзовыми почками,

выражает в подобном случае тревогу, и её не могут не почувствовать их собратья, даже если они и не находились в зоне опасности.

X X X

В труднейшей борьбе за дело своей жизни как-то перестаёшь замечать бегущие по серому небу низкие облака, неутомимый ветер и надоедливый дождь, но вся сила неустроенной природы возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы.

X X X

Октябрьский день выдался пегим, невзрачным, а неожиданно вырвавшийся из-под ног вальдшнеп по-королевски расцветил его.

X X X

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнажённости уже угадывается трепетное ожидание ещё невидимой жизни.

X X X

Разве можно себе представить весеннюю любовь без вездесущих воробьёв, вызывающих только улыбку!

И с какой грустью вспоминаются так и не разделённые чувства по осени, с печальными вскрикиваниями покидающих родину журавлей...

X X X

В глухую осеннюю ночь, без месяца и звёзд, в лесу можно ориентироваться по небу, которое всегда светлее окружающей темноты. Спасительный небесный путь вычерчивают верхушки деревьев, окаймляющие просеку или дорогу.

X X X

Когда осенний ветер, кажется, забирает твою душевную скорбь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам, благодаря его неудержимому порыву, почувствовал в себе неизведанные силы.

X X X

К зиме белка делает припасов в несколько раз больше, чем могла бы съесть сама, и это при отменной памяти, когда обнаруживает их под снегом с поразительной точностью.

Но даже если белка зароет поздней осенью горстку орешков, забудет за зиму про спрятанный запас или оборвётся её жизнь в зубах ненасытной куницы, то на том месте вырастет потом пышный куст лещины.

X X X

Мужественно перезимовавший на ветке листочек - весной всё равно обрывается и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким букварём, всматриваясь в который все деревья будто заново постигают азбуку былых жизненных красок, что дарила им чудесница-осень.

X X X

Переход от осени к зиме бывает порой так мучителен, что даже радость в нём печальна.

X X X

Редко, когда деревья в октябре простоят в богатом убранстве инея весь день... Рано или поздно они его сбрасывают, после чего становятся какими-то оголёнными и задумчивыми, будто сожалея об утраченной красе.

X X X

В ноябре, как ранней весной, ходить по дорогам становится колко и хрустко, но и не подумаешь про март или апрель, а весь подбираешься изнутри, серьёзно настраиваясь на суровую долгую пору.

X X X

Неисповедимый на сюрпризы осенний ветер устремляется к людскому жилью, не только переживая незнание человека, но и мечтая о его величии.

X X X

Когда осинки роняют тебе за шиворот свои прохладные пунцовые листочки, знай: деревья почувствовали твоё беспокойное сердце, не равнодушное к жизни леса.

X X X

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

X X X

Иной раз так плохо становится на душе, что, отправляясь в осенний лес, представляешь себя в нём озябшим одиноким паучком, у которого постепенно обнаруживаются своя радость, солнечное тепло и неизведанная любовь.

X X X

Раньше я думал: прежде, чем постигнуть суть леса, надо непременно обрести себя. Но не проникнуть человеку в свои природные глубины без примеров потаённой лесной жизни, особенно – в глухую осень, когда, кажется, силы иссякли, а тебе надлежит жить, черпая радость в промозглых туманных далях.

X X X

Представляя, как привычно укладывается на всю зиму в своём укромном гнезде наша чудесница-белка, тоже подбираешься в себе с наступлением холодов в уютный комок и ... замираешь от мысли, что никогда не сможешь, хотя бы на короткое время, остановить, как и она, своё разгорячённое сердце, оставаясь при этом живым.

X X X

Поздней осенью некоторые водоплавающие птицы почему-то подолгу не отлетают на юг, а бьют крыльями наступающий на них лёд и держат воду, будто собираясь остаться на зимовку.

X X X

Обаяние осеннего леса так велико, что никогда не придёт на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой. Скорее всего, лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной!

X X X

Озорство и незаурядность осины проявляется даже под осень, когда её листочки тихо опускаются на воду, неожиданно поднимают черенки-ножки и весело бродят по глади лесной речушки расписными игрушечными корабликами.

X X X

Всем к лицу первое, со снежком, морозное ноябрьское утро, и даже старый, кажется, совсем позабывший себя лис необыкновенно хорошеет на фоне этой чудодейственной белизны...

X X X

Однажды сырым осенним вечером я вдруг постиг, что как бы человек ни стремился к чему-либо и ни желал, река жизни вынесет его своим руслом, уготованным кем-то свыше, а лес – лишь крохотный островок на её пути, где человеку уготовано набираться сил для дальнейшей дороги.

X X X

В ноябре пегая жижа прыснет из-под сапога на первый хрупкий ледок, и на душе сразу станет как-то неловко, даже совестно, так что уж стараешься больше не оставлять за собой грязных следов, ступая только по твёрдой, покрытой инеем дороге.

X X X

Какое сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости студёной зимней ночи, когда он коротает их в глухой таёжной сторожке, а наоборот - переживать от всего происходящего вокруг только мудрость проистекающего времени, удовлетворение и покой!

X X X

Когда осенью поднимаешься к обрыву над потаённой лесной рекой, и тебе откроется огромное пространство леса, его нескончаемые синие дали, никуда уже больше не хочется идти.

X X X

Осень сначала смешивает яркие краски, а потом размывает их, оставляя лишь те, что близки нежаркому солнцу, уже зародившемуся в её недрах неугомонному ветру и бесшумному стылому дождю за окном. Она имеет цвет затухающего пожара жизни, который, тем не менее, поддерживает в нас неугасимую потребность видеть, думать и сопереживать.

X X X

Приведётся тебе однажды столкнуться в осеннем лесу с ранним малиновым восходом – и ты словно причастишься к чему-то таинственному, к тому, что

неосознанно переживаешь, силишься постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого прошлого.

X X X

Возродившись в душе долгожданной и бурной весной, пропев полную восхитительных желаний жизнь летом, совсем не хочется угасать душой в благодатную осень, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры.

X X X

Когда в осеннем воздухе устанавливается такая тишина, что ни один листик не трогается с ветки, хорошо тоже замереть и подумать: готов ли и ты оторваться от того, к чему привык, но уже не приносит радости, и полететь?!

X X X

Как дерево осенью, избавившись от перезрелых листьев, даёт ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя освобождаясь от переполняющих его мыслей, вскоре возрождается в своих новых книгах.

X X X

В бабьем лете, несмотря на его видимое и благостное для всех раздолье, кажется, кроется нечто для него самого приятное, но непостижимое, и оно от этого никуда не торопится, в полном довольстве от всего, достигнутого в себе, благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красою.

X X X

Крупная, под цвет осенней листвы глухарка подпустила меня почти вплотную, так что я заметил её только в последний момент, поднялась на крыло неторопливо, и полетела с нескрываемым достоинством, будто даже не выказывая своего недовольства тем, что я её побеспокоил.

X X X

В сгущающихся осенних сумерках совы обычно усаживаются на голые верхушки облетевших осин, стоящих вдоль укромной дороги, и будто провожают тебя из леса, всем своим видом, молча, напутствуя не забывать его и хотя бы изредка возвращаться.

X X X

Завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией тоскливой волчьей песни, но так ли она, действительно, тосклива, схожая по звучанию с самой свободной стихией?!

X X X

Постоишь под ёлкой, послушаешь нежный пересвист синиц и вздохи осеннего ветра в её ветвях, и это вкрадчивое дыхание осени покажется полнее самого содержательного разговора.

X X X

Часто в осеннем лесу находил я на земле полуразрушенные птичьи домики из выцветшей травы, их бывшие гнёзда, сдутые ветром, и было мне так, будто это я сам потерял то, чего уже никогда не вернуть.

X X X

Когда лес простится с отлетающими на юг вальдшнепами, разноцветными листьями и последним теплом, его вдруг пронзает запах тончайшей свежести, истекающей из тёмной воды, замершей в колеях лесных дорог.

X X X

Молчание осеннего леса обычно не наводит тоски, а вот ветер может вызвать чувство неприкаянного одиночества, когда своими завываниями напоминает всеми забытого и покинутого изгнанника.

X X X

Всякому знакома горькая полынь, ею зарастают под осень пустынные поля и сиротливые дороги, она не обладает таким ярко выраженным запахом, как липа, кипрей или мята, но попробуйте угадать её запах, приблизив растение к себе, потрите её листья между пальцами, и вы будете повергнуты множеством его самых разнообразных оттенков! И горькая полынь источает под осень тонкий аромат.

X X X

С виду прохладный и бесчувственный осиновый лес под осень излучает еле уловимое, бледно-зелёное свечение, исходящее из коры, благодаря которому, как ни странно, воздух становится теплее.

X X X

Обычно пугающе неожиданно и упруго вспархивает затаившийся в еловой чаще рябчик... Будто слегка надорвали кусочек шёлка – «пр-р-р-р-р». Но если обмолвится охотник, что вспугнутый им рябчик улетел з-а-г-р-е-м-е-в/!/ крыльями, знающие люди непременно воспримут его слова как должное, вполне естественно, до такой степени проникновенно осенью оголённое лесное пространство...

X X X

Сила в мужчине должна непременно сочетаться с нежностью. Именно из такого сплава отливались мечи самураев, на которых были выгравированы хризантемы.

Хризантемы приходят к нам осенью, вместе с первыми заморозками, и, может быть, поэтому кому-то кажутся печальными. Но в пору увядания, прежде, чем отцвести, возвышенные хризантемы стойко встречают надвигающееся ненастье, трогая сердца людей нежной прелестью своих хрупких лепестков...

X X X

Поздней осенью ночная темнота подобна тяжёлой поступи медведя, что вознамерился залечь в берлогу, но ещё не выбрал для неё место, и бродит по лесу отрешённо, подобно осени, что тоже пока не в силах убраться на покой.

X X X

Увидишь в мглистом ноябрьском лесу запорошенную снегом красную рябину – и вдруг поймёшь, что не сломлена твоя любовь, а только на время склонилась и терпеливо замерла. Не зря, наверное, в природе так устроено, что когда все деревья в лесу сбросят свой наряд, рябина алеет круглыми бусами.

X X X

Весенняя перелётная душа у птиц - трепетна, осенняя же - неукоснительна.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни леса, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка - красноватой. Но вот, случится вдруг увидеть её в осеннюю ночь зелёной, свет от неё бесцеремонно проникнет в душу, и нащупает там неведомые ранее чувства и мысли.

X X X

Когда сильный осенний ветер немилосердно гнёт к земле деревья, чувствуется, что они объединяются в споре с ним, даже самые разобщённые. Не сдаваясь его силе, деревья словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди.

Понять деревья легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу.

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу, и никак не может напиться, чтобы весной отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Из-под молодых берёзок с пугающим хрустом вырвалась золотистая тетёрка, а там, где сидела птица, осталась примятая лунка. Бледно-жёлтая сухая трава была плотно прижата к земле и не распрямлялась. Среди оттопырившихся в одном месте изломанных травинок застряло тёмно-бурое, с белыми полосками перо.

Прикоснувшись рукой к траве, я взял перо, положил его на ладонку, и тотчас ощутил диковатое птичье тепло, от которого вдруг пахнуло безвозвратно ускользающим жарким летом...

X X X

Особым чутьём угадываешь, как птицы советуются между собой перед осенним перелётом, спокойно уговаривают в чём-то друг друга, поучают, соглашаются и даже спорят, но с виду остаются почти невозмутимыми.

X X X

Осень полнее и глубже других времён года потому, что последние сроки всегда до предела насыщены энергией мысли. В ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полёта.

X X X

Что, кажется, толку следить за тяжёлыми мокрыми листьями, со всех сторон отрешённо опускающимися на холодную землю, однако вдумчиво всматриваешься, вслушиваешься, и отчего-то не в силах оторваться от этого молчаливого наблюдения.

X X X

Осиновый лист всегда дрожит сам по себе, но под осень – ещё и от рёва лосей.

X X X

Принято думать, что заяц труслив и его пугает даже шорох падающих листьев, от того он осенью предпочитает открытое пространство лесу. На самом деле осторожный косой с началом листопада перебирается из чащи на вырубki только для того, чтобы вовремя услышать, как к нему крадётся волк, рысь или лисица, ибо в густом лесу ветви задерживают опадающий сухой лист, и он почти не укрывает землю.

X X X

Будешь изо дня в день жадно вбирать в себя всё, что окружает тебя в лесу, обязательно где-нибудь перехватишь лиха и захлебнёшься. После даже можешь захворать, долго приходя в себя. Но когда уже совсем потеряешь к лесу интерес, он же тебя ненароком и поправит.

X X X

В ноябре, по первому снегу, в лесу не видно никаких следов зверей, кроме редких беличьих переходов. Неугомонным зверькам никак не сидится в уютно обустроенном ими на зиму домике, что в народе зовётся гайно, и всё не терпится проверить: целы ли заготовленные на зиму запасы?!

X X X

С неохотой опадает оторвавшийся лист, долго кружит, планирует в остановившемся воздухе и, будто случайно, примостится на шляпку гриба. Даже напоследок ему хочется хотя бы ненадолго задержать своё угасание.

X X X

Осенью птицы летят размеренно и деловито, весной – в нетерпеливом напряжении, возбуждающем своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

Времена года – это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная, череда природных событий, а непрекращающийся пример жизни для всех живых существ, и осень призвана утихомирить разыгравшиеся за лето страсти, потчует человека желанными дарами. В осень - и у воробья пиво!

X X X

Пегим ноябрьским днём заприметил в открытом поле лису и сначала подумал: собачонка. До того она была мала, худа и облезла. А разобрав, сразу прицелился и ... спохватился: как глубоко поразила человека ржа бездушия, если он, не задумываясь, готов отнять жизнь у несчастного лисёнка!

X X X

Оттого, что полынь по осени сиротливо торчит по пустынным полям, в ней, наверное, и видят только печаль и горечь, не замечая её жаркой воли, пахнувшей терпким, безудержным ветром.

X X X

Будешь добр к лесу – лесные духи непременно сделают счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета.

X X X

Удивительно медленно, словно нехотя, а порой даже со зловещей таинственностью занимается без пения птиц утренняя заря в октябре...

X X X

Под серым осенним небом, что всей грудью навалилось на хмурую лесную чащу, весь день, не унимаясь, радостно пищат крохотные синички...

X X X

Весной трудно написать о зиме, как это можно сделать осенью. Должно родиться нетерпеливое и твёрдое намерение ощутить зиму вновь. Только тогда она раскроет всю потаённость немеркнущих сумерек, бодрящую лёгкость морозца или пронизывающую силу метели.

X X X

Пронизанные осенним солнцем капельки хвойной смолы напоминают не слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа.

X X X

Отшумев лето и осень неутомным осиновым листом, наверное, ужасно не хочется опускаться на сырую стылую землю...

X X X

Скромно улыбаются в осеннем лесу синие и алые сыроежки, в строгом оцепенении застыли удалые подосиновики, совсем притихшими и незаметными выглядят жёлтенькие моховики и серовато-зелёные грузди, и лишь яркий мухомор без всякого стеснения настырно напрашивается в корзину.

X X X

Тихо живут в лесу камни, незаметно. И вспоминаешь о них, только когда подойдёшь напиться к ручью, или вдруг покажется в обвалившемся склоне холма скалистая жила. И сразу какая-то скрытая уверенность утвердится в душе, а осенний лес обретёт ещё большую ценность.

X X X

Случается осенью такой день, который ничем не отличишь от весенней поры. В нём так же пахнет землёй, снегом и листьями, и только по отсутствию в себе приподнятой радости, когда внутри бродят нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успокоилась, а душа, затаившись, замерла. Значит, в тебе отболела твоя золотая осень...

X X X

Первый снег, будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит беспросветной ноябрьской ночью, ложится на остывшую землю и замирает в ожидании внимания.

X X X

Когда после долгой осенней неустроенности приходит чистый и успокоенный декабрь, появляется до жути непреодолимое желание заглянуть в будущее – в предстоящую зиму, чтобы поскорее увидеть волшебные узоры на окнах, ощутить божественную темноту звёздной рождественской ночи и перехватывающий дух крещенский мороз. Кажется, что после ноября, который в народе окрестили не иначе, как сумерки года, декабрь думает только об умиротворённом тепле и покое.

X X X

Поздняя осень... Кажется, всё умерло, но так хочется жить!

X X X

В мрачное ноябрьское время не сразу доберёшься в лесу до той жизни, что всё-таки не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неописуемую отраду.

X X X

Даже для изощрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за пройденные по лесу километры вдруг выскользнет однажды на лесную дорожку яркий колонок, усядется прямо перед тобой, и начнёт что-то вынюхивать, изредка взрывая припорошенную первым снежком землю то одной, то другой лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах.

X X X

Вряд ли кого-либо взволнуют обычные жёлтые или бордовые листья, безжизненно устилающие землю всю осень. Но каждый, хотя бы на миг, способен коснуться их внимательным взглядом, внутренне поблагодарив самую вдумчивую пору за предоставленную возможность спокойно думать и созерцать.

X X X

Когда осенний ветер забирает твою душевную скорбь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам, благодаря его неудержимому порыву, постепенно почувствовал и осознал в себе неизведанные силы.

X X X

Птицы, улетаая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься и никак не можешь понять - чего тебе на самом деле не доставало? Только к весне постигаешь, как не хватало возможности взлететь над собственным незнанием и усталостью, а помогало тебе всю зиму, оказывается, ощущение щедрости, с которым ты позволил птицам забрать осенью часть своей души.

X X X

Хуже всего в осеннем лесу приходится дуплистому дереву, что живёт с пустотой, без радостных чувств и мыслей. Скрипит да стоит, а ударь по нему обухом топора – и дупло само пожалуется, как ему в дереве пусто. Но вот облюбует такое дерево в зимнюю пору дятел или синички, и никем не занятое место оживёт: нет в лесу такого дерева, чтобы на него птица не садилась!

X X X

И осень, и зима необычайно величественны, но кто из них более царственен – ни за что не разобрать!

X X X

Осенняя ночь сладко пахнет невидимой раскисшей дорогой, вольным ветром, что доносит с деревни крепкий избяной дух, и горькими пожухлыми листьями.

X X X

Переход от осени к зиме так мучителен, что даже радость в это время бывает печальна.

X X X

Иногда бывает, что самые важные слова в жизни доносит до тебя осенний ветер, и ты внимательно вслушиваешься, и потихоньку складываешь из них недостающие мысли.

X X X

Однажды поздним ноябрьским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком ветер льнёт ни к земле, и ни к лесу, а к человеку. Именно со мной он ищет желанной и дорогой встречи.

X X X

В отрешённые осенние дни, кажется, что жизнь умерла, и тогда особенно чутко ощущаешь на себе умные глаза леса, который неспроста так пристально вглядывается в твою душу, но не берedit её.

X X X

Если долгое время посещать лес, то однажды обязательно затеряешься в его вневременном пространстве, и в каком-нибудь глухом осеннем распадке вдруг услышишь жаркое потрескивание костра, конский топот, возбуждённый говор людей и бряцание старинного оружия.

X X X

Бывает, когда осень, будто задумавшись, приостанавливается, вернее – замирает, провожая на юг многочисленных пернатых, вздорные галки и вороны, захваченные мгновенным порывом, всей неугомонной оравой, сломя голову, бросаются вслед за ними, так что их какое-то время не слышно и не видно, но вовремя спохватываются и возвращаются восвояси, предпочитая родной север неизведанному югу.

X X X

Только раз в году, и лишь про первый осенний месяц, в народе с лёгкой грустинкой, но в обычае было заметить: «Вот и засентябрило...»

В этом простом выражении – мудрая удовлетворённость от ладно прожитой за зиму, весну и лето жизни, что уж сейчас-то, наконец, несмотря на холодные дожди, листопад и уменьшение дневного света, должна подарить заслуженный покой и благо. Но хоть и холоден сентябрь, да сыт!

X X X

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя у тёплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая осенняя непогода?!

X X X

Не раз обращал внимание, что теплолюбивые ласточки-касатки, которые раньше других птиц отправляются на юг, перед отлётом всегда ночуют на тростинках у воды и никогда почему-то не встречаются в лесу. А потом догадался: вода в эту пору ещё теплее охладившейся земли, и ласточки здесь пристраиваются на ночлег не случайно.

X X X

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя что-то не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные долины, замечая, как день ото дня чернеет и осыпается лист. Как растерянно сквозит лес неприкаянной наготой в туманных разреженных далях, и настроение твоё невольно следует за невидимой таинственной тенью, что оставляет после себя уходящая осень, и ты постепенно обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг улетучивается.

Былые неудачи, кажется, уже не донимают душу, и ты с удовольствием переживаешь в сердце звуки и запахи этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками ещё не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

X X X

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела, кроме любознательного человека.

X X X

Когда я однажды осенью заглянул в застывшие волчьи глаза, они в мгновение открыли мне тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть потолок безукоризненно отточенных природных инстинктов.

X X X

Обычная песенка лесного ручья по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённостью, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Если, действительно, не мыслишь жизни без осеннего леса, то услышав слова «красный», «жёлтый» и «синий» - сразу воображаешь брызнувший на руки брусничный или клюквенный сок, хоть и опавший, но не смилившийся осенний лист, и ослепительное зеркальце на крылышке вездесущей сойки.

X X X

Глубокой осенью наткнёшься в лесу на самое обыденное место с запахом вереска, лысыми пнями, покрытыми мхом вздутыми корнями, и хочется поскорее миновать его: неизвестно как, но безошибочно угадываешь - оно гибельное, где, кажется, всё может быть подвергнуто разрушению или даже исчезновению, пространство это именно злополучное. Но, спокойно пережив этот мимолётный испуг, вдруг в мгновение утвердишься: не быть тебе без этого укромного лесного места, оно, оказывается, тёплое!

X X X

У осени запах горьковато-пряный, зима же благоухает свежестью надкушенного яблока, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом обламывающихся сосулек и лопающихся почек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, смешивая их в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

X X X

Когда поздней осенью задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет добраться до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает растревоженную за лето душу, и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем дорогим, даже - нежным.

X X X

Даже в самом благородном стремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодящей осенней тьмы, которая порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

В конце октября берёзы стоят уже голые, но всё равно оживляют сизое осеннее небо паутинкой верхних, красновато-фиолетовых ветвей.

X X X

Пряный аромат опавших листьев сладок их горечью.

X X X

Трудно поверить, что непрерывный весенний свет может стать когда-нибудь в тягость, и душе страшно захочется непроглядной осенней ночи, но так оно и происходит.

X X X

Завидев к концу осени не облетевшую золотисто-пурпурную осинку, обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждёшь всю жизнь, а его всё нет и нет.

X X X

Часто нежелание жить приводит человека в лес, почему-то именно в задумчивую осеннюю пору, как в последний приют для исстрадавшейся в мире души, и лес видит, слышит и чувствует человека, неприметно унимая его сердечную печаль.

X X X

Осенний королевский вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом, и долго припархивает у земли, словно не находя себе места.

X X X

Ранняя весна хороша тем, что начинает долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания...

X X X

Когда в осеннем воздухе устанавливается такая тишина, что ни один листик не трогается с ветки, хорошо тоже замереть и подумать: готов ли и ты оторваться от того, что уже давно наскучило, не приносит радости, и полететь?!

X X X

В бабьем лете, несмотря на его видимое и радостное для всех раздолье, кроется нечто для него самого непостижимое, от чего оно, вроде бы, никуда и не торопится, в полном удовлетворении от достигнутого довольства благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красотой.

X X X

Как дерево осенью, избавившись от перезревших листьев, даёт ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя освободившись от переполняющих его мыслей, вскоре возрождается в новых книгах.

X X X

Из-за обилия впечатлений в осеннем лесу часто случается такое, что мыслей в голове рождается сразу много, и они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и исчезают, так до конца ни к чему и не придя. А надо бы выбрать только одну, заняться ею, и все остальные тогда остановятся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

Дятел-желна, всегда неожиданно и как-то сказочно выпархивает на тебя из осенней чащи, напоминая неловко выброшенную кем-то из костра головёшку, которую и не подумаешь тушить, а только залюбуешься огнём алой шапки дятла, без опаски провожая его взглядом на фоне вспыхнувших от радости сентябрьских лесов...

X X X

Мелодичный свист рябчика, по осени, схож с неведомой лесной дудочкой, что даже в самую непогоду настроена у него на трогательную радость, и она никогда, кажется, не прекращается.

X X X

Кончается лето, ночь уже по-осеннему холодна, в небе - полная луна и яркие звёзды, а вокруг - высокие осины, в верхушках которых чутко спят глухари... И я, рядом, маленький, прикорнул неподалёку, у затухающего костерка, потому, что мне обо всём этом надо знать.

X X X

Давно держу и сад, и огород, но только недавно задумался о том, что собирание по осени плодов ещё утомительнее, чем посев и посадка.

X X X

Необычайно интересно и радостно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табуняются от холода и ветра в плотные многочисленные стайки, где каждый чуть ли не касается своего приятеля, но совершенно никому не мешает.

X X X

Весенний день, словно молодой породистый рысак, он полон сил и способен одолеть всех, с кем только можно потягаться. Лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет. Осень склоняется над тобой повидавшей виды женщиной, нашёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь слушать. Зима наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон...

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну щемящую боль, ни в чём не в силах ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха, кажется, не распространяет на тебя свой чарующий запах.

И только когда приходит осень, неожиданно отмякаешь сердцем, забываешься в себе и отправляешься в долгожданный душевный полёт...

X X X

От осеннего утреннего морозца одни листья краснеют, а другие становятся бесцветными.

X X X

Осенью со спелых берёзовых серёжек, превратившихся за лето в плоды, срываются, летят по воздуху и падают на снег семена, что дерево нарочно приберегало к голодной поре для маленьких птиц.

X X X

Осень по-особому пахнет притихшим лесом, берёзовым и брусничным листом, и ещё чем-то таким, что замирает в груди безмолвным отголоском сладкой надежды на исполнение задуманного до наступления скорых покровских холодов...

X X X

Бывает так: стоит золотая осенняя пора неделю, другую, даже месяц, и не берёт её никакая непогода: лучшей охоты по рябчику на манок и не придумаешь! Но вот случается всего лишь одно морозное утро, а солнце к полудню пригревает так крепко, что весь лист на берёзах с осинками в одночасье осыпается.

Вокруг становится до пронзительности пустынно, и даже часто вспархивающие рябчики в оголившемся лесу уже не приносят удовлетворения, скорее – пугая. Подступила пора, когда овсы морозом лупит, а кафтан с шубой сдвинулся, и к сердцу невольно подкатывает совсем иная истома: предзимье, когда природа, кажется, отдыхает от переполнившей её жизни.

X X X

Случается, осенняя буря повалит какую-нибудь ель прямо поперёк тропы, и вывернутые вместе с дёрном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъярённый медведь. С опаской обходишь такой вывороченное непогодой мощное корневище, и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул в твою душу и предрёк нечто ужасное.

Но ты продолжаешь свой путь, зная, что и старое, поломанное грозой, дерево в своей борьбе за жизнь нередко проживает более насыщенно, чем молодое и здоровое.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распутившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же, отрываюсь в сентябре – и опять уношусь в томящую безызвестность, которой нет конца.

X X X

Поздняя осень... Под осыпавшейся кручей, над раскисшей дорогой, оголились и повисли длинные корни деревьев. Несмотря на свою беспомощность и проистекающую повсюду удручённость, они вызывают непонятное волнение: кажется, кончики этих корявых щупалец вот-вот достигнут твоей одежды, и больше не отпустят.

Долго потом не можешь оправиться от этого неприятного ощущения, не в силах понять, что тебя вынуждает, не оглядываясь, ускорить шаг? Наверное, это уходящая осень пытается удержать тебя в своих неустроенных чертогах, сама не ведая – зачем ей это нужно?!

X X X

Только однажды, в ноябре, увидел я огромную красную луну, и она меня поразила своим зловещим ликом, с какой-то отрешённой неукоснительностью провозглашая надо всем земным миром своё небесное превосходство. Потом ещё долго вспоминалось, как луна неожиданно, будто хищная и лукавая рыба, выплыла на чёрном небосклоне, завалилась вдруг на бок, и так, остановившись в своём завораживающем восхождении на своё ночное царствование, очень пристально и совершенно открыто заглянула мне в душу... Но я перед ней почему-то не раскрылся, как раскрыл бы душу перед любой, даже самой маленькой звездочкой, а только стоял и, не отрываясь, любовался, не в силах сдвинуться с места.

X X X

Бывало, подолгу вынашиваешь в себе какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то всё-таки не хватает, чтобы начать рассказ. Чего-то связующего, необычного, что могло бы озарить повествование обаятельной чёрточкой, мыслью, может быть, даже открытием.

И вот, однажды, это маленькое недостающее открытие появляется в лице обычного дуновения осеннего ветерка, после чего всё накопленное до него знание, представляющееся до этого неинтересным, неживым, чудесным образом оживает, и тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, недостающая первая фраза.

X X X

Когда подкрадывается осенняя темнота, удобно устраивается и тихо замирает, в ближнем логу, за стенами избушки, начинается не ведающая покоя ночная жизнь. Осторожно ступает она среди разного зверья, птиц и насекомых, а невидимые растения источают оттуда таинственные и душные испарения, что дурманят голову, будят воображение и страх. Тишину разрывают клопочущие глухие звуки, крадущиеся шорохи и чьё-то ворчание: темнота вступает в свои права.

Никогда в эту пору не ударит по дуплистому стволу дятел, ночь растворила и его. Ночное море густых осенних теней затопило и землю, и лес, и небо. И только луна спокойно сияет в недостижимой для темноты вышине, и льёт свои холодные лучи на дремлющие спины могучих елей, укромные поляны и мою избушку.

X X X

Недоступность вершины у старой красивой лиственницы почему-то не обескураживает, когда, запрокинув голову и придерживая шапку, вдруг обнаружишь в её ветвях великанов глухарей, что присаживаются сентябрьским днём на самую макушку, важно расхаживают там и осторожно склёвывают сладкую, ярко-оранжевую листву, после чего устраиваются у самого ствола и замирают.

Не сразу различишь их в переплетении мощных сучьев, но как приятно обнаружить эту пего-коричневую литую тяжесть птицы и еле уловимый свет белого пятна на её плече! Могучее дерево от присутствия в своём лоне древних птиц будто склоняется над тобой, и становится ещё доступнее и краше.

X X X

Весной всё живое льнёт друг к другу: веточка к веточке, кусточек к кусточку, птичка к гнёздышку, и даже эхо, радостно оживая, ищет, к кому бы приткнуться, а найти себе пару не может, так в эту пору всё слитно, насыщенно, многоголосо...

Только осенью ветер подхватывает его и беспрепятственно разносит по далёким лесным отрогам, и эхо какое-то время благодарно отзывается ему, но, обрета вдруг свободу, вскоре умирает.

X X X

Странно, что для таких первобытных птиц, как глухари, с осени и до весны употребляющих в пищу одну жёсткую хвою, природа не предусмотрела какие-либо «жернова» для её переработки в их желудках. Глухари сами выходят из этого положения, собирая по утрам на лесных дорогах, по берегам рек и озёр маленькие камешки. К тому же, в древности на земле отсутствовали лиственные леса и произрастали только хвойные породы, что не могло не способствовать появлению у птиц в организме недостающего механизма.

А оказывается, так называемые «жернова» намеренно не предусмотрены мудрой природой, поскольку иглы хвои перевариваются примерно на десять-пятнадцать процентов, вся же основная древесная масса скапливается в толстой кишке, очищая её от ленточных глистов. Именно для этого предназначена грубая хвоя сосны, пихты или ели, а горстку твёрдых кварцев глухарям ничего не стоит отыскать в осенней тайге.

Вдобавок, птицам это ещё и очень нравится: прилетать ранним октябрьским утром на речные осыпи, подернутые серебристым инеем, изредка оскальзываясь, неспешно бродить по ним в поисках прозрачных камешков, и отчего-то замирать на мгновение, чуть приподняв одну лапу, в то время как рядом длится и незаметно куда-то утекает красавица осень.

Х Х Х

Поздней осенью, когда волки собираются в стаи, в народе говорят, что звери нагледят: начинаются «волчьи праздники», и будто бы только после крещенского водосвятия у волков пропадает их смелость. Но как обойтись волку без привычного для себя наглого устремления взалкать чужой крови, коли в природе его за обычай – дай ему волю, захочет и боле? Оттого, наверное, и велось за волками такое поверье: что у волка в зубах, то Георгий дал. Словом, есть шуба и на волке, да пришита!

Х Х Х

Осень обычно пьянит своими туманными сумерками, тревожащими голосами птиц, собирающихся к отлёту у горизонта, последним трепетом берёз и осин, настоем из опавших листьев в колеях лесной дороги, остервенелым воплем лесовиков по дикой чащобе, но сама головы никогда не теряет, хоть и бредёт перед самой зимой простоволосая, в затрапезном платье, то и дело оступаясь и оглядываясь...

Х Х Х

В начале ноября, когда выпадает коренной снег, лес окончательно замыкается в себе и становится похож на заколоченный, пустой театр, в котором все представления давно окончились, труппа разъехалась на каникулы, и только стены его, вдалеке от движения и былой суеты, стали постепенно полниться каким-то необыкновенно чистым, молодым светом.

Х Х Х

Часто не покидает ощущение, что птицы, устремляясь на юг, в тоже время ведут себя так, будто хотят остаться. Они, то и дело, кричат, по необъяснимой причине надолго задерживают свой отлёт, и отчего-то очень беспокоятся, словно передавая свою тревогу всей округе – лесу, прибрежным камышовым зарослям и маленьким озеркам. Им важно, наверное, чтобы их непременно кто-то услышал, и задремавшим было деревьям, реке и холмам ничего не остаётся, как невольно думать про них всю ненастную осеннюю пору, долгую зиму и терпеливо ждать их радостного возвращения. Только почувствовав это незримое внимание родной земли, птицы, наконец, отправляются в дальние края.

Х Х Х

Волнушки получили своё название не только потому, что на их шляпках, от самой впадинки по середине, разбегаются к краям хорошо различимые радужные волны, но, наверное, и из-за волнения, которое они вызывают у грибника в конце сентября, после первых заморозков, когда многие грибы уже не растут, а розоватые волнушки радостно выглядывают из пожухлой листвы и будто восклицают, умоляя: «Возьмите нас с собой, мы ещё очень ароматные и крепкие!»

X X X

Длинные лоскуты голубовато-сизого лишайника, свисающего с ветвей, напоминают душистый лоскуток лесного тумана, что будто бы для забавы зацепился за их края, а улететь уже не в силах. Так и колыхнется слегка на ветерке, будит воображение, и оно рисует ещё бороду лешего, торчащую не клином - целым заступом, величиною с лопату, когда он от нечего делать пристроился к чужому костерку в глубине чащи, зажмурившись от удовольствия.

Вроде бы, всего лишь обыкновенный лишайник, но непременно хранит в себе какую-нибудь притягательную тайну, что всегда ненавязчиво присутствует в осеннем лесу, и также незаметно исчезает.

X X X

Чем пахнет осень?

В чудесную пору увядания, все запахи, наверное, сводятся к пряной горечи палого листа, в которой, пожалуй, ещё угадывается сытный аромат груздей, валуёв и сыроежек. Так и хочется наломать этих красивых грибов, присесть где-нибудь на пенёк и, посыпав солью да сдобрив эту нехитрую снедь куском чёрного хлеба, с аппетитом уплетать их, впитывая вместе с ними чудесный дух уходящей осенней поры.

X X X

В преддверии зимы, после отшумевшей листопадной метели октября, устанавливаются такие тихие и чуткие ноябрьские дни, что, кажется, даже воздух насторожен в ожидании грядущей непогоды, но её всё нет, и затаившаяся тишина до дрожи трепетно и оголено вторит малейшему звуку, а сердце сладко замирает от ощущения надвигающегося холода.

X X X

Интересно, только ли из-за цвета, схожего с известными всем зверями, названы грибы лисичками? Ведь встречаются лисички и светло-жёлтые, и блёклые, серенькие, и даже ярко-оранжевые, как и сами лисы, но понимаем мы сущность этих грибов, наверное, благодаря чему-то другому.

Может быть, это как-то игриво загнуты края у их округлых шляпок, что имеют рыжую волнообразность, наподобие вздутого ветерком меха, воздушность неуловимых звериных повадок, призывающих самку красться в глубине леса и очаровывать своего восхитительного лиса?!

Так или иначе, но лисички и лисы – из одного семейства, и друг без друга почему-то не воспринимаются: говоря «лисица» - мы тотчас представляем в осеннем мху ярко-оранжевое и дружное грибное племя, произнося «лисички» - вспоминаем милых звериных детёнышей.

X X X

Я лежу на нарах лесной избушки и слушаю, как близится за стеной осенний вечер. Неимоверная тоска не одолевает моё сердце, потому что ночь в лесу не может быть к тебе равнодушной. Среди глухой неизбывности и темноты она дышит неведомой силой, незаметно натягивает синие сумерки на чёрные ели, и окружает совершенным покоем и тишиной, отчего одиночество становится желанным и неуязвимым.

Кажется, что если я усну, ночь вместе с чем-то, что давно меня ждёт, пропадёт бесследно и никогда уже не вернётся. Мне хочется, чтобы она всё время была со мной, пела над моей головой, убаюкивала своими дикими сомнениями, но в тоже время не давала забыться. Здесь, в лесу, ты будто оторван ото всех, долго не можешь уснуть, и всё о чём-то думаешь...

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, тихонько раскачивает их, и в такт им рождаются мои неотступные спасительницы-мысли, мои лесные бессонницы, что незаметно приводят меня к самому себе. Вернее, к пониманию, что здесь – твой дом, и оттого все думы покойны и легки.

X X X

Всем известен клён – дерево, хотя и не лесное, но не менее интересное благодаря разлапистым листьям, напоминающим ладони. На первый взгляд, действительно, кажется, будто он всё время куда-то пытается дотянуться и что-то удержать. А может быть, так дерево охорашивается?

Но если посмотреть внимательнее, то листья его не воспринимаются как лапы, и это неожиданное открытие приводит к видению в нём иной сути: клён, скорее всего, остаётся равнодушным к тому, что его окружает, и просто всех дружелюбно приветствует. Дерево способно на такое...

Оставаясь в домах людей неугасимым отголоском уходящей осени, он своими листьями-опахалами ласково урезонирует наше разыгравшееся за лето воображение, а утихомирив его – неожиданно обескураживает незавершившейся в себе доброй жизнью.

Х Х Х

Свежо в весеннем распутившемся лесу, густ и покоен ароматный воздух, и вдруг закружится в нём иссохший прошлогодний листочек... Падает медленно, долго, и так тебя это тронет, что позабудешь и про весну, и про богатую вальдшнепиную тягу накануне, и про то, как горят раздавленной клюшкой брови у старых петухов-чернышей, чья страстная песня всё утро разносится над подёрнутой душистым парком речной долиной, и не смолкает.

А всего лишь – сморщенный осенний листочек, трепетное напоминание о том, что давно отжило, но ... не умерло.

Х Х Х

Сколько бы ни мечтал унести в звёздное небо зимой или весной, помочь в этом способен лишь ночной ноябрьский ветер... Удивительно, но только с ним почему-то можно ухватить часть звёздной жизни, быть там, сколько захочешь и, пока все спят, беспрепятственно вернуться на землю.

Х Х Х

Даже когда листья опадают, они не находят себе покоя: кружатся, вихряются, поднимаются до самых верхушек деревьев и опять укладываются на холодную землю, а то опрометью мчатся над опушкой, беспомощно застревают в густых еловых ветвях, и всё рвутся и рвутся куда-то, не успокаиваясь... Куда-то им ещё, должно быть, надо долететь, чего-то успеть, и ты никак не можешь постигнуть: в каком листе больше жизни – в том, что растёт на дереве или в оторвавшемся, уже совершенно от всего свободном?

Х Х Х

К началу октября погода в наших местах обычно выдаётся тихая, сухая. В лесу всё в постоянной суете: двигается, перелетает, скачет и бежит. Готовятся к зиме белки. Занятные зверьки ведут себя шустро, и выглядят несколько беззаботными.

В такую пору рябчики летят на манок плохо, нужно осторожно подкрадываться к ним, пристально разглядывая в ветвях. Кругленький

рябчик на оголённых деревьях бывает скоро замечен, и остаётся только рассмотреть его в образовавшееся на несколько секунд окошко. Много тут зависит от выдержки, терпения и успокоенной слитности с окружающим лесным царством, покидать которое никогда не хочется.

Подбитый рябчик летит вниз быстро, воздушно тукается в мох и, перевернувшись пухлым животиком кверху, затихает. Подходя к предполагаемому месту падения, в волнении ищешь птицу глазами, и обнаруживаешь у самых ног. Полюбовавшись красной бровью и бравым хохолком рябчика, а также ощутив в руках приятную тяжесть тушки, в глубине души понимаешь, что самое прекрасное – его потаённая лесная жизнь, уже больше не повторится.

Интереснее наблюдать, как озабоченно расхаживает петушок по ветке, аккуратно склёвывая перезревшие ягодки рябины, а жизнь его остаётся нетронутой. Но невероятно трудно удержаться от соблазна овладения этой красотой. Требуется немалое время, чтобы отказаться от него, и ещё большее, пока научишься любоваться красивой статью лесной птицы, не присваивая себе право распоряжаться её прекрасной жизнью.

X X X

Мякоть осенних сыроежек необыкновенно чиста и опрятна, но более трогательна их неизменная белизна, с которой не сравнится даже царственный белый груздь.

Берёшься за такую ножку с особой нежностью, стараясь не надломить её, а если всё-таки нарушишь гриб, в нос тотчас ударит тонкий аромат его хрупкой плоти, так что невольно поднесёшь ко рту отломившийся кусочек, легонько вдохнёшь его пряный дух и ... съешь.

Недаром название самого распространённого гриба русского леса – сыроежка!

X X X

Когда осень окончательно вступает в права, и на короткий миг одаривает всех чудом бабьего лета, многие травы и цветы в эту пору не уступают по яркости окраски летним нарядам. Земляничник становится пунцовым, багульник – бронзовым, голубика – фиолетовой, толокнянка – пурпурной, черничник – ярко-красным, ивовые листочки багровеют, на них высыпают лиловые крапинки... И даже стебель почти увядшего зверобоя неожиданно зардеется в этой раскрасневшейся от удовольствия компании!

X X X

В народе говорят: Бог не только людей, но и листьев на дереве не уравнил, не то, что их облик, и даже облетевшие с деревьев листочки сохраняют своё лицо, приобретая, к тому же, ещё что-то новое. Берёзовые напоминают маленькие шкуры рыси, ирги – словно аккуратные монетки, засветившиеся изнутри золотистым жизненным соком, осиновые – бушующие пламенем сердца и души, тополевые – просто выкрашены жёлтым цветом, черёмуховые же почему-то не докрашены, а ясеновые – широкие, с тёмно-зелёными грязноватыми боками – принимаешь за чёрные грузди.

Только наклонившись, убеждаешься в неподражаемой осенней игре опавших листьев, которую они ненавязчиво и тихо затевают, а если лист доволен, так и грядущий год выдастся добрым и удачливым!

X X X

Подступает осень, и ты невольно задумываешься о том, что самое трогательное устремление неминуемо увядающей поры – не тлен, а желание вернуться к чему-то, что на этот раз, кажется, не разрешилось, но на будущий год непременно получится, и будет намного лучше.

X X X

Покидая лес поздней осенью, всегда странно и даже как-то неловко представлять, что все деревья и кустики останутся здесь без тебя до самой весны, и всю эту долгую пору будут мёрзнуть на стылом северо-западном ветру.

X X X

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя, кажется, ничего не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные долины. Замечаешь, как чёрен и гол становится лес, и как он растерянно сквозит своей неприкаянной наготой в туманных разреженных далях.

Настроение твоё невольно следует за еле угадываемой тенью, что оставляет после себя таинственная осень, и постепенно ты обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг незаметно улетучивается. Былые неудачи уже не донимают душу, и тебя только переполняет возможность переживать запахи и звуки этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками ещё не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

Х Х Х

Трудно поверить, но однажды, в пасмурную осеннюю ночь, мне почудилось, будто волчьи глаза, на мгновение вспыхнувшие аметистовыми огоньками где-то впереди, отражают в себе всё звёздное небо, темноту, лес, и вместе с ними мою обыденную растерянность, а потом – убеждённость, что такой ночи уже никогда не будет.

Х Х Х

У осени запах горьковато-пряный, зима уже благоухает только что надкушенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом лопающихся почек и обламывающихся сосулек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, что смешиваются в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

Х Х Х

С угасанием последних осенних дней обычно неистово задует северо-западный пронизывающий ветер. Он не просто отчаянно рвётся и всё более свирепеет, а будто желает допроситься в тебе до самого главного.

Ветер навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою исстрадавшуюся за целый год душу, и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь нежным и чутким. Суровый северо-западный ветер, как будто на ощупь, начинает различать твоё настроение.

Х Х Х

Поздней осенью, когда она, кажется, позабыла саму себя, лес уже полностью облетел и душа ни к чему не лежит, неукротимая сила жизни, что обычно так безотчётно манит вдаль, уже не одолевает твоего сердца. И вот именно в эту пору тебе вдруг приснится большой странный сон про молчаливо бушующее море, белые гребни волн до самого горизонта и маленький кораблик... Кораблик захлёстывает яростный ветер, огромные валы бросают его в бездонное чёрное пространство, а он остаётся неустрашим!

Х Х Х

Скребётся в углу лесной избушкимышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а вверху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда. Кажется, ничего особенного не происходит, зимняя ночь опять незаметно водрузилась над уснувшим лесом, но от всего этого переживаешь в себе неимоверную приподнятость и сильное желание жить.

X X X

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи... Вода в них, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек, что пропускает сквозь себя свет и мудрую тишину окружающего его пространства.

Неприметные тихие ручьи - глаза леса, что проникают в душу любознательного человека, и благодаря этому он прозревает.

X X X

В шляпке переросшего белого груздя обычно скапливается обильная дождевая влага. Она переливается в лучах скупого осеннего солнца, и часто привлекает белку.

Ловко примостившись на краю гриба, белка жадно запивает чистой водой семена еловых шишек или кедровых орешков. Хорошо, вольготно жить рыжей игрунье в благодатном октябрьском лесу!

X X X

В ветреный сентябрьский день заходишь под сень корабельных сосен, и будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся наподобие мачты. А вот если вокруг спокойно – ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоящих странствиях или вспомнить героическое былое...

Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после её падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие!

X X X

Далеко не сразу я разглядел, что дожди бывают разноцветные... Первые, апрельские, обычно чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли – алмазным камешкам. В них сосредоточен весь весенний свет. Летние дожди - с ослепительным солнцем, золотистые, с туманной дымкой – нежно-перламутровые. Осенью же, в октябре, из-под высоких небес летят и

разбиваются о ветви холодные серо-коричневые капли, незаметно превращаясь в мутновато-сизые нескончаемые дожди...

Но когда приглядишься к ним, то различишь, что скоро уже закружит в воздухе долгожданный снегопад – на одном часу и дождь, и снег, а если после такой ноябрьской путаницы в природе ещё утвердится на небе солнышко, сияя всеми красками, то и сердце заиграет, а лицо тоже зацветёт!

X X X

В волшебном царстве нашего русского леса нет грибов, равных по раскраске сыроежкам! Исстари повелась в народе поговорка о ряженных в цвета радуги грибах: тридцать пять братьев – и все от разных матерей. Зелёные, розоватые и лиловые, ярко-красные и бордовые, пурпурные, синенькие и серые, тёмно-коричневые, некоторые даже чёрной масти, а то и густо-фиолетовые – нарядные сыроежки неповторимы по цветовым оттенкам, но более трогательна их фарфоровая белизна, которая всегда располагает к доверию и не внушает никаких сомнений.

X X X

В летнем лесу, наполненном особым смыслом и ежечасной работой, кажется, только ручей беспечен: течёт, ни о чём, кажется, не задумываясь, куда придётся!

Но и его дорожка – не час пустого пути, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

X X X

Среди мелкорослых сосенок, на моховых кочках, созревает последняя ягода – клюква. В ней сосредоточены сентябрьское солнце, влага земли, червонное золото лиственных лесов, изумрудная хвоя, подмороженный чистый воздух, аромат инея, горечь болот и задумчивость осенних далей... Берёшь ягодку, а в ней – весь мир.

X X X

Только однажды, в ноябре, увидел я огромную красную луну, и до того она меня поразила своей зловещей неукоснительностью, что ещё долго потом вспоминалось, как луна неожиданно, будто хищная и лукавая рыба, всплыла на чёрном небе, завалилась вдруг набок, и так, остановившись в своём завораживающем восхождении, пристально и совершенно открыто заглянула мне в душу... Но я перед ней почему-то не раскрылся, как сделал

бы это перед любой, даже самой маленькой звездой, а только стоял и, не отрываясь, любовался.

X X X

Сирая, молебственная осень покорно сутулит плечи, как бедная инокиня, а неугомонный дятел-желна, подобно очумелому звонарю на колокольне, стучит настойчиво, даже зловеще. Так осень, нехотя, возвещает о своём уходе.

X X X

В ноябре лес ещё не укутан в снежные шали, и потому хорошо видно, как он собирает к ночи все свои последние мысли и силы, чтобы, кажется, только выстоять в напряжённом ожидании грядущей суровой поры.

Но, неожиданно для самого себя, не мрачнеет, приобретая чёрный цвет, а незаметно превращается из тёмно-зелёного - в изумрудный. Затем - в фиолетовый, пронизанный золотым свечением искрящихся звёзд, и когда над лесом воцаряется малиновая луна - вдруг преображается в обворожительно-трепещущее, пурпурное лесное сердце, что, не желая угасать, потаённо вздыхает в таинственной ночной тиши.

X X X

Поздняя осень, вечер, ещё не выпал снег, и я иду по тёмной деревенской улице на станцию. Холодный ветер отрешённо мечется между еле различимыми домами, и редкие огоньки светятся как-то неуверенно, кажется, они вот-вот погаснут. Под ногами чавкает стылая грязь, собак не слышно, а на небе не видно ни единой звезды... Жизнь будто умерла.

Идёшь, то и дело, оскальзываясь, вслушиваешься в эту объявшую всё предзимнюю немоту, а слышишь только удары своего взбудораженного за лето сердца. Вспоминаешь, какое лето было пригожее и цветное, с обилием грибов, ягод и ранними подъёмами, с запёкшейся на солнце земляникой и неугомонными пчёлами, разухабистое, неудержимое, такое желанное... Красное лето никому не докучает, все ему рады.

От этих приятных воспоминаний невольно улыбаешься, и тогда окружающая темнота постепенно расступается, и тоже отвечает тебе улыбкой: в ней начинают угадываться и цветы, и ранний восход солнца, и алеющая по покосам земляника. Нескончаемое лето, оказывается, незаметно перетекло в осеннюю темноту, и она зачем-то чутко хранит в себе это радостное проявление жизни.

Оглавление

Предисловие.....	2
Зима.....	7
Весна.....	89
Лето.....	289
Осень.....	353